

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XII.

Подъ редакціей *кн. С. Н. Трубецкаго и Л. М. Лопатина*, при ближайшемъ участіи *В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.*

Книга II (57).

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1901 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пшменовская ул., соб. домъ.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Ренанъ и Ницше. О звѣрѣ въ человѣкѣ.— Владимира Вагнера	199
Опытъ научно-философской религіозной и социальной доктрины. (<i>Окончаніе слѣдуетъ</i>).— Ив. Иванова	218
Нравственная проблема въ философіи Канта.— П. И. Новгородцева	279
<hr/>	
Философія права профессора Л. И. Петражицкаго.— Кн. Евгения Трубецкого	9
Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма.— Ф. Софронова	34
Идея эволюціи въ современной философіи.— М. Н. Шварца .	67
Очерки по философіи естествознанія.— А. Н. Шукарева .	81
Недомолвки въ теоріи эмоцій Джемса.— Н. О. Лоссекаго .	99
Объ индивидуальныхъ колебаніяхъ вниманія.— И. Н. Холчева	135.

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

- G. Tarantino.** Saggio sulle idee morali e politiche di Tommaso Hobbes. Napoli, 1900.—**Н. К. Вальденбергъ** . . . 149

См. на оборотъ.

Iohannes Volkelt. Arthur Schopenhauer. Seine Persönlichkeit, Seine Lehre, sein Glaube. Mit Bildnis. Stuttgart, 1900. (Frommanns Klassiker der Philosophie).— Ю. И. Айхенвальда	151
II. Библиографическій листокъ	160

Извѣстія и замѣтки.

30-тилѣтній юбилей учено-педагогической дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ философіи въ Императорскомъ казанскомъ университетѣ А. И. Смирнова. (Письмо изъ Казани).	163
Психологическое общество. (Отчеты о засѣданіяхъ 191—192)	191
Отчеты секретаря и казначея Общества за 1900 г., списокъ членовъ Псих. Общ., условія для соисканія второй премии Д. А. Столыпина	169
ОБЪЯВЛЕНІЯ	183

Ренанъ и Ницше.

О звѣрѣ въ человѣкѣ.

ГЛАВА I.

Въ этой статьѣ я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу „переоцѣнки“ правилъ поведенія и попытокъ указать новые пути къ достиженію „новыхъ цѣлей жизни“, взамятъ „утраченныхъ человѣчествомъ“.

Эти пути и цѣли такъ же различны, какъ различны точки зрѣнія, по которымъ старые оказываются утраченными. Въ оцѣнку послѣднихъ мы входить не будемъ; что же касается до новыхъ путей и цѣлей, то изъ нихъ мы остановимся лишь на тѣхъ, которые Ренанъ и Ницше пытались создать изъ біологическихъ воззрѣній, біологическаго матерьяла и метода.

„Біологія“, говорятъ намъ, „разбила сантиментальныя заблужденія идеалистовъ прошлаго времени, вѣрившихъ во всеобщее равновѣсіе, въ возможность общечеловѣческаго братства, въ возможность основать на „разумномъ принципѣ“ всѣ человѣческія учрежденія“. „Дарвинизмъ“,—увѣряютъ насъ,—„доказалъ неизбѣжность уничтоженія сильнымъ слабаго, необходимость эксплуатаціи однихъ существъ другими“. „Онъ узаконилъ страшное зло современной культуры, которое является слѣдствіемъ борьбы за существованіе, и которое именуется въ политической экономіи принципомъ раздѣленія труда“.

„Ученіе о наслѣдственности“, говорятъ намъ, „показало безсиліе учреждений надъ злою волей человѣка и научно обосновало природное неравенство людей, реальность высшихъ и низшихъ расъ“.

Наконецъ, отрицаніе свободы воли, съ того момента, какъ біологія выдвинула въ защиту этого принципа свои аргументы, получила силу обязательности, и человѣкъ явился не отвѣтственнымъ ни передъ собою, ни передъ ближними за то, что дѣлаетъ.

Во всѣхъ этихъ „выводахъ изъ ученія Дарвина“ много неправды, много ошибокъ, совершенно очевидныхъ; съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не признать, однако, что слова Ницше: „опасность твоя не малая, свободомыслящій и странникъ: ты утратилъ цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ и дорогу“, оказались не столько грознымъ откровеніемъ, сколько простымъ констатированіемъ факта. А если такъ, если старые пути и цѣли только призракъ прошлаго, то на мѣсто ихъ надо поставить новые: если Бога нѣтъ, говорилъ Вольтеръ, то надо его выдумать...

Такихъ боговъ теперь оказывается довольно много; здѣсь насъ занимаетъ только тотъ изъ нихъ, котораго человѣческая мысль пыталась создать изъ матерьяла, сокрушившаго старые кумиры. Эти новыя цѣли человѣчества, этотъ новый Богъ, по мнѣнію мыслителей, которыхъ мы будемъ имѣть въ виду, — „сверхъ-человѣкъ“, а пути и средства создать его лежатъ въ путяхъ природы, создавшей звѣря въ человѣкѣ.

Несмотря на вырожденіе человѣка, на его паденіе какъ типа, — Ницше возлагаетъ свои надежды въ предстоящей человѣчеству работѣ по пути къ созданію сверхъ-человѣка на уцѣлѣвшаго еще въ немъ, „къ счастью людей“, — звѣря. Этотъ „звѣрь“, по его мнѣнію, почти поглощенъ „человѣкомъ“, и задача будущаго освободить и возстановить его въ *человѣкъ-звѣрь*.

Другой типъ сверхъ-человѣка принадлежитъ Ренану, по мнѣнію котораго, однако, какъ разъ наоборотъ современный человѣкъ, несмотря на культуру, все еще остается

прежде всего *звѣря*, а уже потомъ (въ малой долѣ) чело-вѣкомъ. Задача будущаго, по его мнѣнію, создать сверхъ-человѣка, освободивъ *звѣря-человѣка* отъ звѣря и укрѣпивъ въ немъ зачатокъ чело-вѣка.

Такимъ образомъ Ренанъ и Ницше—два мыслителя вѣка, на долю которыхъ выпало такъ много страстныхъ нападокъ и страстныхъ увлеченій,—хотя и признаютъ выходомъ изъ положенія, къ которому современный чело-вѣкъ приведенъ смѣшеніемъ критеріевъ жизни и крушеніемъ еще недавно казавшихся твердынями познаній,—стремленіе къ созданію сверхъ-человѣка, но исходный пунктъ предстоящей работы имъ кажется весьма различнымъ. Ницше жалѣетъ о томъ, что чело-вѣкъ почти уничтожилъ въ себѣ звѣря, что онъ гораздо больше чело-вѣкъ, чѣмъ звѣрь; тогда какъ Ренанъ, наоборотъ, сокрушается о томъ, что въ чело-вѣкѣ гораздо больше звѣря, чѣмъ чело-вѣка.

Ихъ взглядъ на предстоящую работу чело-вѣчества пред-ставляется тѣмъ болѣе интереснымъ, что оба они пользуются въ всей аргументаціи біологическими данными, которыми такъ часто злоупотребляли и продолжаютъ злоупотреблять послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой книги Дарвина „о происхожденіи видовъ“. Ницше едва ли не самый смѣлый въ постановкѣ большихъ вопросовъ, большого времени писа-тель. Это писатель-философъ, писатель-поэтъ, говорящій языкомъ страстнаго чувства и не останавливающийся передъ стремленіемъ къ тому, что считаетъ истиной въ данный моментъ и потому, находясь подъ влияніемъ то Шопенгауэра, то Ренана, выражаетъ ихъ идеи въ формѣнаиболѣе рѣзкой, а нерѣдко доведенной до послѣднихъ предѣловъ крайности. Въ то же время Ницше одинъ изъ числа фолософовъ пес-симизма, подчиняющихъ этику біологіи; принципъ жизни становится для него принципомъ нравственности. Онъ увѣ-ренъ, что данныя біологіи обязываютъ насъ признать: „добро“ силой, „зло“ слабостью, что намъ нужны: не довольство, а власть; не миръ, а война; не добродѣтель, а дѣло. („Анти-христъ“). Силу эту, однако, должно искать не въ наукѣ,

ибо культура ума, называемая просвѣщеніемъ, даетъ только отрицательные результаты; не въ познаніи, ибо „познавшій самого себя—собственный палачъ“, говоритъ его Заратустра; а попытки основать культуру на знаніи оказались безплодными, и не въ искусствѣ; хотя подъ вліяніемъ Рена онъ и писалъ одно время, что „бытіе и міръ имѣютъ вѣчное оправданіе только какъ эстетическое явленіе“. „Все хорошее, говоритъ онъ, инстинктивно и слѣдовательно легко, необходимо, свободно“. „Лучшее въ насъ“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — „быть можетъ, унаслѣдовано отъ ощущеній прошлыхъ временъ. Солнце уже зашло, но небо нашей жизни еще озарено имъ, хотя мы его не видимъ болѣе“.

Таковъ въ общихъ чертахъ Ницше. Сила, кратота и образность его языка, опредѣленность формулъ философіи пессимизма, тѣсная связь съ различными направленіями работавшей на этой почвѣ мысли, стремленіе слѣдовать за добытыми біологіей выводами, наконецъ, самое отсутствие цѣльности и системы въ его сочиненіяхъ различнаго времени,—все это вмѣстѣ дѣлало его горячую проповѣдь заманчивой, интересной.

Другой вопросъ: поскольку она убѣдительна? Ницше положилъ въ ея основаніе двоякаго рода данныя: *культурныя* и *біологическія*. Что касается первыхъ, то они сводятся къ подбору фактовъ, которые даютъ Ницше основаніе утверждать, что культура „ведетъ насъ къ племени карликовъ съ одинаковыми правилами и требованіями“. „Нѣтъ яда болѣе ядовитаго, говоритъ устами Ницше его герой Заратустра (Сумерки кумировъ), — чѣмъ ученіе о равенствѣ, ибо оно проповѣдуется какъ бы во имя самой справедливости, между тѣмъ какъ оно является *концомъ* справедливости. Равнымъ—равное, неравнымъ — неравное, таковъ долженъ быть истинный принципъ справедливости“. „Коммунистическій шаблонъ (Дюринга), утверждающій, что всякая воля должна считать равною всякую другую волю, — *враждебный* жизни принципъ“. „Демократическое движеніе не только не совершенная форма политической организаціи, но упадокъ, или вѣрнѣе,

приниженіе челоуѣка. Оно превратило бы людей въ карликовъ съ одинаковыми правами и требованіями, а общественный строй въ „автономное стадо“.

И что всего печальнѣе, это совершенная бесплодность такихъ жертвъ индивида, такъ какъ его права приносятся въ жертву какой-то фикціи, лжи, чему-то несуществующему на самомъ дѣлѣ. Нравственныя предписанія могли бы претендовать на обязательность, если бы существовала *общепризнанная высшая цѣль жизни*, изъ которой эти предписанія вытекали бы какъ логическія слѣдствія. Но такой цѣли не существуетъ. Идея о состраданіи, какъ началъ нравственности альтруизма, не выдерживаетъ критики, ибо состраданіе основано на чувствѣ эгоизма, а отнюдь не представляетъ *самозабвенія*, какъ это ошибочно утверждаетъ Шопенгауэръ. Нравственность альтруизма, основанная на симпатіи, состраданіи къ ближнему, на самоотрѣченіи, самопожертвованіи и подчиненіи своей личности интересамъ общества или челоуѣчества, есть нравственность среды съ пониженной жизнеспособностью, нравственность того именно стада, къ которому Ницше питаетъ такое глубокое отвращеніе.

Что данныя культуры самымъ рѣшительнымъ образомъ расходятся съ нимъ, этого доказывать вновь не приходится, такъ какъ это уже много разъ было доказано съ достаточною убѣдительностью.

Что же касается до біологіи, то хотя Ницше и вмѣняютъ въ особую заслугу его попытки ввести въ философію этотъ элементъ знанія, нельзя не сказать, что попытки эти представляютъ собою не больше, какъ рядъ ошибокъ и свидѣтельствуютъ только о крайнемъ диллетантизмѣ философа въ области этой науки.

Дарвинъ впервые высказалъ научно обоснованную мысль о томъ, что звѣрь въ челоуѣкѣ есть, и что онъ составляетъ *рудиментъ* его отдаленной исторіи, съ которымъ вела ожесточенную войну его культура. Взглядъ этотъ скоро сдѣлался общественнымъ достояніемъ, и мы встрѣчаемъ его не

только у натуралистовъ, но и у такихъ писателей, каковы Мопассанъ, Золя; у насъ Чеховъ, Горькій.

Что этого звѣря въ человѣкѣ составляютъ его инстинкты, чуждые его разумной духовной природѣ, противъ этого едва ли можно возразить что-нибудь существенное.

Само собою разумѣется, что блестящая характеристика этого звѣря, которую даетъ Ницше, еще не можетъ служить основаніемъ считать его философомъ - біологомъ.

Этимъ основаніемъ служатъ „законы биологii“, которые онъ включаетъ въ свою философскую аргументацію, и которые, по его мнѣнію, обязываютъ насъ къ дѣйствіямъ обезпечивающимъ человѣчеству нарожденіе сверхъ-человѣковъ.

Такимъ „закономъ“, какъ мы сказали выше, Ницше считаетъ тотъ, по которому *цѣль вида—переходъ его въ типъ высшаго порядка.*

Нужно ли доказывать, что такого „закона биологii“ не существуетъ и что идея Ницше представляетъ собою частью повтореніе ошибки Ренана, полагавашаго, что *природа стремится къ созданію совершеннаго типа*, частью представляется самостоятельной, такъ какъ присоединяетъ къ сдѣланной ошибкѣ другую, навязывающую „виду“ несуществующія цѣли. Біологія не даетъ ни малѣйшаго права утверждать что-либо подобное.

Природа отнюдь не заботится исключительно о созиданіи *совершенныхъ типовъ*, принося имъ будто бы въ жертву типы менѣ совершенные. Она одинаково заботится или, вѣрнѣе, одинаково безразлична какъ къ генію, такъ и къ солитеру, который въ немъ можетъ паразитировать, предоставляя каждому устраиваться какъ могутъ въ условіяхъ жизни: устроились, приспособились,—прекрасно, цвѣтите и множьтесь по мѣрѣ силъ и возможности; нѣтъ,—идите на смарку.

Нужно ли доказывать поэтому, что біологія ничего не даетъ для основанія гипотезы Ницшевскаго сверхъ-человѣка.

Философъ, однако, исходя именно изъ сказаннаго „зако-

на“, строить свою систему міровоззрѣнія и приходить къ слѣдующимъ конечнымъ заключеніямъ.

Общество, по его мнѣнію, должно существовать не ради общества, но въ качествѣ почвы, на которой могъ бы развиться сверхъ-человѣкъ.

Не бороться съ инстинктами приглашаетъ онъ въ интересахъ будущаго; а, напротивъ, развивать ихъ, ухаживать за ними, искать и растить ихъ должно человѣчество, если хочетъ достигнуть высшаго развитія.

„Жестокость, насиліе, рабство, опасности для жизни и духа,—все ужасное, деспотическое, хищное и змѣеподобное въ людяхъ, *такъ же* способствуетъ поднятію человѣческаго типа, какъ и противоположное“.

„Назадъ къ природѣ“, въ его устахъ равнозначуше — „вверхъ къ природѣ“, ибо до сихъ поръ только самыя сильныя и самыя злыя натуры вели человѣчество впередъ, снова воспламеняя засыпающія страсти.

Ради полноты развитія этой геніальной, могучей и прекрасной личности, масса обрекается на участь рабовъ и орудій, надъ которыми все дозволено до неумолимой жестокости включительно. Человѣкъ нашихъ дней долженъ быть неумолимъ и свободенъ отъ всякихъ цѣпей, ибо все, и самая нравственность, для него.

Новые идеалы жизни должны быть противоположны господствующимъ: не общество и его интересы должны быть руководителями и повелителями индивидуума, такъ какъ у человѣчества нѣтъ еще цѣли, которая опредѣлила бы смыслъ его существованія, а высшая личность должна быть хозяиномъ общества; личность должна царствовать безъ ограниченія свободы своимъ стремленіямъ, руководясь только страстями и желаніями. Высшею цѣлью индивидуума при этомъ, цѣлью, лежащей за предѣлами индивидуальности, будетъ возвышеніе человѣка до сверхъ-человѣка.

Согласно этому новому идеалу жизни и пути къ его достиженію должны быть новыми.

Этими путями призваны служить тѣ, которые дѣлають

возможнымъ появленіе сверхъ-человѣка. Нужно „преслѣдовать и мучить людей, доводить ихъ до крайности, возбуждая однихъ противъ другихъ, народъ противъ народа, въ надеждѣ, что въ то время, когда воспламенится могучая энергія, зажженная страстями, тогда, быть можетъ, изъ отлетающей въ сторону искры вспыхнетъ свѣтъ генія“. Народится сверхъ-человѣкъ!

Безумная смѣлость, мстительность, хитрость, хищничество, властолюбіе, которые считаются опасными для цѣлей общества и государства, такъ же необходимы человечеству теперя, какъ были необходимы раньше.

Исторія цивилизаціи поработила звѣря въ человѣкѣ, а онъ необходимъ для цѣлей, которыя ставитъ человечеству философъ, и человечество, къ счастью своему еще сохранило его въ себѣ. Ницше радуется, что люди, которыхъ такъ сдерживаютъ обычаи, почитаніе, благодарность, и еще болѣе—подглядываніе другъ за другомъ, взаимная ревность и подозрительность, и которые, съ другой стороны, въ отношеніяхъ другъ къ другу такъ изобрѣтательны въ самообладаніи, деликатности, вѣрности, гордости и дружбѣ, тѣ же самые люди, въ отношеніи къ тому, что для нихъ чужое, не лучше отпущенныхъ на свободу дикихъ звѣрей. Они наслаждаются свободой отъ всякаго общественнаго гнета, они считаютъ себя въ пустынѣ обезпеченными отъ напряженія, которое приноситъ съ собою долгая жизнь взаперти и приобщеніе къ общественности; они вновь обрѣтаютъ невинность хищныхъ звѣрей, какъ торжествующія чудовища.

Заключеніе это было бы дѣйствительнымъ, если бы вытекало изъ „законовъ біологіи“, а не изъ ошибки, которую Ницше, въ качествѣ закона, положилъ въ основу своей аргументаціи.

Исторія и жизнь свидѣтельствуютъ намъ съ одинаковою убѣдительною, какъ то, что въ *человѣкѣ* есть звѣрь, „который еще не укрощенъ культурою“, такъ и то, что культура эта направлена къ укрощенію звѣря въ человѣкѣ.

А если это такъ, если такое направлѣніе культуры не мѣшаетъ процвѣтанію вида, то, слѣдуя методу біологіи, мы должны признать за этимъ направлѣніемъ естественность и нормальность, ибо процвѣтаніе вида представляетъ лучшей критерій нормальности условій его жизни.

Человѣкъ уже теперь—человѣкъ съ рудиментарнымъ звѣремъ; чтобы сбѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, ему предстоитъ только отдѣлаться отъ стараго наслѣдства. Выражая эту мысль языкомъ Ницше, какимъ онъ писалъ въ болѣе ранній періодъ своей жизни („Утренняя заря“), мы повторимъ вслѣдъ за нимъ, что довѣрять инстинктамъ и прислушиваться къ ихъ голосу, т.-е. инстинкту, „значить слушаться своего дѣда, своей бабушки и ихъ родителей болѣе, чѣмъ боговъ, скрытыхъ въ насъ самихъ, т.-е. собственного разума и опыта“.

Интересно, что Ренанъ, исходя изъ того же „закона“ біологіи, въ силу котораго природа будто бы стремится къ созданію совершеннаго типа, приходитъ къ идеѣ о сверхъ-человѣкѣ, обладающемъ качествами рѣзко отличными отъ тѣхъ, которыми своего сверхъ-человѣка надѣлилъ Ницше.

ГЛАВА II.

Въ то время какъ послѣдній считаетъ нужнымъ въ человѣкѣ-звѣрѣ прежде всегда убить человѣка, развивая звѣря, и такимъ образомъ получить сверхъ-человѣка Ницше,—Ренанъ считаетъ необходимымъ въ звѣрѣ-человѣкѣ убить звѣря, развивая *гений*, и, такимъ образомъ, получить *сверхъ-человѣка* Ренана.

Отсюда понятно, почему Ницше требуетъ „начинать исторію съизнова“: его идеалы „закатились“, и почему Ренанъ требуетъ развитія старой культуры, которая внесла въ звѣря элементы человѣка, и которая тѣмъ самымъ доказываетъ, что можетъ привести его и къ конечной цѣли прогресса.

Предположимъ, говоритъ Ренанъ, банкирскую фирму, су-

шествующую отъ вѣка. Если бы она имѣла малѣйшій недостатокъ въ своемъ основаніи, она бы лопнула. Если бы балансъ вселенной и человѣчества въ томъ числѣ, (ибо рѣчь идетъ собственно о немъ) не заключался съ прибылью въ пользу акціонеровъ, она давно прекратила бы свое существованіе. Изъ великаго оборота добра и зла получается прибыль, благоприятный остатокъ. Этотъ излишекъ и есть *raison d'être* міра (т.-е. человѣчества), основаніе для его (т.-е. его культуры) сохранения“¹⁾.

Идея, вполне соотвѣтствующая тому заключенію, къ которому насъ привела біологическая справка по поводу цитируемаго Ницше „біологическаго закона“. Мы не имѣемъ поэтому ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ ея истинѣ и, отправляясь отъ нея, послѣдуемъ далѣе по пути соображеній Ренана, которыя привели философа къ его типу сверхъ-человѣка.

Типъ этотъ Ренанъ устанавливаетъ, какъ и Ницше, исходя изъ *данныхъ исторіи и біологіи*.

Данныя исторіи приводятъ его къ заключенію, что міровой процессъ есть процессъ разумнаго развитія, имѣющей опредѣленную, идеальную цѣль, и что исторія этого процесса есть стремленіе къ идеалу, предположенному въ самомъ ея основаніи.

Эта часть воззрѣнія, заимствованная у германскихъ метафизиковъ, представляется очень туманной и мало интересной, вслѣдствіе чего мы обходимъ ее молчаніемъ. Гораздо важнѣе та часть воззрѣнія на этотъ предметъ, изъ которой мы, за нѣкоторыми сокращеніями, можемъ получить слѣдующую доктрину.

Исторія человѣчества представляетъ несомнѣнный прогрессъ духа, разума и знанія, изъ чего, по мнѣнію Ренана, является необходимымъ допущеніе міровой воли, или міровой души, которая постепенно развивается въ формахъ міроваго бытія, осуществляетъ въ нихъ свои цѣли и въ человѣкѣ пробуждается къ сознанію.

¹⁾ (Feuilles détachées p. 427).

Конечный предѣлъ міровой эволюціи—есть совершенное осуществленіе Божества. Въ этомъ смыслѣ Богъ скорѣе *будетъ*, чѣмъ *есть*; онъ находится въ *процессъ развитія* (*En voie de se faire*. Dialogues p. 184).

Осуществленіе идеи и идеаловъ, осуществленіе объективнаго разума въ міровой исторіи представляется Ренану безусловно достовѣрнымъ; онъ глубоко вѣритъ въ конечное торжество человѣческой культуры, въ достиженіе всѣхъ мечтаній человѣка въ „организаціи Бога“.

Любопытны слѣдующія строки мыслителя.

Существо всевѣдующее и всемогущее, какимъ бы мы ни представляли его себѣ, въ видѣ ли существа наслаждающагося черезъ всѣхъ, и черезъ которое всѣ будутъ наслаждаться; въ видѣ ли индивидуальности, достигшей высшей силы; или наконецъ какъ равнодѣйствующую милліардовъ существъ, — существо это будетъ послѣднимъ терминомъ эволюціи. „Вселенная будетъ безконечнымъ полипнякомъ, въ которомъ всѣ существа, когда-либо существовавшія, срастутся въ своемъ основаніи и будутъ жить заразъ своею жизнью и жизнью цѣлаго“ (Dialogues 125—128).

Интереснымъ я считаю это воззрѣніе потому, что оно совпадаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ [съ тѣми воззрѣніями, которыя вытекаютъ изъ ученія о человѣческомъ обществѣ, какъ организмѣ, или вѣрнѣе, болѣе или менѣе рѣзко обособленномъ элементѣ огромной біологической индивидуальности — огромнаго организма, называющагося человѣчествомъ, которое, какъ пласмодій высшей конструкціи, покрываетъ сушу, подобно пласмодію, покрывающему участки дна океановъ.

Итакъ, конечною цѣлью человѣчества, цѣлью, къ достиженію которой оно должно стремиться, представляется *сверхъ-человѣкъ*, котораго основнымъ признакомъ будетъ его *гениальность*.

Правда, исторія немного даетъ намъ для того, чтобы признать это положеніе доказаннымъ, и не указываетъ путей и средствъ, которыми задача, поставленная Ренаномъ,

могла бы получить свое рѣшеніе. Философъ поэтому ищетъ доказательства истины и путей къ рѣшенію задачи *въ біологіи*. Онъ начинаетъ съ указанія на то, что природа жертвуетъ цѣлыми видами, чтобы другіе могли найти *лучшія* условія своей жизни (Dialogues. p. 102); и далѣе, что одинъ изъ основныхъ законовъ біологіи удостовѣряетъ, что природа на всѣхъ ступеняхъ заботится *единственно* о томъ, чтобы достигнуть высшихъ результатовъ *путемъ пожертвованія низшими индивидуальностями* ¹⁾. Изъ этихъ „положеній біологіи“ Ренанъ выводитъ рядъ заключеній, которыми доказываетъ, что его гипотетическій сверхъ-человѣкъ находитъ не только свое оправданіе въ данныхъ біологіи, но что послѣдняя указываетъ и самые пути къ рѣшенію задачи.

Вотъ ходъ его аргументаціи:

Культура и ея прогрессъ, говоритъ ученый, необходимы именно такими, каковы они суть, съ тяжкимъ неравенствомъ членовъ государства, съ владычествомъ однихъ надъ другими, съ горемъ и страданіями, вытекающими отсюда,—необходимы потому, что природа для „полученія высшаго типа—жертвуетъ низшими“, и потому, что конечная цѣль человечества—сверхъ-человѣкъ.

„Неравенство“, говоритъ Ренанъ, „есть необходимое условіе“ прогресса, если угодно самая его цѣль, поскольку онъ стремится къ созданію *высшихъ формъ*, ибо эти высшія формы нуждаются въ низшихъ, какъ въ своемъ матеріальномъ условіи существованія, и должны подчинять, поработать ихъ себѣ. Матеріальный трудъ есть и долженъ быть рабомъ умственнаго, духовнаго труда; низшія расы должны быть рабами высшихъ; позволительно прибѣгать даже къ кнуту, чтобы заставить ихъ строить пирамиды, позволительно быть тиранами, чтобы доставить духу его торжество“ („Avenir de la sc.“—p. 522).

Поскольку вяжется такая идея съ данными культуры и цивилизаціи—это вопросъ особый; но что онъ не имѣетъ въ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

данныхъ біологіи никакого оправданія, это никакому сомнѣнію не подлежитъ.

Начать съ того, что самый вопросъ о свойствахъ *совершенной* формы въ противоположность низшей вовсе не такъ простъ, какъ онъ кажется Ренану, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи относительной высоты организаціи въ представителяхъ *разныхъ типовъ*. Здѣсь никакіе критеріи, никакія „пробы“, даже самыя „рѣшительныя“, какою Дарвинъ справедливо считаетъ *побѣду въ борьбѣ за существованіе*, не помогутъ дѣлу. Правда, когда вопросъ этотъ можетъ быть сведенъ не къ разнымъ, а къ какому-либо одному типу животнаго царства, то дѣло значительно облегчается; но и тутъ мы можемъ имѣть въ виду лишь вопросы самага общаго характера, а отнюдь не частности. Лучшимъ изъ критеріевъ для рѣшенія задачи въ этихъ условіяхъ Дарвинъ признаетъ *степень обособленія отдѣльныхъ органовъ* въ зрѣломъ состояніи и ихъ приспособленіе къ отдѣльнымъ отправленіямъ.

Исходя, напримѣръ, изъ того положенія, что всѣ позвоночныя животныя, снабженныя истинными легкими, произошли потомственно отъ древняго, дышавшаго жабрами прародителя, снабженнаго плавательнымъ пузыремъ, мы можемъ принять рыбъ двояко-дышащихъ формами болѣе совершенными сравнительно съ тѣми, которыя дышатъ жабрами.

Или, напримѣръ, принимая во вниманіе, что костяной скелетъ является и филогенетически и онтогенетически позднѣе хрящевого, мы можемъ принять формы тѣмъ болѣе прогрессивными, чѣмъ большая часть скелета въ взросломъ состояніи подвергается окостенѣнію.

Но и при этихъ условіяхъ затрудненія остаются, по существу весьма значительными ¹⁾.

Если, говорить Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, при климатѣ, приблизительно неизмѣнномъ, эоценовые жители какого-либо края свѣта вступили бы въ борьбу съ нынѣшними жи-

1) Дарвинъ: „Происхожденіе видовъ“. стр. 103, 266.

телями этой же или иной страны, то эоценовая фауна или флора, конечно, была бы побѣждена и уничтожена. То же было бы съ вторичною фауной при встрѣчѣ съ эоценовой, съ палеозойской при встрѣчѣ со вторичной.

Обращаясь отъ данныхъ палеонтологіи къ фаунѣ современной, мы видимъ, на примѣръ, слѣдующее:

Европейскіе организмы распространились въ Новой Зеландіи и захватили тамъ мѣста, занятые прежде другими организмами. Судя по быстротѣ, съ которою совершился этотъ процессъ, Дарвинъ съ полнымъ основаніемъ полагаетъ, что если бы всѣ животныя и растенія Великобританіи были ввезены въ Новую Зеландію, то множество великобританскихъ формъ прижилось бы къ ней и истребило многихъ ея природный жителей. Съ другой стороны, утверждаетъ ученый, судя по тому, что нынѣ происходитъ въ Новой Зеландіи (при столкновеніи животныхъ и растеній туда привезенныхъ съ мѣстными формами), мы можемъ сомнѣваться въ томъ, чтобы при перенесеніи всѣхъ ново-зеландскихъ формъ организмовъ въ Великобританію, многимъ изъ нихъ удалось захватить мѣста, нынѣ занятые нашими природными растеніями и животными, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это доказываютъ позднѣйшія наблюденія, это и возможно.

Совокупность данныхъ во всякомъ случаѣ даетъ намъ основаніе считать фауну и флору Великобританіи болѣе совершенными, чѣмъ фауну и флору Новой Зеландіи, но, присовокупляеть Дарвинъ, самый искусный натуралистъ, разсмотрѣвши виды этихъ двухъ странъ, *не могъ бы предсказать такого результата*; другими словами, добавлю отъ себя, *ни у одного натуралиста нѣтъ критерія для рѣшенія вопроса ни о большемъ или меньшемъ совершенствѣ организмовъ, едва лишь отъ общей характеристики мы переходимъ къ частностямъ, ни о томъ, что именно дѣлаетъ его стойкимъ въ борьбѣ за существованіе при данныхъ условіяхъ.*

Перенося этотъ выводъ къ гипотезѣ Ренана, мы получаемъ право утверждать, что природа не даетъ ровно

ничего для рѣшенія вопроса о его сверхъ-человѣкѣ, и ему не было ни малѣйшаго основанія апеллировать къ біологіи, предлагая считать сверхъ-человѣкомъ именно тотъ типъ, который обладаетъ качествомъ, по мнѣнію ученаго, единственно совершеннымъ. Такихъ качествъ можетъ быть не одно, а нѣсколько, въ опредѣленномъ и гармоническомъ сочетаніи, которое одному можетъ представляться въ одной, другому въ другой комбинаціи.

Но если бы мы и признали, что сверхъ-человѣкомъ должно дѣйствительно считать тотъ типъ, который подъ нимъ разумѣетъ Ренанъ, у него нѣтъ основанія утверждать, что природа будто бы озабочена единственно тѣмъ, чтобы достигнуть высшихъ результатовъ путемъ пожертвованія низшими индивидуальностями. Дарвинъ не одинъ разъ подчеркивалъ, что его ученіе не имѣетъ ничего общаго съ теоріей непрерывнаго совершенствованія. Невнимательныхъ читателей его книги ввела въ заблужденіе постановка вопроса о происхожденіи видовъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ; естественный отборъ является здѣсь какъ бы орудіемъ совершенствованія. Это справедливо до тѣхъ поръ, однако, пока мы подъ совершенствомъ разумѣемъ *совершенство соотвѣтствія организаціи къ условіямъ жизни*, а не совершенство въ смыслѣ исключительно прогрессивнаго развитія организмовъ. Рыба съ этой точки зрѣнія не менѣе совершенна, чѣмъ обезьяна, хотя организація ея и уступаетъ послѣдней съ точки зрѣнія прогрессивнаго развитія организмовъ. Ошибка Ренана повторяется многими и до сихъ поръ, несмотря на то, что біологія давно уже указываетъ на огромное значеніе *регрессивнаго развитія*, какъ одного изъ орудій борьбы за существованіе. Если прогрессъ увеличиваетъ силу совершенствующагося организма, то и регрессъ, т.-е. общее пониженіе организаціи и всего уровня жизни, въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ (и притомъ нерѣдко до громадныхъ размѣровъ) шансы въ борьбѣ за существованіе.

Безконечное разнообразіе, подавляющее число особей,

изумительная живучесть паразитовъ служить тому доказательствомъ неопровержимымъ.

Но можетъ быть Ренанъ, мало знакомый съ біологіей, и потому сдѣлавшій невѣрныя на нее ссылки, не совсѣмъ ошибается въ самой своей идеѣ о сверхъ-человѣкѣ и возможности осуществить на землѣ его появленіе. Если идея эта не находитъ себѣ поддержки въ явленіяхъ естественнаго отбора, то, быть можетъ, она окажется осуществимой путемъ *отбора искусственнаго*, который въ концѣ концовъ сполна, можетъ быть, вытѣснить собою отборъ естественный. На этой почвѣ вопросъ о совершенствѣ получаетъ условное значеніе, и ничто не мѣшаетъ заботиться о выработкѣ путемъ подбора гениальнаго человѣка, принося въ жертву этой цѣли,—въ томъ же смыслѣ искусственнаго отбора,—условно низшіе типы организациі.

Извѣстно, что искусственный отборъ, то-есть отборъ, поддерживаемый человѣкомъ, можетъ привести къ созданію формъ съ признаками не только неудовлетворяющими требованіямъ естественнаго отбора, но даже идущими въ разрѣзъ съ этими требованіями. Вопросъ о совершенствѣ здѣсь уже рѣшается не природой, а человѣкомъ, который этимъ путемъ можетъ выработать формы съ точки зрѣнія естественнаго отбора сполна уродливыя, каковыми являются, напримѣръ, брюссельская капуста, іоркширская свинья и т. п. Однако и въ этомъ случаѣ природа иногда подаетъ свой рѣшающій дѣло голосъ. Въ вопросѣ о сверхъ-человѣкѣ Ренана голосъ этотъ повидимому противъ, а не за него. Дѣло въ томъ, что бываютъ уклоненія, которыхъ внутреннее несовершенство, съ точки зрѣнія гармоническаго строя организациі, таково, что никакой искусственный подборъ удержать его не можетъ.

Несовершенство это указывается природой двумя способами, одинаково наглядными и крутыми.

Первый изъ нихъ называется *пресѣченіемъ*, второй *вымираніемъ*.

Подъ пресѣченіемъ разумѣется гибель формъ въ самомъ

началѣ ихъ возникновенія („отцвѣли — не успѣвши расцвѣсть“); подборъ свидѣтельствуется этимъ, что уклоненіе, проявившееся въ данной формѣ, является не только не гармонирующимъ средѣ, но явно вреднымъ для данныхъ условій времени и мѣста.

Подъ вымираніемъ разумѣется гибель формъ, при прежнихъ условіяхъ обладавшихъ признаками вполнѣ благоприятными для развитія и процвѣтанія ихъ, но съ возникновеніемъ новыхъ, въ борьбѣ за жизнь организмовъ, оказавшимися не на высотѣ задачи. Эти „призванные, но не избранныя“ формы первоначально уменьшаются въ количествѣ, — обычный предвѣстникъ вымиранія, — а затѣмъ исчезаютъ вовсе, такъ какъ, — и это неизбѣжно, — „усовершенствованные“ потомки постоянно будутъ стремиться вытѣснить своихъ „несовершенныхъ“ предшественниковъ съ поля жизни.

Переходя отъ этихъ данныхъ біологіи къ гипотезѣ о сверхъчеловѣкѣ и принимая во вниманіе, что *геніальность не наследственна*, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многіе не подлежащіе сомнѣнію факты, мы, въ виду соображенія о вредныхъ уклоненіяхъ въ искусственномъ и естественномъ подборѣ, отмѣчаемыхъ природою *путемъ пресѣченія* въ потомствѣ, получаемъ право полагать, что уклоненіе, которое извѣстно подъ терминомъ геніальности, въ условіяхъ времени и мѣста не можетъ быть признано уклоненіемъ гармоничнымъ и цѣлесообразнымъ.

Здѣсь умѣстно будетъ напомнить мнѣніе Легрена, по которому геніемъ можетъ быть вырождающійся, свидѣтельство Ломброзо, указывающаго рядъ геніевъ человѣчества, являющихся въ то же время матоидами, утвержденіе французскаго ученаго Лассега, что геній это нервное разстройство и т. д., и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно какъ достоверное, что неуравновѣшенный мозгъ часто можетъ быть способенъ къ геніальнымъ мыслямъ. Геніальность встрѣчается наряду съ различными болѣзнями ума, и геніи по всѣмъ отросямъ знанія неизмѣримо чаще были неврастениками и психопатами, чѣмъ людьми нормальными.

Не безъ основанія поэтому Моро утверждаетъ, что гений есть неврозъ. Чаше всего неврозъ иппохондрии. Камюэнсъ, Байронъ, Гюйгенсъ, Мольеръ, Жанъ-Жакъ Руссо, Свифтъ и много другихъ свидѣтельствуютъ объ этомъ съ достаточнымъ краснорѣчіемъ. Мы отнюдь не можемъ согласиться съ М. Нордау въ томъ, что гениальные люди будто бы приносятъ человѣчеству только вредъ, что они только ослѣпляютъ, и что глубокое вліяніе, которое они, къ несчастію, оказываютъ, *всегда* вредно, такъ какъ конечная ихъ цѣль всегда пропасть, или пустыня, а ихъ роль—роль блуждающихъ огней, заводящихъ человѣчество въ трясины. Напротивъ, мы полагаемъ, что гениальные люди являются могущественнымъ факторомъ человѣческаго прогресса, и считаемъ соображенія Нордау, ошибочными потому, что они основываются на преувеличенномъ мнѣніи критика о значеніи мысли отдѣльнаго лица въ жизни человѣческихъ обществъ: эти мысли, хотя бы и гениальныя, только одинъ изъ факторовъ жизнь, очень важный, конечно, но все же только *одинъ изъ очень и очень многихъ*, ее слагающихъ. Сумма этихъ факторовъ неизмѣримо сильнѣе любой гениальной мысли и цѣлаго ряда гениальныхъ людей. Всего нагляднѣе справедливость этого заключенія вытекаетъ изъ того обстоятельства, что если гениальныя мысли и оказывали прямое вліяніе на жизнь, то—есть на данныя формы житейскихъ отношеній: международныхъ, политическихъ, соціальныхъ, семейныхъ, то вліяніе это происходило крайне медленно съ періодическими задержками и приостановками. Наоборотъ, данная форма жизненныхъ отношеній съ *чрезвычайною быстротой* обрабатываетъ въ свою пользу результаты гениальной мысли и ассимилируетъ ихъ, если такая ассимиляція своевременна и цѣлесообразна. Нордау, какъ человѣкъ профессионально занимающійся „мыслями“ людей, дѣлаетъ поэтому обычную ошибку профессионалиста, утрируя, удесятерая значеніе того дѣла, которымъ специально занятъ. Мысли, сами по себѣ, ни привести жизнь къ желаемому концу не могутъ, ни свратить ее въ сторону и привести въ пустыню также не могутъ.

Геніальныя мысли могутъ служить человѣчеству источниками свѣта, и жизнь воспользуется ими постольку, поскольку это въ данный историческій моментъ культуры ей необходимо и возможно.

Подводя общій итогъ ученію Ренана о сверхъ-человѣкѣ, какъ цѣли человѣческой цивилизаціи, и средствахъ илти навстрѣчу этой цѣли путемъ подбора опредѣленныхъ укло-неній, мы должны категорически высказать, что данныя біологіи, къ которой авторъ обращается на пути своихъ разсужденій, не только ничего не даютъ для ихъ основы, но съ большею или меньшею опредѣленностью идутъ въ разрѣзъ съ этими разсужденіями.

Біологія, устанавливая законъ трансформациі организмовъ, ни минуты не сомнѣвается въ возможности развитія типа человѣка болѣе совершеннаго, чѣмъ современный нашему поколѣнію; но она не даетъ критерія для опредѣленія такого совершенства; тѣ же данныя, хотя бы и отрицательнаго характера, которыя мы можемъ извлечь изъ нашей науки, даютъ право полагать, что этимъ типомъ, этимъ сверхъ-человѣкомъ, будетъ *не гений*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его встрѣчаемъ въ нашей жизни. Послѣдняя не нуждается ни въ сверхъ-человѣкѣ Ренана, у котораго умъ, болѣзненно воспримчивый и властный, поработилъ все остальное, ни еще того менѣе въ сверхъ-человѣкѣ Ницше, такъ какъ уменьшеніе звѣря въ человѣкѣ, которое оплакиваетъ Ницше, не только не мѣшаетъ сводить концы съ концами колоссальной банкирской конторѣ человѣчества, но еще и процвѣтаетъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что *уменьшеніе счетовъ по данной статьѣ* представляетъ дѣло нормальное и обѣщаетъ акціонерамъ только прибыль.

Нуженъ стало быть не сверхъ-человѣкъ и стремиться надо не къ тому, чтобы въ человѣкѣ-звѣрѣ возстановить звѣря, а въ звѣрѣ-человѣкѣ, вмѣстѣ съ звѣремъ, убить и человѣка, — нуженъ нормальный человѣкъ, а для этого, прежде всего, нужны нормальныя условія жизни.

Владиміръ Вагнеръ.

Опытъ научно-философской религіозной и соціальной доктрины.

Мы намѣрены говорить о личности и идеяхъ мыслителя, занимающаго весьма своеобразное мѣсто въ исторіи европейской мысли. Имя это не можетъ быть названо безвѣстнымъ. Безъ него не обходится ни одна исторія соціальныхъ ученій; оно нерѣдко упоминается даже въ публицистикѣ, и терминъ *сень-симонизмъ* можетъ быть поставленъ рядомъ съ популярными *измами*. И тѣмъ не менѣе—это не слава, даже не результатъ болѣе или менѣе точнаго представленія о самомъ философѣ.

До послѣдняго времени сужденія о Сень-Симонѣ колеблются между двумя приговорами: одинъ принадлежитъ Мишле, провозгласившему Сень-Симона „самымъ смѣлымъ мыслителемъ XIX вѣка“, другой—ученику Сень-Симона Контю и имѣетъ въ виду осудить на забвеніе и личность, и идеи учителя, какъ человѣка крайне предосудительнаго и писателя, по меньшей мѣрѣ, посредственнаго. Судьи съ менѣе громкими именами не столь рѣшительны, но зато и менѣе опредѣленны. Разумѣется, ни у кого не является отвага—вычеркнуть Сень-Симона изъ умственнаго движенія западной Европы,—но истинная оцѣнка философа мало выигрываетъ отъ того, что ему отводится мѣсто въ *исторической* галереѣ крупныхъ и мелкихъ портретовъ. Сень-Симонъ не можетъ быть называемъ только для полноты обзора извѣстнаго порядка явленій. Занимая одно изъ руководящихъ мѣстъ въ прошломъ, идеи философа — полны

смысла, современнаго для насъ—людей начала XX-го вѣка. Болѣе близкая освѣдомленность въ ученіи Сень-Симона спасла бы новѣйшую публицистику отъ многихъ блужданій и недоразумѣній и оказала бы это благодѣяніе особенно нашей русской общественной мысли.

Поколѣнія смѣняются одно за другимъ, безпрестанно вступая въ междоусобную брань; а между тѣмъ мысль эта продолжаетъ носить всѣ признаки той умственной стадіи, какую Сень-Симонъ охарактеризовалъ наименованіемъ „метафизической“. Или процвѣтаетъ своего рода акробатическое художество, полемическое ремесло на почвѣ шаблоннаго кляузническаго резонерства и риторическихъ формулъ, опирающихся на притязательную беззавѣтно-геройскую эксплуатацію—на случай схваченныхъ мыслей и фактовъ, или—будто рыцарь на часъ—водворяется культъ какой-нибудь элементарной теоріи, обладающей въ глазахъ своихъ романтическихъ обожателей способностью вязать и рѣшать всѣ вопросы философіи и жизни. „Соціологическая алхимія“ ¹⁾, водворенная въ русской публицистикѣ тѣмъ самымъ путемъ, какимъ мольеровскіе нарциссы становились виртуозами на гитарѣ,—уступаетъ мѣсто опрошенному „марксизму“, одной изъ самыхъ прекраснѣйшихъ ученическихъ варіацій на ветхій матеріалистическій мотивъ. Разумѣется, въ борьбѣ съ алхиміей и такая стадія умственнаго развитія цѣлесообразна и побѣдоносна: она все-таки — искренній умственный трудъ; но существованіе ея, безъ сомнѣнія, ограничено извѣстнымъ возрастомъ послѣдователей и русскіе марксисты, становясь большими, естественно впадаютъ въ покаянныя настроенія. Во имя чего?

Вѣроятно, во имя поисковъ за новой истиной.

И вотъ на этомъ-то пути Сень-Симонъ—въ высшей степени поучительный спутникъ. Насколько намъ извѣстно,—имя его даже не упоминалось въ новѣйшихъ процессахъ между субъективистами и объективистами, матеріалистами

1) *Devenir Social*, 1898, mai 477, въ рецензіи на сочиненіе г. Н. Михайловскаго о прогрессѣ.

и идеалистами,—а между тѣмъ никто вдумчивѣе Сень-Симона и его послѣдователей не старался разрѣшить великой задачи о движеніи цивилизаціи, о наилучшей общественной организаціи, никто внимательнѣе не разобрался въ культурныхъ факторахъ—идеальномъ и экономическомъ, и никто, по нашему мнѣнію, ближе не подошелъ къ вѣрному рѣшенію вопроса, или, по крайней мѣрѣ, не указалъ болѣе надежнаго пути къ этому рѣшенію.

I.

Личность Сень-Симона выясняется изъ его автобіографическихъ признаній. По его убѣжденію, гениальный умъ непременно долженъ уживаться съ экзальтированной натурой. „Душа тѣмъ доступнѣе страстямъ, чѣмъ она экзальтирована, и высшая степень экзальтаціи необходима для того, чтобы рѣшить великій научный вопросъ во всемъ его объемѣ“. И философъ въ теченіе всей жизни настаивалъ на необходимости страстнаго увлеченія, экзальтированнаго состоянія—„для совершенія великихъ дѣлъ“. Поученіе въ этомъ духѣ онъ преподавалъ своему племяннику, и съ той же истиной на устахъ умеръ. Очевидно, это—природа менѣе всего философская въ общеупотребительномъ смыслѣ. Контъ отрицалъ именно это достоинство у своего учителя. Здѣсь Контъ нашелъ многочисленныхъ единомышленниковъ. Въ литературѣ о Сень-Симонѣ стало общимъ мѣстомъ—укорять его въ *смуть* мышленія, въ *кипучемъ* состояніи его головы, въ крайней беспорядочности его сочиненій. Онъ никогда не былъ способенъ написать книгу, сочинялъ только планы и программы, предлагалъ публикѣ отрывки—туманные и безсвязные. Такъ думаютъ не только ученики Конта, въ родѣ Литтре, но и ихъ противники; съ ними согласенъ редакторъ *Европейскаго цензора*; въ томъ же смыслѣ выражаются и позднѣйшіе историки ¹⁾.

¹⁾ Littré, 80, 87; Pellarin, *Essai critique sur la phil. pos.* t. P. 64. 140; Janet—*Revue des deux Mondes*, août. 97. 614—5; Dunoyer. *Notices de l'économie sociale* (Oeuvres. II). 183. Levasseur *Histoire des classes ouvrières*. P. 67. I, 493.

Сень-Симонъ и самъ отнюдь не заблуждался насчетъ достоинствъ—не своихъ идей, а своихъ сочиненій,—откровенно сознавался, что онъ „научился думать съ трудомъ“ и не признаетъ тѣхъ, для кого мышленіе становилось легче сообразно съ лѣтами. Такіе люди, по мнѣнію Сень-Симона, занимаются только пустяками, и ихъ работы способны скорѣе притупить человѣческой умъ, чѣмъ двинуть его впередъ ¹⁾.

Ученики Сень-Симона также не могли отрицать трудности пониманія идей своего учителя. И это обстоятельство сослужило немалую службу обоимъ противоположнымъ лагерямъ сенъ-симонистскаго толка. Контъ могъ блестяще примѣнять свой систематизирующий умъ къ отрывочнымъ мыслямъ учителя, а Анфантэнъ—дополнять и объяснять ихъ по влеченію собственнаго вкуса.

На самомъ дѣлѣ философія Сень-Симона страдаетъ не столько отъ неясности и смуты его представленій, сколько отъ вмѣшательства основной нелогической способности мыслителя—воображенія, каждую минуту склоннаго къ экзальтаци. Основная положенія сенъ-симоновскаго сенъ-симонизма точны и опредѣленны,—но путь ихъ развитія безпрестанно прерывается и уклоняется въ сторону подъ влияніемъ пагоса, чувства, подчасъ просто прихотливаго настроенія.

Сень-Симонъ по рожденію *grand seigneur* и по натурѣ человѣкъ XVIII-го вѣка; изъ этихъ данныхъ и складываются всѣ отрицательныя черты его литературной дѣятельности. По поводу нѣкоторыхъ его посягательствъ на открытія въ области опытныхъ наукъ, неоднократно произносилось жестокое слово „шарлатанство“ ²⁾. И, несомнѣнно, такіе эпизоды, какъ, на примѣръ, полемика съ Лапласомъ на почвѣ астрономіи—могли вызвать подобное впечатлѣніе. Но о томъ же Лапласѣ Сень-Симонъ, свободный отъ экзальта-

1) *Oeuvres*. XL, 10—11.

2) *Dunoyer*. 185. *Janet*. 607.

ции, выражался съ величайшей почтительностью и тотъ же Сень-Симонъ со временемъ вовсе оставилъ экскурсіи въ мало знакомыя ему сферы. Его дѣйствія въ сущности были не шарлатанство, а плодъ его аристократическихъ наклонностей и привычекъ. У Мольера среди многихъ смѣшныхъ чертъ большого барина указывается одна, особенно яркая. Каррикатурный аристократъ говоритъ про себя: „Les gens de qualité savent tout sans avoir jamais rien appris“. Такъ и Сень-Симонъ нерѣдко полагалъ возможнымъ овладѣть сущностью науки съ одного геройскаго натиска на ея „последнія слова“, т.-е. на обобщенія и новѣйшія теоріи. Этому неумѣстному героизму въ сильной степени помогалъ и философскій духъ времени.

Мы знаемъ, какъ легко разрѣшались труднѣйшія научныя и нравственныя задачи для писателей XVIII-го вѣка. Часто достаточно было одного „страннаго факта“ или мнимаго, но очень интригующаго открытія, чтобы создать самую смѣлую гипотезу и начертать обширную программу выводовъ. Нельзя ни на минуту забывать извѣстнаго намъ психологическаго и культурнаго состава — *esprit philosophique* — для вѣрнаго представленія о личности Сень-Симона, — все равно какъ его произведенія, особенно раннія, безпрестанно напоминаютъ намъ идейное развитіе этого „духа“.

Сень-Симонъ родился 17 октября 1760 года ¹⁾, принадлежалъ къ той самой фамиліи, изъ которой происходилъ герцогъ и пэръ, авторъ знаменитыхъ *Записокъ*. Въ одномъ изъ обращеній къ Наполеону онъ называетъ себя его „cousin“ ²⁾, въ автобіографіи рассказываетъ, что къ нему должны были перейти по наслѣдству отъ герцога: пятьсотъ тысячъ ренты, царство, титулъ французскаго герцога и испанскаго гранда. Но отецъ его поссорился съ герцогомъ и „я, — говоритъ Сень-Симонъ, — потерялъ титулы и богатство гер-

1) Ошибочное указаніе—17 апрѣля въ *Exposition de la doctrine*, повтореніе во всѣхъ трехъ изданіяхъ (3-е, стр. 63).

2) *Oeuvres*. XV, 143.

цога, но наслѣдоваль его страсть къ славѣ“¹⁾. Герцогъ Сень-Симонъ велъ свое происхожденіе отъ Карла Великаго, и философъ усвоилъ это преданіе со всей стремительностью своей экзальтаци.

Отець его отличался характеромъ суровымъ и деспотическимъ²⁾, былъ правовѣрный католикъ, но сыну своему вознамѣрился дать воспитаніе въ духѣ времени. Точнѣе, духъ этотъ явился независимо отъ воли стараго графа вмѣстѣ съ Даламберомъ, которому было поручено общее направленіе воспитанія будущаго философа. Программу выполняли множество учителей. „Меня заваливали учителями,—говоритъ Сень-Симонъ,—не давая мнѣ времени подумать о томъ, что они мнѣ преподавали. Въ результатѣ,—сѣмена науки, воспринятія моимъ умомъ, могли взойти только много лѣтъ спустя послѣ посѣва“³⁾. Роль Даламбера Сень-Симонъ, къ сожалѣнію, характеризуетъ кратко и не совсѣмъ ясно. Даламберъ сплелъ ему такую метафизическую сѣть, что ни одинъ важный фактъ не могъ проскользнуть.

Это, повидимому, должно означать, что Даламберъ пріучилъ молодой умъ къ систематическому и философскому осмысливанью явленій, прикрѣпилъ его идеи къ реальной опытной почвѣ. Является страннымъ выраженіе — *un filet métaphysique*—въ положительномъ смыслѣ, — страннымъ въ устахъ принципіальнаго врага метафизики. Но именно здѣсь и сказалось воспоминаніе объ урокахъ Даламбера. Математикъ, какъ и нѣкоторые другіе философы XVIII-го вѣка,

1) Сень-Симонъ ошибается: поссорился съ герцогомъ не отецъ его, а дѣдъ, женившись безъ позволенія герцога. Разсказъ объ этомъ въ *Mémoires de Saint-Simon*. Ср. Weill, 1. L. Stein называетъ отца философа сыномъ „знаменитаго герцога“—по странному недосмотру: авторъ пользовался сочиненіями Сень-Симона въ изданіи Родрига и, слѣдовательно, автобиографическими отрывками. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*. Leipzig. 1850. I, 133.

2) „Dur et violent“,—выражается Мишле, пользовавшійся устными свѣдѣніями о Сень-Симонѣ *Hist. du XIX s.* I, 38.

3) У Гюббара, 10—11.

напримѣръ Вольтеръ, подъ именемъ *метафизики* разумѣль— *психологію*, не отнимая у нея и обычнаго значенія. Даламберъ называетъ метафизику „основой нашихъ знаній“: только въ ней одной слѣдуетъ искать „строгихъ и точныхъ“ обозначеній вещей. Такая метафизика ничто иное, какъ „опытная физика души“¹⁾.

Слѣдовательно,—Даламберъ познакомилъ Сенъ-Симона съ основными законами мышленія, съ логическими требованіями истины, съ научными методами изслѣдованія. Все это ученикъ могъ слышать; но ни возрастъ, ни темпераментъ не позволили ему остаться въ предѣлахъ вдумчивой, строго-осмотрительной мысли энциклопедиста. Сенъ-Симонъ естественно больше склонялся къ крайнему направленію современной философіи, открыто воинственному и матеріалистическому. Это ярко обнаружится въ первыхъ его произведеніяхъ. Пока, въ тринадцать лѣтъ онъ отказывается отъ причастія, заявляя отцу, что у него для этого обряда нѣтъ полной вѣры²⁾. Въ отвѣтъ отецъ запираетъ сына въ одну изъ самыхъ суровыхъ парижскихъ тюремъ — св. Лазаря. Сенъ-Симонъ сначала попытался убѣдить стража выпустить его, а потомъ, получивъ отказъ, вступилъ съ нимъ въ единоборство, ранилъ его, завладѣлъ ключами и бѣжалъ къ теткѣ. Та постаралась возстановить семейный міръ³⁾.

Шестнадцати лѣтъ Сенъ-Симонъ, какъ аристократъ, поступилъ въ военную службу⁴⁾. Въ 1779 году онъ, наскучивъ гарнизонной службой и, несомнѣнно, увлеченный идея-

1) *Disc. prélim.* B. Nat. 100—2.

2) *N. hist.* II, 123.

3) У Гюббара разсказано еще два случая, доказывающихъ силу воли молодого Сенъ-Симона: укушенный бѣшеной собакой, онъ рѣшилъ застрѣлиться при первыхъ признакахъ бѣшенства; заставилъ во время своей игры проѣзжаго свернуть съ пути, легши поперекъ дороги. Факты, несомнѣнно, идуть отъ Родрига и представляютъ извѣстный интересъ въ виду крайне скудныхъ свѣдѣній о жизни Сенъ-Симона, особенно о его молодости.

4) «Въ 1776 году, говоритъ онъ, въ послужномъ спискѣ съ 15 января 1777 г. онъ значится подпоручикомъ въ Турэнскомъ пѣхотномъ полку». Ср. Weill. 6. Гюббаръ также принимаетъ въ 1777 году начало службы Сенъ-Симона. *O. c.* 11. Ср. *Oeuvres*, изд. Родрига, XV.

ми свободы и равенства, отправляется въ Америку, участвуетъ здѣсь въ пяти походахъ, между прочимъ подъ начальствомъ Вашингтона. Американцы награждаютъ его орденомъ Цинцинната; онъ дѣйствительно обнаруживаетъ блестящую храбрость, принимаетъ участіе въ осадѣ Нью-Йорка, при капитуляціи генерала Корнваллиса, получаетъ двѣ раны, претерпѣваетъ даже кратковременный плѣнъ, вообще дѣйствуетъ съ такой энергіей, что дѣйствительно получаетъ право называть себя въ послѣдствіи однимъ изъ основателей американской свободы ¹⁾).

Изъ этого періода у насъ два письма Сень-Симона къ отцу ²⁾). Первое письмо — отъ 20 февраля 1782 года. Оно ярко отражаетъ нѣжныя семейныя чувства автора; онъ огорченъ продолжительнымъ молчаніемъ родныхъ; самъ не пропускаетъ ни одного случая извѣщать ихъ о себѣ. Онъ озабоченъ также огорченіями, какія причинялъ отцу „въ молодости“, теперь всѣми силами старается вернуть его „дружбу“ и общается также поступать и въ будущемъ. Онъ раскаивается въ потерянномъ времени и непременно возмѣститъ его. Зная бережливость отца и помня, что онъ — старшій изъ восьми его дѣтей, — Сень-Симонъ отдаетъ отчетъ въ своихъ расходахъ, увѣряетъ отца, что онъ не позволяетъ себѣ „никакой фантазіи“, опять переходитъ къ „мольбамъ“ — не поступать съ нимъ такъ сурово, почаще писать ему. О томъ же онъ проситъ братьевъ и сестеръ. Письмо заканчивается такъ: „Умоляю васъ, верните вашему сыну, который такъ нѣжно любить васъ, ваше уваженіе и вашу дружбу, и вы сдѣлаете его счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей“.

Одновременно съ чувствами Сень-Симонъ не забываетъ

¹⁾ *Oeuvres*, XVIII, 140.

²⁾ Напечатаны въ выдержкахъ въ *Not. hist.* I, 3—10. Мы дополняемъ ихъ по рукописямъ Арсенальной бібліотеки. Списки сдѣланы, повидимому, съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ: до такой степени оно своеобразно и аристократически небрежно, напримѣръ, такія фразы *vous pouvez être sur que je ne négligerais rien dorrenement pour la (l'amitié) conserver et l'augmenter.*

и практическихъ вопросовъ. Помимо серьезнаго отношенія къ отцовскимъ деньгамъ, его весьма занимаетъ мысль о карьерѣ. Во второмъ письмѣ отъ 16 ноября онъ горячо жалуется на фаворитизмъ, царствующій въ арміи, горько сътуетъ на несправедливость начальства, обходящаго его наградами при всѣхъ его заслугахъ. Онъ тонко намекаетъ отцу на необходимость походатайствовать за него. Не забываетъ онъ дать и цѣнный совѣтъ насчетъ своего брата, способнаго по возрасту вступить въ военную службу. Онъ убѣждаетъ отца прислать его также въ Америку, гдѣ онъ получить и чины и будетъ избавленъ отъ обычныхъ безумствъ молодыхъ свѣтскихъ людей.

Изъ второго письма мы, между прочимъ, узнаемъ, что вообще Сень-Симонъ - отецъ видѣлъ мало утѣшенія въ своихъ дѣтяхъ. Сестра Луиза написала въ Америку сожалѣніе о томъ, что и ея поведеніе огорчало отца. Письмо было настолько трогательно, что Сень-Симонъ, по его словамъ, плакалъ надъ нимъ, писалъ объ этомъ отцу и надѣялся, что сестра успѣла загладить свои вины ¹⁾.

Изъ интереса Сень-Симона къ чиновному производству отнюдь не слѣдуетъ, будто его занимала военная служба. Совершенно напротивъ. Впослѣдствіи Родригъ писалъ, что въ Америкѣ обнаружили философія стремленія Сень-Симона и природа подсказала ему настоящую его дѣятельность ²⁾. Этотъ выводъ естественно сдѣлать изъ личныхъ заявленій Сень-Симона и его сочиненій. „Война, говоритъ онъ, не интересовала меня сама по себѣ, но цѣль войны интересовала очень, и этотъ интересъ заставлялъ меня безропотно переносить лишенія. Я стремлюсь къ цѣли,

¹⁾ „Ma soeur Louise m'a écrit une lettre charmante c'est avec une éfution de coeur qui m'a arraché des larmes qu'elle me parle du regret qu'elle a de n'avoir pas toujours eu une conduite qui vous ait plut je suis persuadé qu'ella a déjà réparé ses torts et qu'elle vous causera mil fois plus de plaisir qu'elle n'a pu vous causer de chagrin“.—По стилю и орфографіи можно судить, сколько труда стоило Сень-Симону научиться не только думать какъ философу, но и выражать свои мысли какъ писателю и грамотному французу.

²⁾ *Producteur*, 1826, avril. 89.

говорилъ я часто самому себѣ, слѣдуетъ, поэтому, знать средства. Огвращеніе къ военному ремеслу владѣло мною всецѣло, когда приблизился миръ. Я уже чувствовалъ, какой путь мнѣ должно избрать, путь, къ которому призывали меня мои вкусы, мои естественныя наклонности. Быть солдатомъ не было моимъ призваніемъ. Меня влекло къ совершенно другому роду дѣятельности, можно сказать даже къ противоположному“.

Сень-Симонъ понялъ міровое значеніе американской революціи и предчувствовалъ великія перемѣны, какія она должна вызвать въ соціальномъ строѣ Европы.

Не одному Сень-Симону были ясны эти идеи. Несомнѣнно, Лафайеттъ также понималъ неизбежное вліяніе американскихъ событій на общественное сознаніе Европы. И понимать было нетрудно: вліяніе началось съ того момента, когда представители французской аристократіи рѣшили отправиться за океанъ сражаться за новую республику и когда само французское правительство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, высказалось за повстанцевъ. Но весь вопросъ заключался въ томъ, какіе уроки получали участники и наблюдатели событій? Для Лафайэтта смыслъ американскаго переворота сводился къ тому политическому вѣроученію, какое Сень-Симонъ обзоветъ впоследствии метафизикой. Догматъ естественнаго революціоннаго права Сень-Симонъ подвергнетъ жестокой критикѣ въ томъ самомъ сочиненіи, гдѣ свои собственныя идеи поставитъ въ неразрывную связь съ американскими наблюденіями и опытами. Разница результатовъ въ высшей степени ярка. Въ то время какъ для большинства свободомыслящихъ французовъ американскія событія—иллюстрація къ идеямъ Руссо и отчасти Монтескьё, для Сень-Симона тѣ же событія практическое осуществленіе—не столько новой *политической формы*, сколько новаго *соціальною строя*. И Сень-Симонъ говоритъ не о республикѣ, а объ индустріи, какъ поучительнѣйшемъ завоеваніи Соединенныхъ Штатовъ.

„Въ Америкѣ, пишетъ онъ, сражаясь за интересы про-

мысленной свободы, я впервые проникся желаніемъ видѣть и въ своемъ отечествѣ расцвѣтъ этого растенія другого міра; съ тѣхъ поръ это желаніе господствуетъ надъ всей моей мыслью“. Сень-Симонъ усвоилъ убѣжденіе, что весь прогрессъ цивилизаціи сводится къ этой цѣли, въ ней заключается общественное благополучіе ¹⁾).

Къ этому заключенію Сень-Симонъ пришелъ путемъ наблюденій надъ условіями американской жизни. Онъ внимательно изучалъ народъ и его дѣятельность, сравнивалъ съ Европой, находилъ разительную разницу, и рѣшилъ, что цивилизація идетъ не однимъ и тѣмъ же путемъ на двухъ полушаріяхъ. Путь американцевъ слѣдующій: въ ихъ странѣ религіозная терпимость доведена до высшей степени, нѣтъ никакой государственной религіи, каждый можетъ изобрѣтать свою и вербовать прозелитовъ. Потомъ въ Америкѣ нѣтъ привилегированной корпораціи; всѣ американцы представляютъ однородное политическое тѣло. Нѣтъ также наслѣдственныхъ должностей. Наконецъ, вся нація—преимущественно мирная, промышленная и бережливая. У нея нѣтъ вовсе военнаго духа, всѣ ея законы направлены на покровительство земледѣлію, торговлѣ и всякаго рода промышленности.

Сообразно съ этой политикой у американцевъ совершенно другіе взгляды на государственныхъ людей, чѣмъ въ Европѣ. Въ старомъ свѣтѣ наиболѣе искуснымъ государственнымъ мужемъ считается тотъ, кто умѣетъ найти средство увеличить налоги, въ Америкѣ, напротивъ, кто находитъ средство уменьшить ихъ елико возможно. Въ Европѣ большія жалованья чиновникамъ считаются необходимыми для общественнаго блага и для представительства; въ Америкѣ, наоборотъ, простота нравовъ пріобрѣтаетъ общее уваженіе властямъ ²⁾).

Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти выводы приняли у Сень-Симона вполне опредѣленную форму съ самаго начала. Они

¹⁾ *N. hist.* I, 11—2. *Oeuvres*, XVIII, 148—*L'Industrie*.

²⁾ *Oeuvres*, XVIII, 133, 149—153.

развивались постепенно, сообразно съ другими наблюденіями философа, и онъ принужденъ былъ исправлять нѣкоторыя свои заключенія. Такъ однажды онъ заявляетъ, что въ Америкѣ нѣтъ никакихъ остатковъ феодализма, потому что тамъ не было вообще феодализма. Сень-Симонъ разумѣетъ *аристократическій* феодализмъ, сословный, кастовый. Въ отрывкѣ—*Замѣтки о Соединенныхъ Штатахъ*—Америкѣ, напротивъ, приписывается феодализмъ, и на этотъ разъ имѣется въ виду *классовый* феодализмъ. Гражданскіе законы въ Америкѣ такъ же, какъ и въ Англии покровительствуютъ *производителямъ*, празднымъ землевладѣльцамъ и легистамъ, между тѣмъ какъ они должны защищать интересы только производительнаго класса, движимыхъ собственниковъ въ ущербъ недвижимымъ, не увеличивающимъ личными работами своего капитала. Въ результатѣ—*работники* находятся подъ управленіемъ *тунеядцевъ*¹⁾.

Обѣ идеи нисколько не противорѣчатъ другъ другу,—одна только шире и глубже другой и могла возникнуть послѣ другихъ не менѣ внушительныхъ наблюденій,—послѣ революціи. Но Америка не переставала привлекать самое пристальное, даже экзальтированное вниманіе Сень-Симона. По его словамъ, было бы невозможно выразить впечатлѣніе, какое на него производили вѣсти изъ-за океана въ первые годы національнаго бытія американцевъ. Юная страна являлась примѣромъ для старой Европы, такъ сильно нуждавшейся въ омолодѣніи. Особенно Вашингтонъ вызывалъ восторгъ у Сень-Симона и спокойствіе, усвоенное націей съ самаго начала своей новой жизни²⁾.

Послѣ войны Сень-Симонъ не сейчасъ покинулъ Америку. Онъ побывалъ въ Мексикѣ и предложилъ здѣсь проектъ канала между океанами. Правительство холодно приняло проектъ, и Сень-Симонъ вернулся во Францію. Его наградили крестомъ св. Людовика и чиномъ полковника³⁾.

1) *Oeuvres*. XVIII, 150. Ed. Ролрига. 167—170.

2) *Oeuvres*. XVIII, 140—1.

3) Послужной списокъ перечисляетъ награды, которыя слѣдовали въ іюль

Но военные успѣхи не привязывали Сень-Симона къ службѣ. Онъ нестерпимо тяготился мирными обязанностями солдата. Онъ ждалъ только случая снова пуститься въ путешествіе. Въ Голландіи вспыхнула революція: штатгальтеръ былъ изгнанъ, готовился походъ франко-голландскаго флота противъ англійской Индіи. Сень-Симонъ слѣдилъ за революціоннымъ движеніемъ, мечталъ принять участіе въ походѣ; но Франція отказалась отъ союза; штатгальтеръ былъ возстановленъ прусскими войсками ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году Сень-Симонъ отправился въ Испанію и предложилъ правительству проектъ вродѣ мексиканскаго. Проектъ, надо полагать, представлялъ безусловно практической смыслъ, такъ какъ Сень-Семонъ успѣлъ заручиться помощью графа Кабарруса, директора банка и вполнѣдствіи министра финансовъ. Графъ предложилъ правительству необходимыя средства для сооруженія канала отъ Мадрида до моря, съ условіемъ пользоваться пошлиной. Сень-Симонъ совѣтовалъ образовать легіонъ въ шесть тысячъ человекъ изъ иностранцевъ, двѣ тысячи для охраны порядка и четыре для работъ. Правительству приходилось тратиться только на военное платье и на больницы, а на остальные издержки достаточно было рабочей платы. Въ результатѣ, за умеренныя деньги у испанскаго короля оказался бы прекрасный и полезный каналъ; его армія увеличилась бы на шесть тысячъ и къ населенію прибавился бы классъ людей трудолюбивыхъ. Французская революція помѣшала осуществленію плана.

1788 года и въ мартѣ 1790. Сень-Симонъ по поводу чина полковника напоминаетъ, что ему было всего 23 года, т. е. производство состоялось въ 1783 году, немедленно по возвращеніи изъ Америки. Въ спискѣ указано состоявшееся *прикомандированіе* къ полку въ 1788 г.

¹⁾ Въ *Письмѣ къ присяжнымъ* Сень-Симонъ говоритъ, что онъ оставался въ Голландіи въ продолженіе всей революціи (*O. choisies*. II, 415). Но въ то же время онъ говоритъ, что вернулся во Францію въ 1786 году (изд. Родрига, XVII), а революція, какъ извѣстно, окончилась въ октябрѣ 1787 года. Сень-Симонъ, слѣдовательно, пробылъ въ Голландіи всего нѣсколько мѣсяцевъ—1786 года.

Сень-Симонъ всё эти путешествія приписываетъ необходимости произвести возможно больше наблюденій, чтобы „уяснить вопросъ о соціальной организаціи“ ¹⁾. Такъ онъ писалъ въ 1820 г. Врядъ ли можно думать, что въ 1798 г. онъ сознавалъ задачу переустроить общество. Правда, уже съ шестнадцати лѣтъ онъ ежедневно приказывалъ будить себя словами: „Вставайте, графъ, вамъ предстоитъ совершить великія дѣла“ ²⁾. Но какія собственно—честолюбивый юноша не могъ представлять ясно. Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу, до отправленія въ Америку, т.-е. до девятнадцати лѣтъ, успѣлъ глубоко огорчить отца настолько внушительными „*étourderies*“, чтобы бояться навсегда угасить въ его сердцѣ „отцовскія чувства“; въ Америкѣ онъ усердно сражался и много наблюдалъ, но наблюдать не значитъ ставить соціальную задачу. Пока мы видимъ только обширные хозяйственные проекты одного типа — устройство каналовъ. Отсюда еще очень далеко до „соціальной организаціи“.

Сень-Симонъ обнаруживалъ интересъ въ другой области, въ научной. Онъ ничего не говоритъ о свсемъ знакомствѣ съ современной философской литературой. Но даже и при самыхъ заурядныхъ условіяхъ оно могло быть довольно обширно при громадной популярности новыхъ идей въ свѣтскихъ кругахъ. Насколько Сень-Симонъ выдавался въ этомъ отношеніи надъ будущимъ уровнемъ до революціи, судить у насъ нѣтъ данныхъ. Существуетъ извѣстіе, что онъ во время своихъ странствій въ Метцѣ слушалъ лекціи извѣстнаго намъ математика Монжа, проявлялъ сильнѣйшую любознательность въ частныхъ бесѣдахъ съ учеными, даже съ рабочими, не брезгая иногда переодѣваться въ блузу ³⁾. Все это вполне естественно при экзальтированной природѣ юноши, но отнюдь не должно быть преувеличиваемо. Самъ Сень-Симонъ впоследствии нашелъ необходи-

¹⁾ *Lettres aux jurés*. lb. 415.

²⁾ Гюббаръ, 9.

³⁾ lb. 18—6.

мымъ „начать сызнова воспитаніе“. Это случилось въ 1797 году и въ это же время, по словамъ Сень-Симона, онъ „составилъ планъ проложить новый путь человѣческому разуму, путь физико-политическій“. Къ этому сроку и слѣдуетъ приурочивать болѣе или менѣе опредѣленное представленіе Сень-Симона о „задачѣ его жизни“. А до тѣхъ поръ у него могли складываться только отрывочныя идеи, возникать частныя порывы. При общемъ энтузіастическомъ строѣ его личности отдѣльныя впечатлѣнія могли мгновенно превращаться въ проекты, въ перспективы и подсказывать болѣе или менѣе широкія и смѣлыя мечты о будущемъ. Здѣсь вдохновляющими силами являлась философія XVIII вѣка и американская жизнь.

Философія рѣшительно оторвала Сень-Симона отъ старой вѣры, а порядки и герои Соединенныхъ Штатовъ завоевали его *чувство* и *воображеніе* во имя будущаго болѣе совершеннаго порядка вещей, чѣмъ политическій строй Франціи. Въ зернѣ, слѣдовательно, возникали уже философско-религіозныя и соціально-организаторскія стремленія, понятія научной истины вмѣсто откровенной, и—индустріальной общественной системы вмѣсто сословной—намѣчались въ умѣ Сень-Симона подъ непосредственнымъ вліяніемъ „метафизики“ Даламбера и американскихъ опытовъ. Мы знаемъ, — именно философія Даламбера вела къ „истинной философіи“ чрезъ „здравую физику“ путемъ систематизаціи принциповъ опытныхъ наукъ, и американскія соціальныя явленія и экономическая свобода внушали идею о великомъ значеніи производительнаго труда, *индустріи*.

Неизвѣстно, сколько времени Сень-Симонъ потратилъ бы на поиски своей задачи, въ какую еще страну явился бы съ новымъ проектомъ, если бы не пришла на помощь революція. Онъ и послѣ нея будетъ путешествовать, но уже съ совершенно другими цѣлями, чѣмъ въ Мексику, Голландію и Испанію. Онъ примется искать указаній относительно задуманнаго имъ „физико-политическаго“ поприща, будетъ добиваться новой „научной системы“, новой „общей

науки“, т.-е. философско-научнаго принципа новаго соціального строя. Изъ прожектера Сень-Симонъ становится реформаторомъ, изъ чувствительнаго мечтателя и любителя просвѣщенія—ислѣдователемъ; насколько позволяла прирожденная экзальтація.

И все это совершается послѣ ревлюціи, и не сразу, а позже ея многочисленныхъ философскихъ, политическихъ и соціальныхъ опытовъ. Революція, примѣняя и провѣряя умственное наслѣдство своей эпохи, произвела разностороннюю работу и надъ умомъ ученика Даламбера и показала, какія задачи онъ способенъ поставить и разрѣшить.

II.

Поведеніе Сень-Симона въ революціонную эпоху, по мнѣнію нѣкоторыхъ его судей, едва ли не самая предосудительная полоса его жизни. Робине, фанатическій поклонникъ Конта, съ трудомъ находитъ слова—достойно заклеить Сень-Симонъ, спекулировавшаго на „несчастья“ Франціи и занимавшагося ажіотажемъ при самыхъ грозныхъ опасностяхъ отечества. Робине, не удовольствовавшись удосто-вѣренными фактами, самымъ свободнымъ толкованіемъ ихъ, постарался приписать Сень-Симону еще нѣсколько преступленій,—совершенно произвольно ¹⁾.

1) Робине всѣ финансовыя операціи, совершавшіяся при революціи подъ именемъ Henri-Simon или просто Simon, приписываетъ Сень-Симону. Доказательствъ у автора нѣтъ, но и опроверженія также затруднительны. Одно только обвиненіе, повидимому, можно устранить съ нѣкоторой вѣроятностью. Нѣкій Симонъ фабриковалъ въ Парижѣ игральныя республиканскія карты,—Робине видитъ въ этомъ спекуляторъ Сень-Симона. Недавно опубликованные отрывки изъ тайныхъ донесеній агентомъ графа Прованскаго въ Парижѣ при консульствѣ позволяютъ не всѣ спекуляціи съ именемъ Simon'a относить къ нашему философу. Въ донесеніи агентомъ разсказывается одинъ изъ примѣровъ бонапартовскаго деспотизма. Женѣ брата перваго консула понравилась домъ нѣкоего г-на Simon'a, пріобрѣтенный во время распродажи національныхъ имуществъ за ничтожную цѣну. Бонапартъ заставилъ Simon'a продать этотъ домъ ему. Этотъ Симонъ былъ женатъ на актрисѣ французскаго театра m-lle Lange и никоимъ образомъ не можетъ быть отождествленъ съ Сень-Симономъ. Очевидно, въ Парижѣ дѣйствовали спекуляторъ съ фа-

Сень-Симонъ не могъ предвидѣть такой мести за Конта,—иначе, можетъ быть, онъ полнѣе рассказалъ бы о своихъ дѣйствіяхъ при революціи. Въ автобіографіи онъ заявляетъ, что не вмѣшивался въ революцію по двумъ причинамъ: съ одной стороны онъ былъ убѣжденъ въ гибели стараго порядка, съ другой—чувствовалъ отвращеніе къ разрушенію, а обѣ партіи—придворная и національная—стремились уничтожить другъ друга. „Моя дѣятельность, продолжаетъ Сень-Симонъ, направилась въ сторону финансовыхъ спекуляцій“ т.-е. покупки національныхъ имуществъ ¹⁾).

Въ *Письмахъ къ присяжнымъ* и въ *Катехизисъ промышленниковъ* Сень-Симонъ не упоминаетъ больше о своихъ спекуляціяхъ, а просто заявляетъ, что онъ въ „теченіе всей революціи игралъ неизмѣнно и исключительно роль зрителя и наблюдателя“, не занималъ никакой должности и не принадлежалъ ни къ какой партіи ²⁾).

Всѣ эти заявленія не точны. Сень-Симонъ игралъ при революціи дѣятельную роль и принадлежалъ къ партіи третьяго сословія—болѣе крайняго, чѣмъ умѣреннаго оттѣнка.

Въ концѣ 89-го года былъ выбранъ въ родовой коммунѣ Фальви предсѣдателемъ собранія, которому предстояло назначить новый муниципальный совѣтъ. Сень-Симонъ по этому случаю произнесъ рѣчь. Онъ благодарилъ земляковъ за честь и выражалъ опасеніе, не состоялся ли ихъ выборъ изъ уваженія къ нему, какъ своему сеньору, а не ради его личныхъ достоинствъ. „Больше нѣтъ сеньеровъ, господа, продолжалъ Сень-Симонъ; всѣ мы здѣсь еовершенно равны, и чтобы титулъ графа не вводилъ васъ въ заблужденіе, и вы не думали, что я имѣю сравнительно съ вами высшія

миліей Simon, и Робино, если бы онъ писалъ свою книгу послѣ опубликованнаго „неизданнаго документа“, пришлось бы навести точныя справки насчетъ спекуляцій г. Симона и графа Сень-Симона. *Un document inédit. Revue des deux Mondes.* 1899, т. CLIII, 143—4.

¹⁾ Ed. Rodrigues. I, XVIII—XIX.

²⁾ O. choisis. II, 415. *Ceuvres.* XXXVII. 47.

права, я навсегда отказываюсь отъ графскаго титула и считаю его гораздо ниже имени гражданина“. И Сень-Симонъ просилъ свой отказъ внести въ протоколъ.

Помимо рѣчи на избирательномъ собраніи, Сень-Симонъ произнесъ нѣсколько рѣчей въ общинной церкви, внушая своимъ соотечественникамъ „сильнѣйшую любовь къ свободѣ и равенству“. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ проповѣдей община послала въ національное собраніе адресъ, сочувственный его дѣятельности, обложила себя добровольно особымъ патриотическимъ налогомъ и отказалась отъ скидки съ подати, когда въ концѣ 1789 года были обложены привилегированные. Община предложила Сень-Симону должность мэра,—онъ отказался, предостерегая народъ—не назначать на какія-либо мѣста дворянъ и священниковъ до конца революціи ¹⁾. Наконецъ, въ маѣ 1790 года Сень-Симонъ на кантональномъ собраніи убѣдилъ избирателей послать въ національное собраніе просьбу—уничтожить дворянскіе титулы. Сень-Симону была поручена редакція.

Въ началѣ адреса выражается восхищеніе предъ законодательной дѣятельностью собранія, заявляется, что избиратели кантона единогласно рѣшили „посвятить первые моменты политическаго существованія, дарованнаго имъ собраніемъ, на то, чтобы поздравить это собраніе съ прекраснѣйшимъ пользованіемъ верховной властью, всеобщей волей, органомъ которой оно является“.

Это поздравленіе въ 1790 году звучало преждевременно, по-республикански, дальше чувствовался духъ, переходившій границы политическаго либерализма.

„Мы изъявляемъ вамъ глубочайшее презрѣніе къ этимъ свѣтскимъ ханжамъ, которые осмѣливаются призывать Бога въ защиту своихъ богатствъ, выказывая притворный страхъ предъ религіей, въ тотъ самый моментъ, когда 25 милліоновъ людей подають великій примѣръ вселенной—вспомнить, что Предвѣчный сотворилъ всѣхъ людей безразлично по

¹⁾ Hubbart. 21.—3.

своему образу, и перестают оскорблять величіе Всемогущаго *нечестивыми* отличіями рожденія, и желая впредь повиноваться только тѣмъ, кто больше другихъ приближается къ Его божественнымъ совершенствамъ, они объявляютъ, что всѣ граждане равно допустимы ко всѣмъ общественнымъ санамъ, должностямъ и мѣстамъ — сообразно своимъ способностямъ и безъ всякаго другого отличія, помимо добродѣтели и талантовъ. Пусть національное собраніе не воображаетъ, что горячее чувство, вызываемое въ насъ религіознымъ принципомъ равенства и человѣческихъ правъ, заставляетъ насъ съ огорченіемъ видѣть, что собраніе до сихъ поръ оставило нетронутыми титулы, напоминающіе намъ іерархическій строй тираніи. Напротивъ, мы восхищались его благоразуміемъ: собраніе, уничтожая всѣ привилегіи, связанныя съ титулами, заботливо сохраняло намъ легкой способъ—отличать въ нашей средѣ тѣхъ, кого личный интересъ отдѣлилъ отъ общаго дѣла“. Но теперь, заканчиваетъ Сень-Симонъ, власть справедливости достаточно упрочена, враги больше не страшны, не найдутъ ли „августѣйшіе законодатели“ умѣстнымъ уничтожить даже память о старомъ режимѣ? ¹⁾

Сень-Симонъ, очевидно, былъ совершенно увлеченъ первой эпохой революціи и могъ быть причисленъ къ самымъ пламеннымъ разрушителямъ. Въ адресѣ онъ говоритъ о „счастливой эпохѣ“ и рассчитываетъ, что революція окончательно восторжествуетъ со своими метафизическими идеями свободы и равенства,—и Сень-Симонъ въ адресѣ съ точностью воспроизводитъ выраженія *Декларации правъ*. Ясно, какъ далекъ онъ былъ въ 1790 году отъ сколько-нибудь оригинальной организаторской идеи. Замѣчательно, что онъ въ послѣдствіи ни разу не вспомнилъ ни о своихъ рѣчахъ, ни о своемъ адресѣ: несомнѣнно,—эти дѣйствія онъ считалъ недостойными своего позднѣйшаго политическаго міровоз-

¹⁾ *Ib.* 23—4. N. *hist.* 1, 15—6. Дворянство и титулы были уничтожены закономъ 23 іюня 90 года. Hélie. 120—1.

зрѣнія, и эти воспоминанія явились бы непримиримымъ противорѣчіемъ его критикѣ революціоннаго движенія. Остается удостовѣрить, по крайней мѣрѣ, два направленія идей Сень-Симона въ эпоху революціи: одно — безукоризненно революціонное, другое — критическое по отношенію къ революціи и организаторское сравнительно съ ея дѣятельностью. Сень-Симонъ въ извѣстный моментъ разочаровался въ революціи, открывшейся *Деклараціей правъ*, и остановился, внимательно всматриваясь въ людей и въ событія и задавая себѣ вопросъ о смыслѣ и концѣ всего движенія.

Когда это произошло, — у насъ нѣтъ данныхъ. Имѣется лишь косвенное указаніе. Сень-Симонъ усвоилъ крайне жесткій взглядъ на политическую власть толпы, заявилъ его въ первомъ же сочиненіи и остался при немъ до конца. Можно думать, въ тотъ моментъ, когда толпа получила значеніе въ революціонныхъ событіяхъ и обнаружила свое участіе насиліями, — Сень-Симонъ отвернулся отъ „религіозныхъ“ идей — равенства и свободы и невольно началъ приводить въ связь революціонную метафизику съ фактами. Съ этихъ поръ онъ вышелъ изъ политическаго потока и принялся за финансовую дѣятельность.

Какія побужденія руководили имъ?

Прежде всего, несомнѣнно, большую роль играла исконная страсть къ предпринимательству, къ авантюристическому прожектерству — въ индустріальномъ направленіи. А что касается цѣли — она заключалась въ окружающей дѣйствительности.

Сень-Симонъ могъ начать скупать національныя имущества не раньше конца 1790 года. Въ ноябрѣ предыдущаго послѣдовалъ законъ о націонализациіи имущества духовенства, въ сентябрѣ слѣдующаго — однородный законъ о коронной собственности, а въ августѣ Мирабо уже предлагалъ продажу національныхъ имущества для покрытія государственнаго долга ¹⁾. Эти имущества, оцѣненные почти

¹⁾ Hélie. 55, 111. Laferrière. 153.

въ два съ половиной милліарда, должны были послужить обезпеченіемъ ассигнацій. Выпускъ ихъ означалъ какъ бы предварительное отчужденіе національной собственности. Государственные кредиторы платили долги ассигнаціями, и онѣ принимались, какъ привилегированная плата при покупкѣ національныхъ имуществъ. По возвращеніи въ казну, ассигнаціи должны были сжигаться. Выпускъ ихъ не могъ, по закону, превысить цѣнности имуществъ. Правительство позаботилось обставить распродажу имуществъ всевозможными льготами и удобствами, имѣя въ виду превратить ихъ въ возможно ходкій *товаръ*, по выраженію Мирабо. Ассигнаціи одновременно должны были замѣнить драгоцѣнные металлы и представлять собой національное богатство.

Расчеты не осуществились. Металлическія деньги исчезали предъ бумажными; пришлось прибѣгнуть къ принудительному курсу и все-таки ассигнаціи размѣнивались неохотно и быстро упали на 20% номинальной стоимости. Паденіе курса заставляло увеличивать выпуски, а выпускъ въ свою очередь понижалъ курсъ и уже учредительное собраніе довело сумму ассигнацій почти до двухъ милліардовъ; законодательное собраніе прибавило 900 милліоновъ, и ассигнація котировалась 43 за 100, но не переставала представлять національное имущество, и оно соотвѣтственно также падало въ цѣнѣ. Спекуляціи открывалось блестящее поприще. На него и вступилъ Сень-Симонъ.

Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ одновременно съ упадкомъ государственнаго кредита страна подверглась жестокимъ экономическимъ бѣдствіямъ. Мы знаемъ, къ какимъ результатамъ привели они органы правительства и само населеніе. Въ государствѣ исчезъ правомѣрный порядокъ. Одна конституція была отмѣнена, другая, только что созданная, не могла дѣйствовать. Всюду—въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ—царствовала беспощадная междоусобная война классовъ, доходившая до террористической и коммунистической проповѣди. Идеи свободы и справедливости казались навсегда погребенными въ ту эпоху, когда открыто на улицахъ и

въ тюрьмахъ происходила рѣзня, и въ Парижѣ водворялись настоящія шайки разбойниковъ, вынуждавшія жителей отдѣльныхъ секцій организоваться въ общества самозащиты. Можно было повѣрить въ наступленіе временъ варварства ¹⁾.

Требовалась незаурядная смѣлость, чтобы при такихъ условіяхъ заниматься денежными операціями. Сень-Симонъ и поплатился за нихъ: его, какъ подозрительнаго, посадили въ тюрьму, можетъ быть за союзъ съ пруссакомъ Редерномъ. Въ 93 году это значило начать путь на гильотину; Сень-Симону было о чемъ раздумать при неугомонной экзальтаціи его чувства и воображенія. Несомнѣнно, нравственно онъ много пережилъ сначала въ мрачномъ казематѣ Sainte-Pélagie, потомъ въ свѣтской Люксембургской тюрьмѣ. Впослѣдствіи онъ писалъ, будто ему ночью въ Люксембургѣ явился Карлъ Великій и предсказалъ ему великую славу философа ²⁾. Мишле готовъ вѣрить въ подлинность экзальтатическаго состоянія Сень-Симона: переживались необычайныя минуты, жизнь уподоблялась грезѣ, ежеминутно угрожавшая смерть превращала человѣка въ ясновидца ³⁾.

Какъ бы то ни было, мысль заключеннаго работала крайне нервно и не безъ примѣси мистической мечты. Именно въ эти будто предсмертныя дни Сень-Симонъ долженъ былъ съ особенной глубиной чувства и жаромъ воображенія переждать совершившіяся предъ нимъ событія. Мы увидимъ, что его психологія какъ мыслителя вообще въ высшей степени родственна духовной организаціи вдохновеннаго изобрѣтателя идей и образовъ. Главная сила нашего философа въ озаряющихъ геніальныхъ концепціяхъ, предупреждающихъ анализъ и предшествующихъ логическимъ комбинаціямъ от-

1) Levasseur. I, 179.

2) Письмо къ племяннику—*Oeuvres*. XV, 101.

3) Мишле имѣетъ въ виду другое видѣніе Сень-Симона—въ *Lettres d'un habitant de Genève*; здѣсь Сень-Симонъ не упоминаетъ о тюрьмѣ и не говорить о времени видѣнія,—и „une apparition“ въ *Письмахъ* могло быть просто ораторскимъ приѣмомъ, подходящимъ для пророчества. Michlet. *Hist. du XIX s.* I, 44.

дѣльныхъ мыслей и фактовъ: Сень-Симонъ творческая философская натура, а не изслѣдовательскій идеологическій умъ. Во время процесса писанія ему вспадаетъ, его осѣняетъ та или другая идея и онъ, безъ всякой пощады послѣдовательному развитію поставленной задачи, стремится за этой идеей и возвращается къ исходной точкѣ, только исчерпавъ ее и иногда извиняясь предъ читателемъ за свое увлеченіе ¹⁾. Въ этихъ наитіяхъ—вышіе моменты духовной жизни Сень-Симона, и трудно оцѣнить всѣ выгоды, какія, напримѣръ, аналитическій умъ Конта могъ извлечь изъ интуицій такого собесѣдника. И пребываніе въ тюрьмѣ было однимъ изъ періодовъ, особенно богатыхъ этими наитіями, при общемъ повышенномъ состояніи духа и при только что пережитыхъ необыкновенно внушительныхъ впечатлѣніяхъ.

Сень-Симону долженъ былъ со всей ясностью представиться общій смыслъ революціоннаго движенія. Начавшись съ ниспроверженія уже полуразрушеннаго стараго порядка, оно тщетно стремилось къ организаціи новаго. И это стремленіе выражалось въ поискахъ за новой доктриной—соціального и религіознаго содержанія. Первая грань, гдѣ рассчитывала остановиться революція,—провозглашеніе гражданской церкви и всеобщаго равенства, оказалась непрочной по самой своей основѣ: католическая доктрина обнаружила внутреннее несоотвѣтствіе новымъ запросамъ чловѣческаго ума и вновь создающемуся общественному строю, а *Декларация правъ* немедленно повела къ противорѣчіямъ и выказала бесплодность положительнаго творчества непосредственно за уничтоженіемъ дворянскихъ привилегій. Сама дѣйствительность, слѣдовательно, указывала на неизбѣжность новаго нравственно-философскаго ученія и введенія въ него вопроса о *классахъ*, т.-е. о собственности, о соціальной справедливости.

Что и новая доктрина должна была носить религіозный

1) Особенно характерные примѣры—*Oeuvres* XL, 53, 61, 132; XX, 240, 185.

характеръ, это выяснялось изъ тѣхъ же фактовъ революціи, изъ многочисленныхъ попытокъ новыхъ преобразователей создать государственную церковь и общій символъ вѣры. Они въ этомъ стремленіи продолжали традицію просвѣтительной эпохи и безпрестанныя ссылки ихъ на ея идеи не могли не убѣдить Сень-Симона въ постоянствѣ культурной струи, которую можно назвать общечеловѣческой жаждой положительнаго міровоззрѣнія. Религіозно - догматическій характеръ новаго движенія Сень-Симонъ готовъ видѣть еще въ началѣ. Онъ *Декларацию правъ* склоненъ приравнять къ символу вѣры, ея истины называетъ *религіозными*, а старыя основы общества—*нечестивыми*. Въ этихъ выраженіяхъ нельзя видѣть внушенія религіознаго чувства въ общепринятомъ смыслѣ; но они плодъ *догматическаго* настроенія, положительно организующаго ума. Съ точки зрѣнія догматизма и организациі смотрѣль Сень-Симонъ на революціонные манифесты и разочаровался въ нихъ послѣ того, какъ открылось ихъ безсиліе упрочить общественный порядокъ и установить новую доктрину. Отсутствіе ея стояло въ естественной связи съ политической и особенно соціальной смутой. Народъ, отшатнувшійся отъ католичества, остался безъ всякаго нравственнаго руководства и отдался внушеніямъ первобытныхъ инстинктовъ. Необходимость подчинить эти инстинкты доктринѣ сознавалась среди всѣхъ партій, и это сознаніе лежало въ основѣ революціонныхъ культтовъ.

Сень-Симонъ могъ близко видѣть новыя религіи Разума и Верховнаго существа, убѣдиться въ ихъ беспочвенности и причину ея усмотрѣть въ томъ же общемъ смыслѣ новыхъ религіозныхъ доктринъ, какой осудилъ на соціальное безплодіе политическое ученіе *Декларациі*, т.-е. въ метафизичности ихъ источника и ихъ положеній. Катехизисы Разума и Верховнаго существа опирались на ту же категорію философскихъ идей, какая внушила и революціонную разрушительную политику, т.-е. на анти-теологію. Исключительно-критическій характеръ этой категоріи долженъ былъ стать очевиднымъ уму Сень-Симона послѣ одинаково без-

плодныхъ опытовъ творчества въ области социальнаго и нравственнаго порядка. Оставалось найти другую почву для созиданія, другой источникъ организаторскихъ идей. И онъ отыскивался просто,—по методу остатковъ. Метафизика Руссо и Вольтера являлась исчерпанной, роль ея сыграна въ тотъ моментъ, когда общество находилось въ состояніи крайней политической дезорганизации. Какая же могла быть болѣе прочная основа порядка, чѣмъ отжившая католическая метафизика и положительно безпомощная философская? Только почва точныхъ и опытныхъ наукъ.

Мы знаемъ,—мысль XVIII-го вѣка шла этими двумя путями, и учитель Сень-Симона принадлежалъ къ научному. Ученикъ теперь могъ съ особеннымъ чувствомъ припомнить уроки Даламбера. Одновременно не могъ не припомниться и докладъ, прочитанный Кондорсе въ законодательномъ собраніи 20 апрѣля 1792 года—о народномъ образованіи. При всемъ метафизическомъ энтузіазмѣ, Кондорсе—какъ настоящій ученый—настаивалъ на самомъ широкомъ распространеніи опытныхъ наукъ и требовалъ наравнѣ съ ними преподаванія морали, очевидно не сомнѣваясь въ ея научномъ составѣ. Кондорсе мечталъ о непрерывномъ распространеніи въ народѣ знаній и нравственныхъ воззрѣній; даже взрослые должны были разъ въ недѣлю или въ мѣсяць слушать лекціи. И мы знаемъ, идея государственной доктрины, преподаваемой путемъ уроковъ и публичныхъ чтеній,—одна изъ популярнѣйшихъ задачъ революціоннаго движенія. Сень-Симонъ не могъ не присоединиться къ ней и не поставить себѣ первой практической цѣли дѣятельности: обширное ученое учрежденіе для усовершенствованія и распространенія наукъ.

Другая цѣль также была не только намѣчена революціей, но даже осуществлена, хотя и крайне неудачно. Помимо воспитанія народу въ ближайшемъ будущемъ требовалось дать работу. Революція изобрѣла національныя мастерскія. Сень-Симонъ также составляетъ планъ „промышленнаго учрежденія“ и даже начинаетъ постройки.

Такимъ образомъ, философскій и соціальный путь въ общихъ чертахъ Сень-Симонъ получаетъ отъ XVIII-го вѣка и отъ революціи. Новая научно-нравственная доктрина и улучшение соціального положенія массы: одна идея сопровождается великимъ значеніемъ, какого опытная наука достигаютъ при революціи даже въ судьбѣ государства, а другая—чрезвычайно важной ролью, доставшейся не собственникамъ въ революціонной смутѣ. Сень-Симону оставалось только глубоко почувствовать общій смыслъ современныхъ событій. Обычная экзальтація немедленно заслонила предъ глазами философа всѣ чисто-матеріальныя соображенія, и онъ рѣшилъ тратить свои доходы съ неограниченной щедростью на совершенствованіе науки и индустріи.

Мы знаемъ, —доходы принадлежали не одному Сень-Симону. Еще въ Мадридѣ онъ познакомился съ нѣмецкимъ дипломатомъ, по матери французскаго происхожденія—графомъ Редерномъ. Графъ далъ Сень-Симону 660.000 ливровъ. У самого Сень-Симона, надо полагать, не было большихъ средствъ. Отецъ его умеръ въ 1783 году, и эта смерть не оказала никакого вліянія на финансовое положеніе сына. Богатство въ семью принесла мать, но ее разорила революція ¹⁾. Слѣдовательно, въ компаніи съ Редерномъ Сень-Симонъ участвовалъ преимущественно, а можетъ быть, и исключительно личнымъ трудомъ: онъ и самъ позже утверждалъ, что всѣ средства свои заработалъ, а не наслѣдовалъ. Искусства особеннаго не требовалось, а только смѣлость. Сень-Симонъ намѣревался за сравнительно небольшую сумму приобрѣсти національныхъ имуществъ на десять милліоновъ и скупилъ, между прочимъ, всѣ имуществва въ дѣломъ департаментѣ ²⁾. Въ январѣ 1791 года Редернъ покинулъ Парижъ, и Сень-Симонъ остался единственнымъ распорядителемъ. Ассигнаціи не переставали падать, и къ послѣднимъ днямъ конвента фунтъ хлѣба стоилъ 50 ливровъ, фунтъ

¹⁾ Сообщение самого Сень-Симона,—Ed. Rodrigues. XXVI.

²⁾ *Histoire Flers*. 147. N. hist. 1, 17.

мяса—130, и со времени казни Робеспьера до закрытія конвента было выпущено ассигнацій почти на тридцать миллиардовъ. И въ теченіе всего этого времени Сень-Симонъ пользовался ассигнаціями для уплаты за свои покупки, а Редернъ, въ качествѣ иностранца, не могъ явиться въ Парижъ. Помимо труда, Сень-Симонъ несъ и очень серьезный рискъ: одиннадцатимѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ находилось въ непосредственной связи съ финансовыми операціями при участіи иностраннаго капиталиста. Только смерть Робеспьера спасла Сень-Симона. Редернъ могъ показаться въ Парижѣ лишь въ сентябрѣ 1797 года и тотчасъ же рѣшилъ порвать съ Сень-Симономъ.

Помимо скупки національныхъ имуществъ, Сень-Симонъ пускался и въ другія предпріятія, весьма разнообразныя и не всѣ, вѣроятно, сообщенныя нашими источниками. Онъ открылъ торговлю ниткой и полотномъ, вошелъ въ компанію съ однимъ изъ своихъ друзей и основалъ промышленное дѣло въ провинціи; въ Парижѣ завелъ диллижансы усиленной скорости подъ именемъ *молнія* ¹⁾. О Сень-Симонѣ этой эпохи Мишле со словъ очевидца рассказываетъ такъ: „Это былъ красивый мужчина, очень веселый, съ открытой, беззаботной внѣшностью, съ удивительными глазами, съ красивымъ длиннымъ донъ-кихотскимъ носомъ. Онъ жилъ въ Пале-роялѣ и въ окрестностяхъ его, среди цинической свободы большого барина-санкюлота. Одѣвался онъ въ духѣ Анаксагора Шометта,—совсѣмъ безъ галстука, или съ очень низко и кое-какъ повязаннымъ, въ модномъ плащѣ. Всегда среди женщинъ и дѣлъ—онъ тѣмъ не менѣе преданъ былъ прежде всего идеѣ. И даже дѣла и женщины, очевидно, были для него предметомъ для наблюдений, для отважныхъ опытовъ. Онъ былъ изумительно, чудовищно любознателенъ: всегда искалъ, учился, расточалъ то, что узнавалъ, и передавалъ другимъ. Отъ него нельзя было оторваться“.

Тотъ же очевидецъ восхищается остроуміемъ и даромъ

¹⁾ *Biographie des hommes vivants*. P. 1819. V. Hubbard. 26. Michlet. 145. *Hist. de Flers*. 148.

слова Сень-Симона. Его бесѣда часто направлялась на довольно откровенные предметы, но „онъ умѣлъ разсуждать серьезно о серьезныхъ вещахъ“. Его разговоры обыкновенно вращались около недостатковъ современнаго социальнаго строя. Сень-Симонъ намѣревался преобразовать его. Разказчикъ не помнитъ, чтобы Сень-Симонъ когда-либо говорилъ о положеніи женщинъ въ своей будущей организаціи. Разказчикъ знаетъ только, что Сень-Симонъ не былъ равнодушенъ къ „этой половинѣ человѣческаго рода“ и цѣнилъ особенно высоко достоинства сердца. „Самая красивая женщина, — говорилъ онъ, — не имѣетъ для меня никакой привлекательности, если ея внѣшность не выражаетъ доброты“.

Къ деньгамъ Сень-Симонъ относился съ совершеннымъ равнодушіемъ и готовъ былъ раздавать ихъ направо-нальво. Побуждая другихъ на полезную предприимчивость, онъ здѣсь же предлагалъ свои средства ¹⁾.

Оригинальный умъ и блестящая личность привлекали къ Сень-Симону немало друзей и восхищенныхъ наблюдателей. Къ числу ихъ принадлежали извѣстный намъ Клуэ и Коэсэнъ, такой же неутомимый искатель истины и гармоніи, сначала скептикъ, потомъ мистикъ. Несомнѣнно, — въ такихъ рукахъ деньги подвергались сильнѣйшей опасности исчезнуть безвозвратно, и Редернъ устроилъ раздѣлъ. Сень-Симонъ предоставилъ вопросъ одному Редерну и въ результатѣ получилъ всего 144,000 ливровъ, между тѣмъ какъ Редерну досталась рента въ 150,000. Разобраться въ счетахъ компаніоновъ нѣтъ возможности; можно опредѣлить только нравственное право Сень-Симона на участіе въ богатствѣ, приобрѣтенномъ исключительно его трудомъ. Это право несомнѣнно: всѣ помѣстья Редерна оказались въ томъ самомъ департаментѣ Орнъ, гдѣ дѣйствовалъ Сень-Симонъ и среди нихъ замокъ Флерсъ. Редернъ натурали-

¹⁾ Со словъ Фоусу, въ молодости увлеченнаго Сень-Симономъ до обожанія. Отрывокъ изъ его неизданныхъ *Записокъ* у Weill'я, 12 — 3. Ср. Michlet. 40—1.

зовался во Франціи и занялся усовершенствованнымъ сельскимъ хозяйствомъ, а потомъ фабрикаціей химическихъ продуктовъ, спекуляціями съ желѣзомъ; вообще, развилъ во Франціи обширную предпринимательскую дѣятельность. И все это на почвѣ земельного богатства, созданнаго Редерну Сень-Симономъ. Только политическая карьера не удалась Редерну: онъ былъ забаллотированъ въ депутаты, и эта неудача заставила его покинуть замокъ въ 1815 году. До тѣхъ поръ, по словамъ мѣстнаго историка, онъ жилъ съ великимъ блескомъ. Всѣ эти данныя, несомнѣнно, не служатъ къ оправданію Редерна, отказывавшаго Сень-Симону въ помощи и даже прекратившаго ему ежемѣсячное пособіе въ 100 ливровъ, выдававшееся нѣкоторое время ¹⁾. Блескъ сеньеріальной жизни Редерна, столь противоположный лишеніямъ Сень-Симона, долженъ былъ вызывать крайне рѣзкія чувства у основателя этого блеска, и всѣ угрозы Сень-Симона, въ результатѣ не принесшія Редерну ни малѣйшаго ушерба, находятъ достаточное объясненіе въ этомъ простомъ фактѣ.

Но пока Сень-Симонъ не помышляетъ о мести. Онъ довольствуется полученной долей и приступаетъ къ выполненію своего плана.

Необходимо кончить революцію,—такова программа, общая у него съ другими внимательными наблюдателями событій. Мы говорили о сочиненіи г-жи Сталь, написанномъ на эту тему. Рукопись возникла въ 1791 году и возставала противъ метафизической идеологіи, требуя прочной нравственной дисциплины для потрясеннаго общества. Та же самая задача была ясна не только первостепенной писательницѣ эпохи, но даже безыменнымъ агентамъ графа Прованскаго. Нѣсколько лѣтъ спустя они въ своихъ донесеніяхъ развивали ту же идею необходимости систематизаціи мнѣній и цѣлей для успокоенія Франціи ²⁾.

¹⁾ *Hist. de Flers.* 149.

²⁾ Въ 1802 году. *M-me Staël et la Rep. en 1798.* *Revue des deux Mondes,* 1 nov. 99. 95.

И Сень-Симонъ приступаетъ къ рѣшенію задачи съ такою послѣдовательностью, какой только можно требовать отъ убѣжденнаго преобразователя.

Въ 1797 году онъ рѣшаетъ открыть человѣческому уму „физико-политическое“ поприще. Въ этомъ выраженіи заключается, во-первыхъ, опредѣленная общая программа—поставить политическіе вопросы на почву опытнаго изслѣдованія, примѣняемаго въ естественныхъ наукахъ,—а потомъ обнаруживается общее философское направленіе ума Сень-Симона въ началѣ его дѣятельности, пристрастіе къ исключительно физиологическому анализу, твердая увѣренность всѣ нравственныя явленія свести къ матеріальнымъ процессамъ и выводамъ такого анализа придать форму новой религіозной доктрины. Рѣшительная оппозиція идеологической метафизикѣ направила Сень-Симона въ область непосредственно осязательныхъ фактовъ. Идеализмъ революціонной мысли—политической и философско-религіозной—нашелъ противовѣсъ въ контрастѣ—въ *физицизмъ*, и Сень-Симонъ пользуется этимъ вновь изобрѣтеннымъ терминомъ для выраженія процесса изслѣдованій и умозаключеній, противоположнаго беспочвенной и субъективной игрѣ теологическаго и критическаго ума. До сихъ поръ общественнымъ строеніемъ занимались исключительно литераторы и политики-любители, теперь дѣло должно перейти въ руки людей, единственно способныхъ обладать безспорными истинами и чѣмъ выше и доказательнѣе эта способность, тѣмъ преимущественнѣе и законнѣе политико-организаторская дѣятельность ея представителей. А такой способностью, несомнѣнно, одарены математики и за ними всѣ таланты въ области опытнаго знанія.

И Сень-Симонъ намѣренъ порвать съ литературнымъ, публицистическимъ и отвлеченно-философскимъ духомъ просвѣтительнаго движенія, перейти на сторону естествоиспытателей. Выработка идей здраваго смысла и положеній естественнаго права привели только къ упраздненію стараго порядка,—создать новый можетъ только умъ постиг-

шій законы природы на ея явленіяхъ, начиная съ простѣйшихъ и кончая наиболѣе сложными. Послѣ работъ Галля, Биша, Кабаниса Сень-Симонъ не сомнѣвается, что *метафизика*—плодъ воображенія, *физика*—всеобъемлющая наука. Сень-Симонъ вступаетъ въ личныя сношенія съ названными учеными и отъ нихъ слышитъ еще болѣе тщательное разъясненіе отношеній между явленіями физическими и нравственными. Литературный талантъ Кабаниса, систематическій умъ Галля, великое научное подвижничество Биша вызываютъ глубоко восторженныя чувства Сень-Симона, и они должны получить особенную устойчивость послѣ многочисленныхъ бесѣдъ съ Блэнвиллемъ.

Этотъ ученый, по своему личному характеру, по догматическимъ наклонностямъ своей сильной и прямой натуры, по энциклопедическимъ свѣдѣніямъ въ области естествознанія, долженъ былъ часто *экзальтировать* искателя системы. Особенно одна черта въ воззрѣніяхъ Блэнвилля могла производить внушительное дѣйствіе на горячую голову Сень-Симона.

Блэнвилль былъ искренно религіозенъ, не только понималъ, но и чувствовалъ культурное и нравственное значеніе религіозной вѣры, и въ то же время считалъ величайшей задачей человѣчества систематизировать научныя знанія, привести ихъ къ единству. Именно съ этой точки зрѣнія, мы знаемъ, Блэнвилль высоко цѣнилъ дѣятельность Галля, хотя и не могъ сочувствовать материалистическимъ выводамъ ея основного принципа. Эта систематизація не могла ограничиться однимъ теоретическимъ интересомъ. Блэнвилль на ней основывалъ высокое призваніе науки и ученыхъ. Рѣдко кто съ такимъ пренебреженіемъ выражался о вмѣшательствѣ ученыхъ въ современныя политическія смуты и рѣдко кто съ такой настойчивостью, какъ Блэнвилль, подчеркивалъ несовмѣстимость преслѣдованія какой-либо научно-философской идеи съ участіемъ въ „политической смутѣ“ ¹⁾. Это противоположеніе политическихъ

¹⁾ Blainville. III, 68, 278.

страстей и, слѣдовательно, ученій современности философскому объединенію наукъ, несомнѣнно, произвело глубокое впечатлѣніе на Сень-Симона, такъ же какъ и логически возникавшее представленіе о неизмѣримо болѣе высокомъ назначеніи ученыхъ сравнительно съ политиками современнаго типа. Въ одномъ только Сень-Симонъ не могъ послѣдовать за своимъ собесѣдникомъ—въ его католическихъ чувствахъ. Блэнвилль, какъ искренно-вѣрующій, долженъ былъ разсчитывать на гармонію будущей научной системы съ церковно-религіознымъ ученіемъ,—Сень-Симонъ не могъ до такой степени отрѣшиться отъ преданій просвѣтительной философіи, чтобы остаться въ лонѣ католичества. Онъ постепенно шель къ *историческому* взгляду на католическую доктрину, одинаково далекому отъ преклоненія Блэнвилля предъ традиціей и отъ философскаго метафизическаго отрицанія.

Приобрѣтеніе этого взгляда—одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ философскомъ развитіи Сень-Симона, какъ и вообще въ судьбѣ новой позитивной философіи. Историческаго отношенія къ культурнымъ явленіямъ не могло быть у автора извѣстнаго намъ адреса въ національное собраніе, вообще, у политика, смотрѣвшаго на *Декларацию правъ*, какъ на самодовлѣющей, первичный источникъ общественной организаціи. Восторгъ предъ отдѣльнымъ моментомъ, какъ кульминаціоннымъ пунктомъ умственнаго сознанія и политическаго строительства,—настроеніе чисто-метафизическое, достойное Кондорсе, автора того самаго сочиненія, какое впоследствии встрѣтитъ въ лицѣ Сень-Симона суроваго критика. Очевидно, историзмъ, если такъ можно выразиться, приобрѣтенъ Сень-Симономъ въ теченіе революціи, къ тому времени, когда въ его умѣ сложился терминъ *la carrière physico-politique*. Терминъ говорилъ объ *опытахъ* и научныхъ *выводахъ*, т.-е. о самопроизвольныхъ результатахъ извѣстныхъ предшествующихъ фактическихъ данныхъ. И квалификація *physico*—свидѣтельствовала о рѣшительномъ поворотѣ мысли отъ героической политики къ эволюціонной.

Поворотъ совершился около 1797 года. Около этого времени у Сень-Симона происходила замѣчательная бесѣда съ докторомъ Бюрдэномъ. О ней Сень-Симонъ сообщилъ только пятнадцать лѣтъ спустя, въ *Mémoire sur la science de l'homme*. Сообщение оказалось настолько значительнымъ, что уполномочило нѣкоторыхъ критиковъ окончательно принести Сень-Симона въ жертву Бюрдэну, всѣ его болѣе или менѣе цѣнныя философскія идеи приписать его собесѣднику, Бюрдэна объявить „первымъ основателемъ позитивизма“. Наиболѣе авторитетный защитникъ этой мысли—извѣстный французскій новоконтіанецъ—Ренувье. Но откуда Ренувье извѣстно ученіе Бюрдэна? Исключительно изъ сочиненія Сень-Симона ¹⁾. Кромѣ того философъ ссылается еще на статью въ одной газетѣ шестидесятихъ годовъ. Ссылаться было совершенно лишнее. Статья просто на основаніи все того же сообщенія Сень-Симона называется „забытаго“ Бюрдэна „истиннымъ наслѣдникомъ Кондорсе“, высказывавшимъ все лучшее, что есть въ сочиненіяхъ Сень-Симона и Конта ²⁾. Такимъ образомъ являлась на сцену круп-

1) Renouvier *L'Année philosophique*, P. 68. 12—13.

2) *L'Avenir National*, 1865, 10 août, № 213, авторъ статьи Fred. Morin.—издатели *Oeuvres de S. S. et d'Enf.* протестовали противъ статьи, —авторъ отвѣчалъ, соглашаясь, что Сень-Симону принадлежитъ только редакция текста, а идеи вообще ученымъ при директоріи и при первой республикѣ,—слѣдовательно, не одному Бюрдэну (16 août, № 219). Въ первой статьѣ авторъ перечислялъ ученыхъ (Монжа, Лапласа, Кювье, Сталь) современныхъ Сень-Симону и не приписывалъ имъ никакого участія въ позитивизмѣ. Надо полагать,—и участіе Бюрдэна не было безусловно убѣдительно для автора, по крайней мѣрѣ—всеобъемлющее участіе. Въ той же газетѣ нѣсколько раньше была напечатана статья, гдѣ, между прочимъ, всѣ историческія и социальныя сочиненія первой половины XIX-го вѣка приписывались двумъ источникамъ—идеямъ Констана и Сталь и философіи Сень-Симона; дальше слѣдовали продуманныя, повидимому, похвалы оригинальному философскому творчеству Сень-Симона: „il n'y a qu'une intelligence vraiment supérieure qui puisse imprimer une direction durable à des âmes vraiment libres... Doué d'une puissance rare de création intellectuelle, merveilleusement habile à tirer de deux ou trois faits une théorie ingénieuse. Наконецъ, по мнѣнію автора, Сень-Симонъ первый въ началѣ XIX вѣка понялъ во всемъ значеніи идею Кондорсе о прогрессѣ, и одинъ онъ сдѣлалъ эту идею основной связью знаній, въ ней

ная философская величина, по странной случайности, не оставившая въ исторіи новой мысли другихъ прочныхъ слѣдовъ, кромѣ нѣсколькихъ страниць у Сень-Симона.

Кто же былъ Бюрдэнъ?

У Ренувье и въ газетной статьѣ нѣтъ о немъ никакихъ свѣдѣній. У Литтре сказано, что Бюрдэнъ авторъ сочиненія *Cours d'études médicales*, вышедшаго въ 1803 году. Оппонентъ Литтре—фурьеристъ Пелларенъ—произвелъ архивныя изысканія и нашель, что во французской арміи было два доктора Бюрдэна и одинъ изъ нихъ, несомнѣнно, собесѣдникъ Сень-Симона: его имя, какъ военнаго врача, значится въ спискѣ лицъ, которымъ Сень-Симонъ разослалъ *Travail sur la gravitation universelle*, и кромѣ того Сень-Симонъ говоритъ о его занятіяхъ въ военныхъ госпиталяхъ ¹⁾. Помимо архивныхъ указаній имѣются печатныя, современныя Бюрдэну; они сообщаютъ, что онъ занимался опытами надъ гальванизмомъ и усовершенствованіемъ лѣченія воздухомъ; наконецъ, на него ссылается Кабанисъ ²⁾.

Таковы всѣ данныя, добытыя до сихъ поръ литературой о Бюрдэнѣ. Самый оригинальный фактъ, отмѣченный Пеллареномъ: Бюрдэнъ на тридцать лѣтъ пережилъ Сень-Симона и не попытался даже отдаленно воспользоваться идеями, вложенными въ его уста Сень-Симономъ. Но Пелларенъ, повидимому, ошибается вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, приписывая Бюрдэну только одно сочиненіе, названное выше. Предъ нами нѣмецкій переводъ французской книги *O человекъ*, вышедшій въ Тюбингенѣ въ 1803 году. Авторъ сочиненія—*Бюрдэнъ* и, по нашему мнѣнію, сень-симоновскій,—на слѣдующемъ основаніи.

Сень-Симонъ свое сообщеніе о Бюрдэнѣ начинаетъ за-

искалъ живого объясненія явленій прошлаго и будущаго,—этимъ онъ приобрьлъ безсмертіе (25 juillet, № 197).—Во всей статьѣ о Бюрдэнѣ не упоминается ни слова.

¹⁾ Littré. 96. Pellarin. 139. *Oeuvres* XV, 139, XL, 45. Литтре насчитываетъ 3 тома въ сочиненіи Бюрдэна,—на самомъ дѣлѣ ихъ пять.

²⁾ *Oeuvres des Vicq-d'Azyr* P. 1805, I. 9. Ср. Picavet. *Les Idéologues*, 454.

явленіемъ, что Бюрдэнъ „уяснилъ ему значеніе фізіологіи“. Книга, о которой мы говоримъ, доказываетъ именно значеніе фізіологическихъ знаній для развитія истинно-научнаго взгляда на человѣка и его органическую жизнь ¹⁾). Сочиненіе—чисто-спеціального содержанія, никакихъ намековъ на философскую культурно-историческую идею въ немъ нѣтъ. Правда, авторъ настаиваетъ на историческомъ изученіи органовъ у различныхъ животныхъ: только такимъ путемъ можетъ выясниться значеніе каждаго органа и получиться цѣльное представленіе о развитіи организма ²⁾). Идея эта, несомнѣнно, можетъ быть связана вообще съ историческимъ возрѣніемъ на явленія всѣхъ категорій, но Бюрдэнъ здѣсь же ссылается на Кювье, какъ своего руководителя въ поставленной задачѣ.

Въ результатѣ,—намъ остается совершенно невѣдомой философская сила Бюрдэна, независимо отъ передачи его словъ Сень-Симономъ. Но этотъ источникъ не только въ этомъ случаѣ, но вообще всегда, когда рѣчь идетъ о пересказѣ чужихъ мыслей, является отнюдь не фактическимъ. У Сень-Симона свой особенный способъ не только излагать чужія мысли, но даже приводить цитаты изъ чужихъ произведеній. Онъ понимаетъ, что способъ этотъ можетъ „смутить“ читателя, показаться ему „смѣшнымъ“, но для Сень-Симона важна связь и полнота идеи, *вся* цѣль логическаго разсужденія, а не принадлежность ея отдѣльныхъ звеньевъ отдѣльнымъ авторамъ.

Способъ его слѣдующій. Такъ какъ идейная работа принадлежитъ и ему, и еще другому мыслителю, то представляется возможными три редакціи: первая—всѣ идеи приписать другому, вторая—всѣ идеи изложить отъ собственнаго лица, третья—подѣлить идеи между авторами.

¹⁾ *Vom Menschen. Beschreibung seines organischen Baues, verglichen mit dem Bau der Thiere; Geschichte seiner Krankheiten, Erklärung seiner organischen Lebens.* Aus dem französischen des Herrn Burdin übersetzt. Tübingen 1803. *Vorbericht.* II—III.

²⁾ *Vorbericht.* VII.

Сень-Симонъ первую редакцію считаетъ наиболѣе удобной, признавая редакцію вообще „второстепеннымъ“ вопросомъ, главный — „сущность“ идей. Общее правило для Сень-Симона: влагать идеи въ уста тѣхъ, „къмъ онѣ должны быть лучше всего приняты“, т.-е. въ уста мыслителя, установившаго принципы или первыя звенья идейнаго ряда. Такъ Сень-Симонъ поступаетъ съ Викъ д'Азиромъ, заставляетъ его излагать весь путь естественной эволюціи человѣка и человѣчества, потому что Викъ д'Азиру, какъ сравнительному анатому, принадлежитъ выясненіе первыхъ стадій органическаго развитія. Даже больше. Приводя выписку изъ предисловія Викъ д'Азира къ *Сравнительной анатоміи*, Сень-Симонъ не считаетъ нужнымъ держаться подлиннаго текста, вводитъ идеи, навѣянные ему разсужденіями ученаго, или устными бесѣдами съ нимъ. Единственное условіе, — лишь бы эти идеи не противорѣчили основному принципу, исходной точкѣ разсужденія. Послѣ этого Сократъ можетъ быть уполномоченъ изложить всѣ стадіи умственнаго развитія человѣчества, потому что европейская умственная культура примыкаетъ къ философской дѣятельности учителя Платона и Аристотеля ¹⁾).

Легко теперь представить, что значить на языкѣ Сень-Симона—идеи какого-либо мыслителя: это—цѣлое міровозрѣніе, связанное съ этими идеями, вдохновленное ими, по мнѣнію философа—основанное на нихъ. Естественно, можетъ представиться не одинъ случай, когда виновникъ „первыхъ терминовъ ряда“, по выраженію Сень-Симона, не признаетъ себя авторомъ послѣднихъ или самъ не додумается до нихъ. Относительно Викъ д'Азира это—несомнѣнно. Знаменитому врачу и анатому не могло придти на умъ изслѣдовать періоды умственнаго и соціальнаго развитія человѣчества. Въ его натурѣ не было соціологическихъ задатковъ; онъ не могъ не только наблюдать и осмысливать современнаго переворота, но онъ даже утратилъ разсудокъ и умеръ

¹⁾ *Oeuvres*. XL, 173, 70, 81, 23, 150.

подъ давленіемъ событій. А Сень-Симонъ на основаніи того, что Викъ д'Азиръ классифицировалъ царство животныхъ сообразно съ усложненіемъ ихъ органическаго строе- нія, подчинилъ вдохновенію его и классификацію человѣ- ческихъ обществъ въ зависимости отъ совершенствованія ихъ структуры. Викъ д'Азиръ былъ продолжателемъ Гал- лера и предшественникомъ Галля на пути къ выясненію зависимости нравственнаго міра отъ органическаго строе- нія, и Сень-Симонъ былъ увлеченъ перспективой систе- матизаціи неорганическихъ и органическихъ тѣлъ въ строй- ные ряды, подчиненные одному принципу прогрессивнаго развитія ¹⁾).

Какъ послѣ этого разграничить мысли нашего философа и тѣхъ авторовъ, которые увлекали его своими идеями? Сень-Симонъ, очевидно, держался относительно другихъ писателей — политики прямо противоположной, чѣмъ Контъ, считавшій за безусловную и неприкосновенную оригиналь- ность даже непосредственное объясненіе и дополненіе чу- жой идеи. Можно задать вопросъ, зачѣмъ Сень-Симону не- премѣнно требовалось идеи влгаты въ чьи-либо уста? И на этотъ счетъ у философа — своеобразный взглядъ. По его мнѣнію, объ органическихъ тѣлахъ слѣдуетъ разсуждать иначе, чѣмъ о неорганическихъ: надо „сообщать больше жизни своимъ мыслямъ“ и избѣгать холоднаго, безличнаго оборота, — *le froid on*, а елико возможно умножать количе- ство своихъ собесѣдниковъ ²⁾). Какой критикъ можетъ по- чтительно считаться съ подобными соображеніями?

Но ихъ, разумѣется, необходимо имѣть въ виду при рѣ- шеніи вопроса о заимствованіяхъ Сень-Симона, и прежде всего въ случаѣ съ Бюрдэномъ. Несомнѣнно въ томъ от- рывкѣ, какой и въ *Mémoire sur la science de l'homme* озаглав- ленъ Burdin, нашли мѣсто такія же дополненія и разъясненія принциповъ, о какихъ Сень-Симонъ говоритъ по поводу

¹⁾ Ср. Blainville. III, 84—124. *Oeuvres de V. d'Azur. Discours sur la vie et les oeuvres de V. d'Azur.*

²⁾ *Oeuvres.* XL, 47—8.

Викъ д'Азира. Въ результатѣ разсужденіе получило форму, дѣйствительно обезпечивавшую дальнѣйшее развитіе позитивизма.

III.

Общій принципъ—исторія человѣчества во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности объясняется исторіей человѣческаго разума. Ступеней развитія двѣ: гадательная и позитивная. Всѣ науки поочередно проходили эти ступени—въ зависимости отъ болѣе или менѣе сложнаго характера предметовъ, подлежащихъ изученію ихъ. До сихъ поръ достигли позитивной стадіи—астрономія и химія, фізіологія послѣ работъ Викъ д'Азира, Кабаниса, Биша и—прибавляетъ авторъ—Кондорсе остается сдѣлать одинъ шагъ къ позитивизму; психологія, которую авторъ считаетъ отдѣльной наукой, начинаетъ опираться на фізіологію. Величайшимъ моментомъ будетъ окончательное превращеніе философіи въ позитивную науку, тогда постепенно обнаружатся слѣдующіе результаты: фізіологія станетъ предметомъ общественнаго преподаванія; нравственность сдѣлается положительной наукой: только фізіологъ можетъ доказать, что пути добродѣтели и счастья совпадаютъ; политика также явится положительной наукой; политическіе вопросы будутъ разрѣшаться подобно вопросамъ гігіены; философія приобрѣтетъ позитивный характеръ, такъ какъ составъ ея образуется изъ данныхъ отдѣльныхъ наукъ; религіозная система усовершенствуется. Дююки доказаль, что всѣ религіи основывались на научной системѣ, и всякое преобразование научной системы влекло за собой реорганизацію религіозной. Такъ какъ религія состоитъ изъ двухъ частей—теоретической, т.-е. принциповъ, и практической, т.-е. духовенства,—очевидно, за организаціей принциповъ должна послѣдовать реформа духовенства. Оно будетъ ученой корпораціей, такъ какъ вся сила духовенства заключается въ научномъ преимуществѣ надъ толпой.

Авторъ заранѣе предлагаетъ планъ организаціи. Мы знаемъ, революція, независимо отъ личныхъ философскихъ

теоріи, создавала учрежденія, долженствующія совершенствовать науки, систематизировать ихъ и подготовить возникновеніе государственной доктрины. Сень-Симонъ не преминулъ оцѣнить значеніе института, но съ самаго начала видѣлъ въ его организациі недостатки, состоявшій въ препятствіяхъ къ скорѣйшему образованію „общей науки“, общей теоріи. Въ работахъ института не было необходимаго единства, и всѣ онѣ не были рѣшительно направлены къ одной и той же цѣли. Въ дѣйствительности институтъ долженъ быть раздѣленъ на двѣ секціи—для изученія неорганическихъ и органическихъ тѣлъ. Надъ этими секціями должна стоять третья—высшая философія. Она будетъ состояться по выборамъ въ общемъ собраніи первыхъ двухъ, т.-е. физиковъ и физиологовъ, и заниматься комбинаціей частныхъ теорій, предлагаемыхъ второстепенными классами институту и имъ же будутъ представляться *resumés* и *apersus* философъ ¹⁾).

Бюрдэнъ или Сень-Симонъ отъ его лица не говоритъ, на какихъ основаніяхъ часть физиковъ и физиологовъ будетъ предназначена для выработки общихъ теорій, но зато въ рѣчи Бюрдэна, приводимой Сень-Симономъ пятнадцать лѣтъ позже событія, заключаются данныя, подтверждающія произволь Сень-Симона въ передачѣ чужихъ словъ. Бюрдэнъ говорилъ въ 1798 году; пять лѣтъ спустя Сень-Симонъ написалъ свое первое сочиненіе *Lettres d'un habitant de Genève*. Мы увидимъ,—здѣсь среди ученыхъ математики занимаютъ первое мѣсто, и вся предполагаемая авторомъ организациа сгруппирована въ честь генія Ньютона и подъ его высшей властью. Съ тѣхъ поръ взглядъ на математиковъ у Сень-Симона измѣнился, и въ 1813 году онъ именно математиковъ считаетъ главнымъ препятствіемъ на пути къ организациі философской доктрины. Какого же мнѣнія былъ Бюрдэнъ и какъ Сень-Симонъ относился къ этому мнѣнію? Въ *Письмахъ женевакаго обывателя* мы встрѣчаемъ ту же эволюцію

1) *Ib.* 25—36.

наукъ и ту же классификацію ихъ; надо полагать и значеніе математиковъ, какъ наиболѣе позитивныхъ ученыхъ, было опредѣлено съ точки зрѣнія этой эволюціи. И если позже они лишены преимуществъ,—это взгляды только Сень-Симона, а не философа, сообщившаго ему еще до *Писемъ* принципы позитивизма. И тѣмъ не менѣе взглядъ находитъ мѣсто въ предполагаемой рѣчи Бюрдэна. А почему Сень-Симонъ перемѣнилъ свое отношеніе къ математикамъ, мы знаемъ изъ его автобіографическихъ признаній: математики не обратили ни малѣйшаго вниманія на его призывы къ философской организаторской дѣятельности.

И въ 1813 году Сень-Симонъ, опять таки отъ лица Бюрдэна, заявляетъ, что у него „кровь кипитъ“ и „гнѣвъ овладѣваетъ“ имъ противъ „мелкихъ счетчиковъ“, равнодушныхъ къ изученію человѣка и къ реорганизаціи общества путемъ новыхъ принциповъ. Они должны быть извлечены изъ работъ физиолога и историка, т.-е. философа. Первый долженъ изслѣдовать сравнительную структуру тѣлъ неорганизованныхъ и доказать законъ, что всѣ явленія того и другого міра *пропорціональны организаціи*. Потомъ физиологъ тотъ же самый законъ долженъ оправдать на спеціальному изслѣдованіи организмовъ, именно доказать, что размѣры умственной силы каждаго организованнаго тѣла пропорціональны степени совершенства его органическаго строенія.

Дальше, по программѣ автора, начинается роль философа. Ему предстоитъ прослѣдить развитіе человѣка и другихъ животныхъ въ разныя эпохи и показать, что только разумъ человѣка развился, а разумъ другихъ животныхъ, понизился, хотя слѣдуетъ считать „философскимъ предразсудкомъ“, будто одинъ лишь человѣкъ обладаетъ способностью совершенствоваться; на самомъ дѣлѣ, если бы человѣкъ исчезъ съ лица земли, наилучше организованное животное начало бы совершенствоваться. Наконецъ, философу надлежитъ установить „рядъ прогрессовъ человѣческаго ума“, начиная съ развитія его разума, обусловленнаго непосредственно преимуществами физической организаціи че-

ловѣка, и кончая *будущимъ*, когда человѣкъ поднимется до пониманія единого закона, управляющаго вселенной.

Такова программа, предложенная, по словамъ Сень-Симона, Бюрдэномъ, и Бюрдэнъ закончилъ свою рѣчь такими словами: „будьте философомъ въ этой работѣ, я буду физиологомъ“ ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ Сень-Симонъ и началъ свое философское поприще. Его пришлось проходить безъ помощи Бюрдэна, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Бюрдэнъ отвѣчалъ Сень-Симону на его присылку *Записки по наукѣ о человѣкѣ*, и чтобы онъ самъ что-либо сдѣлалъ на указанномъ пути. Сень-Симонъ работалъ одинъ, не забывая все-таки своего „обязательства“ предъ Бюрдэномъ. Но Бюрдэнъ былъ не одинъ въ положеніи учителя—Сень-Симонъ называетъ еще двухъ ученыхъ—врача Бугона и историка Эльснера ²⁾. Знакомство съ обоими писателями относится къ позднѣйшему времени, но неразрывно связано съ позитивистскими идеями Сень-Симона. Бугонъ и Эльснеръ, по словамъ Сень-Симона, разрѣшили его недоумѣнія въ ряду физиологическомъ и историко-философскомъ. Именно, Сень-Симону было извѣстно, что организація бобра совершеннѣе организаціи обезьяны: у бобра имѣется мускуль, управляющій большимъ пальцемъ, у обезьяны его нѣтъ. Что это признакъ высшей организаціи, Сень-Симонъ узналъ, вѣроятно, изъ сочиненій Викъ д'Азира. Этотъ ученый указалъ, что обезьяны лишены способности комбинировать большой палецъ съ другими пальцами руки, а безъ этихъ комбинацій недостижимы никакія сколько-нибудь тонкія операціи и безъ нихъ не существовала бы вся промышленность человѣка. Рука обезьяны приспособлена только къ схватыванію предметовъ, и только рука человѣка могла создать ремесла и искусства ³⁾.

Почему же тогда непосредственно за человѣкомъ ста-

¹⁾ *Ib.* 39—43, 45.

²⁾ *Bougou*—*Ib.* 48—66; *Oelsner.* 67—8.

³⁾ Цитировано у Блэнвилля.—III, 102.

вится, обыкновенно, обезьяна? Бугонъ „послѣ продолжительныхъ размышленій и изысканій“ объяснилъ, что физиологи дѣйствительно ошибаются, и ошибка явилась результатомъ теологическаго воззрѣнія: человѣкъ созданъ по образу Божію, а обезьяна ближе всѣхъ животныхъ къ внѣшности человѣка,—она поэтому и заняла высшее мѣсто.

Сень-Симонъ могъ услышать эти соображенія не раньше своего путешествія въ Алансонъ, по поводу ссоры съ Редерномъ; здѣсь онъ въ концѣ 1811 года познакомился съ Бугономъ ¹⁾. Но самое знакомство и эпоха его могутъ считаться вопросами второстепенными въ исторіи философскаго развитія Сень-Симона, тѣмъ болѣе, что Бугонъ разрѣшилъ затрудненіе Сень-Симона способомъ, лишеннымъ научнаго значенія, и самое затрудненіе не могло оказать существеннаго вліянія на историко-культурную мысль Сень-Симона.

Гораздо значительнѣе, повидимому, урокъ, полученный отъ Эльснера. Въ 1810 году онъ, бывший представитель Франкфурта при директоріи, издалъ книгу *Les effets de la religion de Mohammed*, увѣнчанную институтомъ. Книга и была написана на тему, предложенную институтомъ: изслѣдовать вліяніе магометанства въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ геджры на умъ, нравы и правительство магометанскихъ народовъ. Въ первый разъ Эльснеръ представилъ книгу въ 1807 году и получилъ только почетный отзывъ, потомъ онъ пересмотрѣлъ сочиненіе и на второмъ конкурсѣ удостоился преміи. Сень-Симонъ узналъ нужную ему идею не изъ книги, а изъ разговора съ Эльснеромъ, т.-е. до 1810 года. Идея спасала Сень-Симона отъ недоумѣнія, вызваннаго въ немъ философами XVIII-го вѣка. Даламберъ и Кондорсе представляли средніе вѣка ретроградной эпохой. Сень-Симонъ, по его словамъ, тщетно старался опровергнуть это представленіе, установить рядъ непрерывно-прогрессивныхъ періодовъ. Эльснеръ просто рѣшилъ задачу, объ-

¹⁾ *Histoire de Flers*. 150—1.

яснивъ научныя заслуги арабовъ: арабы стояли во главѣ умственнаго развитія европейцевъ до XV-го вѣка. Сень-Симонъ съ „сердечнымъ удовольствіемъ“ изъявляетъ благодарность Эльснеру ¹⁾).

Указаніе, дѣйствительно, очень важное; слѣдуетъ только обратить вниманіе, что самый принципъ для Сень-Симона не подлежалъ сомнѣнію и до Эльснера: Сень-Симонъ былъ увѣренъ въ философскомъ заблужденіи XVIII-го вѣка и только не находилъ фактическаго опроверженія. Можно раздѣлить удивленіе издателей сочиненій Сень-Симона предъ его рѣдкой лояльностью, какъ автора, и отмѣтить, что весьма многія идеи, приписываемыя философомъ разнымъ писателямъ, стали извѣстны только благодаря ему самому ²⁾. Всѣми указанными путями Сень-Симонъ пришелъ къ руководящему принципу новой доктрины,—ея научной основѣ. Наука должна создать новую религіозную систему, ученые должны стать духовными руководителями общества, прекратить революціонное состояніе умовъ и водворить между-народный миръ. Сень-Симонъ рѣшилъ лично собрать элементы для доктрины и попытаться систематизировать ихъ и явиться проповѣдникомъ новой „общей науки“.

Сень-Симонъ начинаетъ учиться, слѣдуя въ своихъ занятіяхъ философской классификаціи наукъ, т.-е. приступаетъ сначала къ физико-математическимъ, потомъ переходитъ къ физиологіи, посѣщая сначала политехническую школу, позже медицинскую и даже проживая попеременно по сосѣдству этихъ учреждений. Лекцій Сень-Симону казалось недостаточно. Онъ лично перезнакомился съ профессорами. Онъ желалъ изучать не только науки, но и самихъ ученыхъ, видѣть, какое вліяніе оказываютъ занятія науками на ихъ страсти, умъ, на всю ихъ нравственную природу. Наконецъ, онъ отправился путешествовать съ цѣлью узнать, что сдѣлано у другихъ народовъ для его цѣли, т.-е.

1) Oelsner, *AVIS préliminaire adressé à mes juges*. O. c. V—X.

2) *Oeuvres*. XL, 69.

для физико-политическаго поприща человѣческаго ума. Изъ Англии и Германіи онъ не вывезъ ничего поучительнаго: англичане совершенно не направляли своихъ научныхъ работъ къ физико-политической цѣли, т.-е. не рассчитывали преобразовать существующаго порядка на основахъ положительной философіи; у нѣмцевъ Сень-Симонъ также нашелъ „общую науку“ въ дѣтскомъ состояніи, хотя и съ несомнѣннымъ великимъ будущимъ. Въ Германіи Сень-Симона поразилъ исключительно мистицизмъ, и этого для него оказалось достаточнымъ, чтобы не заниматься больше нѣмецкой мыслью.

Заключеніе не отличалось основательностью и соотвѣтствовало быстротѣ изученія предмета. Сень-Симонъ отправился въ путешествіе, по его словамъ, послѣ заключенія Амьенскаго мира, т.-е. послѣ марта 1802 г.; сначала онъ побывалъ въ Англии, потомъ отправился въ Женеву и по пути „проѣхалъ часть Германіи“. Въ Женевѣ онъ написалъ *Письма обывателя*, и о выходѣ ихъ въ Парижѣ журналъ сообщалъ уже въ октябрѣ 1803 г. Если сопоставить эти сроки, на пребываніе въ Германіи останется очень мало времени, немного развѣ больше, чѣмъ требовалось на проѣздъ по странѣ, при старыхъ средствахъ сообщенія ¹⁾). Помимо указанныхъ датъ, имѣется еще одна, правда очень запутанная. Сень-Симонъ говоритъ, что *по возвращеніи изъ путешествія* онъ женился. Сдѣлалъ онъ это съ цѣлью устроить у себя учено-литературно-артистическій салонъ и на свободѣ изучать ученыхъ. Когда произошла эта женитьба? По словамъ Родрига — *въ 1801 году*: очевидное недоразумѣніе, такъ какъ Амьенскій миръ состоялся годомъ позже. Сень-Симонъ вскорѣ развелся съ женой — изъ-за несходства характеровъ. Гюббаръ относитъ разводъ къ іюлю *1802 года*; невѣроятное свѣдѣніе на томъ же основаніи какъ и сообщеніе Родрига. Издатели *Oeuvres* приурочиваютъ разводъ

¹⁾ *Journal typographique et bibliographique*, 24 vendemiaire an XII. т.-е. 17 окт. 1803. Ср. *Oeuvres*. XV, 7.

къ іюлю 1803 года и насчитываютъ годъ семейной жизни Сень-Симона, слѣдовательно, выходитъ, что онъ женился въ 1802 году лѣтомъ. Но въ то же время достовѣрно извѣстно, что въ Женевѣ Сень-Симонъ предлагалъ руку г-жѣ Сталь; по словамъ Гюббара—*посль* развода съ женой, хотя, по точному заявленію Сень-Симона, онъ въ Женевѣ былъ во время путешествія и до брака ¹⁾. Остается предположить, что Сень-Симонъ былъ уже въ Парижѣ въ концѣ 1802 года—съ рукописью *Писемъ обывателя*, очень скоро женился и прожилъ съ женой всего нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда на все путешествіе не приходится года. Оно было совершено будто по общепринятому обычаю—образование заканчивать путешествіемъ. Поучительныхъ личныхъ наблюдений врядъ ли удалось Сень-Симону сдѣлать особенно много. Можетъ быть, пребываніе въ Коппе, въ обществѣ г-жи Сталь, было самымъ плодотворнымъ моментомъ всего путешествія, и, несомнѣнно, поѣздка въ Женеву была вызвана желаніемъ видѣть только что овдовѣвшую знаменитую писательницу.

Только такой стремительностью поѣздки можно объяснить крайне поверхностное представленіе Сень-Симона о германской философіи. Онъ могъ получить о ней понятіе, даже не покидая Парижа. При всей неосвѣдомленности французовъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го въ нѣмецкой литературѣ и особенно въ философіи, Кантъ былъ извѣстенъ изъ журнальныхъ статей съ 1796 года, а въ 1798 и въ 1801 г. Charles de Villers, офицеръ французской службы, долго жившій въ Германіи, написалъ два изслѣдованія о философіи Канта и о нѣмецкой метафизикѣ. Эти труды знала г-жа Сталь; но они, очевидно, остались неизвѣстными Сень-Симону ²⁾. Еще болѣе значительнымъ лишеніемъ для философа было его незнакомство съ сочиненіемъ Канта *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. На-

¹⁾ Ed. Rodrigues. XXIII; *Not. hist.* I, 26; Hubbart, 37.

²⁾ Virgile Rossel. *Histoire des relations littéraires entre la France et l'Allemagne*. P. 97. 87.

писанное въ 1784 году, оно явилось во французскомъ переводѣ въ VIII году ¹⁾. По французскимъ источникамъ Сень-Симонъ не могъ узнать о трактатѣ Лессинга *Воспитаніе человѣческаго рода*, написанномъ въ 1780 году. О немъ французы услышали впервые отъ г-жи Сталь въ 1814 году, а переводъ его явился еще много лѣтъ спустя. До какой степени трактатъ былъ важенъ именно для „общей науки, показываетъ его популярность среди почитателей Сень-Симона. Г-жа Сталь опредѣляла смыслъ трактата точнымъ воспроизведеніемъ историко-религіозной идеи Сень-Симона: Лессингъ доказываетъ, что „религіозныя откровенія всегда соотвѣтствовали просвѣщенію современной эпохи ²⁾. Мы видѣли,—эту мысль Сень-Симонъ почерпнулъ у Дюпюи; Лессингъ могъ бы сообщить ее гораздо раньше.

Не меньше пользы Сень-Симону принесла бы и историческая философія Канта. Кенигсбергскій философъ пользовался во Франціи нелестной и крайне превратной славой. Лагарпъ объявлялъ его мистикомъ и ставилъ рядомъ съ Сведенборгомъ, именуя обоихъ „позоромъ человѣческаго рода“ ³⁾. Кантъ рисовался французскому уму, воспитанному на сочиненіяхъ Кондильяка, средневѣковымъ схоластикомъ, а между тѣмъ онъ принадлежалъ къ самымъ настоящимъ защитникамъ философіи исторіи, какъ строгой науки, былъ остроумнымъ критикомъ Сведенборга и, что особенно поучительно для Сень-Симона,—преданнымъ ученикомъ Ньютона. Въ ньютоновской теоріи Кантъ нашелъ та-

¹⁾ Этотъ переводъ неизвѣстенъ также и Rossel'ю и Литтре, который почти цѣликомъ приводитъ сочиненіе Канта, видя въ немъ зародыши позитивной философіи *O. c.* (54—70). Не зналъ ранняго перевода *Ideen* и Кантъ, получившій французскій текстъ отъ Эйхталя въ 1824 году. Указаніе на *Conservateur* сдѣлано Евгеніемъ Родригомъ въ предисловіи къ его переводу трактата Лессинга *Die Erziehung des Menschengeschlechts* въ приложеніи къ *Lettres sur la Religion et la Politique*. P. 1831. 142—3. Въ томъ же *Консерваторѣ* было переведено и другое сочиненіе Канта, возвѣщавшее, по замѣчанію Родрига, «религіозное возрожденіе» нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Лессинга. (*Théorie de la pure religion morale. Lettres.* 142—3).

²⁾ *De l'Allemagne*. IV p. chap. I.

³⁾ Rossel. 89.

кой же вдохновляющій философскій принципъ, какъ и Сень-Симонъ. Представленіе о механизмѣ, какъ основномъ двигательномъ законѣ эволюціи, Кантъ готовъ былъ распространить не только на всю область физическаго мірозданія, но и на жизнь организованныхъ тѣлъ. „Къ постоянно-му вдохновенію ньютоновской идеей, говоритъ современный изслѣдователь кантовской философіи, слѣдуетъ отнести все, что Кантъ писалъ по исторіи природы и человѣчества“. Программа лекцій Канта въ шестидесятыхъ годахъ представляетъ тѣ самые ряды—физиологическій и историческій, какіе для Сень-Симона должны были воплотить всю „философію Бога, и методъ Канта въ рѣшеніи метафизическихъ вопросовъ—ничто иное, какъ ньютоновскій анализъ. На основаніи этого метода, примѣннаго къ психологіи, Кантъ и опровергаетъ представленія Сведенборга о сверхчувственномъ мірѣ духовъ и ихъ сверхъестественныхъ свойствахъ: ньютоновскій принципъ механическаго детерминизма, законъ причинности не совмѣщается съ идеей о способностяхъ, независимыхъ отъ физической природы. Это убѣжденіе проходитъ и по философско-историческому ученію Канта. Для него прогрессъ—стихійное развитіе первоначальныхъ свойствъ и способностей человѣческой природы по закономѣрному, природой начертанному плану. Слѣдовательно, исторія человѣческаго ума—одинъ изъ отдѣловъ естественной исторіи. Судьба человѣчества въ ея цѣломъ есть выполнение скрытой цѣли природы—произвести государственную форму—совершенную внутренне и внѣшне, т.-е. *Weltbürgerlicher Zustand* ¹⁾). Кантъ, очевидно, предвосхи-

¹⁾ *Idee zu einer allgemeinen Gesch. in weltbürgerlicher Absicht.* „Einzelne Menschen und selbst ganze Völker denken wenig daran dass, indem sie, ein jedes nach seinem Sinne und Einer oft wider den Andern, ihre eigene Absicht verfolgen, sie unbemerkt an der Naturansicht, die ihnen selbst unbekannt ist, als an einem Leitfaden fort gehen, und an derselben Beforderung arbeiten, an welcher, selbst wenn sie ihnen bekannt würde, innen doch wenig gelegen sein würde. Кантъ разсчитывалъ найти руководящую нить для закономѣрной естественно-последовательной исторіи; а создать такую исторію—предоставлялъ гению будущаго, своего рода Ньютону исторической науки. *Sämmtliche Werke.* Leipzig 1838,

тилъ позднѣйшую сенъ-симонистскую программу распро-
страненія гражданской ассоціаціи на все человѣчество пу-
темъ постепеннаго просвѣтительнаго прогресса поколѣ-
ній, путемъ *непрерывности* совершенствованія. Несомнѣнно,
у Канта встрѣчаются очень сильныя оговорки насчетъ
объема возможнаго прогресса: философъ не вѣритъ въ на-
копленіе моральной силы въ сознаніи человѣчества, а толь-
ко въ развитіе законности, суживающей кругъ насилій
сильныхъ надъ слабыми ¹⁾. Немало также у нѣмецкаго фи-
лософа и „мистицизма“ съ точки зрѣнія французскаго здра-
ваго смысла и критической философіи. Кантъ рѣшается
истолковать библейскую исторію человѣка съ философской
точки зрѣнія и въ интересахъ традиціи, напримѣръ, грѣ-
хопаденіе объясняетъ положительными культурно-истори-
ческими фактами, т.-е. въ переходѣ человѣка отъ инстинк-
тивной жизни къ сознательной, видитъ для индивидуума
проигрышъ, нравственный упадокъ и появленіе новыхъ бо-
лѣзней ²⁾. Это отчасти отголоски воззрѣній Руссо, по вре-
менамъ очень близкихъ Канту и на позитивный взглядъ
однородныхъ съ теологическими представленіями. Нако-
нецъ, Кантъ отрицаетъ возможность путемъ историческихъ
наблюденій и опытовъ разрѣшить вопросъ о смыслѣ исто-

VII, 318. Ср. 329—330, 332; «Ein philosophischer Versuch die allgemeine Welt-
geschichte nach einem Plane der Natur, der auf die vollkommene bürgerliche
Vereinigung in der Menschengattung abziele, zu bearbeiten, muss als möglich und
selbst für diese Naturabsicht beförderlich angesehen werden». Совпаденіе исто-
рическихъ задачъ стихійно разрѣшаемыхъ извѣстными культурными силами,—
съ цѣлесообразнымъ прогрессомъ—одна изъ основныхъ идей въ философіи
исторіи Сенъ-Симона, пояснявшаго ее, между прочимъ, эволюціей общин-
ной свободы и индустріи. Могло бы найтн полное сочувствіе у Сенъ-Симона и
ученіе Канта о религіи, какъ о «нравственной теологіи». Ср. Nolen. *Les maî-
tres de Kant. Revue philosophique.* Aout. 79, 121, 129—30. Dieterich. *Kant u.
Rousseau.* Tübingen, 78. *Vorwort.* V.

¹⁾ *Streit der Facultäten.* (1798). *Werke* X, 342: von der eudämonistischen Vor-
stellungsart der Menschengeschichte; 354: welchen Ertrag Wird der Fortschritt zum
Besseres dem Menschengeschlecht abwerfen?—nicht ein immer wachsendes Quantum
der Moralität in der gesinnung, sondern Vermehrung der Producte ihrer Lega-
lität in pflichtmässigen Handlungen.

²⁾ *Muthmasslicher Anfang der Menschengeschichte* (1786) VII. 373—4.

ри и прогресса: судить о проявленіяхъ свободной воли значить притязать на роль провидѣнія ¹⁾). Очевидно, Кантъ, какъ философъ исторіи, не рѣшался окончательно разграничить научное понятіе естественнаго закона и религіозно-телеологическое воззрѣніе. Мысль, пытавшаяся привести въ гармонію идеи Руссо—автора *Разсужденій* и автора *Эмиля* и *Общественнаго договора*—и, въ интересахъ политическаго равенства, какъ его понималъ тотъ же Руссо, создававшая понятіе о двухъ культурахъ,—планомѣрно и *непланомѣрно развивающейся*—такая мысль не могла войти въ міръ позитивизма ²⁾). Но она не помѣшала Канту высказать немало мыслей, существенныхъ для „общей науки“.

Наконецъ, третій германскій философъ Гердеръ могъ бы сообщить Сень-Симону идею фізіологическаго и историческаго ряда задолго до его бесѣды съ Бюрдэномъ. Онъ чрезвычайно картинно изображаетъ единство организмовъ, доказанное сравнительной анатоміей. Гердеръ усвоилъ во весь объемъ идею Бонне, извѣстнаго намъ автора термина *палингенезисъ*, о неразрывномъ единствѣ всего существующаго въ реальномъ и даже идеальномъ мірѣ. Отъ неорганическихъ безформенныхъ тѣлъ до человѣка и идеальныхъ посредниковъ между нимъ и Божествомъ все сущее представляетъ лѣстницу ³⁾). Гердеръ выражается еще энергичнѣе: всѣ существа *disjecti membra роётае* и животныя именуются старшими братьями человѣка, его учителями, „живыми искрами божественнаго разума“, лучи котораго человѣкъ сосредоточилъ въ себѣ. Его духовное развитіе шло въ зависимости отъ его столкновеній съ животными, и чѣмъ разумнѣе были

¹⁾ *Streit der Facultäten*. Werke X, 343—4 «durch Erfahrung unmittelbar ist die Aufgabe des Fortschreitens nicht aufzulösen». Ср. Dieterich. IV. Abschnit. Nolen неправъ, считая сочиненія Канта восьмидесятихъ годовъ вообще оппозиціей противъ теорій Руссо: у Канта въ ученіи о прогрессѣ рѣзко отличается судьба «рода» (*Gattung*) и «индивидуума», и въ контрастѣ этихъ судьбъ философъ ищетъ оправданія противокультурныхъ воззрѣній Руссо.

²⁾ *Muthmass. Anfang*. 374—6.

³⁾ Ср. Cuveir, IV, 262—3.

его враги или друзья, тѣмъ больше выигрывало его „образование“. Исторія человѣческой культуры, заключаетъ Гердеръ, въ сильной степени зоологическая и географическая. Культурой человѣкъ обязанъ своей организаціи, и исторія его умственного совершенствованія представляетъ такой же рядъ звеньевъ, какой охватываетъ органическую жизнь нашей планеты. Цѣпь соціального странствованія, говоритъ Гердеръ, идетъ непрерывно отъ перваго звена до послѣдняго и принципы своей культурной философіи онъ—по ихъ простотѣ и неопровержимости—приравниваетъ къ естественной исторіи человѣка ¹⁾). Очевидно, идея непрерывности двухъ рядовъ органическаго и культурнаго, столь дорогая для Сень-Симона, была съ воодушевленіемъ усвоена философомъ-поэтомъ. У него Сень-Симонъ такъ же, какъ и у Канта, нашель бы немало „мистицизма“ и „метафизики“, тѣ же отраженія взглядовъ Руссо, религіозный лиризмъ въ традиціонномъ направленіи, въ полномъ смыслѣ мистическія надежды на расцвѣтъ совершеннаго человѣка внѣ земныхъ предѣловъ. Но всѣ эти мечты и восторги чередуются съ подлинными вліяніями современной естественно-философской мысли, и Гердеръ свои эволюціонныя идеи черпаетъ изъ того же источника, откуда и Сень-Симонъ. Несомнѣнно, если бы французскій искатель элементовъ для позитивной философіи познакомился къ книгой Гердера, онъ поставилъ бы его выше Бугона и Эльснера. Въ результатъ, поприше для г-жи Сталь, имѣющей открыть Франціи германскую мысль, осталось едва затронутымъ и не тѣмъ, кому эта мысль могла бы оказать великія услуги.

Сень-Симону оставалось снова обратиться къ парижскимъ ученымъ. Онъ не только дѣятельно собиралъ ихъ у себя, но и оказывалъ щедрую поддержку ихъ работѣ, не жалѣлъ денегъ на изданія книгъ, на личныя вспомошествованія. Несомнѣнно, при такихъ условіяхъ къ Сень-Симону перешло

1) Herder. *Ideen zur philosophie der Geschichte der Menschheit* (1784). *Sämmtlich Werke*. Stuttgart und Tübingen 1853, XXVIII, 65, 70, 72, 345—6.

немало идей и научных фактовъ. Добывались они отнюдь не тщательнымъ, трудолюбивымъ изученіемъ предмета, а тѣмъ самымъ путемъ, какой раньше Гельвеція вдохновиль на обширное философское сочиненіе. Разница была только въ одномъ: Сень-Симонъ обладалъ способностью къ оригинальнымъ вдохновеніямъ, комбинаціямъ фактовъ и къ обобщеніямъ, недоступнымъ уму самихъ учителей.

Первое сочиненіе Сень-Симона показываетъ наглядно процессъ работы, и именно въ этомъ отношеніи особенно важны *Письма женеваго обывателя*. Мы знаемъ, Сень-Симонъ постарался забыть объ этомъ произведеніи, и это стараніе, несомнѣнно, стояло въ связи съ основной идеей *Писемъ*, разрѣшавшихъ вопросъ объ общественной организаціи. Въ экзальтированномъ разочарованіи революціонной метафизикой Сень-Симонъ набросился на источникъ точныхъ научныхъ истинъ и дошелъ до социальнаго апофеоза математики.

Все сочиненіе представляетъ рядъ чрезвычайно яркихъ отраженій лично пережитого и только что наблюденнаго. Во главѣ—письмо къ первому консулу. Здѣсь говорится, что Бонапарта авторъ считаетъ единственнымъ изъ современниковъ способнымъ судить о его работѣ. Впослѣдствіи экземпляръ, посланный Бонапарту, продавался вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ Сень-Симона: посылка, очевидно, не дошла до перваго консула, спустя нѣсколько мѣсяцевъ ставшаго императоромъ.

Что заставило писателя обратиться съ такимъ письмомъ къ Бонапарту? Онъ и позже неоднократно будетъ слѣдовать тѣмъ же путемъ и, мы видѣли, вызоветъ безпощадныя улики въ раболѣпствѣ и лести. Вопросъ о нравственныхъ отношеніяхъ литературы къ Наполеону гораздо сложнѣе, чѣмъ представлялось судьямъ Сень-Симона. Мы знаемъ, Шатобрианъ восторженно привѣтствовалъ Бонапарта по поводу конкордата. Г-жа Сталь, несомнѣнно, неповинная въ лести, не меньше восхищалась героемъ въ ту самую эпоху, когда онъ явно шелъ къ монархіи. Особенно глубоко

трогало г-жу Сталь вступленіе Бонапарта въ число членовъ института ¹⁾. А что касается Констана, онъ нашель въ себѣ достаточно довѣрія къ Наполеону еще во время ста дней. Мы назвали первостепенныя умственныя силы эпохи, въ общемъ независимыя — и въ лицѣ Сталь и Констана—обладающія истинными политическими талантами и гражданскимъ достоинствомъ. Сень-Симонъ, слѣдовательно, не составляль исключенія по своимъ положительнымъ чувствамъ къ Наполеону. Онъ въ періодъ своего печальнаго философскаго энтузіазма могъ искренно рассчитывать на участіе могущественнаго человѣка во всякомъ болѣе или менѣе основательномъ планѣ общественной организаціи, заканчивающемъ революціонный періодъ, тѣмъ болѣе, что экзальтированный философъ, мы увидимъ, по своему истолковываль организаторскую дѣятельность Наполеона и приписываль ему свои собственныя задачи, а не его присвоиваль себѣ.

Самое сочиненіе, прежде всего, своей формой, своимъ настроеніемъ переноситъ насъ въ XVIII вѣкъ. Здѣсь говорится о „существовѣ чувствительномъ и мыслящемъ“, объ „идеяхъ филантропическихъ“, изрекаются лирическія восклицанія въ стилѣ чувствительныхъ поэтовъ-просвѣтителей: „любовь къ человѣчеству способна заставить человѣка совершать чудеса“; „какое прекрасное дѣло — работать на благо человѣчества! Какая священная цѣль! Развѣ у человѣка имѣется еще другое средство — приблизиться къ Божеству?“ Излюбленныя идеи прошлаго вѣка о торжествѣ „просвѣщенія“, объ „общественномъ мнѣніи“, управляемомъ представителями разума, выражены слогомъ чувствительной драмы, въ приподнятой метафорической формѣ. Наконецъ, безпрестанно встрѣчаются даже выраженія, напоминающія намъ страницы какого-либо философа: горячее разсужденіе противъ консерватизма и нетерпимости „академическаго духа“ идетъ въ параллель съ извѣстными насмѣшками Дидро

¹⁾ *M-me de Staël et la republ.* 1798. O. c. 96.

надъ тѣмъ же предметомъ ¹⁾; серьезное отношеніе къ „бремени скуки“, удручающей людей богатыхъ—извѣстная намъ идея Гельвеція, вызвавшая суровую критику Дидро; къ тому же источнику приближаетъ насъ рѣзко-физиологическое выраженіе „мозговая энергія“. Это отголоски просвѣтительной эпохи, — и самый важный — представленіе о томъ, что „скипетръ общественнаго мнѣнія“ находится въ рукахъ науки и литературы. Революція, по мнѣнію Сень-Симона, окончательно установила этотъ фактъ, и онъ для философа является исходнымъ моментомъ.

Ходъ мысли слѣдующій. Первое народное движеніе было глухо возбуждено учеными и артистами. Когда возстаніе, благодаря успѣху, приняло законный характеръ, *ученые и артисты* стали во главѣ революціи и съ цѣлью уничтожить учрежденія, оскорбительныя для ихъ самолюбія, все сильнѣе разжигали умы невѣждъ и страсти несобственниковъ, очутившись на полной свободѣ, дѣйствительно низвергли ненавистныя учрежденія, погубили даже нѣсколькихъ своихъ вождей и выиграли битву противъ собственниковъ. Правда, побѣда обошлась дорого побѣдителямъ. Почти всѣ несобственники подверглись голоду, вызванному ихъ же дѣйствіями. Населеніе Франціи, одушевленное стремленіемъ къ порядку, могло быть социалью организовано только геніальнымъ человѣкомъ, т.-е. Бонапартомъ ²⁾.

Такъ Сень-Симонъ представляетъ революціонныя событія: они всецѣло вызваны идеями, союзомъ ученыхъ и артистовъ съ несобственниками. Авторъ не различаетъ періодовъ движенія по главнымъ дѣйствующимъ лицамъ; на его картинѣ нѣтъ мѣста революціонной дѣятельности собствен-

1) Напримѣръ, *Oeuvres complètes*, II, 327.

2) *O. choisies* I, 18 — 9. Выраженія Сень-Симона *les savants et les artistes* имѣютъ въ виду обнять всю область духовной дѣятельности, т.-е. умственной и творческой. Въ понятіе артистъ поэтому входятъ таланты писателя, живописца, музыканта, вообще понятіе всякой художественной даровитости, опирающейся не на разсудокъ и не на изслѣдованіе, а на вдохновеніе и воображеніе.

никовъ, какъ героевъ и лишениѣмъ высшихъ сословій, какъ жертвъ. Вся революція исчерпывается для него періодомъ господства не демократіи, а толпы, періодомъ террора: до такой степени глубокое впечатлѣніе осталось у Сень-Симона отъ этого времени! Это впечатлѣніе подчиняетъ весь планъ философа, подсказываетъ ему оборонительный союзъ противъ несобственниковъ.

Налицо три силы—ученые и артисты, собственники и несобственники. Революція обнаружила гибельныя послѣдствія комбинаціи перваго и послѣдняго элемента и, кромѣ того, доказала полную политическую неспособность несобственниковъ. Бывшій обожатель „религіознаго принципа равенства“ теперь пришелъ къ выводу, что „примѣненіе этого принципа“ *естественнымъ путемъ* вызвало ужасныя жестокости и привело къ совершенно нежизнеспособной политической формѣ. Слѣдовательно, власть никогда не должна доставаться въ руки невѣждъ, а „распредѣляться сообразно съ просвѣщеніемъ“. Къ этому убѣжденію должны придти и собственники и несобственники. Практической выводъ ясенъ. „Въ силу вещей“ и „по необходимости“ между двумя классами происходитъ борьба; собственники могутъ оставаться побѣдителями не потому, что они многочисленнѣе, ихъ гораздо меньше, чѣмъ несобственниковъ, и не потому, что они владѣютъ собственностью, а потому, что они просвѣщеннѣе, на ихъ сторонѣ умъ и талантъ. Если бы распредѣленіе было иное, и исходъ классовой борьбы измѣнился бы.

А чтобы нравственная сила навсегда оставалась въ лагерѣ собственниковъ, они должны вступить въ тѣсное единеніе съ учеными и артистами, выбрать ихъ изъ среды общества въ количествѣ двадцати одного человѣка: по три математика, физика, химика, фізіолога, литератора, живописца и музыканта, вручить имъ духовную власть и обезпечить ихъ существованіе ежегодной подпиской, при чемъ выборы повторять также ежегодно.

Эти ученые и артисты будутъ не академиками, послуш-

ными той или другой официальной власти, а избранниками человечества, совершенно независимыми, преданными только энтузиазму двигать человеческий род по пути прогресса. Сень-Симонъ съ большимъ воодушевленіемъ объясняетъ вредъ зависимаго положенія умственного дѣятеля для его работы: у автора имѣется краснорѣчивый опытъ Ришелье съ французской академіей, помимо другихъ общечеловѣческихъ соображеній. Но насколько оригинальна и жизнедѣятельна его собственная идея? Несомнѣнно, она непосредственное внушеніе культурныхъ условій XVII-го вѣка, когда представители разума и таланта образовали свободную философскую церковь, вліятельную среди общества и, наконецъ, грозную для старыхъ учреждений. Отъ этой церкви исходили преобразовательныя и разрушительныя идеи, и Сень-Симонъ видѣлъ, какъ онѣ воплощались въ революціонномъ движеніи. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела на него идеологія якобинцевъ, едва самого его не приведшая на гильотину. Очевидно, событія безповоротно установили непреодолимую силу науки и художественнаго гения, внѣправительственную и политически и социальнореальную. Естественно было усмотрѣть въ этой новой силѣ возможные задатки не разрушительной, а созидательной работы и превратить ее изъ временнаго и неупорядоченнаго явленія въ постоянное и организованное. Революція, безпрестанно, мы знаемъ, совѣщавшаяся съ учеными учреждениями по поводу защиты отечества противъ внѣшнихъ враговъ и нашедшая великую помощь въ научномъ гении Франціи, еще рѣзче отгѣнила въ глазахъ наблюдателя культурно-политическое значеніе знанія и таланта. Въ результатъ „проектъ“ Сень-Симона ничто иное, какъ вариантъ національнаго института, но только облеченнаго непосредственнымъ, закономѣрнымъ нравственнымъ вліяніемъ на политику страны.

И, обращаясь съ рѣчью къ несобственникамъ, Сень-Симонъ въ защиту своего плана приводитъ всѣмъ извѣстные факты. Они помогаютъ автору объяснить читателямъ, что

такое истинный ученый и чего должно ждать отъ науки и отъ предлагаемаго общества?

Всякому Французу изъ обыденной жизни извѣстны практическіе успѣхи химіи, т.-е. указанія химиковъ, изъ какого камня можно получить известь, какимъ количествомъ золы и отъ какого дерева можно вычистить бѣлье, изъ соединенія какихъ элементовъ какой получится продуктъ. Химики въ этихъ предсказаніяхъ не ошибаются. То же самое и астрономы, своими предсказаніями сдѣлавшіе возможнымъ самыя отдаленныя плаванія. Слѣдовательно,—ученый вообще—*человѣкъ, который предвидитъ*. Но пока еще не всѣ ученые обладаютъ этой способностью въ одинаковой степени, и Сень-Симонъ объясняетъ почему, приводитъ эту способность въ связь съ большей или меньшей сложностью изучаемаго матеріала и излагаетъ извѣстную намъ классификацію наукъ. Вершина ея—освобожденіе морали отъ метафизики.

До сихъ поръ философъ остается въ предѣлахъ, намѣченныхъ его предшественниками и современниками вплоть до введенія морали въ область физиологіи. Но для Сень-Симона всѣ эти идеи только предисловіе, посылки, а выводъ заключается въ новой организаторской системѣ. Мы видѣли—общество, облеченное духовной властью, должно состоять изъ представителей физико-математическихъ наукъ, физиологіи и художественнаго творчества. Общество получить наименованіе—*Ньютоновскаго совѣта*. Онъ раздѣлитъ человѣчество на четыре отдѣла—англійскій, французскій, германскій, итальянскій, и въ каждомъ будетъ учрежденъ совѣтъ по образцу главнаго. Во всѣхъ совѣтахъ предсѣдательство будетъ у математика; совѣты раздѣлены на два отдѣленія, въ одномъ—представители наукъ, въ другомъ—искусства, и здѣсь предсѣдательствовать будетъ литераторъ. При каждомъ совѣтѣ будетъ построень храмъ съ мавзолеемъ въ честь Ньютона; въ храмѣ два отдѣленія; одно разукрашенное со всею изобрѣтательностью артистовъ, другое устроенное такимъ образомъ, чтобы зрители могли представить будущія наказанія для тѣхъ, кто вредитъ раз-

витию наукъ и искусствъ. Первое отдѣленіе совѣта будетъ завѣдовать *внутреннимъ* культомъ мавзолея, второе *внешнимъ*, который долженъ представлять зрѣлище величественное и блестящее. Въ него будутъ входить почести за великія дѣла. „Всякому вѣрному“, живущему не дальше одного дня пути отъ мавзолея, вмѣняется въ обязанность посѣтить его однажды въ годъ. Дѣти также должны быть приносимы родителями въ мавзолей возможно скорѣй послѣ ихъ рожденія. „Всякій, кто не исполнитъ этого повелѣнія, будетъ считаться вѣрными за врага религіи“. Въ окрестностяхъ храма будутъ выстроены лабораторіи, мастерскія и колледжъ. Въ библіотекѣ никогда не должно быть больше пяти сотъ томовъ. Наконецъ, предписывается назначеніе „священнослужителя“ un ministre du culte.

Такова организація духовной власти; свѣтская поручается собственникамъ, а право выбирать лицъ, предназначенныхъ выполнять обязанности „великихъ вождей человѣчества“, принадлежитъ всѣмъ.

Какая связь между этимъ „видѣніемъ“, этими словами, услышанными Сень-Симономъ ночью, и предшествующими историческими и философскими разсужденіями? Какъ философъ, Сень-Симонъ пришелъ къ убѣжденію, что науками могутъ считаться только астрономія и химія; „физиологія находится еще въ дурномъ положеніи“, слѣдовательно, физиологи не въ состояніи *предсказывать* и *удостоверять* свои предсказанія, недостижимы—ни *prédications*, ни *vérifications*. Даже въ физикѣ нѣтъ еще одного всеобъемлющаго принципа, хотя, по мнѣнію Сень-Симона, и не слѣдуетъ терять надежды приурочить со временемъ физическія теоріи къ закону всеобщаго тяготѣнія. Но какъ бы то ни было, это только надежда для физики, а не для физиологическихъ и социальныхъ явленій.

Лишь только философская истина установлена, Сень-Симонъ немедленно прибѣгаетъ къ „откровенію“, начиная съ заявленія, что социальные отношенія онъ разсматриваетъ, какъ физиологическія явленія. На самомъ дѣлѣ онъ ихъ

вовсе не рассматриваетъ и отъ критическихъ разсужденій, отъ рѣшительнаго опроверженія принципа метафизической революціонной политики, непосредственно переходитъ къ принципу философіи изъ того же источника, т.-е. говорить объ „основательѣ религіи“, облеченномъ „великой властью“. Женевскій мечтатель становится на мѣсто ученика математиковъ и физиологовъ, принимаетъ за основу своей системы несуществующую науку, дѣлая лишней и для себя же необязательной научно-философскую классификацію.

На ньютоновскій совѣтъ возлагаются не только религіозныя отправления, но и соціальный распорядокъ. Во главѣ принципъ: „всѣ люди будутъ работать“, и цѣль работы очень возвышенная: „приблизить человѣческой разумъ къ божественному предвидѣнію“. Работами будетъ управлять ньютоновскій совѣтъ.

Возникаетъ вопросъ, на чемъ основана подобная соціальная власть учрежденія, состоящаго изъ представителей спеціальныхъ наукъ и артистическихъ дарованій? Несомнѣнно, въ соціальныхъ задачахъ культурнаго общества заключаются данныя, не подлежащія разрѣшенію химиковъ и физиологовъ, по очень простой причинѣ: соціальный организмъ нѣчто совершенно не тождественное съ физическимъ, и духовная власть надъ нимъ требуетъ и другихъ научныхъ основаній. Но они, по признанію самого автора, еще не существуютъ. Авторъ заявляетъ, что онъ соціальныя отношенія трактуетъ какъ физиологическія явленія и на этой почвѣ строить свой проектъ. Но мы не видимъ ни малѣйшаго намека на процессъ изслѣдованія отношеній. Мимоходомъ, въ примѣчаніи, высказывается только одна мысль, имѣющая связь съ такимъ изслѣдованіемъ, именно о безцѣльности борьбы моралистовъ съ эгоизмомъ, естественнымъ свойствомъ организованной природы. Слѣдуетъ, напротивъ, стараться всѣми силами *комбинировать* интересы. Это единственная идея соціального характера. Все дальнѣйшее возможное изслѣдованіе замѣнено или даже устранено утвержденіемъ, что нравственныя явленія и физическія однород-

ны и подчинены одному и тому же закону тяготѣнія. Очевидно, мысль философа не успѣла систематизировать элементовъ науки, стоящей по своей сложности выше физиологии, и отсутствіе подготовительной работы отразилось на самомъ проектѣ организациі.

Вся рѣчь о культѣ и о религіи, даже обставленной угрозами,—плодъ тѣхъ же старыхъ вліяній XVIII-го вѣка и революціи. Что касается важнѣйшаго вопроса о соціальной организациі, въ рѣшеніи его даже послѣдователи Сень-Симона находили „существенныя заблужденія“, и самое главное, несомнѣнно, проповѣдь союза между капиталомъ и интеллигенціей въ цѣляхъ сдерживать въ порядкѣ невѣжественный и бѣдный плебсъ. Такъ понялъ мысль Сень-Симона издатель его избранныхъ сочиненій, на этотъ разъ вполнѣ единодушно съ Робине ¹⁾).

Въ дѣйствительности—идея Сень-Симона вовсе не носить такого воинственного исключительнаго характера. Въ третьемъ *Письмѣ* онъ говоритъ: „на каждого возлагается обязательство направлять свои силы на пользу человѣчества; руки бѣдняка будутъ кормить богатаго, но богатому повелѣвается работать мозгомъ, а если его мозгъ не способенъ къ работѣ, богатый будетъ обязанъ работать руками“. Ни одинъ человѣкъ не долженъ оставаться бесполезнымъ въ общей мастерской ²⁾).

Слѣдовательно, Сень-Симонъ вовсе не немѣренъ узаконять власти богатыхъ надъ бѣдными во имя собственности. Не имѣется у него въ виду и замѣны аристократіи происхожденія аристократіей науки. Онъ обращается къ несобственникамъ съ такимъ совѣтомъ: „заставьте богатыхъ лично просвѣтиться и васъ образовать... заставьте работать ихъ головы для васъ“. И въ будущемъ Сень-Симонъ предвидитъ ограниченіе власти богатыхъ надъ бѣдными. Сообразно съ развитіемъ наукъ изученіе ихъ становится легче, и несоб-

¹⁾ *O. choisies*. I, XXI.

²⁾ *Ib.* 40.

³⁾ *Ib.* 22.

ственники, ставши образованнѣе, уменьшать „долю господства надъ ними богатыхъ“ ¹⁾. Очевидно, союзъ собственниковъ съ интеллигенціей не представлялся Сень-Симону навсегда неизмѣнной вооруженной грозой капитала надъ бѣдностью. У автора, несомнѣнно, преобладали филантропическія идеи, но въ результатѣ все-таки получилась организація совершенно неупорядоченная логически и богатая недоразумѣніями на практикѣ, если бы пришлось ее осуществлять.

Въ основѣ ея лежатъ собственность и просвѣщеніе, причѣмъ просвѣщеніе, повидимому, ставится выше собственности: на немъ созидается духовная власть. На самомъ дѣлѣ: обладаніе собственностью осуждаетъ гражданина на вѣчное подданство, если только онъ не выдающійся ученый или художникъ, т.-е. не способенъ попасть въ одинъ изъ ньютоновскихъ совѣтовъ. Членомъ свѣтской власти, обусловливаемой собственностью, онъ стать не можетъ. Слѣдовательно, и распространеніе просвѣщенія не обѣщаетъ сократить власти одного класса надъ другимъ, тѣмъ болѣе, что могутъ оказаться собственники съ первостепенными научными и художественными талантами и отнять у нихъ участіе въ духовной власти окажется несправедливымъ и врядъ ли выполнимымъ при матеріальной зависимости совѣтовъ отъ подписки между собственниками и при правительственной власти исключительно у однихъ собственниковъ. Сень-Симонъ, признавая естественность личнаго эгоизма, не могъ отрицать и классоваго; слѣдовательно, его комбинація не только не прекращала борьбы классовъ, а только усложняла ее и создавала для нея новый горючій матеріалъ и новые поводы.

Намъ ясно, изъ какихъ основныхъ историческихъ данныхъ образовалась система Сень-Симона: власть знанія и идеи—наслѣдство просвѣтительной эпохи; центральная роль собственности—результатъ революціонныхъ вліяній, преимуще-

¹⁾ *Ib.* 27—8.

ственно террора. Но автору не удалось создать стройной жизнеспособной комбинации из этих данных, и с первого взгляда его государство, действительно, можно принять за оборонительное общество против пролетариата, несмотря на искреннее филантропическое настроение. Но неудача общей комбинации не лишает первое произведение Сень-Симона существенного положительного значения. Социальный вопрос резко выдвинуть на первое место — в ущерб политической метафизикѣ; намѣченъ одинъ изъ основныхъ принциповъ сень-симоновской философіи: раздѣленіе духовной и правительственной власти, — идея, организующихъ общество и силы, осуществляющей идеи и оберегающей организацію, и, наконецъ, установлена идея производительнаго труда, какъ единственнаго источника гражданскаго авторитета. Всѣ эти мысли пока *membra disjecta* цѣльной системы; сплотить и объединить ихъ, представить задачу всей дальнѣйшей философіи Сень-Симона, коренящейся въ почвѣ современной исторической дѣятельности.

Ив. Ивановъ.

Нравственная проблема въ философіи Канта.

In einer praktischen Philosophie ist es nicht darum zu thun, Gründe anzunehmen, von dem was *geschieht*, sondern Gesetze von dem, was *geschehen soll*, ob es gleich niemals geschieht...

Kant. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.

Каждый разъ, когда послѣ долгихъ исканій вновь обращаются за поученіемъ къ старымъ системамъ, это бываетъ одинаково характерно какъ для этихъ исканій, такъ и для тѣхъ системъ, при помощи которыхъ стремятся къ ихъ удовлетворенію. Подобное возрожденіе доктринъ, подтверждая ихъ непреходящую цѣнность, нерѣдко бросаетъ новый свѣтъ и на самую ихъ сущность, на тѣ элементы ихъ, которыхъ глубокое значеніе становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе онѣ подвергаются анализу и обсужденію.

Именно въ такомъ положеніи мы находимся теперь относительно Канта. Съ тѣхъ поръ какъ раздался извѣстный призывъ: „zurück zu Kant!“, прошло достаточно времени, чтобы это духовное паломничество къ великому мыслителю сказалось ясными результатами. И дѣйствительно, на основахъ Кантовой философіи уже созданъ рядъ новыхъ построеній. Прямо или косвенно ея критическій духъ отразился въ самыхъ различныхъ областяхъ, начиная отъ теоріи познанія и кончая соціальной философіей. Она не вытѣснила, конечно, другихъ направленій, но влияніе ея стало од-

нимъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ современнаго философскаго движенія.

Этотъ критическій духъ во всѣхъ областяхъ, въ которыя онъ проникаетъ, ведетъ прежде всего къ постановкѣ вопроса о границахъ и условіяхъ познанія. Это первый и основной результатъ Кантовскаго критицизма. Но подобно тому какъ для Канта съ этимъ теоретическимъ результатомъ связывался еще практическій или этический, такъ и въ наше время за ограниченіемъ науки, произведеннымъ въ духъ Канта, слѣдуетъ возстановленіе этики въ ея особыхъ правахъ и задачахъ. Этотъ практическій результатъ кантіанства нигдѣ не выразился такъ замѣтно, какъ въ области социальной философіи, гдѣ уже можно говорить о цѣломъ направленіи, избравшемъ для себя въ качествѣ лозунга, самостоятельность этического начала.

Все это должно возродить нашъ интересъ и къ самому источнику этихъ построеній, къ философіи Канта. Въ свѣтъ новыхъ увлеченій ею, еще яснѣе выступаютъ ея безсмертныя заслуги.

Я не ставлю здѣсь своею цѣлью изложеніе теоретической философіи Канта, но намъ нельзя обойтись безъ того, чтобы не вспомнить ея основныхъ выводовъ. Необходимо установить тотъ пунктъ, съ котораго были бы видны всѣ подробности системы, и для этого надо коснуться ея общаго смысла.

I. Общіе результаты философіи Канта. Теорія познанія и основы морали.

Для того, чтобы сразу указать на самое главное и основное, мы должны припомнить установленное Кантомъ разграниченіе теоретическаго разума и практическаго. Какъ извѣстно, коренная особенность Канта состоитъ въ томъ, что область опытнаго знанія съ господствующимъ въ ней закономъ причинности, съ вспомогательными средствами чувственныхъ воспріятій была отдѣлена имъ отъ сферы чаяній и упованій, постулятовъ и императивовъ. Каждая область, и теоретическая, и практическая — были обособ-

лены въ самодовлѣющія и независимыя сферы духовной жизни человѣка.

Это обособленіе и теперь еще вызываетъ иногда упреки въ противорѣчій между двумя указанными частями философіи Канта. Но углубленное изученіе его системы давно уже разъяснило истинный смыслъ этого противорѣчія, которое было сознательной цѣлью и краеугольнымъ камнемъ критической философіи. Въ антагонизмъ теоретическаго и практическаго разума воспроизводится въ сущности вѣчная и простая мысль о двойственности человѣческой природы. Стѣсненный оковами внѣшняго міра, человѣкъ сознаетъ въ себѣ безконечныя стремленія и порывы. Въ глубинѣ его сознанія живетъ потребность нравственной свободы, желаніе добра и жажда высшей правды; но всѣ эти стремленія заключены въ цѣпи земной ограниченности и внѣшней обусловленности. Нравственное чувство поддерживаетъ его въ стремленіи къ свободѣ; научный анализъ укрѣпляетъ мысль о зависимости и раскрываетъ неизмѣнныя законы, которымъ все подчинено въ природѣ. Нравственность внушаетъ человѣку обязанности подвига и борьбы, учить его вѣрить въ свои силы и надѣяться на будущее. Наука констатируетъ фатальную неизбѣжность всего совершающагося и предполагаетъ необходимость будущаго предопредѣленной въ безконечной дали прошлаго. Вотъ эта двойственность человѣческаго сознанія и воспроизводится въ системѣ Канта. Критическая философія является глубокомысленнымъ выраженіемъ тѣхъ противорѣчій, которыя присущи человѣческой природѣ и которыя въ томъ или другомъ видѣ издавна занимаютъ философскую мысль. У Канта центромъ этихъ противорѣчій полагается отношеніе необходимости и свободы; а разрѣшеніе, которое онъ даетъ этой проблемѣ, состоитъ въ томъ, что за каждымъ изъ этихъ началъ онъ признаетъ самостоятельное значеніе ¹⁾. Явленія

¹⁾ Кантъ самъ говорить, что понятіе нравственной свободы послужило началомъ критической философіи. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это утвержденіе см. у Paulsen, I. Kant, S. 96 ff.

опытнаго, чувственнаго міра, это область необходимости, доступная познающему разуму; но за этимъ міромъ явленій, включенныхъ въ неразрывную цѣпь временной и причинной обусловленности, лежитъ міръ умопостигаемыхъ основъ, царство свободы, раскрывающееся только чаяніямъ нравственнаго сознанія.

Вотъ основной результатъ Кантовой философіи. Каковы же его основанія и послѣдствія? Нѣсколько разъясненій по этому поводу помогутъ намъ представить яснѣе и самый этотъ результатъ.

Путь къ практическому разуму лежитъ черезъ критику разума теоретическаго. Только установивши границы теоретическаго, опытнаго познанія, Кантъ открылъ доступъ для дѣятельности практическаго разума. Нравственный идеализмъ воздвигается на почвѣ теоретическаго критицизма. Это двѣ неразрывныя части единаго цѣлаго, и чтобы придти ко второй, надо начать съ первой.

Науку и разумъ критиковали за долго до Канта. Это была старая заслуга философіи—разрушить довѣрчивый реализмъ обыкновеннаго сознанія и разъяснить, что наша мысль въ своихъ представленіяхъ о внѣшнемъ мірѣ связана субъективными свойствами и границами. Кантъ сдѣлалъ болѣе того: онъ уничтожилъ наивную вѣру, будто бы предъ нашимъ познающимъ разумомъ стоитъ какой-то независимый отъ него міръ, съ которымъ познаніе должно сообразоваться, какъ художникъ сообразуется съ своимъ оригиналомъ. Такой независимой отъ насъ дѣйствительности, такого внѣшняго, внѣ насъ находящагося оригинала мы не знаемъ. Наше познаніе не представляетъ собою, какъ часто говорили прежде, отраженія міра и нашъ духъ не есть зеркало, въ которомъ получается это отраженіе. Эти старыя сравненія были бы вѣрны только тогда, если бы духъ и міръ противостояли другъ другу, какъ зеркало противостоитъ отражаемому въ немъ предмету. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: тотъ міръ, который мы ошибочно принимаемъ за внѣшній для насъ и подлежащій отраженію въ нашемъ духѣ, есть

уже построение разума, продуктъ его дѣятельности. Кантъ не думаетъ, чтобы за этимъ построениемъ въ дѣйствительности и не было никакихъ реальныхъ объектовъ: они существуютъ; но для познанія нашего, которое воспринимаетъ всегда только отношеніе ихъ къ намъ, они остаются *сами по себѣ* (an sich) совершенно недоступными. Такъ въ философіи Канта объективная дѣйствительность скрывается въ непроницаемой тайнѣ „вещи въ себѣ“; но зато она освѣщается свѣтомъ разума и въ этомъ смыслѣ становится намъ близкой и доступной ¹⁾. Что такое истина, съ этой точки зрѣнія? Это уже не согласіе представленій съ вещами, какъ думали прежде, а только согласіе разума съ самимъ собою. Мы не можемъ руководиться въ разысканіи истины стремленіемъ сообразоваться съ вещью въ себѣ, которой мы не знаемъ и никогда не будемъ знать. Мы можемъ только сравнивать и согласовать между собой одни представленія съ другими, низшіе продукты разума съ высшими и стремиться къ идеалу внутреннего единства познанія. Разумъ, сохраняя свое единство и относя къ себѣ всѣ частныя и отрывочныя воспріятія, этимъ самымъ связываетъ и согласуетъ ихъ между собой: это единство нити, связывающей отдѣльныя звенья въ общую цѣпь, или еще лучше, единство свѣта, ровнымъ и однороднымъ блескомъ освѣщающаго картину и обнаруживающаго для взора сразу всѣ ея части. Свѣтъ разума—вотъ источникъ истины; единство воспринимающей дѣятельности духа—вотъ разгадка нашего

1) Еще и до сихъ поръ ученіе Канта понимаютъ иногда такимъ образомъ, что для него вещи въ себѣ обнаруживаются въ явленіяхъ, за которыми они пребываютъ, подобно тому какъ невидимый источникъ свѣта пребываетъ за своими лучами. На самомъ дѣлѣ, Кантъ думаетъ, что *для нашихъ представленій*, кромѣ явленій, ничего не существуетъ. Отнимите мыслящій разумъ, и отъ этого міра явленій ровно ничего не останется. Таково было его основное воззрѣніе, не чуждое, однако, нѣкоторыхъ противорѣчій. Этотъ пунктъ съ неподражаемымъ мастерствомъ выясненъ у Kuno Fischer, *Gesch. der neuer. Phil. Jubiläumsausgabe*. IV Bd. Heidelberg, 1898, см. особенно SS. 610—620. Сошлюсь также на Виндельбанда въ его *Gesch. der neuer. Phil.* и въ статьѣ о Кантѣ, помѣщенной въ сборникъ „Präludien“ S. 125 ff.

познанія. Такъ старая заповѣдь: «познай самого себя» получаетъ у Канта неожиданный и универсальный смыслъ всеобщаго закона, направляющаго все наше познаніе, всю нашу дѣятельность, все наше существованіе.

Этотъ основной результатъ теоретической философіи Канта сочетался съ цѣлымъ рядомъ выводовъ глубокой важности. Мы упомянемъ изъ нихъ лишь тѣ, которые имѣютъ значеніе въ общей связи нашего изложенія.

Критицизмъ Канта ставитъ своей ближайшей цѣлью опредѣлить границы нашего познанія. Онъ указываетъ на то, что всѣ наши теоретическія заключенія ограничены субъективной способностью воспріятій, изъ круга которыхъ мы не можемъ выйти. Такъ называемая объективность познанія есть ни что иное, какъ всеобщая субъективность: она является результатомъ нѣкоторыхъ общихъ формъ мысли, съ одинаковой необходимостью присущихъ всѣмъ людямъ. Научная истина получается отъ приложенія этихъ формъ къ матеріалу чувственныхъ воспріятій, и въ этомъ заключается новое ограниченіе для субъекта. Онъ не можетъ строить выводы за выводами и утверждать, что все это необходимо, потому что вытекаетъ изъ логическихъ основаній. Разумъ есть свѣтъ, но только свѣтъ; безъ матеріала, даваемаго ему чувственными представленіями, онъ освѣщаль бы только пустое пространство. Для познанія нужно и то, и другое: свѣтъ разума и то, что онъ освѣщаетъ, форма познанія и его содержаніе. Выходя за эти предѣлы, разумъ отрывается отъ твердой почвы опыта и пускается, по выраженію Канта, въ обширный и бурный океанъ призрачнаго знанія. Но въ той сферѣ, гдѣ разумъ сочетается съ чувственнымъ опытомъ, онъ служитъ неизмѣнной и вѣрной опорой для науки. Его законы служатъ той основой, на которой создается все опытное познаніе; вотъ почему они представляются намъ неизбежными и непоколебимыми. Нельзя разрушить фундаментъ, не подвергая роковой опасности и всего зданія, которое на немъ утверждается. Какъ можетъ терпѣть какой-либо ущербъ въ мірѣ опыта законъ

причинности или другой какой-либо законъ разума, если это необходимыя условія опыта? Мы говоримъ, что весь познаваемый міръ управляется незыблемыми законами, ибо безъ этихъ законовъ мы не могли бы ничего знать.

Вотъ точка зрѣнія, для которой непоколебимая законмѣрность и непрерывная причинность сливаются съ міромъ познаваемыхъ явленій внутренней и неразрывной связью. Суровый законъ необходимости господствуетъ въ этомъ мірѣ, и нѣтъ здѣсь мѣста неожиданности и свободѣ. Все связано, все обусловлено въ этой цѣпи причинъ и слѣдствій. Разорвать ее значитъ разрушить самыя основы познанія и подвергнуть сомнѣнію самую сущность разума.

Такова сфера теоретическаго познанія. Человѣческій разумъ въ этой сферѣ связанъ и ограниченъ; онъ вноситъ сюда законъ и порядокъ, и въ этомъ смыслѣ ему принадлежитъ державное значеніе, но въ узкихъ предѣлахъ чувственнаго міра и субъективно-воспринимаемыхъ явленій. Но то, что ставитъ границу теоріи, открываетъ безграничныя перспективы для практики. Связывая насъ въ одномъ направленіи, критическая философія освобождаетъ въ другомъ. Это двоякое значеніе своей критики—ограничивающее и освобождающее — указалъ самъ Кантъ въ предисловіи ко второму изданію своего сочиненія. Это пунктъ, особенно для насъ важный и требующій болѣе подробнаго разъясненія.

Критика теоретическаго разума заканчивается констатированіемъ въ нашемъ сознаніи идеаловъ и стремленій, которымъ нѣтъ удовлетворенія въ теоретической области. Глубочайшей потребностью духа оказывается потребность покинуть почву опыта и достовѣрнаго познанія и уйти въ область таинственнаго и неопредѣленнаго. Познаніе здѣсь кончается, но начинается новая дѣятельность разума. Тѣ стремленія, которыхъ не въ силахъ удовлетворить теоретическій разумъ, порождены иными запросами духа, и сфера ихъ примѣненія—другая, не теоретическая, а практическая, не научная, а нравственная. Наука есть лишь одно

изъ частныхъ проявленій нашего духа; указавъ ея предѣлы и обнаруживъ стремленіе духа выйти за эти предѣлы, мы этимъ самымъ утверждаемъ, что жизнь духа шире и полнѣе научнаго познанія. „Сѣрая теорія“ оказывается бѣдной и недостаточной предъ „зеленымъ деревомъ жизни“. Надо признать эту ограниченность науки, чтобы тѣмъ свободнѣе отъ нея отрѣшиться. Вотъ почему Кантъ пишетъ критику практическаго разума, послѣ того какъ онъ написалъ критику разума теоретическаго. Онъ твердо вѣритъ въ самобытную силу нравственнаго сознанія, послѣ того какъ онъ показалъ неприступность этой области для теоретическихъ изслѣдованій. Въ сознаніи этой силы, онъ говоритъ въ „Основположеніи къ метафизикѣ нравовъ“ : философія достигаетъ здѣсь того пункта, гдѣ она должна быть утверждена „независимо отъ какой-либо опоры на небѣ или на землѣ, гдѣ она должна обнаружить свою истинную сущность, какъ самодержавная носительница своихъ законовъ, а не какъ вѣстница предписаній, внушенныхъ ей со стороны“ ¹⁾. Естественно, что при этихъ условіяхъ критика практическаго разума превращается въ его апологію и апофеозу и становится символомъ нравственной свободы.

Среди изложенныхъ выше результатовъ критической философіи, указывающихъ границы нашего познанія, былъ одинъ, имѣвшій особенное значеніе для утвержденія за практическимъ разумомъ этой самобытной и освобождающей силы. Я имѣю здѣсь въ виду выводъ Канта объ отсутствіи для познанія какой-либо независимой отъ него дѣйствительности, съ которой она должно было бы сообразоваться. Когда другіе философы утверждали, что истина состоитъ въ согласіи разума съ внѣшнимъ для него міромъ, онъ полагали вмѣстѣ съ тѣмъ, что и критерій нравственности добывается черезъ познаніе этого міра. Безъ этого познанія разумъ—ничто; все его значеніе сводится къ тому, чтобы

¹⁾ Grundlegung zur Metaphysik der Sitten S. 49. Страницы сочиненій Канта указываются мною по изданію Кярхмана, представляющему перепечатку наиболѣе правильнаго изданія Гартенштейна.

отражать внѣшніе предметы. Но когда мы приходимъ къ убѣжденію, что мѣрило истины заключается въ самомъ разумѣ, въ согласіи его съ своими собственными законами, то естественно допустить, что и нравственный критерій имѣеть подобный же характеръ внутренней самозаконности. Въ такомъ случаѣ становится совершенно понятнымъ, что нравственное сознание можетъ находить свою истину внутри себя, вмѣсто того, чтобы отыскивать ее во внѣшнемъ мірѣ. Становится также понятнымъ, что этотъ внутренний критерій нравственности, вытекающій изъ собственной природы разума, независимъ отъ познанія внѣшнихъ явленій, и что онъ служитъ источникомъ особыхъ нравственныхъ нормъ, существующихъ на ряду съ законами познаваемаго міра и внѣ связи съ ними ¹⁾. Эта независимость нравственнаго критерія отъ опытнаго познанія и эта возможность внутренняго нравственнаго чувства объясняютъ намъ, наконецъ, какимъ образомъ вообще мы приходимъ къ моральнымъ требованіямъ и къ идеѣ долгаго. Сколько бы ни искали мы этой идеи въ сферѣ опыта, мы ея тамъ не найдемъ; она имѣеть иное происхожденіе, и именно во внутреннемъ мірѣ субъекта. Кантъ подтверждаетъ свою мысль анализомъ идеи долгаго, которая является центромъ нравственнаго сознанія. Вотъ его основныя положенія.

Нравственное долженствованіе выражаетъ такой видъ необходимости и такую связь съ основаніями, которыхъ нельзя встрѣтить во всей остальной природѣ, помимо внутренняго сознанія человѣка. Разсудокъ можетъ познавать во внѣшней природѣ лишь то, что есть, было или будетъ; невозможно, чтобы здѣсь что-либо *должно было быть* иначе, чѣмъ оно дѣйствительно есть въ своемъ временномъ явленіи. Долженствованіе лишается всякаго значенія, если имѣть въ виду только ходъ природы. Мы не можемъ спрашивать, что должно совершаться въ природѣ, такъ какъ мы не мо-

¹⁾ Этотъ результатъ Кантовой критики прекрасно формулированъ у Виндельбанда, въ его статьѣ «Immanuel Kant» (въ Сборникѣ «Präludien». S. 139 ff).

жемъ спрашивать, какія свойства долженъ имѣть кругъ; вопросъ можетъ здѣсь идти только о томъ, что совершается въ природѣ или какія свойства имѣетъ кругъ. Но что же такое это долженствованіе, не имѣющее никакого примѣненія ко внѣшней природѣ? Ясно, что это продуктъ внутренняго міра человѣка. Долженствованіе выражаетъ собою возможное или мыслимое дѣйствіе, основаніемъ для котораго является чистое понятіе. Разумъ съ полной самопроизвольностью создаетъ для себя собственный порядокъ,—міръ идей, къ которому онъ старается приблизить дѣйствительныя условія и согласно съ которыми онъ объявляетъ необходимыми такія дѣйствія, которыя никогда не случались и можетъ быть никогда не случатся. Въ созданіи этого порядка онъ не слѣдуетъ указаніямъ внѣшней природы и дѣйствительнаго хода вещей; поэтому онъ и приходитъ здѣсь къ инымъ выводамъ. И можетъ быть, согласно съ этимъ особымъ идеальнымъ порядкомъ, все то, что по ходу природы совершилось и по своимъ эмпирическимъ основаніямъ неизбѣжно совершилось, не должно было совершиться ¹⁾).

Нельзя было чище и яснѣе поставить идею долженствованія, чѣмъ это сдѣлалъ Кантъ. Но какъ только она поставлена на эту почву и понята такимъ образомъ, становится яснымъ, что она выходитъ изъ сферы научнаго познанія и образуетъ свою особую область проявленій разума. Неправильно думать, будто бы въ нравственныхъ выводахъ Кантъ видитъ нѣкоторое *познаніе*, недостающее намъ, если мы ограничиваемся одной наукой. О познаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи; дѣятельность практическаго разума представляетъ собою совершенно особую функцію. Тамъ—въ познаніи—мы связаны опытомъ; передъ нами чувственный міръ, подчиненный законамъ необходимости,—нѣчто данное для насъ, хотя и нами оформленное. Здѣсь—въ (практической области—мы путемъ разума создаемъ себѣ

¹⁾ Kritik der reinen Vernunft. §§. 445—448.

законъ, которому подчиняются всѣ наши правила, *какъ будто бы изъ нашей воли вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ возникнуть и порядокъ природы*. Тамъ объекты являются причиною представлений; они опредѣляютъ познаніе и волю; здѣсь сама воля создаетъ свой объектъ. Очевидно, что эта послѣдняя задача не имѣетъ ничего общаго съ познаніемъ. Дѣло идетъ здѣсь только объ установленіи правилъ для воли, а не о ея результатахъ. Будутъ ли эти правила осуществляться въ дѣйствительности, это безразлично. Критика изслѣдуетъ чистую способность разума, независимо отъ ея примѣненія въ дѣйствительномъ мірѣ¹⁾. Она и начинается съ такого основанія, которое не зависитъ отъ условій чувственного міра. Ибо моральный законъ, отъ котораго она исходитъ, есть какъ бы фактъ чистаго разума, который мы сознаемъ въ себѣ а priori и который для насъ безусловно достовѣренъ, даже и при томъ предположеніи, что въ опытѣ нельзя найти никакого примѣра, гдѣ бы онъ былъ точно выполненъ. Объективная реальность моральнаго закона не можетъ быть доказана никакою дедукціей и никакими усиліями теоретическаго разума ни умозрительнаго, ни эмпирически-обоснованнаго²⁾. Она представляетъ собою нѣчто, непосредственно данное для разума. Въ этомъ же направленіи, независимо отъ опыта и теоріи, совершаются вообще всѣ выводы практическаго разума: онъ оцѣниваетъ дѣйствительность, согласно съ своими принципами; онъ осуждаетъ и отвергаетъ ее, несмотря на то, что она представляетъ собою продуктъ необходимости, неизбежный результатъ естественныхъ причинъ. Такимъ образомъ,¹ можно сказать, что нравственныя сужденія высказываются не въ связи съ теоретическими, а наряду и параллельно съ ними. Мысль Канта состоитъ въ томъ, чтобы возвысить нравственное сознаніе надъ цѣпью причинъ и слѣдствій, надъ теченіемъ времени, надъ міромъ опытныхъ явленій.

1) Kritik der prakt. Vernunft. SS. 53—55.

2) ibid. S. 56.

Вотъ почему онъ утверждаетъ, что разумъ не можетъ признавать никакого различія во времени, если дѣло идетъ о законахъ нашего нравственнаго существованія. Для практическаго разума безразлично, совершено ли дѣйствіе теперь или же давнымъ-давно; онъ спрашиваетъ только, принадлежитъ ли это дѣйствіе лицу, какъ его дѣйствіе,—и соотвѣтственно съ этимъ произноситъ свой приговоръ. Таковы именно сужденія совѣсти. Человѣкъ можетъ, сколько угодно хитрить, чтобы оправдать какое-нибудь совершенное имъ безнравственное дѣйствіе, представляя его то какъ невольный недосмотръ, то какъ простую неосторожность, и вообще какъ слѣдствіе естественной необходимости, потокомъ которой онъ былъ увлеченъ,—но онъ всегда найдетъ, что эта защита не можетъ заглушить въ ней голоса обвиненія, если только онъ сознаетъ, что при совершеніи несправедливаго дѣйствія онъ обладалъ разумніемъ и свободой. Онъ можетъ *объяснять* свой проступокъ, какъ естественное слѣдствіе извѣстной привычки, но этимъ онъ нисколько не спасаетъ себя отъ внутреннихъ упрековъ. Отсюда проистекаетъ раскаяніе въ давно совершенномъ дѣяніи при каждомъ воспоминаніи о немъ. Это тягостное ощущеніе, производимое нравственнымъ настроеніемъ, практически бесплодно, такъ какъ оно не можетъ сдѣлать совершившееся несовершеннымъ; оно было бы даже бессмысленнымъ, если бы оно не было правомѣрнымъ, какъ скорбь, проистекающая изъ нравственнаго сознанія, которое не дѣлаетъ различій во времени и не признаетъ естественной необходимости ¹⁾).

Прежде чѣмъ говорить о томъ объясненіи, которое Кантъ даетъ этому параллелизму нравственныхъ и теоретическихъ сужденій, замѣтимъ, что фактъ указанъ имъ съ удивительной тонкостью и силой. Отдѣлъ „Критики практическаго разума“, въ которомъ говорится объ этомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ его со-

¹⁾ Kritik der prakt. Vernunft. SS. 118—119.

чиненія. Несомнѣнно, что нравственная оцѣнка тамъ, гдѣ она примѣняется, идетъ все время самостоятельно и параллельно съ теоретическимъ объясненіемъ. Единству нравственнаго сознанія противорѣчатъ отступленія отъ него одинаково въ прошедшей, какъ и въ текущей дѣйствительности. Если эти противорѣчія принадлежать къ внутреннему міру человѣка, они ощущаются имъ, какъ тягостный разладъ съ собою; если они относятся къ внѣшней дѣйствительности, къ ея событіямъ или состояніямъ, они тяготятъ его, какъ несоотвѣтствующія его нравственнымъ ожиданіямъ. Осужденіе прошлаго, которое наступило съ закономѣрной необходимостью, можетъ быть практически безплоднымъ, но оно представляетъ собою неискоренимый фактъ нравственной жизни. Это—безспорная истина, что мысль о необходимости прошлаго не властна надъ нравственнымъ сознаніемъ. Причинная закономѣрность совершившихся фактовъ не можетъ обольстить насъ притязаніемъ на свою неотвратимость. Нравственное чувство вооружается противъ нихъ, если они ему противорѣчатъ; и пусть это будетъ безсильный протестъ смѣлаго духа, безнадѣжное возстаніе мысли противъ торжествующаго зла,—какъ явленіе внутренней жизни человѣка, все это имѣетъ глубокое значеніе.

Но какъ объяснить эту независимость нравственнаго сознанія? Мы можемъ установить ее, какъ психологическій фактъ; мы можемъ затѣмъ дать этому факту гносеологическое подкрѣпленіе, при помощи указанія на самобытную и законодательную силу разума, который находитъ въ себѣ критеріи добра и зла, такъ же какъ истины и лжи; наконецъ, мы можемъ вывести отсюда методологическій результатъ, требующій разграниченія теоретическихъ и моральныхъ сужденій. Но философская любознательность простирается далѣе этого: она стремится разрѣшить вопросъ о конечной причинѣ этого противорѣчія морали и познанія и дать всей проблемѣ метафизическое истолкованіе. Это именно мы и находимъ у Канта: для объясненія указаннаго

противорѣчія онъ предлагаетъ свое ученіе о различіи явленій и вещей въ себѣ. Сущность этого ученія состоитъ въ слѣдующемъ.

Недоступная для теоретическаго познанія вещь въ себѣ безусловно необходима для оправданія нравственныхъ стремленій. Какъ только мы допускаемъ ея существованіе, такъ для насъ становится яснымъ противорѣчіе теоріи и морали, необходимости и нравственной свободы. Естественная необходимость принадлежитъ къ міру явленій: дѣйствующій субъектъ подчиняется ей, только какъ явленіе. Но тотъ же субъектъ сознаетъ себя, съ другой стороны, какъ вещь въ себѣ, и разсматриваетъ свое существованіе, поскольку оно не стоитъ подъ условіемъ времени, какъ определяемое исключительно законами разума. Въ сознаніи этого умпостигаемаго бытія каждое дѣйствіе субъекта является для него не основаніемъ, а послѣдствіемъ его умпостигаемой сущности. Въ этомъ отношеніи разумное существо можетъ сѣсправедливо сказать о каждомъ безнравственномъ поступкѣ, который оно совершаетъ, что хотя этотъ поступокъ и былъ необходимъ, какъ явленіе, но онъ могъ бы и не совершиться, такъ какъ представляетъ собою лишь частное послѣдствіе его характера, создаваемого имъ самимъ, какъ самобытной силой ¹⁾).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Канта, *каждое дѣйствіе въ одно и то же время необходимо и свободно*: необходимо, если брать его въ рядѣ временныхъ причинъ и слѣдствій; свободно, если, отрѣшаясь отъ этого ряда, восходить къ его умпостигаемой основѣ, къ субъекту, какъ вещи въ себѣ. Въ этомъ смыслѣ мы могли бы признавать свободу человѣка и тогда, если бы намъ стали извѣстны всѣ его побужденія, даже самыя незначительныя, и всѣ внѣшнія вліянія на него, такъ что мы могли бы предсказать его будущее поведеніе съ такой же достовѣрностью, какъ лунное или солнечное затменіе. Если бы мы были способны

¹⁾ Krit. der prak. Vern. SS. 117—118.

къ внутреннему интеллектуальному созерцанию субъекта, то мы увидѣли бы, что вся эта цѣпь явленій въ отношеніи къ нравственному закону, зависитъ отъ самодѣятельности субъекта, какъ вещи въ себѣ ¹⁾.

Таково объясненіе Канта. Какъ бы ни относились мы къ этому объясненію по существу, но во всякомъ случаѣ мы должны отдѣлять его обсужденіе отъ разсмотрѣнія того психологическаго факта, къ истолкованію котораго оно предназначено. Этотъ фактъ, равно какъ и связанныя съ нимъ гносеологическія и методологическія утвержденія, могутъ быть объясняемы и при помощи другихъ точекъ зрѣнія. Вотъ почему тѣ многочисленныя и часто справедливыя возраженія, которыя были сдѣланы противъ Кантовой „вещи въ себѣ“, нисколько не затрагиваютъ его основнаго утвержденія о двойственности морали и познанія. Можно даже сказать, что идея „вещи въ себѣ“ оказала Канту, между прочимъ, ту добрую услугу, что она помогла ему съ особенной ясностью разграничить эти области. И прежде всего она дала ему возможность поставить съ перваго взгляда совершенно парадоксальный вопросъ: какъ могутъ свобода и необходимость совмѣщаться въ отношеніи *къ одному и тому же дѣйствию?* ²⁾ Какимъ образомъ мы говоримъ, что извѣстное дѣйствіе наступило или наступитъ съ естественной необходимостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ, что человѣкъ не долженъ его совершать? Если вопросъ поставленъ въ этой формѣ, то отвѣтомъ можетъ служить только такая теорія, согласно которой идеи свободы и необходимости лежатъ въ двухъ плоскостяхъ, не совпадающихъ между собою. Это двѣ различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ. На почвѣ чистой науки нѣтъ мѣста для нравственныхъ требованій и сужденій. Наука говоритъ намъ, что въ каждый данный моментъ времени мы опредѣляемся нашимъ прошлымъ,

1) Ibid. S. 118.

2) См. формулированіе вопроса въ *Krit. der rein. V. S. 452* и во многихъ мѣстахъ *Kr. d. p. V.*

которое уже не находится въ нашей власти, что мы можемъ только продолжать извѣстный порядокъ, а не начинать его вновь. Если, однако, мы высказываемъ нравственныя требованія, если мы осуждаемъ и наступившія уже событія, то, очевидно, эти требованія и сужденія имѣютъ самостоятельное значеніе, наряду съ теоретическими заключеніями о необходимости прошлаго и будущаго.

Вотъ мысль, которую Кантъ выразилъ съ классической силой и ясностью. Тотъ фундаментъ, который онъ хотѣлъ подвести подъ это утвержденіе, можетъ быть признанъ непрочнымъ; и однако за его философіей навсегда останется та заслуга, что въ постановкѣ вопроса о свободѣ онъ научилъ насъ полагаться на голосъ нравственнаго чувства и показалъ условность тѣхъ выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы въ этомъ вопросѣ изъ данныхъ познанія. Это было слѣдствіемъ все того же основного взгляда его на теорію, который мы изложили выше; и здѣсь мы еще разъ чувствуемъ двоякую роль его „Критики“: ограничивающую и освобождающую, — ограничивающую силы науки, для того чтобы показать могущество морали, опредѣляющую условность познанія, для того чтобы провозгласить свободу нравственной воли. Конечно, противъ Канта всегда останется въ силѣ тотъ упрекъ, что онъ не столько устраняетъ противорѣчіе свободы и необходимости, сколько примиряетъ насъ съ нимъ. Но это примиреніе обращается къ глубочайшимъ потребностямъ человѣческаго духа, которыя утверждаютъ свое значеніе независимо отъ хода природы и вопреки превозмогающей власти событій. Это — потребности нравственныя. Философія Канта есть нравственная философія по преимуществу; первенство практическаго разума есть ея послѣднее слово. Намъ невольно припоминается здѣсь поэтическій конецъ „Критики практическаго разума“, въ которомъ выражается коренное убѣжденіе философа.

„Двѣ вещи“, говоритъ Кантъ, „наполняютъ душу все новымъ и возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ

чаще и продолжительнѣе занимается ими размышленіе: это—звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ въ насъ. То и другое я не могу искать и какъ бы только предполагать, какъ нѣчто, скрытое во мракѣ или въ безпредѣльности и лежащее внѣ моего горизонта; я вижу ихъ передъ собою и соединяю ихъ непосредственно съ сознаниемъ своего существованія... Первый взглядъ на это безчисленное множество міровъ какъ бы уничтожаетъ мое значеніе, какъ животнаго созданія, принужденнаго возвратить своей планетѣ (этой точкѣ вселенной) ту матерію, изъ которой оно произошло и которая на короткое время, и неизвѣстно какъ, была снабжена жизненною силой. Второе созерцаніе, напротивъ, безконечно возвышаетъ мое достоинство, какъ одаренной разумомъ силы, какъ личности, въ которой нравственный законъ обнаруживаетъ жизнь, независимую отъ животнаго существованія и даже отъ всего чувственнаго міра; таково, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство этого закона, опредѣляющаго мою жизнь: требованія его не ограничиваются предѣлами этого существованія, но простираются въ безконечность“¹⁾.

Мы изложили до сихъ поръ исходныя мысли Кантовой этики, не прерывая цѣльности изложенія пояснительными сопоставленіями и сближеніями. Но всѣ эти мысли стануть для насъ еще яснѣе, въ ихъ подлинномъ и глубокомъ значеніи, если мы сопоставимъ ихъ съ нѣкоторыми современными теченіями. Изложеніе всѣхъ опытовъ исправленія и продолженія Канта совершенно не входитъ въ предѣлы моей темы. Я хотѣлъ бы только привести нѣсколько краткихъ справокъ, которыя могли бы разъяснить и подчеркнуть особенности самого Канта. И прежде всего умѣстно будетъ остановиться на его ученіи объ апріорности нравственнаго сознанія.

Современная философія, слѣдующая началамъ Канта, подобно ему утверждаетъ, что нравственный критерій есть

1) Krit. der prakt. Vernunft. Beschlus. S. 194.

Вопросы философіи, кн. 57.

априорное требованіе разума, которое не можетъ быть выведено изъ опыта. Но что хотятъ сказать этимъ? Развѣ эмпирическая психологія не говоритъ намъ о томъ могущественномъ дѣйстви, которое оказываетъ на человѣка среда, при образованіи его нравственныхъ воззрѣній? Не слѣдуетъ ли поэтому, прежде чѣмъ утверждать априорность нравственныхъ принциповъ, провѣрить ихъ дѣйствительную связь съ окружающимъ міромъ? Именно такое требованіе обращаетъ къ Канту Фулье. „Настоящая и полная критика“, говоритъ онъ, „будетъ заключать въ себя: 1) историческую критику нравственныхъ идей не только у индивидуума, но еще у вида, какъ это сдѣлали Дарвинъ и Спенсеръ; 2) психологическую и физиологическую критику нравственныхъ идей, т.-е. сведеніе ихъ на элементы психологическіе и, въ случаѣ нужды, физиологическіе; 3) моральную и социологическую критику этихъ же самыхъ нравственныхъ и социальныхъ принциповъ, т.-е. разсмотрѣніе ихъ истинной или мнимой необходимости для индивидуальнаго и социальнаго поведенія. Но мы напрасно бы стали искать подобнаго изслѣдованія у Канта и его послѣдователей“¹⁾.—Въ этомъ замѣчаніи, какъ и въ другихъ упрекахъ Канту, Фулье упускаетъ изъ вида задачи Кантовой критики. Ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить нравственный принципъ въ его чистомъ и безусловномъ выраженіи и показать тѣ необходимыя предположенія, къ которымъ приводитъ признаніе этого принципа разумомъ. И принципъ, и предположенія берутся въ идеальной и мыслимой формѣ,—не какъ данныя опыта, а какъ требованія нравственнаго сознанія²⁾. Ясно, что для Канта эмпирическія условія образованія нравственной воли безразлич-

1) Фулье, Критика новѣйшихъ системъ морали. Спб., 1898 (переводъ Максимова и Коиради), стр. 139.

2) По опредѣленію „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“, задача метафизики нравовъ состоитъ въ томъ, „чтобы изслѣдовать идею и принципы возможной чистой воли, а не дѣйствія и условія человѣческаго хотѣнія, которыя большею частью почерпаются изъ психологіи“. См. S. 7.

ны: для утверждѣнія апріорности нравственнаго сознанія они не имѣютъ никакого значенія. Ибо это утверждѣніе вовсе не говорить, что *содержаніе* нравственныхъ нормъ слагается помимо опыта. Апріорность относится къ самому критерию нравственности, къ идеѣ долга и къ ея основнымъ предположеніямъ. Никакой опытъ не можетъ дать обоснованія для *моральной обязательности* дѣйствій. Нравственный долгъ представляетъ собою идею, непосредственно данную нашему сознанію и не разложимую ни на какіе дальнѣйшіе элементы. Изъ опыта, относящагося къ области существующаго, мы ея не выведемъ. Опытъ можетъ удостовѣрить насъ только относительно естественной необходимости дѣйствія. На вопросы, должны ли мы и почему мы должны, нѣтъ другихъ отвѣтовъ, кромѣ показаній нравственнаго чувства. Поэтому для опытной науки нравственная проблема неразрѣшима. Наука можетъ подвергнуть анализу сущность нравственнаго чувства и свести его къ идеѣ обязанности; но на этомъ анализъ и прекращается: какъ говорить Кантъ, моральный законъ есть какъ бы фактъ чистаго разума, который мы сознаемъ въ себѣ а priori и который для насъ безусловно достовѣренъ. Анализъ нравственнаго чувства можетъ совершаться и въ томъ направленіи, о которомъ говорить Фулье; въ этомъ случаѣ, при помощи историческихъ и психологическихъ изслѣдованій, намъ покажутъ процессъ развитія и накопленія нравственнаго чувства. Но это нисколько не разъяснитъ основного вопроса этики: *почему мы должны?* Предъ этимъ вопросомъ научный анализъ долженъ остановиться. Неудивительно, если у Канта „критика переходитъ здѣсь въ поклоненіе, и все заканчивается благороднымъ панегирикомъ абсолютной и повелѣвающей нравственности“. Эти слова Фулье должны заключать въ себѣ иронію; на самомъ дѣлѣ они отмѣчаютъ одну изъ тѣхъ особенностей Канта, которыя составляютъ его заслугу ¹⁾.

¹⁾ Популярное и вмѣстѣ основательное разъясненіе апріорности нравственныхъ принциповъ читатель найдетъ въ статьяхъ Виндельбанда: „Normen und

Другой очень важный пунктъ, на которомъ мы хотѣли бы остановиться, касается установленнаго Кантомъ разграниченія между теоретическою областью и практическою. Тѣ изъ современныхъ послѣдователей Канта, которые ближе стоятъ къ его основамъ, воспроизводятъ это разграниченіе съ большою строгостью. Руководящимъ стремленіемъ первой области полагаютъ открытіе законовъ существованія; основною цѣлью второй области—установленіе нормъ долженствованія. Отсюда вытекаетъ различіе научнаго объясненія и нравственной оцѣнки. Никогда норма должнаго не можетъ стать принципомъ объясненія или законъ природы—основаніемъ для оцѣнки ¹⁾. Поэтому-то никоимъ образомъ нельзя замѣнять одну дѣятельность разума другою, и столь же невозможно путать ихъ между собою, примѣняя, напри- мѣръ, оцѣнку по нормамъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ произвести объясненіе по законамъ. Теоретическое изученіе и объясненіе знаетъ только одно—непрерывный рядъ причинъ и слѣдствій, и тотъ, кто хочетъ остаться на почвѣ теоріи, не можетъ спрашивать, каковы *должны быть* изучаемыя явленія. Съ другой стороны, тотъ, кто производитъ нравственную оцѣнку явленій, не входитъ въ объясненіе ихъ причинъ: зло остается зломъ, каковы бы ни были его причины.

Какъ ни просто и какъ ни старо это разграниченіе этики и науки, оно все еще оказывается неяснымъ для нѣкоторыхъ школъ и ученій. И въ наше время встрѣчаются такія направленія, какъ субъективная социологія или историко-этическая школа политической экономіи, которыя смѣшиваютъ двѣ области, столь удачно разграниченныя Кантомъ. Противъ этихъ направленій, вносящихъ элементъ этической оцѣнки въ теоретическое изслѣдованіе, достаточно возражали сторонники научной законмѣрности; не

Naturgesetze“, „Kritische oder genetische Methode?“ „Vom Princip der Moral“, помѣщенныхъ въ сборникъ „Präludien“.

1) См. въ томъ же Сборникѣ „Präludien“ статью „Normen und Naturgesetze“. S. 211 ff.

менѣ основаній имѣется для нападеній на нихъ и у сторонниковъ нормативной этики. И субъективная социологія, и историко-этическая школа одинаково чувствовали, что теоретическое изученіе не можетъ исчерпать собою нашего интереса къ дѣйствительности, что потребность оцѣнки такъ же присуща нашему сознанію, какъ и потребность научнаго объясненія. Но вмѣсто того, чтобы, признавъ эти двѣ потребности разума, показать ихъ различіе и самостоятельность, ихъ сливали вмѣстѣ, къ одинаковому ущербу для науки и для этики.

Въ болѣе тонкой и осторожной формѣ это смѣшеніе практическаго и теоретическаго элементовъ воспроизводится въ тѣхъ системахъ, которыя хотять утвердить правомѣрность этики на недостаточности теоріи. Смѣшеніе относится здѣсь болѣе къ основаніямъ, чѣмъ къ слѣдствіямъ, хотя оно не остается безъ вліянія и на эти послѣднія. При такихъ условіяхъ этика получаетъ, такъ сказать, косвенное и отраженное освѣщеніе, вмѣсто того, чтобы сіять собственнымъ и самостоятельнымъ свѣтомъ. Типическимъ образчикомъ подобнаго смѣшенія является извѣстное ученіе Штамmlера объ отношеніи причинности и цѣлесообразности. Практическая дѣятельность разума приурочивается здѣсь къ понятію цѣлесообразности, а это послѣднее понятіе является восполненіемъ тѣхъ пробѣловъ, которые оставляются категоріей причинности. Эти пробѣлы имѣютъ мѣсто въ отношеніи къ будущимъ актамъ воли, закономѣрное наступленіе которыхъ неизвѣстно или неопредѣленно. Тамъ, гдѣ результатъ не можетъ быть предвидѣнъ, какъ необходимое послѣдствіе предшествующихъ условій, или, говоря иначе, тамъ, гдѣ причинная связь остается недоступной для познанія, вступаетъ въ свои права „закономѣрность воли“. Этика приходитъ на помощь наукѣ ¹⁾.

Эту схему упрекали за то, что она присвоиваетъ этикѣ

¹⁾ Stammler. *Wirtschaft und Recht*. Leipzig, 1896. § 63: Kausalität und Telos. Краткая формулировка на стр. 369, 370—371.

научное (или, какъ неточно выражались, гносеологическое) значеніе. Мы скорѣе склонны обвинять Штаммлера въ томъ, что онъ деградируетъ этику, дѣлая изъ нея вспомогательное средство науки, къ которому она прибѣгаетъ, когда ея собственные пути оказываются недостаточными. Какъ мы видѣли, съ точки зрѣнія Канта, отношеніе между этикой и наукой мыслится по типу параллелизма, а не взаимодѣйствія или восполненія; и это гораздо болѣе соотвѣтствуетъ показаніямъ нравственнаго чувства. Съ точки зрѣнія должнаго, мы оцѣниваемъ не только будущее, но также прошлое и настоящее. Понятіе нравственной свободы и нравственной отвѣтственности шире той сферы, которая опредѣляется неопредѣленностью будущаго. Припомнимъ замѣчаніе Канта, что если бы мы и могли вычислить будущее дѣйствіе человѣка съ точностью луннаго затмѣнія, мы все-таки утверждали бы, что онъ свободенъ, и это именно оттого, что причинная необходимость не исключаетъ нравственной оцѣнки, а вполнѣ совмѣщается съ нею. „Закономѣрность воли“ идетъ параллельно съ закономѣрностью знанія и представляетъ собою совершенно особую функцію разума.

Та постановка, которую Штаммлеръ даетъ этой „закономѣрности воли“, достаточно объясняется его спеціальною цѣлью—показать условія образованія идеаловъ, подлежащихъ осуществленію и относящихся къ будущему. Для него было важно разяснить, что подобные идеалы не могутъ являться результатомъ заключеній по закону причинности; и это онъ разяснилъ вполнѣ удачно. Въ области человѣческихъ дѣйствій и социальныхъ явленій наука безсильна предсказывать будущее съ такою же точностью, какая возможна въ отношеніи къ явленіямъ природы. Здѣсь остается прибѣгнуть къ инымъ заключеніямъ, не опирающимся на познаніе причинной связи. Но каковы же будутъ эти заключенія? Тѣ, которые стремятся къ научному построенію своихъ идеаловъ, могли бы замѣтить Штаммлеру, что при отсутствіи точныхъ данныхъ здѣсь все же воз-

можно гипотезы—гипотезы научныя, не имѣющія ничего общаго съ „закономѣрностью воли“. Если хотятъ оправдать особое этическое обсужденіе явленій, на ряду съ научнымъ, то, очевидно, для него должна быть указана собственная основа, помимо тѣхъ пробѣловъ, которые присущи наукѣ. Кантъ и указалъ эту основу въ самозаконности практическаго разума; отсюда вытекаетъ идея долгаго съ тѣми независимыми отъ теоріи выводами, которые съ нею связываются. Съ этой точки зрѣнія вполне понятно, что тѣ гипотетическія построенія, которыя наука можетъ предложить для выводовъ о будущемъ, сами по себѣ не имѣютъ этического характера. Опытъ прошлаго и настоящее положеніе вещей могутъ дать поводъ къ ожиданію этически нежелательнаго результата; и когда рѣчь идетъ объ идеалѣ, о нравственно-должномъ, здѣсь очевидно, проявляется иная дѣятельность разума, и именно его практическая функція. На ряду съ гипотетическими ожиданіями, выводимыми при помощи теоріи, этическое сужденіе часто возвышаетъ свой голосъ въ защиту иныхъ надеждъ и побуждаетъ насъ желать иныхъ перспективъ.

Неясность въ этомъ основномъ пунктѣ привела затѣмъ Штамллера и къ другимъ недоразумѣніямъ. Въ общемъ вѣрный послѣдователь Канта, онъ настойчиво заявляетъ, что „закономѣрность воли“ не даетъ никакого научнаго познанія, что научнаго объясненія явленій этимъ путемъ получить невозможно ¹⁾. Но мысль о томъ, что заключенія по цѣлесообразности должны какъ бы восполнять выводы на основаніи причинности, ведетъ его къ неосторожнымъ замѣчаніямъ, въ родѣ того, что цѣлесообразность можетъ служить основой для координаціи представленій и способомъ пониманія (Einsicht) ²⁾. Та же мысль заставляетъ его далѣе настаивать на равноправности установленныхъ имъ видовъ законѣрности воли и познанія; онъ проводитъ

1) См. въ особенности SS. 364, 370—371.

2) См. наприм. SS. 371—372. На стр. 350 прямо говорится о познавательной цѣнности (Erkenntniswert) заключеній по цѣлесообразности.

даже параллель между ними, какъ бы желая внести въ сферу нравственнаго долженствованія формы и приемы научнаго познанія. Но это мнимое пріобрѣтеніе грозило бы этикъ только серьезной утратой: ограниченіемъ ея перспективъ, по существу безконечныхъ и безпредѣльныхъ. Одна изъ существеннѣйшихъ заслугъ Канта состоитъ въ томъ, что своимъ формальнымъ пониманіемъ нравственнаго долженствованія онъ открылъ для нравственныхъ стремленій безграничный просторъ. Онъ указалъ, что идея свободы есть граница научнаго опыта: методическая и связанная дѣятельность разума здѣсь кончается, чтобы уступить мѣсто безконечнымъ стремленіямъ и ожиданіямъ. Переносить въ область нравственной свободы категоріи научнаго опыта значить нарушать самую сущность этой области, самую дорогую ея особенность. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и въ нравственной области не было различія между субъективнымъ и объективнымъ, частнымъ и общимъ. Кантъ выразилъ это различіе съ достаточною ясностью, сказавъ, что субъективными правила воли являются въ томъ случаѣ, если они разсматриваются, какъ имѣющія значеніе только для воли даннаго лица, а объективными—когда они познаются, какъ имѣющія силу для каждаго разумнаго существа. Отсюда онъ и выводитъ свой категорическій императивъ, какъ *законъ всеобщаго долженствованія*. Объективность этого закона есть лишь послѣдствіе его всеобщности и безусловности; это—иное выраженіе для тѣхъ же понятій. Но у Канта это объективное долженствованіе остается чисто формальнымъ принципомъ и оставляетъ для нравственной воли всю безконечность ея стремленій. Право на употребленіе терминовъ „объективный“ и „законъ“ въ примѣненіи къ нравственнымъ требованіямъ тѣмъ болѣе понятно со стороны Канта, что критерій объективности и законмѣрности онъ переноситъ въ область субъективнаго сознанія. Мы говорили уже объ этомъ выше ¹⁾.

¹⁾ См. стр. 82.

Я остановился съ нѣкоторою подробностью на ученіи Штаммлера, потому что оно представляетъ собою интересную попытку нашего времени возвратиться къ дуализму теоретическаго и практическаго сознанія, установленнаго Кантомъ. Эта попытка тѣмъ важнѣе, что она является не единственною въ своемъ родѣ. Съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ формахъ проявляются въ послѣднее время стремленія отстоять особое этическое разсмотрѣніе явленій, на ряду съ теоретическимъ, или, какъ его обозначаютъ ближе и точнѣе, каузальнымъ, генетическимъ, историческимъ. Съ этой точки зрѣнія возражаютъ и противъ односторонности экономическаго матеріализма, который—выражусь словами одного изъ его приверженцевъ—превращаетъ свой идеаль въ слишкомъ научный, „забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ“¹⁾. Мнѣ кажется, что успѣхъ новыхъ построеній стоитъ въ прямой зависимости отъ того, насколько ясно и рѣшительно проводятъ они разграничительную черту между двумя функціями разума. Ясное разграниченіе одинаково обратится на пользу какъ для этики, такъ и для науки: для первой будетъ сохранена безграничность ея перспективъ, для второй—точность ея заключеній²⁾. Для обѣихъ областей будетъ одинаково важно то, что наука откажется отъ установленія точныхъ и „научныхъ“ идеаловъ, предоставивъ здѣсь просторъ этикѣ, во всей силѣ ея нравственныхъ запросовъ и критическихъ стремленій. Утвержденію этого результата будетъ способствовать и то современное направленіе, кото-

1) Слова г. Струве, «Вопр. Фил. и Псих.» кн. 36, стр. 139.

2) Въ статьѣ Vorländer, Kant und der Socialismus. Berlin, 1900 (первоначально въ Kantstudien), читатель найдетъ краткій рефератъ о характерѣ и цѣляхъ этого новаго движенія, стремящагося возстановить права этики. Еще у Фр. А. Ланге можно отмѣтить зачатки этого движенія (см. его главу: Standpunkt des Ideals въ Gesch. des Materialismus. Bd. II). За нимъ слѣдуютъ Когенъ, Наторпъ, Штаммлеръ, Штаудингеръ, Вольтманъ и др., съ разныхъ сторонъ приближающіеся все къ тому же основному дуалистическому созерцанію. Я не перечисляю здѣсь болѣе подробно именъ и сочиненій,—все это можно найти въ рефератѣ Vorländer'a.

рое старается показать недостаточность научныхъ данныхъ при построении идеаловъ будущаго и на этомъ основываетъ права этики. Какъ мы уже замѣтили выше, самостоятельность нравственной философіи этимъ еще не доказывается, но за то отсюда прямо слѣдуетъ признаніе необходимыхъ границъ науки ¹⁾).

II. Формализмъ и индивидуализмъ Кантовой этики.

Мы характеризовали до сихъ поръ этику Канта, какъ ученіе о нравственной свободѣ. Въ этомъ возвышенномъ пониманіи существа нравственности, какъ безусловной нравственной свободы, заключается заслуга Кантовой морали, но въ этомъ и ея граница. Надо ясно понять эту границу, чтобы не предъявлять къ учению Канта несправедливыхъ притязаній и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть его дѣйствительныя пробѣлы.

Что означаетъ собою эта возвышенная мораль? Какъ мы видѣли, это чистая способность воли, чистый идеаль нравственности, независимый отъ его осуществленія во внѣшнемъ мірѣ, — *Gesetze von dem, was geschehen soll, ob es gleich niemals geschieht.* Что предполагаетъ эта мораль, какъ свое необходимое условіе? Полную независимость отъ внѣшней законмѣрности, самозаконность воли, какъ умопостигаемой сущности. Однимъ словомъ, это — *мораль въ ея чистомъ и безусловномъ опредѣленіи, въ какомъ она никогда не осуществляется въ дѣйствительности.* Это не фотографическій снимокъ, не копія нравственнаго сознанія со всѣмъ живымъ разнообразіемъ его побужденій, съ медленной постепенностью его развитія; это — схематическій чертежъ, алгебраическая формула нравственной воли. Вотъ чѣмъ объясняется возвышенная строгость ея очертаній въ этикѣ Канта; воля берется здѣсь со стороны ея полной свободы, безусловной самозаконности, умопостигаемой чистоты.

¹⁾ Заклячая настоящій параграфъ, мнѣ, кажется, нѣтъ необходимости пояснять, что терминъ „параллелизмъ“ я все время употребляю не въ смыслѣ сопоставленія или аналогіи, а въ смыслѣ противопоставленія и различенія двухъ областей, существующихъ рядомъ и самостоятельно.

Нельзя не чувствовать известной привлекательной глубины въ этой постановкѣ вопроса. Для этой строгой и чистой морали безразлично, въ какой степени осуществляется въ жизни ея законъ. Если бы дѣйствительность была даже сплошнымъ нарушеніемъ категорическаго императива, онъ все же обращается къ лицу съ требованіемъ: „ты долженъ“! Онъ не знаетъ извиняющихъ примѣровъ, тяжелыхъ условій, человѣческихъ слабостей. Какъ непререкаемая норма, какъ безусловная правда, онъ утверждаетъ свою силу, несмотря ни на какія условія.

Подобное опредѣленіе нравственности въ ея чистомъ и безусловномъ выраженіи есть важная и необходимая задача этики; но это не есть единственная ея задача. Ибо для этики столь же важно опредѣлить безусловный нравственный идеаль, какъ и конкретныя нормы для его осуществленія. Какъ бы ни была возвышенна внутренняя жизнь духа, она не исчерпываетъ собою возможныхъ опредѣленій нравственной воли. Обыкновенно нравственная воля ищетъ своего осуществленія въ мірѣ, установленія гармоніи между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ этомъ живомъ взаимодействіи съ міромъ она и сама крѣпнетъ и возрастаетъ, развиваетъ свои стремленія и идеалы. Бываютъ случаи, когда человѣку приходится отрѣшаться отъ нравственныхъ связей съ міромъ, проявляя свою свободу въ нравственномъ уединеніи; и въ этихъ случаяхъ, быть можетъ, всего сильнѣе чувствуются внутреннія силы духа, возвышающія его надъ естественнымъ ходомъ событій. Но это высшее проявленіе нравственныхъ силъ есть всегда свидѣтельство крайняго несовершенства внѣшнихъ условій. И хотя для идеальнаго сознанія безразлично, осуществляется ли гдѣ-нибудь нравственный законъ, но сила нравственной воли обнаруживается также и въ томъ, чтобы искать своего проявленія въ мірѣ: въ этомъ заключается только подтвержденіе той ея особенности, согласно съ которой она, по выраженію Канта, какъ бы стремится создать изъ себя новый порядокъ вещей. Нравственный законъ, который мы сознаемъ

въ себѣ, долженъ осуществиться во внѣшнемъ мірѣ—вотъ краткое выраженіе для этого ряда положеній. Таковъ необходимый переходъ отъ субъективной этики къ объективной, которая старается разрѣшить проблему осуществленія нравственныхъ нормъ при дѣйствительныхъ условіяхъ жизни. Этика Канта не ставитъ себѣ этой проблемы: она занимается исключительно опредѣленіемъ субъективной нравственной воли. Въ этомъ ограниченіи задачи не было бы, конечно, никакой бѣды, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалась изъ вида и другая сторона вопроса. Нельзя упрекать Канта въ томъ, что онъ не далъ живого снимка нравственности, когда онъ хотѣлъ дать только схематическій чертежъ. Однако, слѣдуетъ ожидать, что чертежъ не противорѣчитъ снимку и что разрѣшеніе одной проблемы не закрываетъ возможности для постановки и рѣшенія другой. Какъ же обстоитъ дѣло у Канта?

Разъясняя этотъ вопросъ, мы прежде всего должны коснуться формализма Кантовой этики. Часто полагаютъ, что здѣсь именно лежитъ источникъ его односторонностей, и намъ необходимо на этомъ остановиться. Замѣтимъ предварительно, что постановка этической задачи у Канта приводила его къ этому формализму съ логической неизбежностью; и если субъективная этика оставалась у него чисто формальной, это было вполне правильно и законно. Онъ вѣдь искалъ только общей формулы для нравственной воли, а такая формула, при измѣнчивости частныхъ нравственныхъ предписаній, только и можетъ быть формальной. Мысль Канта состоитъ въ томъ, что нравственные законы, измѣняясь по *содержанію*, сохраняютъ одну и ту же *форму* законовъ всеобщихъ и необходимыхъ. Каковы бы ни были заключающіяся въ нихъ предписанія, они всегда имѣютъ характеръ безусловнаго долженствованія. Если они высказываются и исполняются съ сознаниемъ ихъ нравственнаго значенія, то это сознание состоитъ именно въ томъ, что таково должно быть нормальное поведеніе каждаго разумнаго существа. Категорическій императивъ, какъ норма

всеобщаго долженствованія, является поэтому той формулой, къ которой можетъ быть сведенъ любой нравственный законъ. Все это было совершенно правильно; но неправиленъ былъ дальнѣйшій шагъ—превращеніе этой логической формулы въ единственно-возможный для нравственнаго исполненія мотивъ. Для Канта недостаточно, чтобы категорическій императивъ былъ только общей формулой нравственныхъ предписаній. Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы уваженіе къ этому абстрактному закону было признано единственнымъ нормальнымъ побужденіемъ истинно-нравственныхъ дѣйствій, „чтобы вся моральность поступковъ полагалась въ ихъ необходимости, вытекающей изъ чувства долга и преданности закону, а не изъ любви и склонности къ послѣдствіямъ этихъ поступковъ“ ¹⁾. Вслѣдствіе этого формализмъ Кантовой этики получалъ такое выраженіе, что становилось совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ возможно согласовать съ нимъ живое нравственное сознаніе. Какъ установить связь моральнаго закона съ естественными склонностями и цѣлями? Какъ найти въ немъ поощряющую санкцію для добрыхъ чувствъ и стремленій? Категорическій императивъ говоритъ намъ только о внутреннемъ самоудовлетвореніи безусловно-чистой воли, которая отрѣзана отъ внѣшняго міра и даже отъ естественныхъ побужденій самого человѣка. Она поставлена на такую логическую высоту, что ни отъ нея, ни къ ней нѣтъ доступа для естественныхъ стремленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это внутреннее самоудовлетвореніе воли какъ будто бы не требуетъ нравственныхъ связей съ другими. Потребность общенія, — того царства цѣлей, о которомъ говоритъ самъ Кантъ, является недостаточно обоснованной. Такимъ образомъ, его формализмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуализмъ, и притомъ такой индивидуализмъ, для котораго выходъ въ объективную этику сопряженъ съ

1) Kr. der prakt. Vernunft, глава: Von den Triebfedern der reinen praktischen Vernunft.

непреодолимыми затрудненіями. Категорическій императивъ, какъ увидимъ далѣе, требуетъ этого выхода и не можетъ совершить его. Онъ содержитъ въ себѣ *implicite* указаніе на общеніе лицъ и не можетъ развить этого указанія во всей полнотѣ его опредѣленій.

Причины, которыя обусловили этотъ результатъ философіи Канта, коренятся глубоко въ самой сущности его системы. Я отмѣчу здѣсь въ особенности то метафизическое объясненіе, которое онъ связывалъ съ объясненіемъ различія морали и познанія. Противоположеніе явленій и вещей въ себѣ подчеркивало и обостряло это различіе. Стремленіе Канта состояло въ томъ, чтобы вырвать моральную свободу изъ оковъ необходимости и поставить ее внѣ всякихъ связей съ эмпирическими побужденіями. Вслѣдствіе этого и вся область морали отрывалась отъ міра дѣйствительности и превращалась въ чистую идею. Но мораль не можетъ быть только отвлеченной нормой: для живого нравственнаго сознанія она представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ осуществляющійся законъ жизни. Долженствующее есть именно то, что *должно осуществиться*; безусловно-невозможное и неосуществимое не можетъ быть и долженствующимъ ¹⁾. Но обращаясь къ этой сторонѣ нравственной задачи,—къ ея осуществленію въ дѣйствительности,—мы приводимъ идеальную норму въ сочетаніе съ опытомъ. Параллелизмъ морали и познанія самъ собою подсказываетъ, въ какомъ направленіи должно совершаться это сочетаніе. Мы не можемъ ставить въ одинъ и тотъ же рядъ моральныхъ и теоретическихъ положеній, не нарушая его методологической однородности. Если мы переносимъ требованія морали въ сферу опыта, это значитъ, что мы вводимъ ихъ въ цѣпь естественныхъ причинъ. Съ другой стороны, переноса данныя опыта въ область морали, мы превращаемъ ихъ въ нравственныя требованія. Ког-

¹⁾ „Was soll *ist* nicht aber soll doch *sein*, soll wirklich werden“, какъ говорить Наторпъ.

да мы разсматриваемъ моральный законъ со стороны его выполненія въ дѣйствительности, мы имѣемъ въ виду, что это выполненіе совершается на основаніи естественнаго хода природы. Когда же мы беремъ то или другое дѣйствительное явленіе со стороны его согласія съ нравственнымъ закономъ, мы возвышаемъ его до значенія нравственнаго требованія. Такъ, мы говоримъ о нормальномъ настроеніи, которое вмѣняется человѣку въ обязанность, о нормальномъ обществѣ или государствѣ, которое ставится идеаломъ нравственнаго развитія. Нравственная философія должна включить въ свою область соотвѣтствующія опредѣленія въ качествѣ требованій и нормъ для личной и общественной жизни. Какъ увидимъ далѣе, и Кантъ не могъ обойтись безъ такихъ опредѣленій: въ своемъ „Ученіи о правѣ“ онъ стремится опредѣлить право и государство въ ихъ моральной основѣ, *какъ они должны быть на основаніи чистыхъ законовъ разума*. Но это было расширеніемъ первоначальной мысли, лежавшей въ основѣ его этики. Право и государство—это уже жизнь и дѣйствительность, а не отвлеченный идеаль личнoй воли. Идеальныя нормы, относящіяся къ нимъ, устанавливаются именно *въ виду осуществленія нравственнаго закона*. А въ этикѣ Канта мы читаемъ, что осуществленіе нравственной воли подлежитъ всецѣло теоретическому разсмотрѣнію и совершенно не входитъ составнымъ моментомъ въ практическую задачу: воля имѣетъ законодательное значеніе только для чистаго разума; способность ея къ осуществленію для практической задачи совершенно безразлична ¹⁾. Такимъ образомъ, „Критика практическаго разума“ прямо говоритъ, что жизненная сторона нравственнаго закона выходитъ изъ ея сферы. Мораль берется, какъ чистый законъ разума, не только не требующій, но и не допускающій никакого сочетанія съ опытомъ и остающійся на степени отвлеченнаго начала. Это — законъ воли, какъ вещи въ себѣ, которая по существу отрѣзана отъ міра

1) Kr. der. prakt. Vernunft. SS 54—55.

явленій. Въ этомъ именно пунктѣ современные послѣдователи Канта стремятся исправить его односторонность и восстановить связь между нравственнымъ закономъ и опытнымъ міромъ.

Замѣтимъ, однако, что при всей своей односторонности нравственная философія Канта открывала возможность для новой и плодотворной постановки какъ разъ той проблемы, которая лежитъ на границѣ между субъективной этикой и объективной и служить предверіемъ къ философіи права. Я имѣю въ виду проблему объ отношеніи личности къ обществу. Какъ не разъ указывали на это, субъективная мораль Канта сама собою приводитъ къ объективнымъ опредѣленіямъ. Прежде всего, самая идея всеобщаго долженствованія предполагаетъ уже *многихъ* дѣятелей; если правило моей дѣятельности должно быть всеобщимъ то, очевидно, должны быть другіе дѣятели, для которыхъ это правило должно имѣть указанное значеніе ¹⁾. Съ другой стороны, въ этомъ правилѣ устанавливается для меня нѣкоторая высшая норма, стоящая надъ моей волей. Категорическій императивъ обращается къ отдѣльной личности, но онъ ставитъ ей такія требованія, которыя исходятъ изъ представленія о высшемъ объективномъ порядкѣ. Этотъ двоякій характеръ категорическаго императива прекрасно выражается въ принципѣ автономіи воли, объединяющей субъективный моментъ съ объективнымъ. Вотъ почему этотъ принципъ имѣетъ столь важное значеніе для проблемы объ отношеніи личности къ обществу.

Философія предшествующаго періода колебалась между двумя взглядами на общество, которое разсматривалось въ ней то какъ внѣшняя граница личной свободы, неизбѣжная при совмѣстной жизни съ другими, то какъ всеобъемлющій принципъ, поглощающій всѣ другія начала. Соответственно съ тѣмъ или другимъ взглядомъ, старая философія права отличалась двумя противоположными недостатками: то

1) Замѣчаніе Вл. Соловьева, *Оправданіе добра*, стр. 676 (Спб. 1897).

она выводила общеніе изъ произвольнаго усмотрѣнія лицъ и отрицала его внутреннюю и самостоятельную цѣнность, то, напротивъ, отрицая самостоятельное достоинство и значеніе отдѣльныхъ лицъ, провозглашала общество конечной и безусловной инстанціей, стоящей надъ человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи Кантовское ученіе объ автономіи воли было настоящимъ откровеніемъ. Оно сразу устраняло оба эти противоположныхъ недостатка.

Въ основу этики Кантъ полагалъ волю, но не въ случайномъ и временномъ выраженіи ея у отдѣльныхъ лицъ, а въ ея общей разумно-нравственной основѣ. Это—воля, носящая въ себѣ законъ своего нравственнаго бытія и въ этомъ автономномъ самоограниченіи полагающая и свою высшую свободу, и свое безусловное значеніе. Этотъ взглядъ одновременно устранялъ и крайности прежняго индивидуализма, и возможность полного поглощенія личности обществомъ. Мысль Канта была необыкновенно плодотворна и сама по себѣ могла послужить основаніемъ для новой социальнo-философской теоріи.

И прежде всего, она была чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что указывала твердую точку опоры для стремленій истиннаго индивидуализма. Понятіе свободы связывалось съ понятіемъ внутренняго самоопредѣленія или внутренняго закона воли, который охраняетъ самую сущность свободы,—ея согласіе съ собою, ея разумное постоянство, ея независимость отъ случайныхъ колебаній ничѣмъ не связаннаго произвола. Съ этой точки зрѣнія та естественная свобода, которую прежніе философы права признавали иногда идеальной, есть ни что иное, какъ рабское подчиненіе случайнымъ побужденіямъ, лишеннымъ какого бы то ни было руководящаго начала. Истинный индивидуализмъ этимъ удовлетвориться не можетъ; онъ долженъ перейти къ высшему пониманію свободы, какъ самозаконности.

Но, придя къ этому пониманію, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтаетъ оплотъ и противъ всѣхъ ученій о безусловномъ преобладаніи общественности надъ личностью. Автономія

воли одинаково ограждаетъ личность и отъ ея собственнаго произвола, и отъ общественнаго абсолютизма. Вольфъ считалъ возможнымъ, чтобы свободная личность, въ силу своей свободы, сама себя отдавала въ рабство, и съ другой стороны допускалъ полное господство надъ личностью опекающаго надзора общества. Идея нравственной самозаконности отрицаетъ и ту, и другую возможность и ставитъ отношеніе личности къ обществу на твердую почву взаимнаго признанія.

Но для полнаго развитія этой идеи въ ея примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ необходимо опредѣлить, что представляетъ собою нравственный законъ воли, какъ норма общенія лицъ. Есть ли это элементъ, одинаковый у всѣхъ разумныхъ существъ и соединяющій ихъ этимъ своимъ единствомъ, съ отрицаніемъ тѣхъ различій, въ которыхъ они между собою несходны? или же это принципъ, связывающій ихъ въ виду ихъ различій и во имя ихъ высшаго объединенія? Первое пониманіе, въ сущности, удерживаетъ мысль въ предѣлахъ субъективной этики. Устраняя крайности индивидуализма, утверждая понятіе свободы на почвѣ самозаконности, полагая должную границу между личностью и обществомъ, оно, однако, не даетъ представленія о связи ихъ между собою. И это потому, что оно, въ сущности, ограничиваетъ свой анализъ нравственной сферой отдѣльной личности; тогда какъ связь лицъ между собою и съ обществомъ можетъ быть выведена только изъ совокупнаго разсмотрѣнія индивидовъ въ ихъ высшемъ единствѣ. При этомъ послѣднемъ разсмотрѣніи нравственный законъ понимается уже не какъ норма обособленной личности, а какъ основа для общей нравственной жизни, связывающая всѣхъ воедино нѣкоторой общей цѣлью. Въ этомъ случаѣ автономный законъ личной воли самъ собою переходитъ въ нравственную норму общенія, а эта послѣдняя становится основой личной жизни,—тѣмъ узломъ, изъ котораго расходятся индивидуальныя различія. Эти различія примиряются такимъ образомъ высшей связью, которая, какъ со-

четаніе противоположностей, какъ нравственное ихъ единство, имѣетъ для общенія лицъ еще болѣе значенія, чѣмъ сходство ихъ потребностей и цѣлей. Къ этому воззрѣнію, впослѣдствіи столь глубокомысленно развитому Гегелемъ, мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же замѣтимъ, что для этики Канта оно осталось совершенно чуждымъ. Его взглядъ сохраняетъ индивидуалистическій характеръ въ томъ смыслѣ, какъ мы разъяснили это выше. Вслѣдствіе этого связь отдѣльныхъ лицъ оставалась неясной, и всѣ опредѣленія, относившіяся къ обществу и государству, получали недостаточное освѣщеніе.

Итакъ, въ результатъ нашего анализа мы приходимъ къ заключенію, что этика Канта, взятая со стороны ея формализма и индивидуализма, въ одно и то же время заключаетъ въ себѣ и серьезный пробѣлъ, и крупную заслугу. Пробѣлъ ея состоитъ вовсе не въ томъ, что она была формальна и апріорна: это необходимо вытекало изъ самой ея сущности и задачи, какъ этики субъективной. Формализмъ и апріоризмъ субъективной этики нисколько не препятствуетъ параллельному утвержденію о значеніи для нравственнаго воспитанія эмпирическихъ условій и гетерономныхъ предписаній. Пусть нравственное сознаніе вырабатывается путемъ такихъ-то и такихъ-то процессовъ общественной эволюціи, но нравственный долгъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вытекаетъ не изъ этихъ процессовъ, а изъ требованийъ разума. Пусть общественная среда воспитываетъ личность, но нравственныхъ результатовъ это воспитаніе достигаетъ только тогда, когда внушенные имъ завѣты становятся собственными законами лица и превращаются въ его автономную волю. Все это такъ, и пробѣлъ Канта не въ томъ, что, устанавливая апріорныя начала нравственнаго сознанія, онъ ничего не говоритъ объ эмпирическихъ условіяхъ его развитія. Этотъ пробѣлъ, какъ мы установили въ настоящемъ параграфѣ, надо видѣть лишь въ особой формѣ нравственнаго апріоризма, которую мы у него встрѣчаемъ. Это былъ апріоризмъ, закрывавшій для этики міръ

естественныхъ побужденій и жизненныхъ стремленій и устранявшій возможность яснаго пониманія общественной стороны морали. Вслѣдствіе этого мораль Канта дѣлаетъ впечатлѣніе, вовсе не связанное неразрывно съ принципомъ нравственной автономіи, — будто бы отдѣльная личность должна изъ себя опредѣлять всю нравственную жизнь, встрѣчая въ общественной средѣ только внѣшнюю границу для своей свободы. А отсюда прямой шагъ къ выводу, что нравственность только и можетъ быть субъективною, имѣющею начало и конецъ въ субъективномъ сознаніи лицъ и являющеюся всецѣло внутреннимъ подвигомъ отдѣльнаго человѣка ¹⁾. Нравственное значеніе общенія остается невыясненнымъ. Этика Канта сбивалась на индивидуалистическое созерцаніе прежняго времени, и въ этомъ былъ ея недостатокъ.

Но мы отмѣтили вмѣстѣ съ тѣмъ и ея крупную заслугу. Между индивидуализмомъ Канта и его предшественниковъ — цѣлая пропасть. Эта пропасть образуется принципомъ нравственной автономіи. Для тѣхъ, кто принималъ эту точку зрѣнія, не были уже болѣе возможны ни безпринципный субъективизмъ Пуфендорфа, ни нравственный деспотизмъ Вольфа. Съ этихъ поръ утверждается сознаніе, что „нравственная основа общности состоитъ въ признаніи за человѣкомъ безусловнаго достоинства и безусловнаго права на свободное развитіе своихъ положительныхъ силъ“ ²⁾.

П. Новгородцевъ.

1) Эти возможные выводы изъ Кантовой этики, представляющіе собою одностороннія заключенія изъ принципа нравственной автономіи, превосходно сформулированы Вл. Соловьевымъ и обозначены имъ названіемъ нравственнаго субъективизма. См. «Оправданіе добра» гл. IX перв. изд. Спб. 1897.

2) Слова Вл. Соловьева.

Философія права профессора Л. І. Петражицкаго.

Въ послѣдніе годы въ русской философско-юридической литературѣ господствовало необычайное оживленіе. Рядъ болѣе или менѣе видныхъ изслѣдователей выступилъ съ попытками опредѣлить существо права, выяснить отличіе его отъ нравственности. Вскорѣ послѣ напечатанной въ 1896 году брошюры профессора Шершеневича «Опредѣленіе понятія о правѣ» появилась книга В. С. Соловьева «Право и нравственность». Не далѣе какъ въ прошломъ году издалъ свою «Философію права» Б. Н. Чичеринъ, а профессора Гамбаровъ и Новгородцевъ высказались по вопросу о существѣ права и объ отношеніи его къ нравственности въ «Сборникѣ юридическихъ знаній». Наконецъ, событіе истекшаго года составляетъ появленіе перваго выпуска «Очерковъ философіи права» профессора Л. І. Петражицкаго.

Между изслѣдователями, пишущими о правѣ, теперь, какъ и прежде, нѣтъ согласія. Всякій по своему опредѣляетъ основныя юридическія понятія, и всякій такъ или иначе чувствуетъ недостаточность существующихъ опредѣленій. Г. Петражицкій очень кстати напоминаетъ изреченіе Канта: «юристы все еще ищутъ опредѣленія для своего понятія о правѣ». Это несогласіе юристовъ относительно того, что составляетъ объектъ и содержаніе ихъ науки, эта множественность даваемыхъ ими разнорѣчивыхъ опредѣленій показываютъ, что въ наукѣ права творится что-то неладное. Несмотря на многовѣковыя усилія гениальнѣйшихъ представителей человѣческой мысли—великихъ философовъ и корифеевъ юриспруденціи—наукѣ права до сихъ поръ еще недостаетъ единой руководящей нити. Говоря словами г. Петражицкаго — «сфинксъ существа права такъ и остался сфин-

ксомъ. Ни одно изъ безчисленныхъ, предложенныхъ опредѣленій права не получило санкціи науки и не признано общимъ фундаментомъ для возведенія научнаго зданія. Ни одно изъ нихъ не сдѣлалось даже господствующимъ мнѣніемъ».

Состояніе науки, не выяснившей себѣ какъ слѣдуетъ, чѣмъ собственно она занимается, само собою разумѣется, не можетъ быть признано нормальнымъ, и усиливающаяся съ каждымъ годомъ разноголосица мнѣній служитъ симптомомъ тяжелой болѣзни, переживаемой юриспруденціей. Въ появившейся только что, выше названной книгѣ профессоръ Петражицкій пытается поставить діагнозъ этой болѣзни и предлагаетъ энергическое лѣченіе, которое должно выразиться въ видѣ кореннаго преобразованія всей науки права. Въ отличіе отъ другихъ названныхъ выше сочиненій, книга г. Петражицкаго не примыкаетъ ни къ одному изъ существующихъ или существовавшихъ до сихъ поръ въ юриспруденціи теченій. Она не защищаетъ какого-либо изъ высказанныхъ доселѣ опредѣленій существа права, не пытается внести какихъ-либо частичныхъ поправокъ или дополненій въ традиціонныя воззрѣнія; г. Петражицкій недоволенъ всѣмъ методомъ современной юриспруденціи; онъ хочетъ порвать съ ея вѣковыми преданіями и перестроить все ея научное зданіе на новыхъ основаніяхъ.

Попытка эта представляется въ особенности интересною потому, что она исходитъ отъ ученаго, стяжавшаго себѣ рядомъ цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій почетную извѣстность не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Его блестящія научныя дарованія, засвидѣтельствованныя даже такими литературными его противниками, какъ Зомъ и Б. Н. Чичеринъ, волей неволей заставляютъ считаться съ его воззрѣніями. Согласно мы или несогласны съ выводами г. Петражицкаго, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что его книга заслуживаетъ внимательнаго критическаго разбора, который мы и попытаемся дать въ настоящей статьѣ.

I.

«Неуспѣхъ массы попытокъ опредѣлить существо права,—говоритъ г. Петражицкій,—подаль въ послѣднее время поводъ къ сомнѣнію въ возможности рѣшенія этой задачи, къ довольствованію явно неудовлетворительными опредѣленіями, къ стрем-

ленію обійти вопросъ объ опредѣленіи права и т. п. средствамъ самоуспокоенія» (стр. 5—6). Дѣйствительно, сомнѣнія въ возможности удовлетворительно опредѣлить право были высказываемы не разъ весьма авторитетными учеными (достаточно назвать Савиньи, Меркеля, Бергбома), и нельзя не согласиться съ указаніями г. Петражицкаго на ненаучность подобныхъ сомнѣній, основанныхъ на нелогическомъ заключеніи *a non esse ad non posse*. Чтобы признать существо права «неразрѣшимой загадкой», надо доказать, что самая задача выходитъ за предѣлы возможнаго познанія, нужно установить путемъ гносеологическаго изслѣдованія, что данныя для ея разрѣшенія недоступны человѣческому разуму. Такого доказательства до сихъ поръ никѣмъ представлено не было и представлено быть не можетъ: напротивъ того, путемъ анализа человѣческаго сознанія можно доказать, что мы обладаемъ «вполнѣ достовѣрнымъ матеріаломъ для познанія существа права».

Такимъ матеріаломъ, говоритъ г. Петражицкій, являются, *во-первыхъ наши внутренніе психическіе акты*. «Дѣло въ томъ, что право есть (этого никто не отрицаетъ) явленіе не внѣшняго, матеріальнаго міра, какъ, напримѣръ, камень, дерево, а явленіе духовнаго міра, психическое явленіе, явленіе нашей души»; поэтому съ природой его мы можемъ познакомиться непосредственно и достовѣрно «въ нашей душѣ, т. е. путемъ наблюденія, сравненія, анализа нашихъ же собственныхъ духовныхъ состояній». *Во-вторыхъ*, такъ какъ наши внутренніе психическія состоянія выражаются во внѣ, въ человѣческихъ словахъ и дѣйствіяхъ, то матеріалъ для познанія права можетъ быть добытъ путемъ изученія человѣческой рѣчи и человѣческихъ дѣйствій. Наконецъ, *въ третьихъ*, такимъ матеріаломъ могутъ послужить и «всякаго рода сообщенія, повѣствованія и иные источники свѣдѣній о дѣйствіяхъ, рѣчахъ другихъ, историческіе памятники, письма путешественниковъ и т. д.».

Анализируя человѣческое самосознаніе, г. Петражицкій прежде всего констатируетъ присутствіе въ немъ *нормъ*, авторитетно регулирующихъ наше поведеніе. Размышляя въ разныхъ случаяхъ нашей жизни о томъ, какъ поступить, на что рѣшиться, мы чувствуемъ себя совершенно свободными въ выборѣ того или другого поведенія: идетъ ли рѣчь о выборѣ того или другого мѣста для прогулки, того или другого распредѣленія нашихъ занятій,

магазина, въ которомъ мы хотимъ купить нужную для насъ вещь, наша воля ничѣмъ не связана: мы выбираемъ тотъ образъ дѣйствій, который представляется намъ наиболѣе пріятнымъ и цѣлесообразнымъ. «Въ другихъ случаяхъ, мы, напротивъ, чувствуемъ *связанность нашей воли*, чувствуемъ необходимость поступить такъ или иначе независимо отъ соображеній удовольствія и эгоистической пользы. «Какой-то внутренній голосъ авторитетно предписываетъ, предопредѣляетъ наше поведеніе; наша совѣсть «повелѣваетъ» намъ то или другое; иными словами, намъ присущи такія убѣжденія, которыя властно и авторитетно для насъ же самихъ нормируютъ наше поведеніе». Этимъ повелительнымъ нормамъ, управляющимъ нашей совѣстью, мы приписываемъ высшій авторитетъ не только по отношенію къ намъ самимъ, но и по отношенію къ другимъ людямъ: мы убѣждены въ томъ, что не мы одни, но и всякій на нашемъ мѣстѣ долженъ былъ бы поступить такъ, какъ подсказываетъ намъ внутренній голосъ нашей совѣсти.

«Отмѣченное выше чувство связанности нашей воли,—продолжаетъ г. Петражицкій,—сознаніе необходимости подчиненія ея извѣстному авторитетному импульсу (авторитетному побужденію къ такому или иному поведенію) мы выражаемъ словами: обязанность, долгъ, обязательство, долженствованіе, а тѣ убѣжденія, которыя порождаютъ такія или иныя обязанности, т. е. авторитетно регулируютъ наше поведеніе (авторитетно-импульсивныя убѣжденія) мы называемъ нормами, императивами».

Чувство связанности нашей воли бываетъ въ различныхъ случаяхъ жизни различнымъ, а соотвѣтственно съ этимъ — неодинакова природа тѣхъ повелительныхъ нормъ, которыя управляютъ нашимъ поведеніемъ. Наше психическое отношеніе къ бѣдняку Ивану, которому мы считаемъ себя обязанными дать десять рублей по долгу челоуѣколюбія, совсѣмъ не таково, какъ наше психическое отношеніе къ извозчику Петру, которому мы обязались уплатить десять рублей за совершенную имъ съ нами поѣздку. «Ивану мы ничего не должны; ему ничего отъ насъ не «слѣдуетъ», не «причитается»; если онъ получитъ 10 рублей, то это—дѣло нашей «доброй воли». Несмотря на связанность нашу по отношенію къ собственнымъ убѣжденіямъ, къ нашей «совѣсти», *по отношенію къ Ивану мы счищаемъ себя свободными*, не связанными и отъ него ожидаемъ признанія этой свободы, признанія

нашей «доброй воли», дать или не дать, а во всякомъ случаѣ не ожидаемъ противоположнаго отношенія». Если бы Иванъ сталъ требовать съ насъ уплаты 10 рублей, какъ чего-то ему должника, то, очевидно, мы такое требованіе сочли бы «неумѣстнымъ, нахальнымъ». Словомъ, наша нравственная обязанность—дать 10 рублей *не закрѣплена за Иваномъ*: «мы чувствуемъ по отношенію къ нему свободу отвернуть отъ него положительный полюсъ нашего намѣренія, напр. направить его на другого, болѣе нуждающагося».

«Совсѣмъ иное, прямо противоположное говорить намъ наше сознаніе о нашемъ отношеніи къ Петру, который заработалъ съ насъ 10 рублей, доставивъ насъ въ городъ, или которому мы проиграли 10 рублей. Ему мы должны 10 рублей, ему слѣдуетъ, причитается отъ насъ получить 10 рублей. По отношенію къ *нему* мы *связаны*, лишены свободы дать или не дать. Заявленіе извозчику, требующему отъ насъ условленной платы, что мы платить не желаемъ, что это зависитъ отъ нашей доброй воли, намъ кажется абсолютно недопустимымъ, безстыднымъ, нахальнымъ». Словомъ, если по отношенію къ Ивану мы чувствовали себя свободными, то по отношенію къ Петру мы связаны; «нашу обязанность уплатить ему 10 рублей мы признаемъ *закрѣпленною* за нимъ какъ что-то приобрѣтенное имъ (заработанное, выигранное и т. п.), такъ что мы не чувствуемъ свободы отвернуть отъ него положительный полюсъ нашей обязанности, лишитъ его получения».

Словомъ, обязанности наши бываютъ двухъ родовъ: въ однихъ случаяхъ обязанность лица сознается *закрѣпленною за другимъ или за другими лицами*, «принадлежащею другому какъ его добро (*alii attributum, acquisitum*)», въ другихъ случаяхъ, обязанность лица представляется односторонне связывающей, незакрѣпленной за кѣмъ-либо другимъ. Въ этомъ-то г. Петражицкій и видитъ тотъ характеристическій признакъ, который отличаетъ правовыя обязанности отъ нравственныхъ. Обязанности «по отношенію къ другимъ свободныя (односторонне связывающія)» онъ считаетъ *обязанностями нравственными*; обязанности же «по отношенію къ другимъ несвободныя (закрѣпленныя активно за другими и образующія, такимъ образомъ, двустороннюю связь)» онъ признаетъ *обязанностями правовыми, юридическими*.

Различію обязанностей соотвѣтствуетъ различіе повелитель-

ныхъ нормъ, управляющихъ нашимъ поведеніемъ. Существо однихъ изъ этихъ нормъ (нравственныхъ) «состоитъ исключительно въ авторитетномъ предопредѣленіи нашего поведенія; предписывая намъ то или другое (напр. утѣшать страждущихъ, любить ближнихъ), эти нормы ничего не закрѣпляютъ за другими людьми, ничего не приписываютъ имъ какъ имъ съ насъ должное, слѣдуемое. Существо же другихъ—*правовыхъ* нормъ (напр. проигранное въ карты должно быть уплачено партнеру, занятыя деньги должны быть возвращены занявшимъ) «состоитъ въ двухъ функціяхъ: съ одной стороны, онѣ авторитетно предопредѣляютъ наше поведеніе, съ другой стороны, онѣ авторитетно отдаютъ другому, приписываютъ какъ ему должное то, чего онѣ требуютъ отъ насъ».

Нравственныя нормы, только повелѣваютъ и потому могутъ быть названы *императивами*, нормы же правовыя не только повелѣваютъ лицу обязанному, но предписываютъ, предоставляютъ другимъ лицамъ (управомоченнымъ) то, что имъ слѣдуетъ, поэтому онѣ могутъ быть названы *атттрибутивами* или, еще точнѣе, *императивно-атттрибутивными* нормами. Нравственныя нормы нормируютъ положеніе только лица обязаннаго и постольку имѣютъ *односторонній* характеръ; напротивъ того, нормы правовыя суть нормы по существу *двустороннія*, ибо онѣ одновременно нормируютъ положеніе двухъ лицъ, обязаннаго и управомоченнаго, того, *съ кою* слѣдуетъ и того, *кому* слѣдуетъ.

Таковы тѣ основныя черты права въ отличіе отъ нравственности, которыя, по мнѣнію г. Петражицкаго, должны составить «базисъ для синтетическаго построенія науки права». Чтобы разобратъ критически въ воззрѣніяхъ автора, мы должны изслѣдовать степень прочности этого базиса.

II.

Прежде всего нетрудно убѣдиться въ нѣкоторой неопредѣленности и двусмысленности основной мысли г. Петражицкаго, которая обусловливается смѣшеніемъ психологической точки зрѣнія съ этической. Во вступительныхъ замѣчаніяхъ къ своему изслѣдованію г. Петражицкій предлагаетъ чисто психологическій критерій для различенія права отъ неправа. Единственнымъ матеріаломъ для познанія права являются наши психическіе акты,

т.-е. состоянія нашего сознанія и ихъ внѣшнія проявленія — человѣческія рѣчи и дѣйствія (стр. 9 — 10). Казалось бы, тутъ идетъ рѣчь о такихъ психическихъ состояніяхъ, которыя всякій вообще человекъ можетъ наблюдать въ своемъ сознаніи. Однако, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, переходя къ опредѣленію «существа права», г. Петражицкій беретъ за исходную точку вовсе не общечеловѣческую психологію, а психологію человека *нормальнаго*, обладающаго правильно развитымъ нравственнымъ и правовымъ чувствомъ. Это — психологія тѣхъ людей, которые признаютъ или «чувствуютъ» себя связанными тѣми или другими нормами должнаго по отношенію къ ближнему, тѣхъ, напримѣръ, которые считаютъ «безстыднымъ и нахальнымъ» не уплатить партнеру проигранное въ карты и не выдать извозчику, доставившему ихъ въ городъ, условленнаго вознагражденія. Ясное дѣло, что та чисто *психологическая* точка зрѣнія, изъ которой первоначально исходилъ авторъ, незамѣтно для него самого подмѣняется точкой зрѣнія *этической*.

Врядъ ли г. Петражицкій станетъ оспаривать возможность нравственнаго и правового ідиотизма, врядъ ли онъ станетъ отрицать существованіе такихъ людей, которые не только не считаютъ себя обязанными уважать чужое добро, но не признаютъ себя связанными вообще никакими «закрѣпленными за ближнимъ обязанностями». Спрашивается, какой матеріалъ могутъ дать «психическія состоянія» этихъ людей для опредѣленія существа права? Очевидно, никакого, и, если въ результатѣ анализа г. Петражицкаго получилось то или другое опредѣленіе права, то только потому, что онъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, ограничилъ область своихъ наблюденій: матеріаломъ для его анализа на самомъ дѣлѣ послужили психическія состоянія *только* тѣхъ людей, которые мыслятъ и чувствуютъ согласно тѣмъ и другимъ представленіямъ *о должномъ*, иначе говоря, такое сознаніе, которое уже содержитъ въ себѣ нравственныя и правовыя нормы. Г. Петражицкій хочетъ оставаться на почвѣ эмпирической психологіи, но это оказывается невозможнымъ: эмпирическая психологія изучаетъ всѣ вообще состоянія, переживаемыя человѣческой душой въ дѣйствительности безо всякаго предпочтенія къ тому или другому изъ нихъ; изъ нея мы можемъ узнать, напримѣръ, что одни люди считаютъ себя связанными, руководствуются въ своемъ поведеніи нормами, ограничивающими ихъ эгоизмъ, дру-

гіе же управляются исключительно своекорыстными побужденіями. Но вопросъ о томъ, чѣмъ они *должны* руководствоваться, вовсе выходитъ изъ сферы ея разсмотрѣнія. Сама по себѣ эмпирическая психологія безсильна разрѣшить вопросъ о существѣ права, потому что это—*вопросъ не только о существующемъ, но и о должномъ*. Вотъ почему и изслѣдованіе г. Петражицкаго вовсе не есть чистая психологія, а психологія, подкрѣпленная этикой.

Само по себѣ привлеченіе этики для разрѣшенія философско-юридическихъ вопросовъ составляетъ не недостатокъ, а достоинство въ виду несомнѣнной связи права съ нравственностью, безчисленное множество разъ указанной учеными изслѣдователями—юристами и философами. Но этика, непомнящая родства и принимающая себя за психологію, можетъ стать источникомъ опасныхъ заблужденій, ибо она не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ своихъ логическихъ предположеніяхъ и въ своихъ логическихъ обязанностяхъ.

Разъ матеріаломъ для изслѣдованія г. Петражицкаго служить не общечеловѣческая психологія, а сознаніе *нормальное* въ правовомъ отношеніи, то онъ прежде всего долженъ былъ бы спросить себя, какое же сознаніе должно быть признано нормальнымъ? Въ чемъ заключается критерій для различенія нормального отъ ненормального въ области правового сознанія? Но если бы г. Петражицкій поставилъ вопросъ такимъ образомъ, онъ тотчасъ же увидѣлъ бы, что поставленный имъ вопросъ превышаетъ компетенцію эмпирической психологіи. Нормальнымъ въ правовомъ отношеніи можетъ быть признано, очевидно, только сознаніе тѣхъ людей, которые признаютъ тѣ или другіе обязательства по отношенію къ ближнимъ, т.-е. обладаютъ правовымъ чувствомъ и считаютъ себя связанными правовыми нормами. Психологія несомнѣнно можетъ послужить цѣннымъ пособіемъ для изученія права, но, чтобы разобраться въ доставляемомъ ею матеріалѣ и отличить въ немъ годное отъ негоднаго для правовѣдѣнія, нужно предварительно уяснить себѣ, что такое правовыя нормы, что вообще должно признаваться правовымъ и что—неправовымъ. Иначе говоря, *прежде чѣмъ приступить къ психологическому матеріалу, нужно опредѣлить понятіе права*.

Г. Петражицкій поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ начинаетъ съ психологіи. Вслѣдствіе этого ему не удастся избѣжать того заблужденія, которое онъ столь основательно ставитъ въ

упрекъ многимъ изъ своихъ предшественниковъ. Его рассужденіе содержитъ въ себѣ логическій кругъ: въ самомъ дѣлѣ, вывести опредѣленіе права изъ наблюденій надъ психическими состояніями людей, «переживающихъ въ своемъ сознаніи правовыя нормы», значить, опредѣлять право—правомъ, неизвѣстное—неизвѣстнымъ. Эта логическая погрѣшность наглядно обнаруживается въ даваемомъ авторомъ опредѣленіи понятія «обязанности» въ юридическомъ смыслѣ. Мы видѣли, что, съ точки зрѣнія г. Петражицкаго, это — такая обязанность одного лица, которая «сознается закрѣпленною за другимъ, принадлежащей ему какъ его добро» (стр. 15). Не трудно себѣ представить добро хищнически пріобрѣтенное, закрѣпленное за владѣльцемъ-разбойникомъ тѣмъ страхомъ, который онъ внушаетъ ближнимъ; очевидно, что не такое добро разумѣть здѣсь г. Петражицкій, а добро правильно пріобрѣтенное, закрѣпленное за владѣльцемъ правовымъ сознаніемъ его ближнихъ. Очевидно, что подъ словомъ «добро» въ приведенномъ опредѣленіи слѣдуетъ разумѣть «право»; логическій кругъ тутъ прикрывается простой замѣной одного слова другимъ. Нѣсколько ниже г. Петражицкій опредѣляетъ юридическія обязанности, какъ «обязанности по отношенію къ другимъ несвободныя, закрѣпленныя активно за другими и образующія такимъ образомъ двустороннюю связь». Опять-таки спрашивается, что разумѣть здѣсь подъ «обязанностями активно закрѣпленными»? Въ Сардиніи разбойники облагаютъ опредѣленную данью сельское населеніе, угрожая смертью всѣмъ землевладѣльцамъ, которые отказываются ее платить, и всѣмъ рабочимъ, работающимъ въ ихъ помѣстьяхъ; въ этомъ примѣрѣ есть и «двусторонняя связь» и «активно закрѣпленная за разбойниками обязанность» землевладѣльцевъ — платить опредѣленную дань, притомъ связь несомнѣнно психическая, поддерживаемая чувствомъ страха; врядъ ли, однако, эта связь признается правовою помѣщиками и даже самими разбойниками, врядъ ли и г. Петражицкій рѣшится утверждать тутъ наличность *правовой* обязанности. Ясное дѣло, стало быть, что въ приведенномъ опредѣленіи подъ «активно закрѣпленными обязанностями» слѣдуетъ подразумѣвать не всякое вообще долженствованіе, не «обязанности», вызванныя однимъ страхомъ или интересомъ, а обязанности *правомѣрно закрѣпленныя*; иначе говоря, и въ этомъ опредѣленіи скрывается указанное выше тождество.

III.

Опредѣленія, основанныя на тождесловіи, разумѣется, ничего не опредѣляютъ, а потому опредѣленія, даваемые г. Петражицкимъ, не даютъ возможности отличить право отъ нравственности, съ одной стороны, отъ правовыхъ убѣжденій и правовыхъ галлюцинацій, съ другой стороны.

Нравственныя нормы, говоритъ онъ, суть нормы односторонне связывающія—императивныя, между тѣмъ какъ нормы юридическія всегда устанавливаютъ двустороннюю связь и суть нормы императивно-атрибутивныя. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что правовыя нормы суть дѣйствительно нормы императивно-атрибутивныя. Будучи знакомъ съ воззрѣніями г. Петражицкаго не по одной только разбираемой работѣ, я увѣренъ въ возможности убѣдительно доказать путемъ анализа функций юридическихъ нормъ, что каждая изъ нихъ съ одной стороны «повелѣваетъ», съ другой стороны «предоставляетъ». Но выражается ли въ этомъ *отличіе* юридическихъ нормъ отъ всякихъ другихъ и въ особенности отъ нравственныхъ?

На самомъ дѣлѣ трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая бы не была «императивно-атрибутивной», которая не закрѣпляла бы «психически» какихъ-либо обязанностей однихъ лицъ за другими (за ближними и за Богомъ для тѣхъ, кто въ него вѣритъ). Высшее выраженіе нравственности—заповѣдь любви и милосердія, когда она управляетъ нашей совѣстью, несомнѣнно связываетъ нашу волю по отношенію къ ближнему, несомнѣнно закрѣпляетъ за нимъ цѣлую сложную совокупность нашихъ нравственныхъ обязанностей; примѣры, приводимые г. Петражицкимъ, не доказываютъ противнаго. Разсуждая о бѣднякѣ Иванѣ, которому мы считаемъ себя нравственно обязанными дать десять рублей, г. Петражицкій говоритъ: «Ивану мы ничего не должны; ему отъ насъ ничего не причитается; если онъ получить десять рублей, то это — дѣло нашей доброй воли». Конечно, мы ничего ему не должны съ точки зрѣнія той или другой правовой нормы, требующей воздаянія за оказанныя намъ услуги, потому что рѣчь идетъ о лицѣ не оказавшемъ намъ никакихъ услугъ; но по долгу челоуѣколюбія мы *всѣмъ должны, всѣмъ обязаны*, и если Иванъ находится въ болѣе несчастномъ положеніи, чѣмъ другіе, то по отношенію къ нему для насъ возникаютъ

особья обязанности, закрѣпленныя именно за нимъ въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ людей. Конечно, подобнаго рода обязанности закрѣпляются за ближними не какими-либо велѣніями внѣшняго авторитета, внѣшней намъ власти, а внутреннимъ голосомъ нашей совѣсти; связь между нами и бѣднякомъ Иваномъ есть связь *психическая*. Но г. Петражицкій вовсе не отождествляетъ правовыя нормы съ велѣніями внѣшняго авторитета: онъ признаетъ правовыми всѣ тѣ нормы, которыя закрѣпляютъ *психически* долженствованіе одного лица за другимъ, а, слѣдовательно, указанное имъ различіе между правовыми и нравственными нормами оказывается мнимымъ. Какъ правовыя, такъ и нравственныя нормы *связываютъ* нашу волю по отношенію къ другимъ. Если бѣднякъ Иванъ не имѣетъ права отъ насъ *требовать* матеріальной помощи, то это не значить, чтобы мы были въ отношеніи къ нему «свободны», ничѣмъ не связаны; а это значить только, что связывающій насъ долгъ челоуѣколюбія не долженъ выразиться непременно въ формѣ уплаты опредѣленной денежной суммы и вообще въ матеріальной помощи всякому бѣдняку, какъ такому, а въ той формѣ, которая обуславливается рядомъ конкретныхъ условий,—нашими средствами, положеніемъ лица, коему мы помогаемъ и, наконецъ, его настроеніемъ. Если бѣднякъ станетъ нахально требовать отъ благотворителя десяти рублей, то послѣдній, вѣроятно, ему откажетъ, какъ основательно замѣчаетъ г. Петражицкій; но это будетъ обуславливаться не тѣмъ, что благотворитель по отношенію къ бѣдняку ничѣмъ не связанъ, а тѣмъ, что, будучи связанъ закономъ любви, онъ не связанъ посторонними любви мотивами, напр., чувствомъ страха. Г. Петражицкому остается говорить, что и здѣсь есть «право», а именно—право ближняго на нашу любовь и милосердіе; но врядъ ли и этимъ онъ спасетъ свою теорію, такъ какъ тѣмъ самымъ онъ сотретъ всякія границы между правомъ и нравственностью.

Точно такъ же въ теоріи г. Петражицкаго отсутствуютъ всякія границы между правомъ и правовымъ убѣжденіемъ. «Съ точки зрѣнія нашего понятія права,—говоритъ онъ,—правовымъ явленіемъ, правовымъ психическимъ актомъ приходится признать, напр., и такую атрибутивную норму или такое сознаніе долженствованія или принадлежности правового притязанія, которыя существуютъ только въ душѣ одного челоуѣка и не встрѣчаютъ признанія и согласія со стороны общественной власти, суда или

вообще кого бы то ни было другого, кромѣ того, кто переживаетъ эти психическія состоянія» (стр. 21). Если бы тутъ шла рѣчь только о явленіяхъ *правового сознанія*, то, разумѣется, не о чемъ было бы и спорить: подъ явленіями правового сознанія можно разумѣть все то, что мы сознаемъ, или даже *воображаемъ* какъ право. Но г. Петражицкій идетъ дальше: «для наличности правового явленія въ нашемъ смыслѣ,—говоритъ онъ,—какъ *нормы права, такъ и правоотношенія* ¹⁾, не требуется не только признанія нашей нормы, нашего права или нашей обязанности со стороны кого бы то ни было другого, но даже существованіе въ смыслѣ внѣшней реальности, реальности внѣшняго міра, какого-либо существа, кромѣ того, кто переживаетъ норму права или правоотношеніе. Если, напр., суевѣрный или умалишенный человѣкъ заключаетъ договоръ съ дьяволомъ (сонъ, гипнозъ, *idée fixe*, галлюцинація, иллюзія и т. п.), напр., договоръ продажи души, брачный договоръ (женщина, считающая себя вѣдьмой), то здѣсь дѣйствуетъ норма права, предписывающая исполненіе договора, существуетъ правоотношеніе, права и обязанности, объекты правъ и обязанностей, два субъекта и т. д., хотя дьяволь, которому суевѣрный субъектъ въ нашемъ примѣрѣ приписываетъ права и обязанности, не существуетъ, какъ внѣшняя реальность» (стр. 22).

Отсутствіе правового отношенія между вѣдьмой и дьяволомъ, разумѣется, не можетъ быть доказано не только съ точки зрѣнія теоріи г. Петражицкаго, но и съ точки зрѣнія любой научной теоріи, такъ какъ въ этой сферѣ наука рѣшительно некомпетентна. Но вотъ въ чемъ бѣда: иной сумашедшій предъявляетъ тѣ или другія правовыя притязанія не къ воображаемымъ имъ лѣшимъ или нимфамъ, а къ дѣйствительнымъ людямъ; сумашедшій, воображающій себя испанскимъ королемъ, претендуетъ не на воображаемыхъ, а на дѣйствительныхъ подданныхъ. Если взять за исходную точку теорію г. Петражицкаго, то рѣшительно невозможно доказать, что сумашедшій не имѣетъ права на испанскій престолъ. Притязанія такого «испанскаго короля» не признаются, конечно, ни испанскими властями, ни кѣмъ-либо изъ испанскихъ гражданъ; но для наличности правоотношенія, съ точки зрѣнія г. Петражицкаго, такое признаніе вовсе не тре-

¹⁾ Курсивъ—мой.

буется. Съ другой стороны, въ приводимомъ примѣрѣ есть правовая норма, «переживаемая» сумашедшимъ и «закрѣпляющая» за нимъ обязанности его подданныхъ, иначе говоря,—есть налицо всѣ тѣ элементы, которые г. Петражицкій считаетъ признаками права, правоотношенія. Затрудненія, разумѣется, только возрастутъ, если мы примемъ во вниманіе, что испанскіе граждане переживаютъ иныя нормы, закрѣпляющія права на испанскій престолъ не за умалишеннымъ, а за другимъ лицомъ. Гдѣ тотъ критерій, на основаніи котораго мы могли бы рѣшить споръ между испанскими подданными и ихъ воображаемымъ владыкой? Какими признаками вообще мы можемъ отличить дѣйствительное право отъ правового убѣжденія или галлюцинаціи 1)?

Эмпирическая психологія безсильна дать тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ, а потому, если мы станемъ на точку зрѣнія г. Петражицкаго, то намъ придется признать неразрѣшимыми всѣ тѣ правовые споры, гдѣ обѣ стороны одинаково убѣждены въ правотѣ своего дѣла: обѣ спорящія стороны одинаково переживаютъ правовыя нормы, закрѣпляющія за ними ту или другую спорную вещь или обязательство; по теоріи г. Петражицкаго въ этомъ убѣжденіи и заключается сущность права;

1) Г. Петражицкій, можетъ быть, скажетъ, что субъектомъ права въ приведенномъ примѣрѣ является не конкретное лицо—умалишенный Иванъ Петровъ, воображающій себя королемъ, а идеальное лицо—«король», какъ идея (по поводу «правоотношенія» между двумя лѣтшими онъ дѣйствительно говорить, что субъектомъ права является здѣсь не дѣйствительный человѣкъ, воображающій себя лѣтшимъ, а идеальное лицо—лѣтшій). Врядъ ли однако и такое толкованіе поможетъ г. Петражицкому справиться съ неразрѣшимыми для его теоріи затрудненіями. Во-первыхъ, оно рѣшительно не будетъ соответствовать правосознанію сумашедшаго, который убѣжденъ въ томъ, что не какой-либо идеальный «король», а именно онъ, Иванъ Петровъ, тотъ законный испанскій владыка, которому обязаны повиноваться испанцы. Во-вторыхъ, если стать на эту точку зрѣнія, то споръ между Иваномъ Петровымъ и испанскими гражданами станетъ еще болѣе неразрѣшимымъ: ибо тогда мы будемъ вынуждены примѣнить тотъ же критерій къ правосознанію испанцевъ и, слѣдовательно, признать, что дѣйствительнымъ ихъ владыкою является не какое-либо конкретное историческое лицо, а «король, какъ идея». Если такъ, то на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ предпочесть праву Ивана Петрова право какого-нибудь Альфонса или Фердинанда? Какимъ способомъ мы можемъ вывести изъ правоотношеній между идеальными лицами какія-либо права и обязанности для лицъ дѣйствительныхъ?

ясно, что съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакихъ основаній предпочесть право одного изъ спорящихъ праву другого, да и самый вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ право, становится неумѣстнымъ: если критеріемъ права являются субъективныя психическія состоянія, то *каждый является безошибочнымъ судьей своего права*: сознаніе индивида является единственнымъ мѣриломъ истиннаго и ложнаго въ правѣ, и то, что истинно для одного, можетъ быть и неистиннымъ для другого.

То или иное разрѣшеніе правовыхъ споровъ возможно только при томъ условіи, если мы признаемъ, что индивидуальная психика не является достаточнымъ критеріемъ для различенія права отъ неправа, что есть объективный масштабъ, *объективный критерій истиннаго въ правѣ—который возвышается надъ эмпирическими состояніями сознанія индивида*. Утверждая противное, мы неизбежно должны будемъ придти къ тому заключенію, что нѣтъ вообще юридическихъ нормъ, могущихъ имѣть объективную обязательность и значеніе, что юридическія нормы вообще обладаютъ лишь субъективною обязательностью,—для того или для тѣхъ субъектовъ, которые ихъ переживаютъ. Но стать на такую точку зрѣнія — значитъ отрицать самое существованіе права, самое существованіе правовыхъ нормъ: ибо подъ правовыми нормами можно разумѣть только такія правила, которыя имѣютъ объективное значеніе, которыя не только управляютъ сознаніемъ того или другого индивида, но регулируютъ взаимныя отношенія людей.

Послѣдовательно развитая точка зрѣнія г. Петражицкаго должна выродиться въ такой скептицизмъ, который долженъ подорвать всякое правовое убѣжденіе: всякое правовое убѣжденіе непремѣнно претендуетъ на объективное значеніе; оно, какъ замѣчаетъ и самъ г. Петражицкій, покоится на томъ предположеніи, что правовая норма, управляющая сознаніемъ лица убѣжденнаго, обязательна не только для него, но и для другихъ людей; на этомъ основаніи лицо, считающее себя обязаннымъ, *исполняетъ* свои обязательства, а лицо, считающее себя управомоченнымъ, *требуетъ* отъ другихъ исполненія ихъ обязательствъ. На этомъ основаніи человекъ, убѣжденный въ своемъ правѣ, готовъ вступить въ споръ со всякимъ, кто вздумаетъ его отрицать: онъ предполагаетъ, что есть высшій объективный критерій, который возвышается надъ убѣжденіемъ индивида, а по-

тому можетъ удостовѣрить истинность его правового воззрѣнія и изболчить лживость воззрѣнія противника. И вотъ, съ точки зрѣнія Г. Петражицкаго, приходится сказать, что все это правовое убѣжденіе покоится на иллюзіи: будучи само единственнымъ критеріемъ истины въ области права, правовое убѣжденіе лишено объективныхъ основаній и объективной опоры. Развитое во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ ученіе г. Петражицкаго должно придти къ саморазрушенію; ибо, если мы признаемъ вмѣстѣ съ авторомъ, что нѣтъ другого критерія въ правѣ кромѣ «индивидуально психическаго», то единственно послѣдовательнымъ выводомъ отсюда будетъ тотъ, что всякое правовое убѣжденіе есть ложь.

IV.

Несмотря на ошибочность основной мысли г. Петражицкаго, работа его далеко не лишена научнаго значенія: такова рѣдкая привилегія людей даровитыхъ, что они остаются интересными и поучительными въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ; даже и тамъ, гдѣ они не убѣждаютъ, они будятъ мысль и вынуждаютъ ее къ исканію.

Заблужденія г. Петражицкаго поучительны потому, что они коренятся вовсе не въ стремленіи къ субъективной оригинальности, во что бы то ни стало, а обусловливаются дѣйствительными, серьезными затрудненіями науки права, при томъ такими затрудненіями, съ которыми доселѣ никто не справился и съ которыми, тѣмъ не менѣе, обязанъ считаться всякій ученый юристъ и философъ права. При всей невозможности согласиться съ выводами г. Петражицкаго, нельзя не признать, что его изслѣдованіе ставитъ передъ нами задачу, требующую самага серьезнаго вниманія.

Нетрудно убѣдиться вмѣстѣ съ авторомъ въ односторонности господствующаго въ современной юриспруденціи узко-позитивнаго пониманія права; нетрудно убѣдиться вмѣстѣ съ нимъ и въ ложности всѣхъ тѣхъ ученій, которыя отождествляютъ право вообще съ правомъ только оффиціальнымъ (признаннымъ государственною властью) или съ правомъ только позитивнымъ (обнимающимъ въ себѣ кромѣ нормъ, признанныхъ государствомъ, рядъ такихъ нормъ, которыя существуютъ и дѣйствуютъ независимо отъ признанія или непризнанія ихъ государственною

властью). Помимо другихъ недостатковъ, указанныхъ г. Петражицкимъ, несомнѣнно, что эти ученія содержатъ въ себѣ логическій кругъ: говоря словами г. Петражицкаго, «логическая ошибка теорій, исходящихъ изъ понятія государства, состоитъ въ томъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ *definitio per idem*, опредѣляютъ х путемъ ссылки на х». Въ самомъ дѣлѣ, государство есть прежде всего правовой союзъ, а, слѣдовательно, понятіе государства уже предполагаетъ понятіе права. Актъ признанія или непризнанія государственною властью тѣхъ или другихъ нормъ за право, очевидно, не можетъ послужить критеріемъ для различенія права отъ неправа, ибо этотъ актъ въ свою очередь покоится *на правѣ*, присвоенномъ государственной власти.

Мнѣ нѣтъ надобности воспроизводить здѣсь всѣхъ прекрасныхъ и остроумныхъ замѣчаній г. Петражицкаго относительно «теорій оффиціального права», такъ какъ уже одного приведеннаго возраженія достаточно, чтобы обнаружить ихъ полную несостоятельность. Возраженіе это—не ново, и заслуга г. Петражицкаго заключается, разумѣется, не въ его воспроизведеніи, а въ томъ, что онъ прослѣдилъ теорію «оффиціального права» въ рядѣ ея развѣтвленій, указавъ во всѣхъ этихъ развѣтвленіяхъ рядъ общихъ недостатковъ.

Разумѣется, автору всего легче возражать противъ тѣхъ «ходячихъ» въ наше время теорій, которыя прямо вводятъ государство въ опредѣленіе права или считаютъ государство единственнымъ источникомъ права ¹⁾. Задача критика становится труднѣе, когда ему приходится имѣть дѣло съ такими опредѣленіями, въ которыхъ самый терминъ «государство» не упоминается, но въ коихъ, тѣмъ не менѣе, такія понятія, какъ «государство» или «власть»,—фигурируютъ въ качествѣ скрытыхъ предположеній. Таковы модныя въ наши дни опредѣленія права, исходящія изъ понятія принужденія, теоріи, опредѣляющія право какъ «организованное принужденіе» или какъ «совокупность принудительныхъ нормъ». Теоріи эти въ настоящее время имѣютъ множе-

1) Весьма типичны приводимыя г. Петражицкимъ изреченія Іеринга (*Zweck im Recht*, III Aufl, I B., S. 320): «ходячее опредѣленіе права гласитъ: право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ. И это опредѣленіе, по моему убѣжденію, вполне правильно». Далѣе на той же страницѣ приведенное опредѣленіе поясняется Іерингомъ въ томъ смыслѣ, что «государство есть единственный источникъ права».

ство развѣтвленій, при чемъ слово «принужденіе» понимается теоретиками то въ буквальномъ смыслѣ—физическаго насилія, то въ смыслѣ устрашающаго воздѣйствія на человѣческую психику (психическое принужденіе). Но, каковы бы ни были тѣ или другіе оттѣнки мысли, связываемые съ терминомъ «принужденіе», очевидно, что теоретики считаютъ признакомъ права не всякое вообще принужденіе, физическое или психическое, а только такое принужденіе, которое не представляется актомъ произвола. Принужденіе въ свою очередь можетъ быть правомѣрнымъ, если оно исходитъ отъ *признанной правомъ власти*, которая при этомъ *не выходитъ изъ сферы своей компетенціи*; но оно можетъ быть и неправомѣрнымъ, если оно примѣняется не призванными къ тому лицами, самозванными властями, или если власть, хотя бы и правомѣрная, нарушаетъ предѣлы своихъ полномочій. Теоріи, считающія принужденіе признакомъ права, очевидно, содержатъ въ себѣ логическій кругъ, такъ какъ, говоря о принужденіи, онѣ съ самаго начала имѣютъ въ виду принужденіе *правомѣрное*. Говоря словами г. Петражицкаго, теоріи эти, «поскольку онѣ исходятъ изъ предположенія организованной исполнительной власти и имѣютъ въ виду не произвольное насиліе со стороны кого бы то ни было, а примѣненіе принужденія со стороны призванныхъ къ этому правопорядкомъ, установленныхъ правомъ и дѣйствующихъ въ порядкѣ, правомъ предусмотрѣнномъ органовъ, то онѣ заключаютъ въ себѣ ту же многократную *definitio per idem*, которая заключается въ теоріяхъ, исходящихъ при опредѣленіи права изъ понятія государства».

Никакое «государство» и никакая «власть» не есть первоначальный источникъ права, ибо всякое государство, точно такъ же, какъ и всякая власть, обусловлено правомъ. Ясное дѣло, стало быть, что основныхъ признаковъ права надо искать въ чемъ-то высшемъ, нежели «официальное признаніе» и «организованное принужденіе». Недостаточность опредѣленій, исходящихъ изъ понятія государства, сказывается еще и въ томъ, что они не обнимаютъ въ себѣ рядъ формъ права, существующихъ независимо отъ признанія или непризнанія ихъ тѣмъ или другимъ государствомъ: право каноническое, международное и, наконецъ, цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ, изъ коихъ многіе предшествуютъ самому возникновенію государства. Словомъ, существуетъ необозримое множество нормъ позитивнаго права,

коихъ обязательность обусловливается не признаніемъ ихъ государствомъ, а какими-либо другими внѣшними фактами, напр., тѣмъ, что таковъ былъ обычай у отцовъ и дѣдовъ, что такъ постановилъ тотъ или другой соборъ пастырей церкви, та или другая международная конференція.

Въ этомъ заключается исходная точка ряда теорій, которыя г. Петражицкій удачно называетъ «теоріями положительнаго (или позитивнаго) права». Теоріи эти ищутъ такого опредѣленія права, подъ которое подходили бы не только юридическія нормы, оффиціально признанныя за таковыя государствомъ, но всѣ вообще нормы позитивнаго права. Таковы ученія, опредѣляющія право какъ *общее убѣжденіе, общую волю*, таково же, наконецъ, ученіе Бирлинга, отождествляющее право съ нормами и правилами общежитія, *пользующимися въ качествѣ таковыхъ общимъ взаимнымъ признаніемъ членовъ этого общежитія*.

Относительно этихъ ученій г. Петражицкій также высказываетъ рядъ цѣнныхъ критическихъ замѣчаній, среди коихъ даже старое звучитъ какъ новое, благодаря той замѣчательно остроумной формѣ, въ которую умѣетъ облекать ихъ авторъ. Ему, разумѣется, нетрудно показать крайнюю неопредѣленность и неясность такихъ выраженій, какъ «общая воля» и «общее убѣжденіе». «Общее убѣжденіе» уже потому не можетъ быть критеріемъ для различенія права отъ неправа, что предметомъ «общаго убѣжденія» могутъ быть и такія истины, какъ дважды два—четыре, вообще чисто теоретическія аксіомы, ничего общаго съ правомъ не имѣющія. Неопредѣленность выраженія «общая воля» также явствуетъ изъ того, что общая воля можетъ быть направлена и на цѣли, не имѣющія правового значенія. Если всѣ члены того или другого общежитія желаютъ быть счастливыми и здоровыми, то, очевидно, что такое выраженіе «общей воли» не имѣетъ ничего общаго съ правомъ; стало быть, нельзя безъ дальнѣйшихъ оговорокъ опредѣлять право, какъ «общую волю»; опредѣленіе это получаетъ опредѣленный смыслъ только въ значительно суженномъ видѣ, въ томъ, на примѣръ, случаѣ, если мы будемъ понимать право, какъ *общую волю, направленную на обязательныя правила поведенія*. Но и въ этомъ видѣ теорія «общей воли» встрѣчается съ непреодолимыми затрудненіями: нѣтъ такой правовой нормы, которая являлась бы выраженіемъ воли *всѣхъ* членовъ того или другого обще-

житія (въ томъ числѣ дѣтей, слабоумныхъ), а потому теоретики, опредѣляющіе право какъ «общую волю», оказываются вынужденными прибѣгнуть къ фикціи, отличая «общую волю» отъ «воли всѣхъ». Подъ выраженіями общей воли обыкновенно понимаются постановленія и заявленія тѣхъ или другихъ представителей органовъ или лицъ, *компетентныхъ* ее выражать, *управомоченныхъ* говорить отъ имени общежитія какъ цѣлаго. Такъ, при наличности государственной организаціи компетентными выразителями общей воли будутъ законодательная власть, собранія избирателей, выбирающихъ народныхъ представителей въ законодательныя собранія; при отсутствіи же государственной организаціи, при исключительномъ государствѣ юридическаго обычая, унаслѣдованнаго отъ отцовъ и дѣдовъ, выразителями «общей воли» будутъ знатоки обычая, старѣйшіе. Словомъ, общая воля можетъ выразиться лишь при условіи существованія той или другой правовой организаціи. Люди только тогда могутъ столкнуться относительно того, что является предметомъ ихъ общей воли, когда они уже связаны тѣми или другими правовыми узамъ. Ясное дѣло стало быть, что общая воля въ своихъ проявленіяхъ уже *обусловлена правомъ*, а потому не можетъ быть понимаема ни какъ сущность права, ни какъ первоначальный его источникъ.

Не болѣе состоятельна и новѣйшая варіація теоріи «общей воли», ученіе Бирлинга, который понимаетъ право въ смыслѣ нормъ и правилъ общежитія, пользующихся въ качествѣ таковыхъ общимъ взаимнымъ признаніемъ членовъ общежитія. Нормъ, прямо признанныхъ всѣми членами того или другого общежитія, не можетъ быть уже потому, что есть такіе члены общежитія (слабоумные, дѣти), которые вовсе не знаютъ господствующихъ въ немъ нормъ, и нѣтъ ни одного члена общежитія, который зналъ бы *всѣ* эти нормы. Поэтому прямое признаніе у Бирлинга замѣняется *косвеннымъ признаніемъ*: человекъ, признавшій законодательную власть, дѣйствующую въ данной странѣ, долженъ, съ точки зрѣнія Бирлинга, считаться признавшимъ *всѣ* законы этой страны; равнымъ образомъ человекъ, обращающійся къ тому или другому специальному закону той или другой страны, долженъ считаться признавшимъ ея законодательную власть, а слѣдовательно, все ея законодательство. Говоря словами г. Петражицкаго, «признаніе» въ устахъ Бирлинга выражаетъ собою не реальный фактъ,

а только то, «что было бы въ томъ случаѣ, если бы всѣ соблюдали въ поведеніи правила логической послѣдовательности», т. е. если бы всѣ люди дѣйствительно сознавали и признавали неизбѣжные выводы, логически вытекающіе изъ ихъ посылокъ.

Ошибки этой теоріи очевидны, и онѣ не ускользнули отъ вѣрнаго критическаго взгляда г. Петражицкаго: во-первыхъ, «она не въ состояніи установить критерій для различенія нормъ права отъ другихъ дѣйствующихъ въ данной общественной средѣ правилъ поведения», а во-вторыхъ, нельзя не согласиться съ г. Петражицкимъ въ томъ, что теорія Бирлинга, подобно многимъ другимъ заключаетъ въ себѣ логическій кругъ, *definitio per idem*. Въ самомъ дѣлѣ, прямое или косвенное «признаніе» тѣхъ или другихъ нормъ, господствующихъ въ общежитіи, предполагаетъ существованіе общежитія, а всякое общежитіе въ свою очередь предполагаетъ право.

Г. Петражицкій могъ бы, какъ мнѣ кажется, свести значительную и притомъ наиболѣе существенную часть своихъ возраженій противъ теорій оффиціального и позитивнаго права къ слѣдующей обобщенной формулѣ: всякое оффиціальное и позитивное право покоится на томъ или другомъ внѣшнемъ человѣческомъ авторитетѣ; но такъ какъ всякій человѣческій авторитетъ въ свою очередь обусловленъ правомъ, то всѣ ученія, отождествляющія право вообще съ правомъ только позитивнымъ или только оффиціальнымъ — совершаютъ неизбѣжный логическій кругъ: *они сводятъ право къ внѣшнему авторитету, который въ свою очередь представляется видомъ права.*

Въ самомъ дѣлѣ, «оффиціальное» право обусловлено авторитетомъ государственной власти, церковное право—авторитетомъ церкви, право международное—авторитетомъ той или другой группы государствъ, связанныхъ узами международного общенія; рядъ юридическихъ обычаевъ обусловленъ авторитетомъ отцовъ и дѣдовъ; наконецъ, всякое вообще оффиціальное и позитивное право обусловлено одной высшей формой авторитета,—авторитетомъ того или другого человѣческаго общества, отъ имени котораго уполномочены говорить и дѣйствовать тѣ или другія органы или представители — государственная власть, церковные соборы, международныя конференціи, старѣйшіе и т. п. Но авторитетъ общества есть не что иное, какъ *его право* предписывать, его право—связывать своихъ членовъ обязательными правилами

поведенія. Ясное дѣло, что всякое позитивное право какъ такое представляется не болѣе какъ однимъ изъ видовъ права; право, установленное внѣшнимъ авторитетомъ, обусловлено иною высшею формою права, изъ коей истекають правомочія всѣхъ человѣческихъ властей; будучи само источникомъ и условіемъ всякаго внѣшняго авторитета, всякаго позитивнаго права, это первоначальное высшее право не обусловлено никакимъ внѣшнимъ авторитетомъ: оно само по себѣ авторитетно; оно само въ себѣ заключаетъ источникъ своей обязательной силы.

V.

Изслѣдованіе г. Петражицкаго какъ нельзя болѣе ярко раскрываетъ роковую дилемму, передъ которой стоитъ современная философія права: она должна или отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ опредѣлить право, иначе говоря, отречься отъ самой себя, признавъ свою основную задачу неразрѣшимую, или искать критеріевъ для различенія права отъ неправа внѣ и выше права позитивнаго. Въ выясненіи этой дилеммы заключается главная и, безо всякаго сомнѣнія, крупная заслуга разбираемой книги. Вся эта книга представляетъ собою горячій и страстный протестъ противъ узкаго позитивизма, господствующаго въ современной юриспруденціи, и постольку представляетъ собою реакцію естественную и законную.

Г. Петражицкій наглядно показалъ, что въ основѣ всѣхъ опредѣленій, отождествляющихъ право вообще съ правомъ официальнымъ и съ правомъ позитивнымъ, лежитъ простое тождество: «право есть право». Но почему же самому г. Петражицкому не удалось вырваться изъ этого заколдованнаго круга, въ которомъ вращается современная юриспруденція? Почему онъ, возставшій противъ узко-позитивнаго пониманія права, тѣмъ не менѣе впалъ въ ту же ошибку, которую онъ такъ зорко подмѣтилъ у своихъ предшественниковъ?

Дѣло въ томъ, что г. Петражицкій самъ не вполне освободился отъ той точки зрѣнія, противъ которой онъ полемизируетъ: разрывъ съ позитивизмомъ совершился въ его міросозерцаніи не достаточно глубоко и радикально: порвавъ съ позитивизмомъ юридическимъ, онъ еще не вполне отрѣшился отъ позитивизма философскаго. Въ его изслѣдованіи сквозитъ страхъ метафизики;

метафизическое онъ отождествляетъ съ «трансцендентнымъ нашему познанію» (стр. 9); свою философію права онъ строить не на метафизическомъ изслѣдованіи умозрительныхъ предположеній правового сознанія, а на эмпирическихъ наблюденіяхъ надъ состояніями нашего сознанія. Въмѣсто того, чтобы искать ключъ къ разрѣшенію основной задачи философіи права въ умозрительной этикѣ, онъ обратился къ эмпирической психологіи. Въ этомъ и заключается источникъ его заблужденій.

Пока мы остаемся на почвѣ эмпирическаго наблюденія, мы имѣемъ дѣло съ фактами; изъ фактовъ же нельзя вывести должествованія: изъ однихъ наблюденій надъ тѣмъ, что есть, нельзя вывести никакихъ заключеній относительно того, что должно быть. Такія понятія, какъ «долженствованіе», «обязанность», «право»,—основныя понятія науки права—суть по самому существу своему представленія умозрительныя, превышающія дѣйствительность, какъ она является намъ въ нашемъ опытѣ, ибо въ дѣйствительности поведеніе людей никогда не находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ обязанностями; факты далеко не соотвѣтствуютъ праву. Въ этомъ заключается причина крушенія всѣхъ попытокъ построить этику и философію права на однихъ данныхъ опыта; въ этомъ заключается причина ошибки г. Петражицкаго.

Основной грѣхъ цѣлаго ряда теоретиковъ, противъ которыхъ полемизируетъ г. Петражицкій, заключается въ смѣшеніи права съ фактомъ, въ отождествленіи фактическаго порядка, установленнаго тѣмъ или другимъ внѣшнимъ авторитетомъ *во имя права* съ правомъ вообще. Основной грѣхъ г. Петражицкаго заключается въ отождествленіи права съ опредѣленными состояніями человѣческой души, съ *фактами* индивидуальной психологіи. Разумѣется, всякій теоретикъ права долженъ считаться какъ съ тѣми психологическими фактами, изъ которыхъ исходитъ г. Петражицкій, такъ и съ тѣми социальными фактами, которые послужили точкой отправленія для его предшественниковъ; но для того, чтобы уловить сущность права, надо подняться надъ фактами въ горнюю сферу умозрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно доказать, что какъ фактически существующій правовой порядокъ, такъ и факты правовой психологіи покоятся на неустранимыхъ метафизическихъ предположеніяхъ, обуславливающихъ какъ возможность всякаго конкрет-

наго права, такъ и возможность самаго правосознанія. Въ основѣ всякаго положительнаго права, какъ мы видѣли, лежитъ *первоначальное право*—право общества господствовать надъ личностью, связывать ея волю своими предписаніями; въ основѣ всякой положительно-правовой обязанности лежитъ *первоначальная обязанность*—обязанность личности подчинять свои цѣли цѣлямъ общезитія, ограничивать ради него свою волю тѣми или другими нормами. За устраненіемъ того первоначальнаго права, на которомъ утверждаютъ свои полномочія законодатели, во имя котораго повелѣваетъ всякій внѣшній авторитетъ, долженъ рухнуть всякій правовой порядокъ. Никто не станетъ отрицать того, что сила и интересъ суть могущественные факторы образованія позитивнаго права; но нетрудно убѣдиться въ томъ, что никакой конкретный порядокъ не можетъ быть сведенъ къ одной силѣ или къ одному интересу, такъ какъ ни сила, ни интересъ не создаютъ *обязанностей*. Правовой порядокъ не можетъ утверждаться на одной внѣшней силѣ той или другой власти, ибо тамъ, гдѣ люди не считаютъ себя обязанными повиноваться власти, власть не можетъ обладать силой: сила всякой власти сводится къ коллективной силѣ той или другой общественной группы; всякая же общественная сила предполагаетъ ту или другую правовую организацію, связывающую людей въ общество, и, слѣдовательно, обусловлена правомъ. По той же причинѣ право не можетъ быть сведено и къ интересу: самъ по себѣ голый интересъ не можетъ послужить основой правового порядка, ибо гдѣ всякій слѣдуетъ только своему личному интересу, не признавая никакихъ обязанностей по отношенію къ обществу, тамъ не можетъ быть ни общества, ни права; интересъ можетъ послужить факторомъ образованія права лишь постольку, поскольку онъ ограниченъ обязанностью, ограниченъ правомъ, слѣдовательно, лишь постольку, поскольку онъ пересталъ быть исключительно личнымъ и пріобрѣлъ характеръ общественный; всякій же общественный интересъ уже предполагаетъ правовую организацію, связывающую людей въ общество и, слѣдовательно, обусловленъ правомъ. Въ основѣ всякаго положительнаго права лежитъ метафизическое предположеніе такой *обязанности*, и такого *права*, которое логически предшествуетъ всякому конкретному порядку. Это первоначальное право не есть фактъ, а постулатъ, *идея разума*, которая съ од-

ной стороны обусловливаетъ всѣ конкретные правовые факты, а съ другой стороны, всегда превышаетъ фактическую дѣйствительность, никогда не покрывается ею. Идея эта сверхопытна, сверхчувственна и, слѣдовательно,—по самому существу своему, метафизична.

То же самое можетъ быть показано путемъ анализа фактовъ правового сознанія. Прежде всего, какъ уже было показано выше противъ г. Петражицкаго, *факты индивидуальной психологіи не въ состояніи обосновать права*. Изъ того, что я въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни чувствую или не чувствую себя связаннымъ закрѣпленными за ближними обязанностями, вовсе не вытекаетъ наличность или отсутствіе дѣйствительныхъ моихъ обязанностей или дѣйствительныхъ правъ ближняго. Съ другой стороны, какъ уже было показано, всякое правовое убѣжденіе покоится на вѣрѣ въ такой объективный критерій права, который возвышается надъ нимъ самимъ, которымъ можетъ быть распознана истинность и ложность всякаго субъективнаго правового убѣжденія. Спрашивается, въ чемъ же заключается этотъ объективно-правовой критерій? Очевидно, что онъ заключается не въ томъ или другомъ положительномъ установленіи, не въ томъ или другомъ велѣніи внѣшняго авторитета, ибо всякій внѣшний авторитетъ можетъ заблуждаться и оказаться неправымъ передъ судомъ разума; всякій авторитетъ, съ одной стороны обусловленъ правомъ, а съ другой стороны, можетъ нарушить право. Правовое убѣжденіе обусловлено вѣрой въ такое право, которое коренится не въ чемъ-либо внѣшнемъ разуму, а въ самомъ разумѣ, въ такой правовой критерій, который не обусловливается субъективными состояніями сознанія, а является *объективнымъ закономъ* разума: наши чувства, состоянія нашего сознанія обладаютъ чисто-индивидуальнымъ, субъективнымъ характеромъ, а потому чужія «психическія состоянія» никого не обязываютъ; только законъ разума обладаетъ всеобщимъ, для всѣхъ обязательнымъ значеніемъ; а потому остается допустить, что правовой порядокъ такъ или иначе утверждается на этомъ законѣ: иначе придется признать, что право въ цѣломъ его составѣ ни для кого не обязательно, иначе говоря, что нѣтъ вообще права.

Такъ или иначе, вопросъ о существѣ права приводитъ насъ къ проблемѣ «права разума», или такъ называемаго естествен-

наго права. Чтобы отвѣтить на вопросъ, что такое право, надо начать съ выясненія того правового критерія, которымъ долженъ руководствоваться нашъ разумъ, того первоначальнаго права, на которое опирается всякій внѣшній авторитетъ и всякое внѣшнее законодательство. Неудача прежнихъ попытокъ разрѣшить эту задачу, разумѣется, не устраняетъ самой задачи, ибо естественное право составляетъ необходимое предположеніе всякаго правового сознанія. Крушеніе естественно-правовыхъ ученій, когда-то господствовавшихъ въ наукѣ права, только ставитъ передъ нами новую задачу: мы должны выяснитъ причины этого крушенія и устранить тѣ старыя заблужденія, которыя затемняли сущность естественнаго права. Философія права будущаго, разумѣется, не можетъ быть простымъ воспроизведеніемъ тѣхъ отжившихъ въ настоящее время ученій, которыя смѣшивали временное съ вѣчнымъ и представляли естественное право въ видѣ кодекса неподвижныхъ и неизмѣнныхъ правилъ, долженствующихъ замѣнить собою положительное законодательство: но этимъ не устраняется ея обязанность—разобрать эти ученія и отдѣлить въ нихъ зерно отъ мякны.

На этомъ я могу кончить. Разрѣшеніе вопроса о существѣ права не входитъ въ задачу настоящей статьи, посвященной критическому разбору работы г. Петражицкаго. Если мнѣ пришлось говорить здѣсь о задачѣ естественнаго права, то только потому, что эта задача сама собою выдвигается его изслѣдованіемъ. Чтобы отвѣтить на поставленный г. Петражицкимъ вопросъ о существѣ права, нужно начать съ выясненія первоначальной основы всякаго правового порядка, съ изслѣдованія необходимыхъ метафизическихъ предположеній всякаго правосознанія. Чтобы найти научное опредѣленіе права, нужно прежде всего отрѣшиться отъ тѣхъ позитивныхъ предразсудковъ, которые составляютъ главную причину неудовлетворительности цѣлаго ряда современныхъ опредѣленій. Поскольку «философія права» г. Петражицкаго составляетъ шагъ въ этомъ направленіи, она представляетъ собою явленіе весьма отрадное. Намъ остается только пожелать, чтобы авторъ до конца прошелъ начатый имъ путь и чтобы въ борьбѣ противъ антифилософскаго позитивизма въ правѣ его первый шагъ не оказался послѣднимъ.

Кн. Евгеній Трубецкой.

Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма.

Статья вторая ¹⁾.

Здѣсь предстоитъ развить нѣкоторыя положенія, только намѣченныя въ первой статьѣ. Мы установили тамъ различіе между общимъ опытомъ, въ которомъ субъектъ и объектъ даны въ непосредственномъ синтетическомъ единствѣ, и частнымъ,—гдѣ эти два момента раздѣляются, при чемъ указали также, что и каждый частный опытъ можетъ распадаться на болѣе и болѣе частныя формы. Было установлено, что критеріи частнаго опыта всякой степени всецѣло основываются на единомъ общемъ критеріи наиболѣе общаго опыта, названнаго нами *цѣльнымъ*, и развиваются изъ него лишь постольку, поскольку въ каждомъ частномъ опытѣ выдѣляются, какъ самостоятельныя опредѣляющія, тѣ специфичности, которыя въ болѣе общемъ даны были въ непосредственномъ синтезѣ съ другими. Соотвѣтственно этому, напр., въ частномъ опытѣ являются критеріи истинности мышленія и реальности бытія, которые оба происходятъ изъ единаго критерія цѣльнаго опыта, внутренней согласованности и цѣльности представленія,—и всю свою силу заимствуютъ только отъ него. Но каждый частный опытъ является не только простымъ распаденіемъ своего общаго,—онъ всегда содержитъ въ себѣ и сознание связи этихъ распавшихся въ немъ моментовъ, хотя эта связь является въ немъ только искусственнымъ воспроизведеніемъ того непосредственнаго синтеза, который осуществленъ лишь въ выс-

1) „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 48, 1899 г.

шемъ, болѣе обшемъ и цѣльномъ опытѣ. Согласно съ этимъ въ частномъ опытѣ всегда возникаетъ третій, промежуточный моментъ, и въ немъ частный опытъ силится выразить ту непосредственную связь, которая существуетъ между двумя крайними моментами цѣльнаго опыта, представляя ее теперь какъ что-то обособленное отъ этихъ моментовъ, тогда какъ на дѣлѣ она содержится въ нихъ самихъ. Такимъ образомъ наряду съ категориями *мышленія* и *бытія* возникаетъ категория *познанія* одного черезъ другое, — и категории истинности мышленія и реальности бытія, разьединившіяся въ частномъ опытѣ, пытаются найти свое единство въ критеріи *истиннаго познанія*. Первою темою настоящей статьи именно и будетъ выводъ этого критерія познанія въ его отношеніяхъ къ критеріямъ истинности мышленія и реальности бытія.

Второй темой явится изученіе тѣхъ отношеній цѣнности, въ какихъ стоятъ между собою познанія различныхъ опытныхъ сферъ. Здѣсь намъ придется установить окончательный смыслъ «истиннаго» въ его противопоставленіи «ложному», — соотвѣтственно относительному значенію различныхъ ступеней опыта.

I.

Критерій истинности мышленія и критерій реальности бытія представляются абсолютно противостоящими лишь съ точки зрѣнія той дуалистической концепціи, по которой связь между мышленіемъ и реальностью носитъ совершенно внѣшній характеръ, и реальность, по крайней мѣрѣ, свержопытная нуждается для своего обоснованія въ иномъ критеріи, нежели гносеологической. Для опытной же сферы даже дуализмъ только по недоразумѣнію можетъ стремиться къ противопоставленію этихъ критеріевъ и уже устами Декарта провозглашаетъ ихъ единство: *clara et distincta perceptio* есть единственное основаніе истинности и признанія реальности. Нечего и говорить о томъ наивномъ періодѣ древней мысли, когда она не обратилась еще къ различенію внутренняго и внѣшняго. Но можетъ показаться, что съ той поры, когда эта мысль направилась на самоанализъ и самопознаніе, когда только что созданная логика явилась органомъ такого самопознанія, что съ того именно времени критерій истинности долженъ былъ быть противопоставленъ критерію реальности.

Нельзя спорить противъ того, что такое противопоставленіе постоянно происходило. У Аристотеля (*Analytica posteriora*, I, 13) мы уже находимъ его, хотя въ очень смутной формѣ. Съ того времени принципъ реального основанія бытія, какъ принципъ *причиненія*, всегда трактовался отдѣльно отъ познавательнаго основанія, что и было формулировано Вольфомъ въ его различеніи *principium cognoscendi* отъ *principium fiendi* и *principium essendi*. И тѣмъ не менѣе только по недоразумѣнію оба принципа трактовались какъ независимые. Самое существованіе логики, какъ органа общаго мышленія, и развитіе изъ нея затѣмъ методологіи отдѣльныхъ наукъ доказываютъ, что ни одинъ шагъ въ реальномъ познаніи не могъ быть признанъ, пока не былъ санкціонированъ внутреннею необходимостью мышленія, его собственной закономѣрностью; и обратно, развитіе этой методологіи знанія лишь въ связи съ реальнымъ содержаніемъ наукъ несомнѣнно подтверждаетъ, что сама эта внутренняя закономѣрность мышленія не есть нѣчто независимое отъ внѣшней реальности. И разсматриваемая дуалистическая концепція несомнѣнно всегда признавала это на практикѣ, какъ бы ни старалась иначе рѣшить вопросъ въ теоріи. Какими бы внѣшними способами ни устанавливалась зависимость между этими двумя принципами, истинностью и реальностью, но эта зависимость всегда признавалась необходимою и безусловною. Ни одинъ философскій или метафизическій умъ, какимъ бы революціоннымъ онъ ни былъ, не осмѣлился признать право возстанія реальности противъ истинности. *Credo, quia absurdum*—есть простой вопль души, отчаявшейся въ *обычной истинѣ* и апеллирующей къ новой, болѣе совершенной. Соответственно съ этимъ дуалистическая теорія познанія ищетъ критерія въ нѣкоторой реальности, даваемой намъ все же въ наиболѣе исчерпывающихъ *представленіяхъ* опыта или въ непосредственномъ *сознаніи*. Психологическія же теоріи прямо ищутъ его въ согласіи содержанія различныхъ состояній психическаго опыта, напр., воспроизведенныхъ состояній съ состояніемъ наличнаго опыта и пр. ¹⁾ Наконецъ, односторонній монизмъ пы-

¹⁾ Всѣ другія, болѣе утонченныя, психологическія опредѣленія скрываютъ за собою ту же мысль. Такъ Н. Cornelius (*Psychologie als Erfahrungswissenschaft*, 1897), признавая, что всякое воспроизведеніе есть лишь *символъ* предшествовавшаго опыта, опредѣляетъ критерій истинности какъ возможность

гается установить единство обоих критеріевъ, или низводя реальность къ простой истинности, или сводя истинность къ простому согласію съ абсолютно существующей реальностью.

Истинная монистическая концепція равнымъ образомъ и даже въ большей мѣрѣ настаиваетъ на единствѣ этихъ критеріевъ, какъ и на единствѣ самихъ категорій мышленія и реальности. Но единство это она понимаетъ не какъ искусственную связь вещей въ себѣ (трансцендентный дуализмъ), не какъ нѣкоторое непонятное *отраженіе* одной категоріи въ другой (опытный дуализмъ), не какъ таинственное *разложеніе* одной категоріи въ другую (односторонній монизмъ) и даже не какъ простое тождество этихъ категорій, въ которомъ исчезаютъ ихъ специфическія черты (шеллингянство), а какъ ихъ живой синтезъ въ высшей категоріи,—*идея*, гдѣ каждая изъ этихъ категорій сохраняется какъ таковая, но въ то же время находится въ непосредственномъ соединеніи съ другою и откуда можетъ быть вычленена лишь рефлексіей. Не нужно понимать эту идею какъ нѣкоторое трансцендентное бытіе, напротивъ она дана неизбѣжно въ каждомъ опытѣ; она есть именно этотъ самый опытъ, поскольку онъ берется въ своемъ цѣльномъ видѣ. Каждое наше представленіе, какъ бы отрывочно оно ни было со стороны своихъ внѣшнихъ границъ, въ своей внутренней цѣлостности является именно этой идеей, въ которой живо связано мышленіе и содержаніе, познаніе и реальность, — единственнымъ источникомъ, изъ котораго рефлексія развиваетъ въ дальнѣйшемъ эти категоріи, какъ самостоятельныя.

Цѣльный опытъ—идея—данъ намъ какъ нѣчто живое, текучее (употребляя терминъ Тренделенбурга), непрерывное. Величайшей ошибкой было считать наше опытное познаніе по существу своему дробнымъ, атомистическимъ, слагающимся изъ отдѣльныхъ ощущеній. Въ этомъ пониманіи порядокъ нашего познанія извращался, и никакія усилія ума не могли конструировать цѣлое изъ этой данной раздробленности, почему и приходилось искать объединенія для этого содержанія или въ сверхчувственномъ, или въ гносеологическомъ, во всякомъ случаѣ, внѣшнемъ началѣ.

для субъекта путемъ дѣйствительнаго опыта воспроизвести ту конструкцію символовъ, которая дана въ умственномъ представленіи, требующемъ провѣрки.

Крайніе элейцы отлично воспользовались для своихъ парадоксовъ этимъ безсиліемъ ума построить *continuum* изъ раздробленныхъ опытныхъ элементовъ. Непрерывность должна быть *дана*; она есть исходное, а не конечное. Всякая идея, всякое представленіе именно и даетъ намъ въ своемъ внутреннемъ строеніи этотъ *continuum*. Правда, какъ упомянуто выше, въ своихъ внѣшнихъ границахъ она является сама только отрывкомъ, только частью чего-то бѣльшаго. Но именно потому, что эта живая непрерывность ея связи съ этимъ бѣльшимъ не дана намъ и именно поскольку она не дана, — мы не можемъ представить ее себѣ въ такомъ непосредственномъ соединеніи иначе, какъ путемъ новаго, болѣе широкаго воспріятія опыта; всѣ рефлективно образуемая нами связи остаются искусственными и не замѣняютъ той непрерывности, которая дается только опытомъ, поскольку послѣдній окажется въ состояніи охватить то *бѣльшее*, въ которомъ данная идея включена какъ живая часть. Самъ опытъ ограниченъ; но въ предѣлахъ этой ограниченности онъ даетъ намъ непрерывность. Во всякой такой цѣльной идеѣ форма и содержаніе слиты неразрывно, и именно формой является эта непрерывность, текучесть содержанія, которая не есть нѣчто внѣшнее содержанію, а есть оно само въ своей непосредственности. Только рефлексія, специальное сосредоточеніе вниманія на одной сторонѣ этого живого процесса, можетъ оторвать форму, поставивъ ее передъ нами какъ нѣчто самостоятельное и оставивъ на другой сторонѣ раздробленное, лишенное текучести содержаніе. Но если мы и въ этой рефлексіи захотимъ понять, что такое эта форма, мы увидимъ, что это пониманіе невозможно безъ обращенія къ содержанію, что эта текучесть и живая непрерывность есть именно само содержаніе, односторонне разсматриваемое. Равнымъ образомъ и самое содержаніе только въ рефлексіи можетъ быть нами мыслимо внѣ своей формы, какъ нѣчто раздробленное и лишенное живого единства, и если мы захотимъ понять его существо, мы неизбежно должны мыслить его въ той живой цѣлостности, въ какой оно дано въ идеѣ и которая въ отвлеченіи является его формой.

Повидимому, представленіе не есть то первичное данное опыта, изъ котораго можетъ быть развито все содержаніе послѣдняго. Оно само какъ бы является нѣкоторымъ частнымъ фактомъ опыта, элементомъ нашей душевной жизни. Но такое *психологи-*

ческое пониманіе представленія есть уже фактъ рефлексивный, вторичный. Законность этой точки зрѣнія должна быть признана; но самая точка зрѣнія должна быть понята какъ производная. Все содержаніе нашей психики и всего внѣшняго опыта дается прежде всего какъ представленіе. Этимъ признаніемъ простаго факта мы вовсе не приходимъ къ интеллектуализму въ психологіи и къ феноменализму внѣшняго міра, ибо представленіе въ указанномъ смыслѣ не есть простая форма, а есть живая связь формы съ содержаніемъ, почему содержаніе является въ этомъ фактѣ столь же опредѣляющимъ моментомъ, какъ и форма. Съ другой стороны, нельзя принять и формулировки, даваемой Шопенгауэромъ: міръ есть *мое* представленіе. Въ такой формулировкѣ самосознаніе является какъ бы предпосылкою представленія, тогда какъ на дѣлѣ оно само охватывается имъ, существуетъ тоже какъ представленіе. Основной, первичный фактъ всякаго опыта есть просто цѣльное, живое представленіе, опытъ тождественъ представленію. Это живое представленіе мы безразлично можемъ называть идеей, придавая такимъ образомъ послѣднему понятію совершенно опытный смыслъ.

Къ этой цѣльной, живой идеѣ, какъ мы говорили выше, не приложимъ предикатъ ни истинности, ни реальности ¹⁾. Къ ней приложимъ только предикатъ внутренней цѣльности, непосредственнаго, живого единства, — и этотъ предикатъ не есть ей внѣшній, а есть совершенно тождественное выраженіе ея существа. Идея именно и есть это живое единство опредѣленнаго содержанія, иначе, есть это самое содержаніе какъ единство. Цѣльность или единство специфическаго содержанія есть то же самое, что просто специфическое единство, ибо это единство не есть нѣчто постороннее содержанію, а есть именно оно само въ его живомъ, неразложенномъ рефлексіей видѣ.

Но опытъ данъ намъ не только въ этомъ цѣльномъ видѣ. Другою своей стороною онъ является въ видѣ *частнаго* опыта, въ которомъ происходитъ опредѣленное расчлененіе цѣльнаго. Способность такого расчлененія, такого усмотрѣнія въ цѣльномъ опытѣ отдѣльныхъ его сторонъ и постановки ихъ какъ бы независимыми другъ отъ друга, мы называемъ рефлексіей. Намъ

¹⁾ Иначе говоря, здѣсь оба эти предиката еще не раздѣлены, даны какъ ихъ цѣльный синтезъ, изъ котораго затѣмъ они развиваются.

нѣтъ нужды здѣсь входить въ разсмотрѣніе того, откуда происходитъ эта способность, или иначе, какъ въ цѣльномъ опытѣ дана эта возможность происхожденія изъ него частнаго. Поскольку мы держимся опыта, мы только констатируемъ фактъ наличности такого расчлененія и указываетъ характерныя черты этого процесса. Въ силу этого процесса изъ цѣльной идеи выдѣляется та сторона ея, которая именно и есть эта цѣльность, которая является какъ синтезъ содержанія, выдѣляется та специфичность, которая объединяетъ это содержаніе. Мы знаемъ однако, что эта специфичность воплощена въ самомъ содержаніи,—и потому всякое такое выдѣленіе остается искусственнымъ. Это выдѣленіе есть слѣдовательно не болѣе, какъ обособленіе той общей связи, которая соединяетъ элементы содержанія въ данную живую специфичность, отъ болѣе частныхъ связей, существующихъ между различными элементами того же содержанія. Послѣ такого обособленія, на одной сторонѣ остается пустое, отвлеченное понятіе, пустая специфичность, мыслимая въ оторванномъ отъ содержанія видѣ, на другой—остается содержаніе, лишенное своей общей связи, представляющее теперь простой конгломератъ частныхъ специфичностей. Отвлеченное понятіе находитъ свое оправданіе только въ оживотвореніи этого конгломерата, и этотъ конгломератъ находитъ свою жизнь только въ проникновеніи этой специфичностью.

Прежде всего этотъ родъ мышленія проявляется на выдѣленіи изъ каждой идеи той ея формы, которая обща всѣмъ цѣльнымъ идеямъ. Форма эта есть мышленіе, какъ таковое, взятое *по возможности* независимо отъ своего содержанія. Но форма не есть нѣчто независимое отъ содержанія, она есть только наиболѣе общее содержаніе. Итакъ, эта форма всѣхъ представленій—идей, это наиболѣе общее ихъ содержаніе, которымъ, какъ мы знаемъ, является именно текучесть, цѣльность, единство представленія, отвлекается нами и противопоставляется содержанію, какъ *мышленіе*. Если мы всмотримся въ существо идеи какъ таковой, то увидимъ, что несомнѣнно характерную ея черту, отличающую ее отъ того, что мы называемъ внѣшнимъ бытіемъ, составляетъ именно эта ея текучесть и непрерывность ея содержанія; эту-то черту отвлекаетъ рефлексія и ставитъ ее *какъ бы* уже независимо отъ содержанія, какъ нѣчто отдѣльное отъ него, какъ категорію чистой мысли. По выдѣленіи этой черты остается со-

держаніе, опять - таки теперь уже какъ нѣчто самодовлѣющее, нѣчто противостоящее мышленію, лишенное того живого единства, которое придавалось ему мыслью.

Но рефлексія составляетъ только исходный пунктъ для образованія частнаго опыта ¹⁾. Этотъ опытъ состоитъ въ *расчлененіи* идеи, онъ требуетъ извѣстной самостоятельности расчлененныхъ частей. Но мы знаемъ, что мышленіе не можетъ быть дано безъ содержанія, содержаніе—безъ мышленія. И въ отвлеченіи, какъ первой ступени образованія частнаго опыта, оба момента, мышленіе и содержаніе, еще не теряютъ своей связи, — и все ихъ различеніе состоитъ только въ выдвиганіи того или другого момента на первый планъ. Количественно усиливаясь, это различеніе можетъ однако привести къ тому, что два способа мышленія, изъ которыхъ въ одномъ выдвигается первый моментъ, въ другомъ—второй, являются какъ бы самостоятельными; путь образованія ихъ изъ цѣльнаго опыта теряется сознаниемъ, и каждый изъ этихъ двухъ способовъ мышленія является передъ сознаниемъ какъ фактъ иного порядка, нежели цѣльный опытъ. Но именно потому, что мышленіе не существуетъ безъ содержанія и содержаніе безъ мышленія, — въ этомъ раздѣленіи не отчленяется одинъ моментъ отъ другого, — оба они остаются въ новыхъ фактахъ, но въ различныхъ отношеніяхъ взаимнаго подчиненія: въ одномъ центръ тяжести сосредоточивается на первомъ моментѣ—мышленіи, въ другомъ на второмъ—содержаніи. Теперь образуется то, что мы назвали частнымъ опытомъ. Въ отвлеченіи передъ сознаниемъ является простая *возможность* мыслить одинъ и тотъ же фактъ двояко. Теперь, поскольку отношеніе къ цѣльному опыту утерялось, передъ сознаниемъ стоятъ два различные факта, оба отличимые отъ цѣльнаго опыта, — ибо непосредственная связь между цѣльнымъ опытомъ и его производными не мыслится. Форма, мышленіе, является при этомъ не какъ чистое мышленіе, содержащееся въ цѣльномъ опытѣ и только условно ставимое самостоятельно, а какъ *мышленіе нѣкотораго содержанія*, само по себѣ данное самостоятельно, при чемъ это содержаніе уже не есть то самое, которое мыслится въ другой

¹⁾ Логически, — ибо рефлексія и образованіе частнаго опыта суть собственно двѣ стороны одного момента и высшія формы рефлексіи не могутъ предшествовать первымъ ступенямъ частнаго опыта.

части расчлененія, а есть только нѣчто стоящее къ нему въ какомъ-то отношеніи, какъ бы находящееся отъ него въ нѣкоторой функциональной зависимости. Съ другой стороны, содержаніе цѣльной идеи опять-таки не является при этомъ разрозненнымъ конгломератомъ, лишеннымъ всякой цѣльности и только условно, какъ въ рефлексіи, мыслимое самостоятельнымъ, стоящимъ внѣ формы; оно мыслится теперь какъ нѣчто дѣйствительно независимое отъ этой формы, мыслится какъ реальность, но въ то же время несетъ въ себѣ нѣкоторое единство, которое стоитъ лишь въ извѣстномъ отношеніи къ этой формѣ, но само по себѣ есть нѣчто иное, присущее самой реальности, взятой самостоятельно. Только путемъ того, что одно и то же содержаніе, данное въ цѣльной идеѣ, мыслится теперь какъ два разныхъ момента: то какъ простое содержаніе, то какъ чистая реальность,—смотря по тому, въ какой части расчлененія оно мыслится,—и что, равнымъ образомъ, одна и та же форма, данная въ той же цѣльной идеѣ, мыслится тоже какъ два различныхъ момента: то какъ мышленіе извѣстнаго содержанія, то какъ единство извѣстной реальности,— смотря по тому, въ какой части она мыслится,—только путемъ этого раздвоенія одного и того же момента на два становится возможнымъ противопоставленіе обѣихъ частей расчлененія какъ самостоятельныхъ и только находящихся другъ отъ друга въ извѣстной функциональной зависимости. Этой послѣдней сознание отрицать не можетъ; ибо хотя оно и забыло, что различаемые имъ моменты по существу суть одинъ и тотъ же, но оно не можетъ не считаться съ наличнымъ фактомъ тождества этихъ моментовъ по содержанію, и теперь передъ нимъ встаетъ новая задача, созданная имъ же самимъ,—объяснить это тождество двухъ различныхъ по существу моментовъ; утерявъ непосредственное единство этихъ моментовъ, оно теперь по необходимости замѣняетъ его лишь внѣшнею связью, устанавливая между ними нѣкоторую функциональную зависимость ¹⁾).

1) Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующее недоразумѣніе. Въ предыдущей статьѣ мы протестовали противъ исключительно-психологическаго толкованія термина «представленіе» въ теоріи познанія. Между тѣмъ мы дѣлаемъ теперь выводъ частнаго опыта изъ цѣльнаго въ психологическихъ терминахъ. Однако иначе этотъ выводъ, поскольку онъ *выводъ*, слѣдуетъ быть не можетъ. Всякое различеніе мышленія отъ содержанія происходитъ уже въ частномъ опытѣ,

Итакъ, цѣльный опытъ распадается теперь необходимо на три момента. Третій моментъ долженъ явиться какъ связующее звено между двумя крайними. Въ то время какъ въ цѣльномъ опытѣ эта связь непосредственна, ибо тамъ оба крайніе момента существуютъ лишь во взаимномъ живомъ проникновеніи, теперь, поскольку эти моменты раздѣлились, связь эта не можетъ быть болѣе мыслима ни въ томъ, ни въ другомъ, но въ то же время должна соединять тотъ и другой; поэтому она можетъ мыслиться лишь какъ самостоятельное третье, стоящее между обоими крайними. Чтобы исполнять функцію связи, она должна имѣть нѣчто общее съ тѣмъ и другимъ моментомъ. Мы знаемъ, что однимъ изъ моментовъ, являющихся теперь самостоятельно, служитъ *мысленіе нѣкотораго содержанія*, каковое содержаніе въ то же время не есть реальность, мыслится какъ стоящее внѣ ея, какъ присущность самого мышленія; другимъ моментомъ является *реальность*, т. е. то, что было раньше содержаніемъ цѣльнаго опыта, но теперь мыслится какъ нѣчто, стоящее внѣ мышленія и въ то же время обладающее нѣкоторымъ единствомъ, которое однако уже не есть единство мышленія, а есть нѣчто присущее самому содержанію. Чтобы оба эти момента слились въ одно цѣлое, нужно, чтобы исчезло различіе между *мысленіемъ* перваго момента и *единствомъ* второго, съ одной стороны, и между *содержаніемъ* перваго момента и *реальностью* второго—съ другой. Въ цѣльномъ опытѣ такое различіе дѣйствительно исчезаетъ,

следовательно въ психической сферѣ, точнѣе сказать, въ сферѣ дуалистическаго отношенія между мыслью и реальностью. Съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта, отношеніе между нимъ и частнымъ является лишь непосредственнымъ усмотрѣніемъ, лишь *фактическимъ содержаніемъ* всѣхъ разновидностей частнаго опыта въ цѣльномъ. Всякій выводъ этого отношенія есть лишь выраженіе такого непосредственно намъ даннаго факта въ терминахъ частнаго опыта. Зависимость между цѣльнымъ и частнымъ опытомъ уясняется ничѣмъ инымъ, какъ ея констатированіемъ, даннымъ въ опытѣ cadaque, а такое констатированіе не можетъ обойтись безъ терминовъ частнаго опыта, *существованіе котораго и есть осуществленіе этой зависимости*. Важно то, что всѣ элементы отношенія, возникающаго въ частномъ опытѣ между мышленіемъ и содержаніемъ, даны уже въ цѣльномъ. Когда мы говоримъ, что сознание «забыло», «утеряло» единство этихъ моментовъ, этимъ, правда, указывается на психологическій фактъ; но этотъ психологическій фактъ есть лишь частно-опытное выраженіе того факта цѣльнаго опыта, что послѣдній есть синтезъ мышленія и содержанія, *потенціально* содержащій въ себѣ ихъ расчлененіе. Осуществленіе этой потенціи именно и есть частный опытъ.

и мы ясно видимъ, что эти различающіяся здѣсь стороны тамъ совпадаютъ. Но въ частномъ опытѣ, поскольку онъ существуетъ, различіе это исчезнуть не можетъ, и для поддержанія связи между раздѣленными моментами остается только искусственно утверждать разнозначность этихъ ихъ сторонъ, которыми они соприкасаются, несмотря на то, что по существу эти стороны различны, остается утверждать ихъ *адекватность*, несмотря на различіе ихъ природы. Тогда только содержаніе мышленія, не будучи по природѣ самой реальностью, оказывается способнымъ воспроизводить ее, и тогда только единство реальности, не будучи мышленіемъ по природѣ, способно повторяться въ мышленіи. Этотъ актъ возстановленія, хотя и искусственного, той связи, которая дана въ цѣльномъ опытѣ, является актомъ *познанія*, самая устанавливаемая имъ связь, есть *познавательная*,—и въ познаніи такимъ образомъ мы должны видѣть не что иное, какъ отраженіе той непосредственной, взаимнопроникающей связи, того живого синтеза, въ какомъ даны тамъ форма и содержаніе, мышленіе и реальность. Познаніе есть такимъ образомъ тотъ средній моментъ, который въ частномъ опытѣ замѣняетъ собою непосредственный синтезъ цѣльнаго. Этотъ моментъ необходимо долженъ быть составленъ искусственно, ибо онъ устанавливаетъ адекватность того, что самъ же частный опытъ поставилъ какъ различное, и потому этотъ моментъ есть въ сущности соединеніе того, что несоединимо съ точки зрѣнія самого же частнаго опыта; но оправданіе свое, какъ и вообще весь частный опытъ, этотъ моментъ находитъ себѣ въ живомъ единствѣ цѣльнаго, — и онъ имѣетъ значеніе для познанія какъ частно-опытное выраженіе этого единства.

Такимъ образомъ, въ частномъ опытѣ цѣльный опытъ оказывается какъ бы поляризованнымъ. На одномъ полюсѣ оказывается мышленіе, на другомъ реальность,—и какъ связующая ихъ интерполярная часть, которая должна ухитриться совмѣстить въ себѣ и различіе и тожество этихъ полюсовъ,—является познаніе. Всякій частный опытъ необходимо состоитъ такимъ образомъ изъ тезиса, антитезиса и синтеза; но послѣдній является въ частномъ опытѣ лишь искусственнымъ звеномъ,—и только цѣльный опытъ служитъ непосредственнымъ, живымъ синтезисомъ для тезиса и антитезиса частнаго. Совершенно тѣ же отношенія повторяются и въ разложеніи каждаго частнаго опыта на болѣе

частный, по отношенію къ которому болѣе общій играетъ роль цѣльнаго ¹⁾).

Итакъ, интенсивная величина цѣльнаго опыта въ частномъ превращается въ экстенсивную; continuum первого распадается въ конгломератъ внѣшне связанныхъ элементовъ; каждый изъ этихъ элементовъ есть только *предѣлъ* новаго continuum'a, — и такъ до бесконечности. Такое мышленіе предѣлами, — а всякое частно-опытное мышленіе оперируетъ именно только предѣлами, превращая текучее и непрерывное въ опредѣленное ²⁾), — несомнѣнно носить на себѣ характеръ условности. Но нужно точно понять, въ чемъ состоитъ эта условность. То, что мы называемъ мышленіемъ, познаніемъ и реальностью, суть условныя категоріи лишь по отношенію къ точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ цѣльный опытъ. То значеніе, которое мы придаемъ этимъ категоріямъ, взято нами изъ соотвѣтствующаго частнаго опыта, и это значеніе въ сферѣ того же опыта стоитъ неколебимо. Частный опытъ не можетъ относиться къ себѣ критически, — и потому наличность всѣхъ названныхъ категорій, какъ таковыхъ, въ частномъ опытѣ не можетъ быть подвергаема сомнѣнію и считаема условною въ собственной сферѣ. Мышленіе есть фактъ, и поскольку оно само дѣлаетъ отдѣльныя свои формы собственнымъ содержаніемъ, — оно есть частно-опытная реальность; то же относится къ акту познаванія и къ существованію реальности. Нѣкоторая высшая точка зрѣнія, которую даетъ цѣльный опытъ, не упраздняетъ законности частно-опытной; послѣдней отказано лишь въ

¹⁾ Изъ вышеизложеннаго можно усмотрѣть причину, почему я противопоставляю частному опыту не общій, а цѣльный. Специфическія отличія частнаго опыта не присоединяются извнѣ, а включены уже въ томъ общемъ, изъ котораго происходитъ частный описаннымъ выше путемъ. Но съ понятіемъ *общаго* соединено неправильное представленіе, будто бы въ немъ отпадаетъ все, составляющее специфическое свойство частнаго. Поэтому я и избѣгаю называть цѣльный опытъ общимъ, — терминъ *цѣльный* болѣе выражаетъ сущность общаго опыта; нужно только это свойство цѣльности относить къ внутреннему составу опыта, а не къ внѣшнимъ его границамъ: цѣльность опыта означаетъ лишь слитіе въ немъ формы и содержанія, мышленія и содержанія, познанія и реальности.

²⁾ Этотъ фактъ находитъ себѣ признаніе въ математическомъ ученіи о бесконечно-малыхъ, которое именно и пытается перекинуть мостъ между интенсивностью цѣльнаго, интуитивнаго представленія и экстенсивностью продуктовъ рефлексіи.

ея притязаніяхъ стать выше собственной ея сферы. Тотъ, кто въ категоріи реального ищетъ чего-то сущаго, стоящаго внѣ мышленія, именно и пытается частно-опытную точку зрѣнія поднять на степень обще-опытной, болѣе того, на степень трансцендентной. Но трансцендентность является фикціей для той высшей точки зрѣнія, которая единственно дана намъ, — точка зрѣнія цѣльнаго опыта. Обще-опытная же точка зрѣнія есть именно этотъ цѣльный опытъ, который не содержитъ въ себѣ ни мышленія, какъ таковаго, ни реальности, какъ таковой, а содержитъ только ихъ синтезъ. Въ сферѣ же частнаго опыта реальность, та реальность, въ которой мы живемъ, дѣйствуемъ, которая цѣнна для насъ, — сохраняетъ полное свое значеніе. Но даже и по отношенію къ цѣльному опыту она не исчезаетъ какъ фикція, не растворяется въ мышленіи; она не дана тамъ изолированно, но составляетъ совершенно равноправный элементъ его. Если мы въ своемъ частномъ опытѣ понимаемъ реальность неадекватно тому, какъ она должна быть понята въ цѣломъ, то эта неадекватность относится исключительно только къ выдѣленію реальности какъ самодовлѣющаго момента, а вовсе не къ факту самой ея наличности. Реальность имѣетъ бытіе; но въ этомъ бытіи она слита съ мышленіемъ, и этотъ синтезъ есть идея. Единственное сущее, единственное бытіе есть идея, — и это бытіе нельзя представлять себѣ по категоріи реальности, которая есть частная, подчиненная категорія. *Полносодержательная мысль, охватывающая собою реальность, — вотъ то сущее, которое дано намъ какъ наиболѣе общій фактъ опыта.* Это не то трансцендентное, за которымъ гонится метафизика, это совершенно эмпирическое, критически-эмпирическое, данное.

Но если каждый частный опытъ только условно-адекватенъ цѣльному, то въ своей собственной сферѣ, чтобы быть критическимъ опытомъ, онъ долженъ быть строго адекватенъ. Въ установкѣ критеріевъ этой адекватности состоитъ задача теоріи познанія послѣ того, какъ она установила опредѣленное выше отношеніе частнаго опыта къ цѣльному, — и эта установка, какъ увидимъ, вполнѣ вытекаетъ изъ этого самаго отношенія. Разъ частный опытъ есть только разложеніе цѣльнаго, — вся его истинность должна основываться на сведеніи его къ этому цѣльному, на усмотрѣніи въ немъ тѣхъ свойствъ, которыя прямо вытекаютъ изъ разложенія цѣльнаго. Задача, слѣдовательно,

такова, что должны быть по отношению къ частному опыту установлены тѣ его предикаты, которые прямо вытекаютъ изъ предикатовъ цѣльнаго, видоизмѣняясь лишь постольку, поскольку они представляютъ разложене ихъ,—но помимо этого разложене оставаясь имъ адекватными. Наличие этихъ предикатовъ и есть критерій частнаго опыта, удостовѣряющій его внутреннюю адекватность, а слѣдовательно, и его условную адекватность цѣльному опыту, а слѣдовательно, и возможность приведенія этого частнаго опыта къ истинному синтезису въ цѣльномъ.

Категорія адекватности непримѣнима къ цѣльному опыту,—ибо она сама есть производное отъ основного предиката этого опыта,—его внутренней цѣлостности. Цѣльный опытъ не имѣетъ для себя другого критерія, кромѣ этой своей внутренней цѣлостности. Проверка одного представленія другимъ есть не что иное, какъ испытаніе, сливаются ли оба представленія въ одно живое цѣлое. Представленію не нужно доказывать свою реальность,—для него эта реальность дана непосредственно,—но ему нужно доказывать свое *единство*. Иначе говоря, для идеи, для представленія, въ его основномъ предикатѣ—цѣлостности и единствѣ—содержатся критеріи и его истинности, и его реальности,—ибо оба эти критерія еще не разошлись, какъ разойдутся въ дальнѣйшемъ. Къ цѣльному представленію, вѣрнѣе говоря, не можетъ быть предъявлено требованіе доказать свою истинность,—ибо истиннымъ является только мышленіе, которое уже выдѣлилось изъ цѣльнаго представленія, какъ не можетъ быть предъявлено и требованія доказать свою реальность, ибо реальность относится только къ содержанію, а не къ цѣльному представленію. Цѣльное представленіе должно только доказать свою цѣльность,—но это оно доказываетъ самымъ фактомъ своей личности, ибо, поскольку въ немъ недостаетъ этой внутренней цѣлостности, оно распадается, перестаетъ быть единымъ представленіемъ.

Но поскольку мышленіе и реальность раздѣляются въ частномъ опытѣ какъ самостоятельныя категоріи, постольку раздѣляется и единый предметъ цѣльнаго опыта. Цѣлостность мышленія, его внутреннее единство, понимается теперь какъ простая истинность, не имѣющая отношенія къ реальности; цѣлостность реальности мыслится теперь какъ нѣкоторое внутреннее единство

самой реальности, не имѣющее отношенія къ мышленію. Критерій истинности мышленія и критерій реальности содержанія теперь расходятся. Полагается, что мышленіе истинно не въ своемъ отношеніи къ реальности, а по нѣкоторымъ внутреннимъ свойствамъ, и что содержаніе реально не потому, что является цѣлостнымъ въ мышленіи, а потому, что цѣлостно само по себѣ. Только внѣшнимъ образомъ эти два критерія приводятся въ соотношеніе, и именно въ *познаніи*, которое, поскольку оно соединило въ себѣ два раздѣленные предиката, постольку же соединяетъ и два раздѣленные критерія, образуя изъ нихъ одинъ, — *адекватность мышленія и реальности*. Итакъ, теперь понятно, что означаетъ внутренняя адекватность каждаго частнаго опыта. Она означаетъ согласованіе въ одномъ синтезисѣ внутренней цѣлостности его тезиса и внутренней цѣлостности его антитезиса. По отношенію къ тому частному опыту, который ближайше происходитъ изъ цѣльнаго, въ которомъ именно дано расчлененіе цѣльнаго опыта на мышленіе, реальность и познаніе, — эта адекватность обозначаетъ согласованіе внутренней истинности мышленія съ внутреннимъ единствомъ реальности. Въ этомъ состоитъ адекватность всякаго познанія. Всякія попытки поднять эту адекватность выше частно-опытнаго значенія мышленія и реальности, понимать познаніе, напр., какъ мышленіе нѣкоторой сверхъ-опытной реальности, или понимать реальность, какъ простое производное нѣ котораго сверхъ-опытнаго мышленія, слѣдовательно, сдѣлать или мышленіе функцией реальности, или реальность функцией мышленія, — совершенно незаконны. Эти попытки именно сами суть не адекватны, ибо хотятъ выйти изъ той сферы частнаго опыта, въ которой только намъ и даны мышленіе и реальность какъ самостоятельныя, хотятъ дать сверхъ-опытный критерій опытнаго познанія. Неадекватность такого пониманія обнаруживается именно въ томъ, что оно не даетъ намъ возможности этотъ производимый имъ синтезисъ мышленія и реальности возвести къ живому ихъ синтезису, данному въ цѣльномъ опытѣ. Всякій адекватный синтезисъ отличается отъ соотвѣтствующаго истиннаго синтезиса только тѣмъ, что его моменты не достигаютъ въ немъ полнаго сліянія; но отношеніе ихъ должно быть представлено въ этомъ синтезисѣ частнаго опыта совершенно подобно, адекватно, тому отношенію, какое въ живомъ только видѣ дано въ истинномъ синтезисѣ. Но

всякое пониманіе отношенія между мышленіемъ и реальностью, односторонне производящее одинъ моментъ изъ другого, противорѣчитъ истинному синтезису мышленія и реальности въ цѣльномъ опытѣ,—а потому есть уже не адекватное. Единственно вѣрное для даннаго частнаго опыта пониманіе отношенія мышленія и реальности въ познаніи есть изложенное выше, именно то, которое признаетъ только фактъ согласованія внутренне-цѣльнаго мышленія съ внутренне-цѣльной реальностью, безъ всякаго исканія здѣсь какихъ-либо причинныхъ и другихъ зависимостей, признаетъ, что всегда то мышленіе, которое обладаетъ внутренней цѣлостностью, будетъ точно выражать соотвѣтственную реальность, и что та реальность, которая обладаетъ внутренней цѣлостностью, будетъ соотвѣтствовать истинному мышленію. Ибо только этотъ фактъ и данъ въ цѣльномъ опытѣ, и изъ предѣловъ этого факта не можетъ выйти частный опытъ, поскольку онъ единственно происходитъ изъ цѣльнаго. Если только мы вносимъ что-либо въ частный опытъ, чего нѣтъ въ соотвѣтствующемъ цѣльномъ, это сейчасъ же обнаруживается невозможностью затѣмъ выразить этотъ частный опытъ въ общемъ, и поэтому самому еще раньше обнаруживается въ противорѣчій критерию даннаго частнаго опыта, такъ какъ этотъ критерій именно и основанъ на возможности такого выраженія.

Такимъ образомъ критерій познанія на одной сторонѣ переходитъ въ критерій истинности, на другой—въ критерій реальности, и какъ само познаніе есть синтезисъ мышленія и реальности, такъ и этотъ критерій есть только синтезисъ критерія истинности и критерія реальности. Всѣ эти критеріи въ сущности могутъ вполне замѣнять другъ друга, ибо суть только различныя выраженія единаго принципа, единаго предиката, присущаго цѣльному опыту. Критерій истинности (внутренняя цѣлостность мысли) есть тотъ же критерій реальности (внутренняя цѣлостность реальности) и тотъ же критерій познанія (согласіе мысли съ реальностью). Поэтому вполне законно считать критеріемъ истинности мысли внутреннюю цѣлостность той реальности, къ которой относится мысль, критеріемъ реальности—внутреннюю цѣлостность мысли, въ которой дана эта реальность, а критеріемъ познанія—одинаково, какъ внутреннюю цѣлостность мысли, такъ и внутреннюю цѣлостность реальности, входящихъ въ это познаніе. Обычно, какъ уже говорилось выше, критерій

мыслимости, т.-е. внутренней истинности мысли, независимой отъ ея отношенія къ реальности, отличаютъ отъ критерія реальности или, какъ выражаются, отъ критерія реальной истинности мысли. Но это различіе соотвѣтствуетъ адекватному пониманію данной сферы частнаго опыта лишь постольку, поскольку различается природа этихъ критеріевъ, а не отрицается ихъ совпаденіе и потому способность ихъ замѣнять другъ друга въ практическомъ приложеніи. Данная сфера частнаго опыта, какъ только что разъяснено, не допускаетъ, чтобы истинное мышленіе могло не совпасть съ истинной реальностью, ибо иначе въ этой же сферѣ не могъ бы осуществляться тотъ синтезъ этихъ моментовъ, который данъ въ познаніи. Этимъ, однако, не отрицается тотъ фактъ, что, такъ какъ природа этихъ критеріевъ въ концѣ концовъ различна, то каждый изъ нихъ получаетъ назависимое отъ другого развитіе въ дальнѣйшихъ спецификаціяхъ частнаго опыта.

II.

Здѣсь, однако, мы пришли къ тому пункту, который можетъ вызвать значительныя возраженія. Критеріи категорій частнаго опыта суть критеріи его тезиса, антитезиса и синтезиса. Критеріи тезиса и антитезиса не суть собственно критеріи познанія,—но они существуютъ постольку же, поскольку существуютъ въ частномъ опытѣ и тѣ категоріи, критеріями которыхъ они являются. Но критерій есть средство оцѣнки. Въ чемъ же состоитъ оцѣнка этихъ категорій, поскольку онѣ мыслятся еще не пришедшими въ соотношеніе познанія, въ состояніе синтеза? Какъ уже сказано, здѣсь оцѣнивается *внутренняя* цѣлостность и состоятельность этихъ категорій,—и критеріемъ служитъ именно соблюденіе этой цѣлостности. Но эта цѣлостность мысли и цѣлостность реальности суть именно существенные предикаты этихъ категорій, безъ которыхъ послѣднія не существуютъ. Слѣдовательно, какъ мы уже говорили и раньше, эти критеріи суть просто выраженіе самого существа этихъ категорій, какъ оно мыслится въ данномъ частномъ опытѣ. Равнымъ образомъ и критерій синтезиса, который можетъ быть съ равнымъ правомъ обозначенъ какъ синтезисъ двухъ предыдущихъ критеріевъ, выражаетъ не что иное какъ существенный предикатъ познанія, безъ котораго нѣтъ и познанія. Онъ есть внутренняя цѣлостность

этой категории; а эта внутренняя цѣлостность ея и есть именно адекватность мышленія и реальности, точнѣе, адекватность внутренней цѣлостности мышленія и внутренней цѣлостности реальности. Итакъ, каждый критерій выражаетъ только существенный предикатъ каждой категории. Отсюда прямой выводъ, что всякое мышленіе внутренне-цѣлостно, слѣдовательно, истинно, что всякая реальность равнымъ образомъ обладаетъ внутренней цѣлостностью и что, наконецъ, всякое познание адекватно, иначе, что всякое мышленіе соотвѣтствуетъ той реальности, къ которой относится.

Этотъ-то выводъ и можетъ вызвать недоразумѣнія и возраженія. А между тѣмъ нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго и соотвѣтствующаго дѣйствительности. Изъ трехъ положеній, содержащихся въ выводѣ, несомнѣнно простой тавтологіей покажется то, что всякая реальность самой своей наличностью гарантируетъ осуществленіе своего критерія. Реальность существуетъ какъ нѣкоторое реальное единство; внутреннее противорѣчіе не можетъ быть въ ней терпимо, при его наличности реальность превращается въ фикцію. Выраженіемъ этого является простой законъ тождества— $A=A$,—общепризнанный въ мірѣ частнаго опыта, какъ господствующій надъ нимъ логическій законъ ¹⁾. Но что всякое мышленіе истинно уже по самой природѣ своей, т.-е., что оно цѣлостно, поскольку существуетъ какъ мышленіе,—это уже можетъ вызвать возраженія, хотя и основанныя на недоразумѣніи. Можетъ казаться, что мышленіе, противорѣча себѣ,

¹⁾ Нужно не забывать, что надъ этимъ закономъ господствуетъ иной, выражающій отношеніе цѣльнаго опыта къ частному: $A=B+C$, гдѣ ни B , ни C , ни сумма ихъ, не тождественны A . Этимъ закономъ выражается именно указанная выше не-адекватность частнаго опыта цѣльному и безсиліе перваго выразить элементы или полюсы цѣльнаго опыта B и C въ томъ живомъ отношеніи, въ какомъ они даны въ послѣднемъ. Поскольку $A=A$ имѣетъ реальное значеніе, постолькуподъ нимъ всегда скрывается $A=B+C$, гдѣ истиннаго отождествленія между двумя частями равенства быть не можетъ и гдѣ такое отождествленіе лишь условно принимается съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта и становится безусловнымъ лишь съ точки зрѣнія частнаго опыта. Равенство можетъ сохраняться при отсутствіи тождества, ибо равенство есть тождество лишь нѣкоторыхъ отношеній. Такимъ образомъ то, что является закономъ тождества съ точки зрѣнія частнаго опыта, съ точки зрѣнія цѣльнаго есть законъ равенства, поскольку имъ выражается теперь условное, относительное тождество.

все же не перестаетъ быть мышленіемъ, иначе говоря, что мыслимость не совпадаетъ съ внутренней состоятельностью, съ истинностью мысли. Вѣдь говоримъ же мы о противорѣчивомъ мышленіи, о противорѣчіяхъ мысли. Но это недоразумѣніе не можетъ существовать долго,—и тотчасъ же открывается, что противорѣчіе можетъ существовать не въ единой мысли, а въ различныхъ мысляхъ, изъ которыхъ каждая должна быть цѣлостною. Если только внутри единой мысли зарождается противорѣчіе,—она перестаетъ быть единой, распадается на двѣ или болѣе,—а, слѣдовательно, перестаетъ существовать, какъ данная мысль съ опредѣленнымъ содержаніемъ, на ея мѣсто являются инныя мысли. Вѣдь и реальность, поскольку она является какъ двѣ различныя реальности, можетъ содержать въ себѣ противорѣчіе,—не можетъ быть противорѣчія только въ единой мысли и единой реальности, потому что возникновеніе внутренняго противорѣчія равносильно уничтоженію данной мысли или данной реальности и выступанію новыхъ мыслей и новыхъ реальностей. Такимъ образомъ не безъ основанія софисты утверждали, что внутреннее противорѣчіе мысли невозможно; ихъ ошибка состояла лишь въ томъ, что отсюда они дѣлали неправильный выводъ къ отсутствію различія между истиннымъ и ложнымъ; это различіе существуетъ, но дано оно не въ возможности внутренняго противорѣчія *единой* мысли.

Наибольшее недоразумѣніе можетъ быть вызвано третьимъ положеніемъ нашего вывода, по которому *всякое познаніе адекватно*,—хотя, какъ мы видѣли, это положеніе есть только перифраза двухъ первыхъ. Уже и по отношенію къ первымъ двумъ положеніямъ можно было возражать, что при такихъ условіяхъ нѣтъ нужды ни въ какихъ критеріяхъ, ибо всякая мысль, всякая реальность утверждаютъ сами себя. Но теперь это возраженіе представляется особенно значительнымъ. Вѣдь при допущеніи такой постоянной адекватности познанія, слѣдовательно, адекватности мышленія и реальности, мы должны устранить возможность какъ неумышленныхъ ошибокъ познанія, такъ и всевозможныхъ условныхъ фикцій, созданий фантазіи и пр.,—ибо всякая мыслимость тѣмъ самымъ обезпечиваетъ и реальность мыслимаго. Всякій опытъ тогда будетъ адекватенъ; нѣтъ различія между критическимъ и некритическимъ опытомъ и даже нѣтъ того несоотвѣтствія, той неадекватности, которую мы установили

между цѣльнымъ и частнымъ опытомъ. Нашъ выводъ, основанный именно на изученіи этого соотношенія цѣльнаго и частнаго опытовъ, при чемъ изъ этого же соотношенія мы опредѣлили и самые критеріи частнаго опыта,—этотъ выводъ побиваетъ наши основанія и дѣлаетъ ненужной и бессмысленной самую категорію критерія. И съ другой стороны, развѣ простой опытъ не доказываетъ намъ на каждомъ шагѣ возможность ошибокъ познанія и возможность такихъ мыслимостей, которымъ нѣтъ никакого соотвѣтствія въ реальности?

Такимъ образомъ мы приходимъ къ вопросу о возможности или невозможности ложнаго познанія, — и въ отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ содержаться разрѣшеніе второй темы, поставленной нами себѣ въ началѣ этой статьи. Этотъ отвѣтъ опять будетъ состоять въ разъясненіи недоразумѣнія, вызваннаго не критическимъ употребленіемъ терминовъ. Менѣе всего, съ нашей точки зрѣнія, можетъ быть допущенъ скепсисъ, отрицающій возможность истиннаго знанія. И все-таки эта точка зрѣнія рѣшительно объявляетъ, что каждый опытъ представляется въ своей сферѣ истиннымъ познаніемъ и что, слѣдовательно, критерій истинности всякаго познанія данъ въ самой его наличности. Мы не будемъ бояться этого положенія, какъ уличающаго насъ, а только истолкуемъ его смыслъ и объемъ, въ какомъ онъ нами признается. Каждому единству мышленія непремѣнно соотвѣтствуетъ единство содержанія, которое именно и утверждается нами какъ реальность. Иначе быть не можетъ, ибо въ цѣльномъ опытѣ оба эти единства даны какъ единое, какъ живой синтезъ мышленія и содержанія. Въ частномъ опытѣ этотъ именно синтезъ является въ опосредствованномъ видѣ познанія,—и потому въ послѣднемъ мышленіе не можетъ разойтись съ реальностью.

Какимъ же образомъ возможно ложное познаніе? Какъ разрѣшить это *contradictio in adjecto*? Разрѣшается оно такъ, что то, что мы называемъ ложнымъ познаніемъ, въ сущности не есть познаніе, точнѣе, оно перестаетъ существовать какъ познаніе, поскольку мыслится ложнымъ. Мы знаемъ, что истинная адекватность познанія состоитъ не въ простой адекватности мышленія и его содержанія, а въ адекватности *единства мысли единству содержанія*. Поскольку въ данномъ актѣ мышленія нѣтъ внутренняго единства,—онъ перестаетъ существовать какъ извѣстная, опредѣленная мысль, и перестаетъ существовать въ

мысли опредѣленная, соответственная ему реальность. Мышленіе представляетъ теперь простую наличность внутренно несвязанныхъ элементовъ мысли и соответственно тому реальность, ставимая нами внѣ мысли, распадается для насъ на внутренно-несвязанные элементы, — хотя адекватность между отдѣльными элементами мысли и элементами реальности сохраняется. Но это не есть уже адекватность познанія, точнѣе, адекватность познанія дана здѣсь лишь въ отношеніи каждаго элемента мысли каждому элементу реальности. Поскольку связь этихъ элементовъ существуетъ, она дана какъ внѣшняя имъ, слѣдовательно, осуществляется черезъ нѣкоторые другіе элементы мышленія; сами же по себѣ данные элементы недостаточны для осуществленія такой связи. Поэтому такіе элементы и не могутъ быть выдѣлены изъ мышленія какъ нѣчто объективное, нѣчто цѣльное въ своей взаимной связи: эта послѣдняя, являясь внѣшней связью въ мышленіи, остается таковою же и по отношенію къ реальности, — и постольку, слѣдовательно, не можетъ войти въ интимный составъ послѣдней, считается примышленною со стороны, считается чисто субъективнымъ, мыслительнымъ элементомъ. Иначе говоря, если дано какое-либо единство мысли и соответствующее ему единство реальности, — то это единство строго обусловлено наличностью и качествомъ всѣхъ входящихъ въ него элементовъ, и потому соединеніе какихъ-либо новыхъ элементовъ, выпаденіе или измѣненіе прежнихъ тотчасъ же ведетъ къ распаденію единства, къ исчезновенію познанія.

Познаніе, слѣдовательно, является ложнымъ лишь съ точки зрѣнія нѣкотораго высшаго, болѣе широкаго опыта, нежели тотъ, который въ немъ выраженъ: всякое познаніе въ сферѣ собственнаго опыта всегда остается истиннымъ, ибо самая его наличность есть гарантія этой истинности. Познаніе никогда не содержитъ въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, чѣмъ содержитъ относящійся къ нему опытъ. Всякое открытіе не-истинности, не-адекватности познанія есть простое расширеніе опыта. При этомъ расширеніи разрушается то внутреннее единство, которое связывало для насъ въ нисшихъ формахъ познанія извѣстные элементы мышленія и реальности. Новые элементы опыта, вторгаясь въ старую связь ихъ, заставляютъ насъ видѣть искусственность этой связи и ея внѣшній характеръ. Происходитъ реконструкція опыта въ смыслѣ большаго и большаго захвата содержанія въ сферу того един-

ства, которое понимается нами какъ реальность, и въ смыслъ *соответственнаго измѣненія значенія каждаго изъ прежнихъ элементовъ этого содержанія*. И теперь, съ точки зрѣнія этого высшаго, расширеннаго опыта, эти *видоизмѣненные* элементы стараго содержанія уже не могутъ быть связаны въ то единство, въ какомъ они являлись до этого измѣненія; теперь такая связь ихъ является намъ насильственной, ложною, несуществующею, можетъ быть дана лишь внѣшнимъ образомъ ¹⁾.

Но этимъ, какъ ясно изъ предыдущаго, ничуть не отмѣняется истинность прежняго познанія, поскольку оно признавало единство и цѣльность связи прежнихъ, неизмѣненныхъ элементовъ; поскольку эти элементы мыслятся такъ, какъ они мыслились раньше, постольку и познаніе, относившееся къ нимъ, истинно; это именно мы и имѣли въ виду, когда говорили, что всякое познаніе въ сферѣ собственнаго опыта истинно. Всякое ложное познаніе есть просто *недостаточное познаніе*,—но этотъ недостатокъ не можетъ сознаваться, пока мы находимся въ сферѣ этого самого познанія; такое недостаточное познаніе, слѣдовательно, для самого себя удовлетворяетъ единственному критерию истинности, внутренней цѣльности, есть истинное.

Итакъ, ложное познаніе есть такое, въ которомъ естественная цѣльность замѣнена нѣкоторою внѣшнею связью. Такъ какъ въ сферѣ каждаго опыта цѣльность и слѣдовательно истинность даннаго представленія является окончательнымъ даннымъ, не подлежащимъ критикѣ, пока опытъ не выходитъ изъ предѣловъ этой сферы, то открытіе искусственности и ложности этой связи совершается лишь привхожденіемъ высшаго, расширеннаго опыта. Нашей задачей является теперь изслѣдовать существо этого процесса, въ которомъ представленіе нисшаго опыта объявляется ложнымъ во имя представленія высшаго. Единственнымъ крите-

¹⁾ Слѣдовательно, въ каждомъ представленіи должно различать его внутреннее, органическое единство, являющееся намъ критеріемъ его истинности, отъ какой-либо внѣшней связи, сочетающей отдѣльныя части представленія лишь *психологически*: таковы, напр., простая одновременность различныхъ элементовъ представленія въ сознаниі, чисто словесная, этическая и эстетическая связь ихъ и пр. Поскольку эти связи не сливаются органически съ самимъ содержаніемъ элементовъ представленія, не являются сознанию въ непосредственномъ синтезѣ съ этими элементами,—постольку представленіе, какъ цѣльное, распадается, не есть уже *единое* представленіе.

ріемъ истинности мы объявили внутреннюю цѣльность представленія, между тѣмъ здѣсь критеріемъ является *содержаніе* нѣкотораго высшаго представленія, и потому для насъ обязательно *вывести* этотъ послѣдній критерій изъ основного. Мы и надѣемся показать, что этотъ критерій развивается изъ критерія внутренней цѣльности постольку, поскольку изъ цѣльнаго опыта развивается частный съ его противоположеніемъ реальности и мышленія.

Несомнѣнно, что въ цѣльномъ опытѣ, гдѣ мышленіе слито съ содержаніемъ, нѣтъ противоположенія ложнаго истинному. Истинность тамъ существуетъ какъ непосредственная синтетичность мышленія, слѣдовательно, и содержанія. Категорія *цѣльности* опыта говоритъ намъ лишь о его формѣ, но не о его объемѣ. Поэтому цѣльный опытъ можетъ, какъ и частный, обладать болѣе широкимъ и болѣе узкимъ содержаніемъ, можетъ различаться какъ высшій и нисшій именно въ томъ же смыслѣ этихъ терминовъ, въ какомъ мы прилагали ихъ къ частному. Но низшій *цѣльный* опытъ никогда не можетъ быть противопоставленъ высшему цѣльному, какъ ложный истинному. Нисшій опытъ всегда входитъ тамъ въ расширенное пониманіе высшаго какъ его законный, гармонично, съ нимъ сливающийся элементъ. Съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта, всякое развитіе знанія есть въ то же время и развитіе реальности, ибо та и другая категоріи слиты въ немъ въ цѣльное единство, и потому знаніе и реальность всегда совпадаютъ. Каждый элементъ реальности, мышленія, слѣдовательно, и знанія, есть въ немъ нѣчто подвижное, вѣчно растущее и измѣняющееся; въ каждый моментъ своего развитія онъ равенъ себѣ, слѣдовательно, истиненъ и реаленъ; на различныхъ ступеняхъ своего развитія онъ является поэтому несоизмѣримымъ, и каждая ступень сохраняетъ свое значеніе рядомъ или, точнѣе сказать, внутри высшей ступени. Тѣ связи, которыя даны въ этомъ опытѣ, никогда не могутъ быть объявлены искусственными и ложными въ высшей сферѣ того же опыта, ибо эта высшая сфера вполне воспроизводитъ ихъ въ себѣ и сохраняетъ ихъ значеніе, видя въ новыхъ связяхъ лишь органическое развитіе этихъ же прежнихъ, слѣдовательно, не отмѣняя, а развивая ихъ. Цѣльный опытъ незнакомъ съ внѣшней ограниченностью и неподвижностью элементовъ своего содержанія, съ его экстенсивностью; это содержаніе въ немъ текуче, непрерывно, интенсивно.

Совершенно иное въ частномъ опытѣ. Здѣсь реальность, выдѣленная изъ мышленія, какъ бы закаменѣваетъ, кристаллизуется въ неподвижныя формы; такая реальность есть нѣчто внѣшнее, отграниченное, не терпящее внутри себя такихъ элементовъ, которые не были бы ею же самою; ей чужды атрибуты имманентности и непрерывности; она несетъ въ себѣ атомистическое начало: матеріализмъ, по этому, какъ наиболѣе грубая форма реализма, всегда атомистиченъ. Но этотъ же характеръ экстенсивности отражается отъ такой реальности и на мышленіе, которое, предполагается, ее воспроизводитъ. Весьма понятно теперь, что въ такой внѣшней формѣ *различные* элементы реальности — мышленія — познанія могутъ существовать только рядомъ или въ послѣдованіи, но не имманентно одинъ въ другомъ, какъ они существуютъ въ цѣльномъ опытѣ; и потому высшая ступень всегда исключаетъ нисшую, какъ ложную, ибо частный опытъ смотритъ на ихъ отношеніе какъ на внѣшнее, съ чѣмъ связано совершенно аналитическое заключеніе, что два различныхъ признака не могутъ существовать въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ,—почему одинъ изъ нихъ и объявляется ложнымъ. Въ силу этого же закона противорѣчія, господствующаго въ мірѣ частнаго опыта, связи, осуществляющія познаніе нисшаго опыта, въ высшемъ объявляются ложными, примышленными, субъективными. Этимъ выражается именно тотъ фактъ, что реальность, данная въ нисшемъ опытѣ, не можетъ войти какъ органическая составная часть въ реальность высшаго,—подобно тому, какъ нисшій *цѣльный* опытъ входитъ въ высшій цѣльный.

Такимъ образомъ въ высшемъ частномъ опытѣ познаніе нисшаго объявляется ложнымъ. Частный опытъ не можетъ быть безпристрастнымъ судьей, онъ не видитъ того, что тѣ элементы, которые въ нисшей сферѣ входили въ истинный синтезъ, имѣли въ сущности другое содержаніе, нежели тѣ, соединеніе которыхъ онъ теперь объявляетъ ложнымъ. Онъ беретъ эти элементы такъ, какъ они уже даны въ немъ,—и, конечно, прежнее ихъ соединеніе оказывается теперь только искусственнымъ. Или же онъ впадаетъ въ другую крайность,—и объявляетъ, что элементы низшаго познанія были *совершенно* иные, что между этими сферами познанія не существуетъ ничего общаго, ибо онѣ относятся къ разнымъ объектамъ. Цѣльный опытъ, въ против-

ность этому, признаетъ различіе въ единствѣ и умѣть понять, что различный характеръ можетъ принадлежать одному и тому же элементу въ различные моменты его развитія. Поэтому истинность прежняго познанія для него не нарушается *развитіемъ* познанія.

Итакъ, въ сферѣ частнаго опыта изъ основного критерія истинности—внутренней цѣльности представленія—развивается вторичный критерій, каковымъ становится *содержаніе* высшаго опыта. Онъ безусловенъ въ собственной сферѣ частнаго опыта. Но поскольку самъ частный опытъ является условнымъ по отношенію къ цѣльному, постольку же условнымъ является и его критерій. Внутреннюю цѣльность представленія, его внутреннее согласіе съ самимъ собой, онъ замѣняетъ согласіемъ даннаго представленія съ тѣмъ комплексомъ представленій, который для даннаго наивысшаго опыта является реальностью. Но, очевидно, что это есть лишь частное и условное выраженіе общаго критерія,—развившееся въ той мѣрѣ, въ какой частный опытъ развился изъ цѣльнаго.

Но мы знаемъ, что каждый общій опытъ играетъ по отношенію къ своимъ частнымъ ту же роль, какую цѣльный опытъ къ частному вообще. Поэтому все, что сказано объ отношеніи цѣльнаго опыта къ частному, приложимо и къ отношенію каждаго общаго къ его частнымъ. Именно, то противопоставленіе истиннаго и ложнаго, которое въ сферѣ опыта извѣстной частности является какъ противорѣчіе высшей и нисшей ступени этого опыта, становится уже не противорѣчіемъ, а имманентнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ моментовъ этого опыта,—поскольку онъ разсматривается *sub specie* своего общаго. То единство, которое дается общимъ опытомъ элементамъ частнаго, позволяетъ теперь въ различіи ихъ пониманія усмотрѣть отдѣльные моменты единаго процесса. Цѣльный опытъ есть только высшая ступень, на которой происходитъ объединеніе всѣхъ ступеней и видовъ познанія какъ моментовъ единой идеи.

Съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта содержаніе истины—реальности можетъ расти и расширяться,—но прежнее содержаніе черезъ это не становится ложнымъ. Прогрессъ человѣческаго знанія вовсе не замѣняетъ ложнаго истиннымъ, а только расширяетъ объемъ истиннаго—реальнаго. Критика каждаго познанія должна состоять не въ оцѣнкѣ его истинности сравнительно съ

высшимъ объемомъ познанія,—а въ уясненіи его отношенія къ высшему, того отношенія, при которомъ онъ является имманентнымъ элементомъ послѣдняго. Такова именно была точка зрѣнія Гегеля. Осуществленіе этой задачи—изложеніе всей реальности съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта, выводъ всѣхъ частныхъ точекъ зрѣнія изъ этой единой общей, созданіе цѣльной системы *мышленія*, которая въ то же время, въ силу своей внутренней цѣльности, есть въ своемъ содержаніи цѣльная система *реальности*, а въ своемъ синтезѣ содержанія и мышленія,—цѣльная система *сущаго*,—это осуществленіе и есть *философія*, которая, слѣдовательно, есть не только мышленіе, но и само бытіе

Съ точки же зрѣнія частнаго опыта (которая въ его собственной сферѣ безусловна) открытіе новой истины отмѣняетъ старое положеніе какъ ложное; прогрессъ человѣческаго знанія состоитъ въ очищеніи его отъ заблужденій, и критика каждаго познанія—въ провѣркѣ его содержанія содержаніемъ высшаго опыта. То специфическое отношеніе имманентности, въ которомъ низшій опытъ стоитъ къ высшему въ цѣльномъ,—замѣняется въ частномъ противопоставленіемъ ложнаго истинному. Такимъ образомъ относительность истины, имѣющая одинъ смыслъ для цѣльнаго опыта,—получаетъ другой для частнаго. Въ первомъ случаѣ она имѣетъ то значеніе, что мы знаемъ не всю истину; во второмъ,—что истинное сегодня, можетъ быть объявлено ложнымъ завтра. Только признаніе цѣльнаго опыта, какъ единственной исходной точки всего нашего знанія, даетъ намъ прочную увѣренность въ томъ, что наше знаніе не миеъ, не сонъ,—а *истинный элементъ мірового сущаго, міровой жизни*.

Истинность, реальность и познаніе суть категоріи частнаго опыта. Но каждую частно-опытную категорію можно истолковать съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта,—и въ этомъ истолкованіи дается ея высшее пониманіе, ибо устраняются всѣ тѣ противорѣчія, которыя неизбежно присущи сферѣ частнаго опыта. Такимъ образомъ истолкованы нами и названныя выше категоріи, которыя въ цѣльномъ* опытѣ даны какъ синтетическое единство, въ частномъ же разъединяются и, поскольку реальность отдѣляется отъ мышленія, даютъ происхожденіе категоріи ложнаго¹⁾.

1) Вездѣ здѣсь мы говорили о ложномъ мышленіи, познаніи, сужденіи. Если же рѣчь идетъ о ложномъ *предложеніи*, то, очевидно, что это есть та-

Аналогично съ ложнымъ познаніемъ мы должны разсматривать и тѣ фикціи, которыя условно считаются нами за истины ради методологическихъ цѣлей. Въ теоріи познанія существуетъ обыкновеніе считать эти фикціи (впрочемъ, не ихъ только, но цѣлый рядъ бессознательно употребляемыхъ нами вспомогательныхъ понятій, а также и простыхъ ошибокъ мышленія) за *чистыя* гносеологическія функціи, — противопоставляя ихъ тѣмъ функціямъ познанія, которыя имѣютъ отношеніе къ реальности. Если этимъ хотятъ только сказать, что то содержаніе, которое дано въ этихъ функціяхъ какъ реальность, на дѣлѣ, какъ таковая, не существуетъ, то это пониманіе въ сферѣ частнаго опыта, гдѣ реальность уже отдѣлена отъ мышленія, совершенно законно. Но подъ *чистыми* гносеологическими функціями иногда понимаютъ такую функцію мышленія, которая будто бы вовсе не имѣетъ никакого отношенія къ реальности, — хотя и вводится ради гносеологическихъ и методологическихъ цѣлей или вообще составляетъ нѣкоторый придатокъ нашего познанія, обязательный для него, но совершенно не связанный съ реальностью. На дѣлѣ такихъ *чистыхъ* гносеологическихъ функцій быть не можетъ. Всякое познаніе, какъ ясно изъ всего предыдущаго изложенія, имѣетъ дѣло только съ реальностью, — и въ частномъ опытѣ мы можемъ только различать истинное познаніе, адекватное реальности, ложное познаніе, не-адекватное ей, какъ то доказывается высшимъ опытомъ, и условно истинное познаніе, адекватность котораго по отношенію къ реальности только временно допускается ради методологическихъ цѣлей, — *но въ окончательномъ результатѣ изслѣдованія должна обязательно вытѣсть*. Только допущеніе *реальности же*, иначе, условное признаніе нисшаго опыта за адекватный, можетъ являться вспомогательнымъ средствомъ познанія; условное же допущеніе нѣкотораго «гносеологическаго бытія», которое не есть реальность, а только простая мыслимость, — ровно ничѣмъ не можетъ помочь нашему познанію; только допустивъ, что данная мыслимость есть реальность, — мы можемъ оперировать этой фикціей въ нашемъ познаніи. Всѣ попытки установить спеціальное гносеологическое бытіе, — попытки, веду-

кое, въ которомъ вовсе не содержится познанія и термины котораго не соединены, есть, слѣдовательно, чисто-словесное сочетаніе, не содержащее подъ собою сужденія. Поскольку же предложеніе считается ложнымъ какъ сужденіе, — къ нему примѣнимо все, сказанное выше.

ція свое начало отъ Канта ¹⁾),—и тѣмъ внести въ наше мышленіе особую закономѣрность, независимую отъ реальныхъ отношеній,—роковымъ образомъ осуждены на бессиліе,—строятся ли онѣ на метафизической или на психологической почвѣ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. въ метафизическихъ теоріяхъ, бросается въ глаза явная безсодержательность и пустота той «мыслимости», которая выдается за чистую гносеологическую функцію и на которую возлагается задача организовать извѣстную закономѣрность мышленія,—и въ большинствѣ случаевъ постепенно на ея мѣсто подсовывается особая трансцендентная реальность. Во второмъ случаѣ, центръ тяжести сосредоточивается на вопросѣ—можетъ ли извѣстная «мыслимость», когда высшій опытъ открылъ уже въ ней отсутствіе реального содержанія, оставаться обязательнымъ элементомъ нашего познанія и организовать его въ извѣстной закономѣрности? Очевидно, нѣтъ,—а тогда и значеніе этой чистой гносеологической функціи сводится или къ ошибочному, или къ условному признанію реальности за ея содержаніемъ. Но ошибка исправляется высшимъ опытомъ, а условная фикція должна выпадать въ результатахъ изслѣдованія,—иначе она должна быть признана не за пустую гносеологическую форму, а за реальность. Такимъ образомъ это стараніе отдѣлать познаніе отъ реальности, создать для него нѣкоторую сферу, гдѣ познаніе, какъ таковое, могло бы быть истиннымъ, не выражая собою реальности, могло бы быть обязательнымъ и объективнымъ, хотя и не реальнымъ, не имѣетъ подъ собою другой почвы, кромѣ крупнаго заблужденія ²⁾.

1) Именно, отъ той стороны его ученія, которая характеризуется Паульсономъ, какъ *формальный рационализм*. Мы должны считать положеніе Канта въ этомъ пунктѣ прогрессивнымъ по отношенію къ старымъ эмпирико-скептическимъ и догматико-метафизическимъ концепціямъ, ибо въ немъ содержался уже шагъ по направленію къ признанію единства реальности и мышленія. Но поскольку этотъ рационализмъ остался формальнымъ, пустымъ, свободнымъ отъ внутренней связи съ реальностью,—мы должны видѣть въ немъ *недоразвитіе* основной точки зрѣнія, поскольку же идеи разума были связаны затѣмъ, хотя и искусственно, съ трансцендентнымъ содержаніемъ,—возвратъ къ старой догматикѣ, подъ новымъ флагомъ.

2) Этимъ путемъ идетъ, между прочимъ, Рудольфъ Штаммлеръ въ своемъ сочиненіи „*Wirthschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung*“,—а также и его русскіе критики гг. Булгаковъ и Струве, которые

Въ заключеніе остается разъяснить, въ какомъ отношеніи стоятъ между собою данныя цѣльнаго и частнаго опыта, а также всякаго общаго и его частныхъ, именно, примѣнимо ли къ нимъ отношеніе истиннаго и ложнаго. Предыдущее изложеніе даетъ достаточно матеріала для рѣшенія этого вопроса. Истинность, какъ и реальность, въ томъ смыслѣ, въ какомъ вырабатываются эти категоріи въ частномъ опытѣ, не примѣнимы къ цѣльному, поэтому цѣльный и частный опыты не соизмѣримы въ отношеніяхъ истинности и реальности. Данное цѣльнаго опыта—идея—есть синтезъ мышленія и реальности, —

также допускаютъ чистую гносеологическую законѣрность. На дѣлѣ же то, что является для насъ обязательною законѣрностью, тѣмъ самымъ становится для насъ и реальностью, — и другого критерія реальности мы не имѣемъ. Условное принятіе извѣстной законѣрности есть опять-таки не болѣе, какъ условное принятіе извѣстной реальности, — и во всякомъ случаѣ должно выпадать въ окончательномъ результатѣ мышленія, а не оставаться его необходимымъ элементомъ. Всякій необходимый его элементъ есть реальность, эмпирическая или метафизическая. Причинность и цѣлесообразность не могутъ быть разсматриваемы какъ нѣкоторая гносеологическая необходимость, не обладающая реальностью. Если мы подъ цѣлевой законѣрностью будемъ разумѣть только законѣрность оцѣнки, — это все не будетъ оцѣнка по реальнымъ отношеніямъ, точнѣе — будетъ только *родъ этихъ отношеній*. Въ предѣлахъ объективной реальности, обѣ эти категоріи суть только постоянныя послѣдованія, постоянныя ряды фактовъ, — и одинаково не соответствуетъ реальности приписывать особенную *силу* первому (причинность) или послѣднему (цѣлесообразность) члену ряда. Но *условно* такая сила можетъ быть допущена, — съ тѣмъ однако, чтобы построеніе самихъ рядовъ не выводилось изъ нея, а наоборотъ, сама она только формулировала бы опытное ихъ построеніе. Поэтому цѣлесообразность столько же, сколько и причинность удовлетворяетъ объясненію явленій, если только она констатируетъ истинно-реальный рядъ. Напримѣръ, цѣлый рядъ моихъ дѣйствій я могу вполне точно объяснить изъ своей *цѣли*; но этотъ же рядъ поддается одинаково и причинному объясненію; словомъ причинность и цѣлесообразность суть только двѣ условныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же реальный рядъ, допущеніе въ немъ силы, дѣйствующей въ первомъ или послѣднемъ членѣ ряда; то и другое допущеніе не нарушаютъ реального хода самаго ряда. Но равно незаконно примѣненіе обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія, когда забываютъ ихъ условное значеніе и хотятъ построить самый рядъ изъ *предвзятаго*, неоснованнаго на реальности ряда, содержанія перваго или послѣдняго члена, при чемъ причинная или цѣлевая ихъ сила признаются истинной реальностью. Какъ и въ общемъ вопросѣ о познаніи, Кантъ начинаетъ здѣсь отрицаніемъ метафизической и эмпирической точекъ зрѣнія только для того, чтобы, допустивъ въ эмпирическомъ мірѣ лишь гносеологическое значеніе всякой законѣрности, снова вернуться въ умопостигаемомъ къ метафизическому пониманію цѣли.

и поддается анализу только въ смыслѣ открытія въ немъ этихъ элементовъ, а не въ смыслѣ самаго характера ихъ синтеза, который есть непосредственное, первичное данное. Спрашивать, какимъ образомъ существуетъ идея и какъ она мыслится,—не имѣетъ никакого смысла, ибо самыя понятія существованія и мышленія даны намъ именно въ самой идеѣ, извлечены оттуда,—и наличность идеи, данность ея таковою, какова она есть, есть то непосредственное, что въ самомъ себѣ находитъ объясненіе. Еще менѣе имѣетъ смысла представлять себѣ существованіе идеи и ея мышленіе по тѣмъ категоріямъ реальности и мышленія, которыя развиты изъ нея же самой. Хотя, такимъ образомъ, высшій критерій истинности и реальности частнаго опыта мы находимъ въ цѣльномъ опытѣ, но этотъ критерій вовсе не есть истинность и реальность этого цѣльнаго опыта, а есть его непосредственно-синтетичная наличность, его специфическая данность, вовсе не совпадающая съ истинностью и реальностью частнаго опыта. На этомъ основаніи частный опытъ не можетъ быть *ложнымъ* по отношенію къ цѣльному. Категоріи истиннаго и ложнаго достигаютъ лишь границъ цѣльнаго опыта и тамъ исчезаютъ, вѣрнѣе сказать, сливаются въ одинъ синтезъ, въ одну высшую категорію съ категоріями реального и нереального. Было бы ошибкою видѣть въ цѣльномъ опытѣ нѣкоторую *высшую* реальность и истинность. Если такой способъ выраженія и возможно допустить, то лишь какъ условный, при чемъ истинности и реальности цѣльнаго опыта мы должны придавать иное значеніе, нежели истинности и реальности частнаго. Поэтому частный опытъ есть истинный и реальный, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти категоріи развиваются въ немъ, и отношеніе его къ цѣльному опыту не можетъ быть охарактеризовано иначе, какъ распаденіемъ существеннаго предиката цѣльнаго опыта, ограниченіемъ послѣдняго одною стороною изъ двухъ, слитыхъ въ цѣльномъ какъ непосредственный синтезъ. Частный опытъ есть имманентная часть цѣльнаго, и не совпадаетъ съ нимъ не потому, что въ немъ не осуществлена истинность или реальность, а потому, что въ немъ не осуществленъ высшій синтезъ этихъ категорій, непосредственный синтезъ цѣльнаго опыта, его существенный предикатъ. Это отношеніе можно охарактеризовать именно такъ, что *частный опытъ не адекватенъ цѣльному, но имманентенъ ему*. Если же спрашиваютъ о реальности и истинности

частнаго опыта, то, такъ какъ эти категоріи ограничены въ своемъ примѣненіи областью частнаго же опыта, то послѣдній является вполне способнымъ выдержать ихъ критику. Обѣ эти категоріи родились вмѣстѣ съ частнымъ опытомъ и суть его существенные предикаты, совершенно неприменимые къ отношенію между цѣльнымъ опытомъ и частнымъ.

То же самое нужно сказать и объ отношеніи всякаго общаго опыта къ его частнымъ. Критерій истинности и реальности каждой частной сферы приложимъ только въ этой сферѣ и соизмѣримъ съ критеріемъ общихъ сферъ лишь въ отношеніи общности и частности. Отношеніе истиннаго и ложнаго приложимо только къ высшему и низшему опыту одной и той же сферы.

Но вѣдь частный опытъ признаетъ извѣстное *независимое* существованіе реальности, и этимъ, повидимому, противорѣчитъ концепціи цѣльнаго опыта. На дѣлѣ однако противорѣчія здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, ибо наличность его давала бы право объявить одинъ опытъ истиннымъ, а другой ложнымъ. Не трудно показать, что всякое противорѣчіе, поскольку оно здѣсь существуетъ, содержится все-таки въ предѣлахъ частнаго опыта. Разложеніе цѣльнаго опыта въ частный всегда имѣетъ тотъ результатъ, что въ послѣднемъ выдвигаются неизбежно двѣ крайнія точки зрѣнія, стоящія во взаимномъ противорѣчій,—но можетъ быть выдвинута также и нѣкоторая средняя точка зрѣнія, образующая въ извѣстномъ смыслѣ синтезъ этихъ двухъ крайнихъ, при чемъ каждая крайняя въ отдѣльности опять будетъ стоять въ противорѣчій къ этой средней, будетъ являться по отношенію къ ней ложной. Сказать, что частный опытъ признаетъ независимое существованіе реальности и рассматриваетъ мышленіе какъ производное отъ нея, будетъ неточно; необходимо добавить, что тотъ же частный опытъ признаетъ истиннымъ существованіемъ мышленіе и рассматриваетъ реальность какъ производное отъ послѣдняго; наконецъ, тотъ же частный опытъ рассматриваетъ мышленіе и реальность какъ двѣ взаимозависимыя функціи. Тотъ или другой умъ можетъ, конечно, останавливаться на одной изъ этихъ точекъ зрѣнія,—но всѣ три представляютъ принадлежность сферы частнаго опыта, своею совокупностью образуютъ ее. И очевидно, что всѣ онѣ стоятъ во взаимномъ притиворѣчій. Въ частномъ опытѣ ни одна изъ нихъ не можетъ одержать верха окончательно и равнымъ образомъ

не могутъ онѣ быть вполне слиты между собою. То примиреніе, котораго обѣ крайнія точки зрѣнія достигаютъ въ средней, весьма несовершенно, — однако есть единственно возможное въ сферѣ частнаго опыта и служить какъ бы прообразомъ того высшаго синтеза, который всѣ эти частныя точки зрѣнія находятъ только въ цѣльномъ. Эта средняя точка зрѣнія частнаго опыта, стремящаяся отвергнуть какъ оба вида частнаго монизма, такъ и тотъ дуализмъ, который все-таки подчиняетъ одну точку зрѣнія другой въ извѣстной мѣрѣ, равнымъ образомъ, наконецъ, и совершенный дуализмъ, — эта точка зрѣнія можетъ быть признана извѣстными умами наиболее удовлетворительной; тѣмъ не менѣе и она несетъ въ себѣ противорѣчіе, поскольку не выражаетъ собою истиннаго синтеза цѣльнаго опыта. Для другихъ умовъ окончательной точкой зрѣнія являются иные изъ перечисленныхъ выше, — и во всякомъ случаѣ остальные точки зрѣнія по отношенію къ принятой объявляются ложными. Согласно объясненному выше возникновенію категоріи ложнаго въ частномъ опытѣ, эта ложность такихъ точекъ зрѣнія означаетъ невозможность ихъ слитія съ тою, которая взята за истинную, для насъ — съ названною среднюю, взята за истинную именно потому, что въ ней наиболее осуществленъ критерій истинности, внутренняя цѣльность. Итакъ, не частный опытъ, какъ таковой, оказывается ложнымъ; а лишь нѣкоторые виды частнаго опыта, и ложны они не по отношенію къ цѣльному опыту, а по отношенію къ другимъ, болѣе совершеннымъ видамъ частнаго опыта. Для цѣльнаго опыта, наоборотъ, каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія имманентна, хотя и не адекватна ему. Такимъ образомъ, каждая изъ нихъ находится дѣйствительно въ противорѣчій съ другими, но это противорѣчіе длится лишь въ предѣлахъ частнаго опыта. Независимое существованіе реальности ложно, поскольку оно противорѣчитъ другимъ сторонамъ частнаго опыта. Для цѣльнаго же опыта самая категорія независимости является имѣющей силу лишь въ предѣлахъ частнаго опыта и, восходя къ цѣльному, теряетъ то свое значеніе, въ которомъ могло бы противорѣчить его концепціи.

Критеріи истинности и реальности частнаго опыта имѣютъ своимъ основаніемъ непосредственную синтетичность цѣльнаго. Каждый изъ нихъ въ сферѣ частнаго опыта можетъ быть осуществленъ, первый въ единствѣ мышленія, охватывающаго реаль-

ность, второй—въ единствѣ реальности, служащей содержаніемъ мышленія. Но дѣйствительный синтезъ ихъ, въ которомъ было бы дано начало отношенія мышленія и реальности, очевидно не можетъ совершиться ни по категоріи мышленія, ни по категоріи реальности, а лишь по нѣкоторой высшей категоріи, объединяющей ту и другую. Такой высшей категоріей, въ специфическомъ синтезѣ которой сливаются мышленіе и бытіе, является *идея*,— *основное эмпирическое данное*. Сколько бы мы ни разсуждали объ отношеніи мышленія и бытія по частно-опытнымъ категоріямъ, мы не получимъ никакихъ результатовъ, ибо всякое отношеніе познается не по категоріи его элементовъ, а по категоріи того высшаго синтеза этихъ элементовъ, который даетъ начало ихъ отношенію. Отношеніе между мышленіемъ и реальностью доступно лишь той мысли, которая сознаетъ себя не чистой, формальною мыслью, обращенной къ реальности, а *самой этой реальностью въ формѣ мысли*.

Ф. Софроновъ.

„Идея эволюціи въ современной философіи“.

(Carl Stumpf: „Der Entwicklungsgedanke in der gegenwärtigen Philosophie“.)

I.

Идея эволюціи является руководящей для всего научнаго мышленія XIX вѣка. Правда, еще Гераклитъ эфесскій училъ, что все существующее непрерывно измѣняется, но его знаменитому положенію *pánta ῥεῖ*, его философскому ученію, вылившемуся въ афористическую форму, не доставало доказательности, и только въ нашу научную эпоху положеніе о «непрерывной измѣнчивости всѣхъ эмпирическихъ вещей» получило реальную основу и стало общепризнаннымъ и научно-доказаннымъ фактомъ. Многіе и теперь еще подъ влияніемъ Спенсера склонны считать эту «непрерывную измѣнчивость всего существующаго», или, иначе говоря, непрерывную эволюцію, за «верховный и самый всеобщій законъ совокупной природы», въ то время, какъ эволюція есть только міровой процессъ, являющийся результатомъ дѣйствій тѣхъ или другихъ силъ природы. Мы отмѣтимъ здѣсь, что Дарвинъ еще болѣе, чѣмъ Спенсеръ, способствовавшій успѣху эволюціонной доктрины, въ противоположность послѣднему считалъ эволюцію не «всеобщимъ закономъ природы», а только результатомъ законовъ.

Такимъ образомъ не изъ эволюціи, какъ верховнаго закона, согласно мнѣнію сторонниковъ Спенсера, нужно все объяснять, а наоборотъ: именно, ее самую и нужно объяснить. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Дарвинъ и пытался въ своемъ знаменитомъ трудѣ («Происх. видовъ») найти удовлетворительное объясненіе для одного частнаго случая эволюціи: именно, эволюціи въ органическомъ мірѣ. Излишне говорить о всѣмъ извѣстныхъ резуль-

татахъ этой попытки. Тѣмъ не менѣе, если и нельзя согласиться со Спенсеромъ, что эволюція есть «всеобщій и верховный законъ природы», то все же ему принадлежитъ заслуга доказательства какъ наличности послѣдней, такъ и ея всеобщаго характера. Идея эволюціи, понимаемая какъ міровой процессъ, заключающійся въ непрерывномъ измѣненіи всего существующаго, вошла какъ существенный составной моментъ въ современное научное мышленіе. Теперь уже почти нѣтъ такой области науки, куда бы не проникла эволюціонная доктрина; она пользуется одинаковымъ правомъ гражданства какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ наукахъ о духѣ. Среди послѣднихъ въ особенности философскія дисциплины много выиграли отъ примѣненія къ нимъ эволюціонной теоріи.

Авторъ интересующей насъ брошюры и поставилъ себѣ цѣлью выяснить, какую роль играла эволюціонная доктрина ¹⁾ въ современной философіи.

Рядомъ интересныхъ и вполне убѣдительныхъ примѣровъ онъ пытается показать, какъ примѣненіе этой теоріи къ отдѣльнымъ философскимъ дисциплинамъ способствовало расширенію и углубленію философскаго мышленія, какъ подъ ея вліяніемъ совершился пересмотръ многихъ проблемъ, приведшій къ довольно цѣннымъ результатамъ, и какъ, наконецъ, благодаря вліянію эволюціонной доктрины, народилось новое и весьма своеобразное міросозерцаніе. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія брошюры, мы считаемъ нелишнимъ здѣсь, хотя немного, познакомить читателя съ ея авторомъ, являющимся очень оригинальнымъ и интереснымъ мыслителемъ, и съ тѣмъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ философскихъ кругахъ современной Германіи.

Имя Карла Штумпфа, сравнительно мало извѣстное у насъ, пользуется на Западѣ почетной и вполне заслуженной репутаціей. Почтенный философъ-психологъ является однимъ изъ видныхъ представителей той, сравнительно еще немногочисленной группы мыслителей, которые довольно удачно были названы «психологистами». Послѣдніе, какъ извѣстно, видятъ въ психологіи основу всѣхъ философскихъ дисциплинъ, не исключая (въ противоположность нео-кантіанцамъ) логики и теоріи познанія.

¹⁾ Понимаемая въ указанномъ выше смыслѣ.

За неимѣніемъ мѣста мы должны отказаться здѣсь отъ характеристики «психологизма», представляющаго очень своеобразное и интересное теченіе нѣмецкой философской мысли. Отмѣтимъ только, что основателемъ и главой (нѣмецкаго) «психологизма» считается Францъ Brentano (авторъ «Psychologie vom empirischen Standpunkte»), въ короткое время создавшій «шкѳлу»; къ послѣдней, кромѣ Штумпфа, причисляются и такіе видные представители нѣмецкой философской мысли, какъ Липпсъ, Алексіусъ Мейнонгъ, Уфуэсъ, Гиллебрандтъ, Марти и многіе другіе. Карль Штумпфъ преимущественно работалъ въ области психологіи. Изъ его работъ наибольшую извѣстностью пользуется «Психологія звука» (Tonpsychologie), являющаяся цѣннымъ вкладомъ въ область экспериментальной психологіи; «Теорія познанія и психологія», гдѣ подъ сильнымъ вліяніемъ Brentano Штумпфъ старается установить зависимость теоріи познанія отъ психологіи, и, наконецъ, «Psychologischer Ursprung der Raumvorstellung» — одна изъ лучшихъ его работъ, представляющая блестящій образецъ чисто-психологическаго анализа. Въ этомъ произведеніи Штумпфъ дѣлаетъ попытку построенія новой теоріи воспріятія пространства, отличающейся оригинальностью какъ постановки, такъ и рѣшенія этой сложной проблемы.

II.

Послѣ этого нѣсколько затянувшагося вступленія мы можемъ уже обратиться къ самой брошюрѣ.

Эволюціонная идея проникла, по мнѣнію Штумпфа, въ область философіи не изъ естественныхъ наукъ, какъ это обыкновенно думаютъ, а изъ конкретныхъ наукъ о духѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, она давно уже примѣнялась. Мысль объ эволюціи (во времени) государства, права, языка, обычаевъ и искусства, повидимому, не была чуждой и древнему міру, ибо уже у Лукреція мы находимъ довольно ясное пониманіе этой послѣдней.

Начиная съ эпохи географическихъ открытій, благодаря постоянно растущему этнографическому матеріалу, примѣненіе эволюціонной идеи къ социальнымъ явленіямъ становится все болѣе и болѣе частымъ. И именно въ конкретныхъ наукахъ о духѣ идея эволюціи раньше, чѣмъ всюду, получила, такъ сказать, право гражданства. Вильгельмъ Гумбольдтъ, Савиньи и Гриммъ были

первыми, которые оттѣснили на задній планъ абстрактно-раціоналистическій методъ изслѣдованія, примѣнявшійся раньше въ этихъ наукахъ, и замѣнили его постороннимъ, въ основѣ котораго лежало то исходное положеніе, что объекты изслѣдованія, съ которыми и имѣютъ дѣло эти дисциплины, не есть нѣчто неподвижное, но имѣютъ, такъ сказать, начало и конецъ, т.-е. прошли цѣлый циклъ развитія. Любопытно, что даже и Гегель, какъ бы противъ своего желанія, способствовалъ внесенію эволюціоннаго момента въ область философіи. Гегель, какъ извѣстно, былъ глубоко убѣжденъ въ существованіи «вѣчныхъ неизмѣнныхъ законовъ, соотвѣтственно которымъ и совершается кругъ нашей жизни», но въ то же время онъ полагалъ, что можно а priori предписывать дѣйствительности эти законы эволюціи. Какъ извѣстно, эта мысль Гегеля потерпѣла крушеніе, что еще болѣе способствовало успѣшному распространенію историко-эмпирическаго воззрѣнія.

Послѣ этого краткаго «пролога» Штумпфъ дѣлаетъ довольно бѣглыя экскурсіи въ области различныхъ философскихъ дисциплинъ (этики, эстетики и педагогики), намѣреваясь опредѣлить размѣръ и вліяніе эволюціонной доктрины на успѣшный ходъ развитія послѣднихъ. Но именно въ виду того, что эти экскурсіи очень бѣглы и eo ipso нѣсколько поверхностны, мы немедленно перейдемъ къ тому отдѣлу его изслѣдованія, въ которомъ Штумпфъ въ качествѣ специалиста-психолога, такъ сказать, у себя дома. Этотъ отдѣлъ, самый подробный и наиболѣе интересный по содержанію, посвященъ выясненію того вліянія, какое имѣло примѣненіе эволюціонной теоріи въ области психологіи.

Вліяніе эволюціонной доктрины сказалось съ нѣсколько большей силой въ области психологіи, чѣмъ въ другихъ философскихъ дисциплинахъ.

Особенно благотворнымъ оказалось ея примѣненіе къ изслѣдованіямъ, касающимся непосредственнаго соотношенія и взаимодѣйствія между индивидуумомъ и внѣшнимъ міромъ, т.-е. къ изслѣдованіямъ о чувственныхъ воспріятіяхъ и о движеніяхъ. Въ этой области эволюціонная теорія продолжала съ успѣхомъ дѣло, начатое уже сравнительной морфологіей и фізіологіей. Въ самомъ дѣлѣ, обсужденіе принципиальныхъ вопросовъ ученія о внѣшнихъ (точнѣе низшихъ) чувствахъ (Sinneslehre), въ родѣ, напр., слѣдующаго: что считать первоначальнымъ и что приобрѣтен-

нымъ въ нашемъ воспріятіи пространства, вопросы о специфической энергіи, о законахъ эмоціональной стороны въ ощущеніяхъ или иначе говоря, о «тонѣ» въ ощущеніяхъ (*Gesetze der Linnlichensust und Unlust*)—въ концѣ концовъ приводитъ къ необходимости выяснитъ, какую роль играетъ въ этихъ проблемахъ родовой опытъ. При этомъ, здѣсь нельзя уже обойтись безъ наблюденій и экспериментовъ надъ различными животными. Благодаря послѣднимъ мы узнаемъ о существованіи совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ намъ раньше органовъ чувствъ, объ интегрирующемъ соотношеніи между мускулатурой, нервными проводниками, центральными нервными органами и органами чувствъ. Стоитъ только сравнить ученіе Аристотеля, гласящее, что наши пять или шесть чувствъ суть единственно возможные и что весь объективный міръ цѣликомъ и безъ остатка воспринимается ими; стоитъ только сравнить это ученіе родоначальника психологіи и зоологіи съ широкими перспективами современной психологіи, чтобы понять, насколько благотворно было примѣненіе эволюціонной доктрины въ области послѣдней.

Кромѣ проблемъ ученія о внѣшнихъ чувствахъ, и вопросы о генезисѣ произвольныхъ движеній, служащихъ для выраженія ощущеній (*Ausdrucksbewegungen*) рѣшаются весьма удовлетворительно филогенетическимъ путемъ. Какъ извѣстно, Дарвинъ сдѣлалъ первую попытку въ этомъ направленіи, приведшую къ весьма цѣннымъ результатамъ, и если даже въ современныхъ изслѣдованіяхъ этого рода еще много чисто гипотетическихъ элементовъ, то все же большимъ выигрышемъ является тотъ фактъ, что мы не удовлетворяемся уже ничего не объясняющей и чисто фактической подмѣтой того, что опредѣленнымъ аффектамъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы выраженія. Что касается произвольныхъ движеній, то весьма затруднительно отмѣтить ихъ постепенное возникновеніе въ животномъ мірѣ, ибо трудно установить границу между рефлекторными и инстинктивными движеніями съ одной стороны и чисто волевыми дѣйствіями съ другой. Вотъ эта-то трудность (проведенія границы) между двумя классами указанныхъ движеній и вызвала къ жизни предположеніе нѣсколько фантастическаго характера, что будто бы всѣ реакціи на чувственныя раздраженія (*Sinnesreize*) даже у противовѣстныхъ—должны быть отнесены къ волевымъ проявленіямъ. Значительно лучше обстоитъ дѣло съ выясненіемъ генезиса ре-

флекторныхъ и инстинктивныхъ движеній; теорія происхожденія видовъ оказалась здѣсь очень полезной. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многія отправленія какъ человѣка, такъ и животнаго, поражающія своею цѣлесообразностью, объясняются принципомъ естественнаго подбора. Еще большее значеніе (для выясненія генезиса этихъ движеній) имѣло бы унаслѣдованіе индивидуально-пріобрѣтенныхъ признаковъ, если бы этотъ принципъ могъ быть примѣняемъ въ широкихъ размѣрахъ. Не исключено и такое предположеніе, что у животныхъ существуютъ, благодаря подражанію, своего рода традиціи опытовъ; такимъ образомъ къ первымъ двумъ моментамъ, выясняющимъ генезисъ инстинктивныхъ и рефлекторныхъ движеній, можетъ быть прибавленъ и третій.

Послѣ этого бѣлаго обзора вліянія эволюціонной доктрины на научную разработку отдѣльныхъ областей психической жизни, Штумпфъ переходитъ къ болѣе общимъ проблемамъ психологіи. Онъ начинаетъ этотъ новый отдѣлъ своего иаслѣдованія съ проблемы первоначальнаго возникновенія психической жизни. Несомнѣнно, замѣчаетъ Штумпфъ, съ послѣдней появляется нѣчто совершенно новое. Еще Дюбуа-Реймонъ указалъ на тѣ почти непреодолимые затрудненія, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути эволюціонная теорія при попыткѣ выяснить эту проблему. Многіе, пытаясь, такъ сказать, обойти этотъ трудный вопросъ, допускаютъ даже, что бессознательная психическая жизнь была уже заложена въ атомы первоначальнаго находящагося еще въ газообразномъ состояніи шара и что только впослѣдствіи, при образованіи клѣтокъ и клѣточныхъ группъ, появилось и сознаніе. Такимъ образомъ принимающіе эту гипотезу приходятъ снова къ ученію о всеобщемъ одушевленіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь изъ этой гипотезы слѣдуетъ, что даже и теперь атомы неорганическаго міра должны обладать бессознательно-психическими свойствами, присущими ихъ природѣ съ самаго начала. Однако и эта теорія оказывается несостоятельной, ибо, даже не обсуждая здѣсь, имѣетъ ли смыслъ говорить о бессознательныхъ ощущеніяхъ и чувствахъ, допускаемыхъ этой теоріей, мы все же и здѣсь наталкиваемся на неустранимыя препятствія, ибо какъ объяснить— а вѣдь въ этомъ и заключается вся проблема— переходъ бессознательныхъ ощущеній въ сознательныя. Такимъ образомъ пришлось бы для избѣжанія затрудненія допустить и наличность со-

знанія уже въ самомъ началѣ или даже матеріальные процессы неорганической природы опредѣляютъ, какъ содержанія сознанія; но тогда мы уже приходимъ къ точкѣ зрѣнія такъ называемаго идеализма, вообще не признающаго матеріи въ прежнемъ смыслѣ этого слова. И, наконецъ, нельзя не замѣтить, что при такомъ допущеніи снова будетъ зіять пробѣлъ между вѣчнымъ универсальнымъ сознаніемъ (Allgemeinbewusstsein) и временно возникающимъ индивидуальнымъ. Вопросъ о томъ, какъ же стало возможнымъ послѣднее, какимъ образомъ оно возникло, попрежнему не рѣшается, и тѣ же самыя затрудненія, съ которыми мы имѣли дѣло раньше, снова оживаютъ, снова встаютъ передъ нами, облеченныя только въ другую форму.

Послѣ этихъ критическихъ замѣчаній Штумпфъ переходитъ къ изложенію своей собственной гипотезы о возникновеніи психической жизни.

Мы должны представить себѣ, замѣчаетъ онъ, что психическая жизнь не должна разсматриваться, какъ возникшая съ незапамятныхъ временъ однажды и уже разъ на всегда. Явленія же, наступающія постоянно съ опредѣленною правильностью при извѣстныхъ условіяхъ, отнюдь не могутъ считаться «чудомъ» и уже подчиняются законамъ природы. «Всюду, гдѣ эволюція какой-либо клѣточной группы достигаетъ опредѣленныхъ формъ, возникаетъ психическая жизнь и при этомъ опредѣленнаго рода» (17). Но тутъ немедленно возникаетъ трудно разрѣшимый вопросъ: считать ли въ данномъ случаѣ органическія условія причиной, а психическія состоянія слѣдствіемъ? Возможность рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ кажется Штумпфу спорной, ибо многіе могутъ (и не безъ основанія) не согласиться на примѣненіе здѣсь закона причинности. Для избѣжанія этого затрудненія Штумпфъ и предлагаетъ ограничиться въ данномъ случаѣ установленіемъ только функциональнаго соотношенія самаго общаго характера, которымъ пользуется математика. Послѣднее заключается въ томъ, что мы можемъ одно явленіе y назвать функцией другого x въ томъ случаѣ, если каждому измѣненію x будетъ соответствовать опредѣленное измѣненіе y . И какъ разъ въ математической теоріи функцией извѣстны такіе случаи, гдѣ непрерывнымъ измѣненіямъ x , т.-е. измѣненіямъ безъ скачковъ (stetige Veränderungen), соответству-

ють прерывныя измѣненія *y* ¹⁾). Аналогичное отношеніе можетъ быть подмѣчено какъ при возникновеніи психической жизни, такъ и при дальнѣйшей эволюціи послѣдней. Ибо въ области психической жизни какъ при ея возникновеніи, такъ и при постепенномъ развитіи появляются элементы, рѣзко дифференцированные, т. - е. качественно, специфически различныя, которымъ на физической сторонѣ соотвѣтствуютъ только количественныя измѣненія, отличающіяся другъ отъ друга степенью. Справедливость этого положенія Штумпфъ доказываетъ такимъ образомъ. Никто вѣдь не предполагаетъ, что цвѣтъ и звукъ уже въ самомъ началѣ входили какъ составныя части въ матеріаль ощущеній. Болѣе вѣроятнымъ кажется то предположеніе, что послѣдній состоялъ изъ одного только рода качествъ, хотя бы изъ ощущеній прикосновенія или изъ совсѣмъ исчезнувашаго теперь первичнаго чувства (Ursinn). Соотвѣтственно эволюціонной теоріи такъ наз. высшія чувства постепенно присоединялись къ низшимъ. Но какъ же нужно представить себѣ самый способъ возникновенія первыхъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что между ощущеніями прикосновенія и запахомъ, цвѣтомъ, звукомъ существуетъ только разница въ степени; такое предположеніе было бы прямо нелѣпостью, такъ какъ эти ощущенія специфически различны; ибо никоимъ образомъ нельзя себѣ представить, что ощущеніе прикосновенія можетъ перейти или, такъ сказать, имѣть еще только перейти въ запахъ или цвѣтъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно качества ощущеній высшихъ органовъ чувствъ приводятся, какъ нѣчто совершенно новое, къ прежнимъ. Точно также мало помогаетъ дѣлу и допущеніе нейтральнаго первичнаго чувства (Neutraler Ursinn), такъ какъ благодаря послѣднему увеличивается только число прерывныхъ переходовъ (т.-е. изъ одного типа въ другой) еще на одну единицу. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же себѣ представить ощущеній безъ опредѣленнаго качества, какъ нельзя представить химическаго элемента безъ опредѣленныхъ свойствъ. Да и самое опредѣленіе такого гипотетическаго первичнаго чувства, какъ «нейтральнаго», вѣдь и означаетъ только то, что ощущение

¹⁾ *Примѣчаніе:* т.-е. это значитъ—измѣненіямъ однороднаго (stetige) типа (или характера) *x* могутъ соотвѣтствовать измѣненія *y* мѣняющагося типа, прерывныя (unstetige).

нія, получаемыя при его помощи, не совпадаютъ съ извѣстными уже намъ ощущеніями. Итакъ, приходится придти къ заключенію, что эволюція на психической сторонѣ сводится къ постоянному появленію новыхъ элементовъ, рѣзко дифференцированныхъ, т.-е. качественно, специфически различныхъ.

Посмотримъ же теперь, какія соотвѣтственныя измѣненія происходятъ на физической сторонѣ (нашей организаци). Постепенное образованіе органовъ чувствъ и чувственныхъ центровъ можетъ быть разсматриваемо какъ непрерывная эволюція, хотя и совершающаяся въ различныхъ направленіяхъ.

Гангліозныя клѣтки или нейроны, отъ которыхъ зависятъ ощущенія, содержатъ вѣдь, въ концѣ концовъ, одинаковыя основныя вещества, но только не одинаково расположенныя внутри клѣтокъ; и можно легко себѣ представить, что формы этихъ послѣднихъ произошли изъ какой-либо основной. Такимъ образомъ мы не встрѣчаемъ здѣсь той гетерогенности, на которую мы немедленно наталкиваемся въ классахъ ощущеній.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: эволюціи непрерывной т.-е. безъ скачковъ, совершающейся на физической сторонѣ (нашей организаци), соотвѣтствуетъ эволюція прерывная на психической, т.-е. квантитативнымъ различіямъ съ разницей только въ степени на одной сторонѣ могутъ соотвѣтствовать качественныя, специфическія на другой. Анализируя нашу психическую жизнь, мы знакомимся на каждомъ шагѣ съ новыми функціями, несводимыми безъ остатка къ ощущеніямъ; таковы, напр.: сознаніе времени, память, различеніе и синтезъ, способность къ абстракціи, способность сужденія и т. д.

Въ то время какъ дальнѣйшее изученіе природы неизбежно приводитъ къ постепенному установленію все большаго единства въ ней, въ то время какъ различія между органическими и неорганическими, между химическими и физическими процессами и, наконецъ, даже различіе въ каждой изъ этихъ группъ сводятся теперь, и не безъ успѣха, къ однимъ и тѣмъ же веществамъ и силамъ, въ противоположность этому современный психологъ, анализируя нашу духовную жизнь, долженъ неизбежно признать въ ней наличность многочисленныхъ и своеобразныхъ элементовъ, рѣзко дифференцированныхъ, т. е. качественно и специфически различныхъ. И въ то же время, повидимому, все говорить за то, что родовая эволюція въ психической сторонѣ

(нашей организаціи) совершалась въ тѣсной связи съ таковой же на физической. Итакъ, мы отмѣтили уже выше, что качественнымъ измѣненіямъ на психической сторонѣ (нашей организаціи) соотвѣтствуютъ только количественныя измѣненія на физической сторонѣ. Обратимся же теперь къ конкретнымъ фактамъ и посмотримъ, что же собственно происходитъ въ предѣлахъ послѣдней съ ростомъ организма. Съ анатомической точки зрѣнія въ нашей организаціи можно только отмѣтить непрерывную эволюцію: число мозговыхъ извилинъ постоянно увеличивается, точно такъ же и вѣсъ мозга, по сравненію съ остальной нервной массой, становится все большій, но зато нигдѣ нельзя отмѣтить фундаментальныхъ новообразованій, нигдѣ нельзя указать на существенныя отклоненія отъ прежняго характера (или типа) эволюціи, которыя, какъ бы въ извѣстномъ смыслѣ равноцѣнныя, могли бы обусловить появленіе новыхъ психическихъ функцій, возникающихъ въ психической жизни параллельно съ эволюціей на физической сторонѣ. Итакъ, повидимому, придется допустить, что количественнымъ нарастаніямъ, отличающимся только по степени, на одной сторонѣ, могутъ соотвѣтствовать на другой новообразованія, качественно и специфически различныя.

Гипотеза, предложенная Штумпфомъ (въ указанномъ выше смыслѣ), повидимому, вполне охватываетъ наблюдаемый кругъ явленій, ибо между соотвѣтствующими, отдѣльными этапами обѣихъ параллельно-совершающихся эволюцій (на психической и физической сторонахъ нашей организаціи) можно установить только функціональное соотношеніе опредѣленнаго вида, гдѣ непрерывнымъ измѣненіямъ (*stetige Veränderungen*) явленія x —въ нашемъ случаѣ квантитативнымъ, совершающимся на физической сторонѣ—будутъ соотвѣтствовать измѣненія прерывныя y —въ нашемъ случаѣ качественныя, специфически различныя, совершающіяся на психической сторонѣ.

Такова въ общихъ чертахъ гипотеза Штумпфа о соотношеніи между психическими и физическими явленіями. Мы должны, однако, отмѣтить здѣсь, что и самъ Штумпфъ не считаетъ своей гипотезы окончательнымъ рѣшеніемъ этой сложной проблемы и предлагаетъ ее только какъ своего рода «временный синтезъ», объединяющій цѣлый циклъ сложныхъ и запутанныхъ явленій.

Мы уже видѣли, какъ, благодаря эволюціонной доктринѣ стало

возможнымъ новое и довольно удовлетворительное объясненіе возникновенія психической жизни, народненія сознанія. Именно благодаря примѣненію послѣдней въ области психологіи удалось пролить новый свѣтъ въ это «темное царство», и стало возможнымъ подчинить явленія сознанія законамъ природы и включить послѣднія въ длинную цѣпь явленій природы, что раньше казалось прямо-таки невозможнымъ. Подобно проблемѣ сознанія, и проблема цѣлесообразности подверглась пересмотру съ точки зрѣнія эволюціонизма. И въ ней примѣненіе эволюціонной доктрины, и въ особенности ея дарвинистическая форма, оказало не мало услугъ. Самое опредѣленіе понятія цѣлесообразности и выясненіе условій, необходимыхъ для появленія цѣлесообразныхъ образованій, были сдѣланы наново.

Мѣсто «цѣлеставнаго существа», управляющаго вселенной, заняла борьба за существованіе, приводящая въ конечномъ результатѣ къ постепенно возрастающему приспособленію организмовъ къ условіямъ ихъ среды путемъ уничтоженія плохо приспособленныхъ и размноженія лучше приспособленныхъ. Здѣсь нужно, однако, отмѣтить, что первоначальная форма дарвинизма уже не вполне удовлетворяетъ современныхъ ботаниковъ и зоологовъ. Естественный подборъ, по ихъ мнѣнію, уже не является единственнымъ факторомъ, обуславливающимъ наличность всѣхъ цѣлесообразныхъ моментовъ въ организаціи какъ животнаго, такъ и растительнаго міра. Правда, онъ играетъ огромную роль, но все же еще не рѣшающую. Недостаточность примѣненія одного только принципа естественнаго подбора къ объясненію всѣхъ явленій цѣлесообразности ярко сказывается хотя бы уже на такомъ примѣрѣ: нельзя объяснить однимъ только подборомъ возникновенія тѣхъ или другихъ полезныхъ органовъ, ибо, вѣдь, всякій органъ только тогда и способенъ функционировать и приносить пользу, когда онъ уже достигъ извѣстнаго развитія. Эта недостаточность принципа подбора привела къ появленію новыхъ теорій приспособленія и эволюціи, отчасти являющихся новой переработкой идей Ламарка.

Но тѣмъ не менѣе, несмотря на существованіе нѣкотораго разногласія по этому вопросу, всѣ изслѣдователи сходятся въ общемъ имъ всѣмъ желанію—свести самое появленіе цѣлесообразныхъ моментовъ къ опредѣленному дѣйствию тѣхъ или другихъ силъ природы, подчиняющихся опредѣленнымъ законамъ,

другими словами: хотя бы включить, подобно явлениямъ сознания, и явления цѣлесообразности въ длинную цѣпь явленій природы, подчиняющихся опредѣленнымъ законамъ. Пытаться же реализовать эти стремленія къ единству— значитъ пытаться сводить всѣ явленія къ механическимъ причинамъ, значитъ повсюду послѣдовательно проводить механистическое міровоззрѣніе. Лотце былъ одно время убѣжденнымъ агентомъ послѣдняго, однако въ послѣдствіи и самъ онъ, и многіе другіе естествоиспытатели и мыслители, стремившіеся къ той же цѣли (Лейбницъ, Э. фонъ-Бэръ и Вейсманъ), должны были признать, что вопросы телеологіи этими попытками окончательно не рѣшаются, а облекаются только въ другую форму. «Единичность послѣдняго мірового принципа,— замѣчаетъ Штумпфъ,— есть логически не доказуемая мысль» (23). Но если попытки въ указанномъ направленіи и не оказались особенно успѣшными, то это все же не помѣшало подъ вліяніемъ эволюціонной доктрины пересмотру самой проблемы цѣлесообразности.

Посмотримъ же теперь, что съ новой точки зрѣнія должно считать цѣлесообразнымъ образованіемъ и каковы условія, необходимыя для его проявленія. По мнѣнію Штумпфа, исходящаго въ данномъ случаѣ изъ принциповъ эволюціонной доктрины, только тѣ образованія могутъ считаться цѣлесообразными, которыя «хотя и являются соединеніемъ различнымъ образомъ устроенныхъ массъ, тѣмъ не менѣе обладаютъ способностью проявлять дѣйствія цѣлостнаго характера». Въ этомъ смыслѣ глазъ и организмъ—образованія цѣлесообразныя. Теперь остается только рѣшить, какія же условія необходимы для возникновенія цѣлесообразныхъ образованій. Одно несомнѣнно, замѣчаетъ Штумпфъ: такъ называемыя цѣлесообразныя образованія не могутъ же возникнуть при любыхъ начальныхъ состояніяхъ, при любомъ распредѣленіи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ эти цѣлесообразныя образованія и возникаютъ, какъ особаго рода комбинація послѣднихъ, какъ частный случай возможныхъ изъ этихъ элементовъ комбинацій вообще. Для того, чтобы возникли именно цѣлесообразныя образованія, и требуются уже заранѣе данными опредѣленныя условія распредѣленія этихъ элементовъ (служащихъ только матеріаломъ для этихъ образованій). Въ этомъ смыслѣ, говоритъ Келликеръ объ опредѣленномъ «планѣ развитія»; но этимъ, повидимому, онъ хотѣлъ только обозначить, такое ме-

ханическое отношеніе данныхъ элементовъ, которое въ конечномъ результатѣ могло бы обусловить появленіе цѣлесообразныхъ образованій. Это положеніе можно и обобщить. Въ самомъ дѣлѣ, и дѣйствіе естественнаго подбора можетъ проявиться вѣдь только при условіи уже наличности образованій, обладающихъ опредѣленной структурой. И для неорганическаго міра, по мнѣнію Штумпфа, приходится придти къ аналогичнымъ заключеніямъ. Сущность дѣла нисколько не мѣняется отъ того, если мы даже представимъ себѣ эволюцію какъ бы безъ начала. Тогда это положеніе (насчетъ условій для появленія цѣлесообразныхъ образованій) будетъ вполнѣ примѣнимо и вѣрно относительно любого момента или этапа въ эволюціи, произвольно нами выдѣленнаго и признаннаго условно начальнымъ состояніемъ.

Итакъ, даже изъ этого краткаго обзора видно уже, какъ велико и благотворно было вліяніе эволюціонной доктрины въ области философіи, какъ, благодаря ея примѣненію, совершился пересмотръ многихъ важныхъ проблемъ, приведшихъ къ довольно цѣннымъ результатамъ; но этимъ еще не исчерпывается все вліяніе эволюціонной теоріи, ибо нельзя уже не отмѣтить крупныхъ перемѣнъ, произведенныхъ ею въ нашемъ современномъ міросозерцаніи. Быть можетъ, даже правильнѣе будетъ, если мы скажемъ, что именно эволюціонная теорія вызвала къ жизни новое и весьма своеобразное міровоззрѣніе. Своеобразность же послѣдняго заключается въ 4-хъ, такъ сказать космологическихъ идеяхъ, входящихъ въ его составъ: 1) непрерывная измѣнчивость всѣхъ эмпирическихъ вещей, 2) сплошное (непрерывное) взаимодействіе между одновременно существующими субстанціями, 3) идея прогресса, мыслимаго какъ постепенное достиженіе «высшихъ формъ», и, наконецъ, 4) идея о безграничномъ протяженіи во времени мірового процесса.

1-е положеніе эволюціоннаго міровоззрѣнія стало теперь уже тривиальной истиной. Выше уже было отмѣчено, что идея о непрерывномъ измѣненіи всего существующаго составляло ядро философской системы Гераклита; но только въ нашу научную эпоху она получила реальную основу и стала общепризнанной.

2-е положеніе—о всеобщемъ и сплошномъ взаимодействіи между одновременно существующими субстанціями—еще Кантомъ считалось апіорнымъ основоположеніемъ нашего разсудка. Здѣсь, конечно, имѣется въ виду не только прямое, непосред-

ственное взаимодействіе между тѣлами (иначе пришлось бы отрицать дѣйствіе притяженія между послѣдними), а оба вида взаимодействія: прямое и непрямое. Считать ли это второе положеніе, согласно Канту апріорнымъ основоположеніемъ или нѣтъ? Одно несомнѣнно, что мы пришли сравнительно поздно къ его познанію и тѣхъ формъ, въ которыхъ оно выражается.

Сущность 3-го положенія заключается въ томъ, что подъ эволюціей мы обыкновенно понимаемъ не измѣненіе вообще въ какомъ-либо изъ возможныхъ направленій, но прогрессированіе, постепенное достиженіе высшихъ формъ. Здѣсь нужно отмѣтить, что понятіе прогресса вообще трудно опредѣлимо, ибо оно заключаетъ въ себѣ моментъ оцѣнки. Послѣдняя же всегда является субъективной. Цѣнности же въ настоящемъ смыслѣ этого слова вѣдь существуютъ только для субъекта, который и воспринимаетъ ихъ, какъ таковыя. (Такъ называемыя «объективныя цѣнности», независимо отъ сознанія мыслящаго субъекта, въ природѣ не существуютъ).

Итакъ, возникаетъ вопросъ: что же нужно понимать подъ понятіемъ прогрессъ? Если понимать послѣдній, какъ «усовершенствованіе», то еще сомнительно, удастся ли такое толкованіе прогресса примѣнить повсюду. Такимъ образомъ приходится пока ограничиться тѣми признаками внѣшняго характера, которые предложилъ Спенсеръ, именно: дифференціаціей и интеграціей.

4-мъ положеніемъ эволюціоннаго міровоззрѣнія Штумпфъ считаетъ «расширеніе нашихъ представленій насчетъ протяженности во времени мірового процесса». Подобно тому какъ система Коперника безконечно широко раздвинула рамки вселенной, такъ и эволюціонное міровоззрѣніе къ этому расширенію нашихъ представленій насчетъ пространства, занимаемаго вселенной, прибавило идею о безграничной протяженности во времени мірового процесса.

М. Н. Шварцъ.

Очерки по философіи естествознанія.

На рубежѣ двухъ міровоззрѣній.

Въ обществѣ установилось мнѣніе, что та группа наукъ, которая извѣстна подъ именемъ точныхъ, развивалась и продолжаетъ развиваться строго правильно, безъ рѣзкой смѣны основныхъ началъ и руководящихъ воззрѣній. Эта правильность идейнаго развитія считалась многими даже за особую прерогативу точнаго знанія, отличающую его отъ наукъ описательныхъ, историческихъ и въ особенности отъ наукъ философской группы.

Намъ придется однако разочаровать читающихъ рѣзкимъ утвержденіемъ, что и въ группѣ точнаго знанія, какъ и во всѣхъ другихъ его отрасляхъ, не было и нѣтъ этой величественной, неуклонной постепенности; первый разрядъ наукъ такъ же, какъ и второй, знаетъ свои умственные перевороты, когда одно воззрѣніе почти цѣликомъ смѣняется другимъ, прямо противоположнымъ. И это происходитъ не только съ детальными ученіями, частными отдѣлами,—подобное наблюдается и въ такихъ вопросахъ, которые можно считать началами почти всего естествознанія, принципами научнаго міровоззрѣнія. Мы не замѣчаемъ или мало замѣчаемъ подобныя смѣны научнаго міропониманія отчасти потому, что онѣ происходятъ обыкновенно очень медленно, начинаясь часто съ вопросовъ узко-спеціальныхъ, отчасти и потому, что онѣ не бывають связаны, какъ философскія системы, съ именемъ одного лица.

Настоящая статья имѣетъ своей задачей изложить исторію одного изъ такихъ переворотовъ мысли, переживаемаго нами въ настоящее время,—исторію послѣдовательной смѣны двухъ міровоззрѣній. Мы начнемъ съ возникновенія и развитія перваго, нынѣ отходящаго.

Случайныя и ничтожныя обстоятельства часто влекутъ за собою большія слѣдствія. Это было въ 1584 или 1585 году, когда одинъ не очень прилежный студентъ медицинскаго факультета пизанскаго университета, присутствуя на праздничномъ богослуженіи въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ, обратилъ свое досужее вниманіе на медленно качавшееся паникадило. Измѣряя время качанія его ударами собственнаго пульса, онъ вскорѣ замѣтилъ, что это послѣднее остается неизмѣннымъ, несмотря на замѣтное сокращеніе величины размаха качаній.

Такъ былъ открытъ первый по времени законъ динамики, законъ изохронизма качаній маятника, и открывшій его студентъ былъ никто иной, какъ Галилей. Что же однако замѣчательнаго въ этомъ законѣ, почему открытіе его слѣдуетъ отмѣтить, какъ особую точку въ исторіи человѣческой мысли? Замѣчательнаго въ немъ ничего нѣтъ, это одинъ изъ очень частныхъ и даже неточныхъ, а только приблизительныхъ законовъ механики, тѣмъ не менѣе открытіе его составляетъ все-таки эпоху въ умственномъ развитіи человѣчества.

Послѣ многихъ столѣтій, протекшихъ со смерти славнѣйшаго сиракузскаго механика, это была первая математическая закономерность, стремившаяся подчинить себѣ одно изъ явленій природы, и—что важнѣе всего—она была найдена строго экспериментально. Этимъ создавался методъ, указывалась возможность искать новыя, ей подобныя, полагалось начало новому толкованію природы, толкованію механическому. Прошло много лѣтъ, прошла цѣлая жизнь, полная горячихъ порывовъ и страстной полемики, прежде чѣмъ основатель современной механики вновь принялся за разработку ея вопросовъ. Въ 1638 году вышли въ Лейденѣ «Разговоры о двухъ новыхъ ученіяхъ въ механикѣ и ихъ математическія доказательства», одна изъ главнѣйшихъ работъ Галилея. Здѣсь впервые устанавливаются общія начала динамики, законы паденія и т. д., и—что особенно характерно—послѣдняя группа явленій изучается экспериментально. Это сочиненіе окончательно создало механику не только какъ науку о равновѣсіи, но и какъ ученіе о движеніи. «Новый свѣтъ, по словамъ Канта, открылся естествоиспытателямъ съ того момента, какъ Галилей началъ скатывать свои шары».

Слѣдующую половину XVII и XVIII столѣтія можно положительно назвать эпохой расцвѣта механики и высшей точкой ея

развитія. Открытіе почти одновременно Лейбницемъ и Ньютономъ началъ дифференціального счисленія, столь важнаго особенно для механики (Ньютонъ, какъ извѣстно, и нашель его на чисто механической почвѣ), поставило эту науку скоро на высоту почти недосягаемаго величія, а послѣдовавшее затѣмъ открытіе закона тяготѣнія сдѣлало ее основой астрономіи, этой старѣйшей представительницы точнаго знанія.

Намъ трудно въ настоящее время представить себѣ то впечатлѣніе, которое произвело на современниковъ открытіе закона тяготѣнія. Мы слишкомъ привыкли къ идеѣ законмѣрности явленій природы; но надо не забывать, что въ то время эта идея была еще только въ зародышѣ. Міръ насѣлялся Археями и каждая планета имѣла свою душу, управлявшую ея движеніями; тѣмъ удивительнѣе казалась возможность найти общій законъ послѣднихъ. Но онъ былъ найденъ, и механизация природы праздновала свой первый триумфъ. Невольно приходилось вѣрить, что понятіе о движеніи въ связи съ понятіемъ силы могутъ исчерпать сущность природы. Эта вѣра въ возможность свести всѣ явленія природы къ однимъ механическимъ причинамъ породила одно странное и непонятное на первый взглядъ явленіе: стремленіе многихъ выдающихся механиковъ того времени къ устройству такъ наз. автоматовъ, куколъ, связанныхъ въ большинствѣ случаевъ съ очень сложнымъ механизмомъ, подражавшихъ движеніямъ человѣка и животныхъ. Рассказываютъ, что одинъ изъ нихъ представлялъ мальчика, сидѣвшаго за шахматнымъ столомъ, снабженнымъ такимъ удивительно разсчитаннымъ механизмомъ, что на означенномъ столѣ можно было разставить фигуры и начать игру, автоматъ отвѣчалъ безошибочно на ходы партнера. Другой не менѣ замѣчательный автоматъ былъ устроенъ Вакансономъ. Это была утка, сидѣвшая на довольно громоздкомъ ящикѣ, содержащемъ сложную систему колесъ и приводовъ. Когда машина пускалась въ ходъ, утка приподымалась, махала крыльями, кричала, пила и ѣла подставленные зерна и—что составляло ея особенность—переваривала съѣденное. Этотъ замѣчательный автоматъ пережилъ другіе и погибъ сравнительно недавно въ странствованіяхъ по различнымъ музеямъ рѣдкостей. Исторія и легенда указываютъ на многія другія произведенія того же рода.

Какъ ни странны эти «искусственные люди животныя», къ

нимъ не слѣдуетъ однако относиться слишкомъ высоко; они знаменія времени и содержатъ въ себѣ болѣе глубокую идею, чѣмъ мы привыкли думать. Въ наукахъ опытныхъ существуетъ два различныхъ метода изученія явленій: анализъ и синтезъ. Ни тому, ни другому изъ нихъ нельзя отдать предпочтенія, но, смотря по обстоятельствамъ и времени, то одинъ, то другой заслуживаетъ особаго вниманія. Было время, наприм., когда знаніе состава тѣлъ, разложеніе ихъ на элементы составляло главную задачу химіи, и анализъ былъ ея центральной темой; но вотъ обнаруживается, что не всѣ соединенія (напр., органическія тѣла) могутъ легко получаться обратно изъ элементовъ. Возникаетъ важная по времени задача синтеза органическихъ тѣлъ, такъ блестяще рѣшенная Веллеромъ. Нужды нѣтъ, что найденный имъ способъ полученія одного изъ подобныхъ тѣлъ, мочевины, совершенно не похожъ на тотъ, которымъ получается это тѣло въ природѣ, въ организмѣ,—задача синтеза не въ воспроизведеніи естественнаго процесса, а въ доказательствѣ, что данный результатъ такового можетъ быть достигнутъ искусственно. Подобнаго же рода синтеза, такъ сказать, механическіе синтезы, представляютъ, думается намъ, и автоматы XVIII вѣка. Ихъ цѣль—не сдѣлать искусственныхъ животныхъ, а доказать, что механическихъ причинъ вполне достаточно для объясненія всего разнообразія движеній и даже другихъ отправленій организма.

Таковъ былъ вѣкъ механики. Начало XIX вѣка дало мало для подтвержденія чисто механическаго міровоззрѣнія. Съ одной стороны, политическая реакція, послѣдовавшая за великой революціей, съ другой, болѣе близкое знакомство съ нѣкоторыми отдѣлами естествознанія, особенно съ организаціей животныхъ, скорѣе колебали универсальность механизации. Вскорѣ послѣдняя получаетъ однако надежную опору въ работахъ Френеля. Этому изслѣдователю удалось подвести всѣ извѣстныя въ то время явленія свѣта къ теоріи колебательнаго движенія ээира, къ теоріи, высказанной еще Гюгенсомъ въ XVII вѣкѣ. Мало того, пользуясь тою же теоріей съ небольшими дополненіями, онъ подсчиталъ и оправдалъ экспериментально множество свѣтовыхъ явленій, ранѣе неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ. Открытая затѣмъ Мелони полная аналогія въ явленіяхъ лучистаго тепла и свѣта позволила перенести цѣликомъ теорію Френеля и на этотъ классъ явленій. Механическое міровоззрѣніе вновь подымается; многимъ хочется

вѣрить, что въ «колебаніяхъ», какъ бы въ особой специфической формѣ движенія, мы имѣемъ ключъ къ пониманію всѣхъ явленій природы. Однако прошла еще четверть столѣтія, прежде чѣмъ обновленная механизация могла праздновать свой новый триумфъ. Идея была не нова; какъ и идея «колебаній», она принадлежитъ тому же вѣку механики и была высказана однимъ изъ знаменитыхъ братьевъ Бернули. Это была идея о томъ, что явленія внутри вещества, его свойства и т. д., особенно свойства газовъ, могутъ быть объяснены, исходя изъ предположенія, что газъ есть система маленькихъ упругихъ шариковъ, непрестанно двигающихся во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія та же идея вновь выдвигается и въ рукахъ Клаузіуса и Максвеля превращается въ замѣчательно стройную и законченную теорію газовъ. Почти всѣ свойства послѣднихъ, весь рядъ простыхъ законностей, наблюдаемыхъ у этихъ тѣлъ, каковы, напр., законы Байля, Авогардо и т. д., находятъ себѣ объясненіе въ предположеніи, что газы состоятъ изъ совершенно упругихъ, двигающихся по всѣмъ направленіямъ частицъ, удары которыхъ о стѣнки сосуда образуютъ давленіе газа.

Эта гипотеза казалась такой естественной, слѣдствія изъ нея получались такъ просто, что человѣческой умъ готовъ уже былъ воскликнуть вмѣстѣ съ Декартомъ: «дайте мнѣ пространство и движеніе и я создамъ вселенную».

Къ сожалѣнію въ этихъ преждевременныхъ надеждахъ пришлось скоро разочароваться. Прежде всего въ той же кинетической теоріи газовъ скоро обнаружили недосмотры. При расчетѣ давленія, оказываемаго газомъ, Клаузіусъ предположилъ, что частицы всѣ одинаковы и двигаются всѣ съ нѣкоторою среднею скоростью, каковая и сохраняется при данныхъ условіяхъ неизмѣнной. Максвель замѣтилъ вполне основательно произвольность этого предположенія и сдѣлалъ попытку построить ту же теорію, не дѣлая подобнаго допущенія. Онъ достигъ этого, воспользовавшись теоріей вѣроятностей, но это значительно усложнило вычисленія. Вскорѣ тотъ же Максвель замѣтилъ и другой недочетъ той же теоріи. До сихъ поръ молчаливо предполагалось, что столкновенія частицъ внутри газовой смѣси происходятъ только центральныя. Максвель постарался устранить и это предположеніе, что, конечно, еще усложнило расчеты. Опыты того же Максвеля и др. вывести изъ той же кинетической теоріи

рии газовъ свойства смѣси таковыхъ, понятно, потребовали еще болѣе сложныхъ математическихъ приѣмовъ.

Успѣхи кинетической теории газовъ естественно породили желаніе приложить тотъ же приѣмъ, ту же гипотезу и къ объясненію свойствъ жидкихъ и твердыхъ тѣлъ. Опыты созданія подобной теории многочисленны и разнообразны. Изъ нихъ прежде всего выяснилось, что двухъ понятій—вещества и движенія—во всякомъ случаѣ недостаточно, необходимо допустить извѣстную связность, силу взаимодѣйствія, дѣйствующую между частицами жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, — силу, зависящую отъ разстоянія ихъ другъ отъ друга. Было очень естественно, и это дѣлалось сотни разъ, предположить эту силу аналогичной силѣ тяготѣнія и зависящей отъ разстоянія, такъ же какъ и эта послѣдняя; но подобное предположеніе не привело ни къ чему, кромѣ небольшихъ частныхъ обобщеній. Не болѣе удачны были предположенія иной зависимости той же силы отъ разстоянія. Постройка кинетической теории жидкостей, кромѣ математическихъ затрудненій, встрѣтила еще на своемъ пути неизвѣстную, трудно находимую функцію. Еще болѣе трудностей ожидалось встрѣтить въ кинетической теории твердыхъ тѣлъ вообще и кристаллическихъ въ частности, съ удивительной симметрией послѣднихъ, проявляющейся не только во внѣшнихъ формахъ, но и во внутреннихъ свойствахъ.

Напрасно въ публичныхъ рѣчахъ и лекціяхъ продолжались слышаться пророчества, что близокъ тотъ часъ, когда съ помощью однихъ уравненій движенія мы такъ же точно будемъ предсказывать всякія измѣненія всякихъ веществъ, какъ астрономъ предсказываетъ затмения, когда и бурное кипѣніе жидкости, и тихій ростъ кристалловъ, и таинственное проявленіе химической силы— всѣ эти процессы возстанутъ предъ нами ясными въ своей сокровеннѣйшей конструкціи. Этотъ рай физики былъ еще очень далекъ, и онъ былъ отъ насъ пожалуй дальше, чѣмъ отъ механиковъ XVIII столѣтія.

А между тѣмъ въ той же наукѣ тихо и незамѣтно полагалось начало новому пониманію природы, новому міровоззрѣнію. Основателемъ его нужно считать Фарадея. Подобно тому какъ случай натолкнулъ Галилея на рѣшеніе одной изъ механическихъ проблемъ и тѣмъ положилъ начало механическимъ работамъ его и его преемниковъ, такъ же точно и Фарадей обязанъ случаю тѣмъ

рядомъ идей, которому суждено было скоро вырасти въ цѣлое ученіе. Въ 1821 г. Вульстенъ, демонстрируя въ лабораторіи Деви въ присутствіи Фарадея только что открытое тогда явленіе Эрштеда, отклоненіе токомъ магнитной стрѣлки, высказалъ вскользь замѣчаніе, что, вѣроятно, опытъ можно расположить такимъ образомъ, что магнитная стрѣлка будетъ непрерывно вращаться вокругъ проводника тока. Фарадей заинтересовался этою мыслью и вскорѣ ему удалось достигнуть вращенія стрѣлки. Какъ ни малъ былъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но въ рукахъ Фарадея онъ сейчасъ же превратился въ общее положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, непрерывное полученіе электричества на счетъ механической силы въ обыкновенной машинѣ тренія было тогда хорошо извѣстно; теперь, обратно, былъ найденъ путь непрерывнаго полученія движенія или механической силы на счетъ электричества; значить эти два явленія связаны между собой, переходятъ другъ въ друга, обратимы, какъ теперь говорятъ, и не только эти два, но и всѣ явленія природы. И вотъ доказательству послѣдняго положенія, разысканію этой связности, обратимости, перехода отъ одного явленія къ другому посвящается цѣлая жизнь. Онъ ищетъ ее всюду, дѣлаетъ опыты на всѣ манеры; проходятъ годы терпѣливаго труда; но они вѣнчаются поразительными результатами: между самыми отдаленными, повидимому, явленіями, какъ, напр., магнитныя и свѣтovyя, устанавливается прочная связь, находитъ соотношеніе.

Только благодаря случайности, благодаря нерасположенію къ числовымъ измѣреніямъ, Фарадей не открылъ числового постоянства этихъ соотношеній—закона сохраненія энергіи, къ которому онъ былъ такъ близокъ. Что касается объясненій этой соотносительности, то Фарадей также не стремился найти ее въ какой-либо общности механизма явленій, въ какой-либо общей причинѣ ихъ. Къ пониманію и толкованію природы, какъ можно думать по другимъ его работамъ, онъ относится скорѣе формально. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ и его соотечественникъ и современникъ, извѣстный физикъ Грове: «различныя состоянія дѣятельности вещества, говоритъ онъ, какъ, напр., электричество, тепло, свѣтъ, магнетизмъ, химическое средство и движеніе—всѣ превратимы другъ въ друга, т. е. стоятъ другъ съ другомъ во взаимной связи, но такъ, что ни одно изъ нихъ, разсматриваемое отдѣльно, не можетъ считаться основной причиной другихъ».

«Превратимость силы или формы силы въ другія дала поводъ многимъ сводить всѣ проявленія (affections) природы къ единому, считать ихъ за проявленіе одной силы. Такъ, одинъ стремится доказать, что электричество есть причина всѣхъ измѣненій вещества, другой—химическое сродство... Если, какъ я изложилъ, точнымъ изображеніемъ дѣйствительности будетъ положеніе, что всякая форма силы способна вызывать другія и что ни одна изъ нихъ не можетъ быть вызвана иначе, какъ черезъ посредство другой, исчезнувшей передъ тѣмъ, то, съ другой стороны, всякое представленіе о томъ, что та или другая изъ этихъ силъ есть основная дѣйствующая причина другихъ, нужно считать ложнымъ». Трудно точнѣе и рѣзче выразить догму научнаго феноменализма.

Возвращаясь къ исторіи вопроса о соотносительности явленій природы, мы должны прежде всего указать на работы Джауля, экспериментально установившія числовое постоянство перехода работы въ тепло, т.-наз. эквивалентность тепла работѣ.

Эти изслѣдованія имѣли двоякій результатъ: съ одной стороны, они подготовили путь къ установкѣ принципа сохраненія энергій (силы, по старому выраженію), съ другой—дали сильную опору и чисто механическому воззрѣнію на природу тепла, какъ на родъ молекулярнаго движенія. Самъ Джауль стоялъ на точкѣ зрѣнія механическаго міропониманія.

Въ 1842 году въ Анналахъ Либиха появилась вторая (первая не была нигдѣ напечатана) работа Роберта Мейера. Въ противоположность Грове, цитированная статья котораго появилось въ томъ же году, Мейеръ становится, если такъ можно выразиться, на метафизическую точку зрѣнія, стремясь найти общія свойства общихъ «причинъ» явленій и отсюда вывести законы послѣднихъ.

«Силы суть причины... Первое свойство всякихъ причинъ—это ихъ неразрушимость... Способность принимать различныя формы есть второе основное свойство всякихъ причинъ: причины суть (количественно) неразрушимые и (качественно) превратимые объекты.

«Въ природѣ существуетъ два сорта причинъ, между которыми опытомъ не найдено никакого перехода. Первый образуютъ такія причины, которымъ присуще свойство вѣсомости и непроницаемости: это—вещество; другія причины это такія, у которыхъ нѣтъ

подобныхъ свойствъ: это — силы... Силы такимъ образомъ неразрушимы, превратимы, невѣсомые объекты».

Наконецъ въ 1847 году появилось извѣстное изслѣдованіе Гельмгольца «О сохраненіи силы», которое отчасти теоретически, отчасти на основаніи опытныхъ данныхъ не только устанавливало необходимость связи всѣхъ явленій, но и постоянство числового соотношенія при ихъ взаимныхъ превращеніяхъ. Такимъ образомъ одно изъ явленій или одинъ классъ явленій можно было взять за мѣрило всѣхъ остальныхъ. Руководствуясь отчасти удобствомъ, отчасти исторической традиціей, за таковое мѣрило былъ взятъ вообще классъ явленій механическихъ, въ частности то, что въ механикѣ принято считать эффектомъ силы, работой силы и что выражается обыкновенно произведеніемъ силы (считаемой постоянной) на величину пространственнаго перемѣщенія, совершеннаго системой подъ вліяніемъ этой силы (пройденный путь). Измѣренныя работой явленія природы обладаютъ слѣдующею закономѣрностью, являющеюся слѣдствіемъ числового постоянства ихъ взаимной превратимости. Рабочая оцѣнка (энергія) всѣхъ явленій данной изолированной системы при всякихъ измѣненіяхъ послѣдней остается неизмѣнной. Энергія изолированной системы постоянна. Такъ какъ вселенная по существу должна быть разсматриваема, какъ изолированная система, ибо внѣ ея мы не можемъ представить дѣйствующую на нее другую вселенную, то то же положеніе о постоянствѣ энергіи должно быть распространено и на послѣднюю.

Понятіе о рабочей оцѣнкѣ явленій, о томъ, что явленія исчезая могутъ доставить, произвести извѣстное количество работы, которая, обратно, должна быть произведена, затрачена, чтобы вызвать не существующее въ данное время и данномъ мѣстѣ явленіе даннаго рода, — это понятіе очень удобно можетъ быть символизировано представленіемъ, что всѣ явленія природы обладаютъ работоспособностью. Послѣднюю удобно обозначить особымъ словомъ, напр., словомъ сила (прежде такъ и обозначали); но слово сила имѣетъ въ механикѣ свое узкое значеніе, что можетъ породить недоразумѣнія. Поэтому былъ предложенъ для нея новый терминъ — энергія (*ἐνέργεια* = способность къ работѣ, дѣятельная сила); такимъ образомъ краткая символика приведеннаго выше обстоятельства, возможности оцѣнки всѣхъ явленій природы

черезъ работу, можетъ быть выражена такъ: всѣ явленія природы обладаютъ энергіей.

Отъ слова обладаютъ очень легко перейти къ слову есть, и тогда получится: всѣ явленія есть проявленіе нѣкотораго нѣчто—энергіи, которое не уничтожимо по существу, количество котораго во вселенной постоянно. Таковъ общій удѣлъ человѣческихъ символовъ, изображенія становятся идолами, слова—вещами, послѣднія быстро отрываются отъ земли, чтобы летать въ пространствѣ въ видѣ особыхъ началъ, первообразовъ бытія.

Отъ номинализма къ реализму, а отъ послѣдняго къ самымъ чистымъ формамъ идеализма — такъ двигается мысль человѣка не только въ метафизикѣ, но и въ области точнаго знанія. Безсмертныя «идеи» Платона оказываются дѣйствительно безсмертными, по крайней мѣрѣ, въ умахъ людей, оживая время отъ времени все въ новыхъ и новыхъ формахъ. Итакъ, сущность вещей есть энергія и эта новая душа міра, какъ и быть тому подобаетъ, безсмертна, неуничтожима.

Мы не будемъ излагать здѣсь исторіи экспериментальной повѣрки этого положенія во всѣхъ его видахъ, мы коснемся здѣсь только теоретическихъ доказательствъ его. Таковыхъ имѣется въ настоящее время два. Первое основывается на невозможности созданія *perpetuum mobile*, второе беретъ за базисъ предположеніе, что всѣ силы суть силы центральныя. Второе изъ нихъ очевидно не имѣетъ характера всеобщности, ибо исходное положеніе его едва ли можно считать достаточно общимъ. Что касается перваго, то оно имѣетъ многія возраженія. Во-первыхъ, принципъ невозможности созданія *perpetuum mobile* есть скорѣе данное опыта, чѣмъ теоретическій постулатъ, достойный стать аксіомой; во-вторыхъ, апелляція къ невозможности *perpetuum mobile* не всегда можетъ быть проведена строго. Пользуемся случаемъ, чтобы привести интереснѣйшее возраженіе этого рода, тѣмъ болѣе, что оно мало извѣстно, даже въ специальной литературѣ.

Пусть нѣкоторое явленіе можетъ переходить изъ состоянія А въ состояніе D двумя путями: первый разъ по ABD, а второй по ACD. Напр. шаръ можетъ скатываться съ одной и той же высоты (А) на одну и ту же горизонтальную плоскость (D) по двумъ наклоннымъ плоскостямъ разной крутизны. По началу сохранения энергіи количество работы, доставляемой тѣмъ и другимъ процессомъ, одинаково. Доказывается это такъ. Предположимъ про-

тивное; пусть одинъ изъ процессовъ напр. ABD дастъ больше, работы, чѣмъ процессъ ACD, тогда ведя его по ABD и возвращая по ACD мы должны получить положительную разность, нѣкоторый остатокъ работы. Повторяя ту же операцію неопредѣленное число разъ, мы можемъ получить въ остаткѣ неопредѣленно большое количество работы т.-е., создать *perpetuum mobile*, что невозможно, слѣдовательно предположеніе наше несостоятельно. Какъ ни просто это доказательство, оно содержитъ въ себѣ однако небольшое допущеніе, послѣднее состоитъ въ предположеніи, что теченіе процессовъ ABD и ACD какъ въ прямомъ, такъ и въ обратномъ направленіи равно возможно, что въ природѣ совершенно нѣтъ такихъ процессовъ, которые бы шли въ одну и исключительно въ одну сторону. Только въ этомъ случаѣ возможно апеллировать къ вышеприведенной комбинаціи двухъ процессовъ, а черезъ нее и къ *perpetuum mobile*. Въ природѣ существуютъ однако такіе процессы, которые, сколько намъ извѣстно, никогда не идутъ въ обратномъ направленіи, напр., процессъ жизни, индивидуальнаго развитія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что начало сохраненія энергіи едва ли можно считать доказуемымъ теоретически; это положеніе опыта, или лучше результатъ нашей вѣры въ существованіе законмѣрной соотнесенности всѣхъ явленій природы.

Энергія, этотъ новый универсалій физики, выросшій, какъ мы видѣли, въ значительной степени на почвѣ механики, отнынѣ начинаетъ конкурировать съ послѣдней въ способности интерпретировать явленія природы. Если въ области ученія о теплѣ подобная конкуренція является еще нерѣшительной, особенно благодаря успѣхамъ кинетической теоріи газовъ, то въ ученіи объ электричествѣ перевѣсъ всецѣло принадлежитъ энергіи. Послѣдній тѣмъ болѣе рѣзокъ, что механическія объясненія электричества какъ состоянія, пока не являются, гипотеза невѣсомаго электрическаго вещества слишкомъ груба, а понятіе объ электрической энергіи если и не даетъ сущности электричества, то легко связываетъ самыя разнородныя проявленія послѣдняго, позволяя во многихъ случаяхъ предвидѣть и новыя таковыя.

Это быстро завоевываетъ новому началу права научнаго гражданства; оно растетъ, расширяется, захватываетъ все новыя и новыя сферы. Оно теперь всюду, это неуловимое нѣчто: вотъ его гонять по проволокѣ въ видѣ электричества; здѣсь оно пре-

вращается въ свѣтъ, тамъ и переходитъ въ движеніе трамвая; оно нагрѣваетъ провода и кипятитъ воду; его вѣшаютъ на особыхъ вѣсахъ, измѣряютъ «эргами» и продаютъ за деньги; приходитъ воръ и ночью крадетъ это нѣчто; вора отдаютъ подъ судъ, а правительства издають законы противъ кражъ энергіи. Намъ не важно теперь знать, каковъ детальный механизмъ явленій, чтобы свободно разбираться въ нихъ и управлять ими; намъ важно лишь знать какова величина ихъ энергіи; механизация природы, механическое міропониманіе все дальше и дальше отступаетъ въ узкую область вопросовъ движенія; ученіе объ энергіи заступаетъ его мѣсто; мы стоимъ на границѣ, на рубежѣ двухъ научныхъ міровоззрѣній.

Но пока разрастается все больше и больше область примѣнной новаго ученія, среди его самого начинаютъ возникать секты и разнорѣчія. Главнѣйшихъ направленій въ вопросѣ объ энергіи въ настоящее время нужно считать три: первое—это указанное выше овеществленіе энергіи, признаніе за ней какъ бы сущности вещей; второе — исключительно механическое пониманіе энергіи, какъ понятія подчиненнаго понятію силы, и третье — номиналистическое направленіе, воззрѣніе на энергію лишь какъ на символъ. Изъ нихъ первое, извѣстное подъ общимъ именемъ энергетическаго, нужно считать если не наиболѣе распространеннымъ, то во всякомъ случаѣ наиболѣе активнымъ. Второе можно пожалуй считать ортодоксальнымъ; но оно мало опредѣленно и выражается болѣе своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ первому, чѣмъ законченностью положеній; третье сравнительно еще молодо.

Мы ограничимся здѣсь изложеніемъ развитія и положеній только перваго изъ этихъ направленій, указавъ вкратцѣ на общія положенія третьяго и совсѣмъ пропустивъ второе.

Энергія, составляющая по Оствальду единственное содержаніе нашего познанія, будучи единой по существу, проявляется тѣмъ не менѣе въ различныхъ строго опредѣленныхъ формахъ. Въ попыткахъ установить и классифицировать послѣднія различныя авторы, однако, сильно расходятся. Р. Мейеръ насчитывалъ слѣдующія главныя формы энергіи, по тогдашней терминологіи силы:

I. Энергія (сила) тяготѣнія	} Механическіе виды энергіи
II. Энергія движенія	
А — простого	
В — колебательнаго	

III. Тепло

IV. Магнетизмъ

Электричество. Гальваническій токъ

V. Энергія химическаго отдѣленія

извѣстныхъ веществъ

» химическаго соединенія

другихъ веществъ

Химическіе виды
энергіи

Эта первая по времени классификація въ общемъ удержалась и теперь съ измѣненіемъ лишь главныхъ подраздѣленій, которыя, впрочемъ, сильно колеблются. Наиболѣе распространенной, или лучше наименѣ индивидуализированной нужно считать слѣдующую классификацію.

I. Формы энергіи, необходимо связанныя въ своихъ проявленіяхъ съ веществомъ и передающіяся только непосредственно отъ вещества къ веществу. Сюда принадлежатъ: механическія энергіи со всѣми своими разновидностями, тепловая, химическая энергія объема и энергія поверхности (иначе капиллярная).

II. Формы энергіи, могущія передаваться безъ посредства вѣсомой матеріи, а слѣдовательно и существовать внѣ ея. Сюда относятся тяготѣніе, свѣтъ и лучистое тепло, электричество и магнетизмъ. Благодаря аналогіи со свѣтомъ, эти виды энергіи, за исключеніемъ тяготѣнія, называютъ часто общимъ именемъ лучистой энергіи.

Кромѣ этого рода классификацій, основанныхъ исключительно на формальномъ проявленіи энергіи существуютъ еще иныя, основанныя на внутреннихъ свойствахъ энергіи и ея отдѣльныхъ формъ. Къ числу такихъ внутреннихъ свойствъ принадлежитъ: 1) проявленіе или непроявленіе 2) характеръ превратимости данной формы въ другія. По первому признаку энергію по Ранкину раздѣляютъ на кинетическую, иначе активную, энергію въ моментъ ея проявленія, какъ, напр., энергія движущагося тѣла, и потенциальную, энергію пассивную, скрытую, энергію положенія. Какъ показываетъ само слово послѣдній видъ энергіи не есть собственно энергія, а только возможность энергіи.

Второй признакъ для раздѣленія энергіи вызвалъ, съ одной стороны, наиболѣе глубокія изысканія, а съ другой, — наибольшія несогласія. Ближайшее изслѣдованіе количественной стороны превратимости однихъ видовъ энергіи въ другіе дало слѣдующій

фактъ. Если одна энергія A можетъ сполна переходить въ энергію B , то обратный переходъ не всегда бываетъ полнымъ. Этотъ фактъ не нарушаетъ, какъ часто неправильно думаютъ, принципа сохраненія энергіи; если B не сполна переходитъ въ A , то это значить только то, что часть его остается въ видѣ B , часть, которая въ схемѣ, зная прямой переходъ, всегда можетъ быть перечислена на A . Не слѣдуетъ думать также, что этотъ фактъ разрушаетъ понятіе объ эквивалентности данныхъ явленій, или видовъ энергіи; эквивалентность между двумя явленіями всегда устанавливается (иначе объ ней и говорить нельзя) только по полному переходу.

Въ качествѣ примѣровъ подобныхъ соотношеній могутъ служить слѣдующіе случаи. Механическая энергія прямо или косвенно сполна превратима во всѣ остальные виды энергіи, въ томъ числѣ и въ тепловую, послѣдняя же обратно въ механическую энергію сполна ни при какихъ условіяхъ не переходитъ. Электрическая и механическая энергіи сполна превратимы другъ въ друга. Химическая энергія сполна превратима въ тепловую, въ извѣстныхъ случаяхъ (нѣкоторые гальваническіе элементы) она также сполна превратима въ электрическую, въ другихъ же случаяхъ (другіе элементы) она только частью переходитъ въ электрическую энергію, тогда какъ другая часть превращается въ тепло.

Этотъ фактъ побудилъ Гельмгольца различать въ каждомъ видѣ энергіи двѣ части: свободную, превратимую безъ ограниченія во всѣ другія формы, и связанную, остающуюся или въ видѣ таковой, или въ видѣ тепла. Это дѣленіе однако несовсѣмъ удобно, ибо одна и та же часть энергіи, являясь связанной по отношенію къ нѣкоторой другой, является частью свободной по отношенію къ третьей.

Основываясь на томъ же фактѣ различія въ характерѣ превратимости, Оствальдъ предлагаетъ слѣдующую классификацію. Механическую энергію онъ беретъ за образцовую и на основаніи прямой обратности въ нее, раздѣляетъ всѣ остальные виды на два класса: I-й классъ, классъ энергіи высшаго порядка, энергіи сполна превратимыя въ механическую, равно какъ и она сама. II-й классъ, энергіи низшаго типа, энергіи непревратимыя сполна въ механическую.

Кромѣ этихъ главныхъ теченій въ вопросѣ о классификаціи энергіи можно указать еще на нѣсколько частныхъ толкованій.

Такъ нѣкоторые, признавая вообще существованіе опредѣленныхъ формъ энергіи (Планкъ), отрицаютъ нѣкоторые виды таковыхъ. Другіе (Гельмъ), признавая реальность энергіи, отвергаютъ существованіе отдѣльныхъ видовъ ея, постоянно обращаясь къ строгому монизму.

Еще больше разнорѣчій вызвало сравнительное изученіе различныхъ видовъ энергіи въ ихъ математическомъ выраженіи.

Какъ извѣстно, механическая энергія поднятія или медленнаго спуска груза M съ высоты H выражается просто произведеніемъ MH . Электрическая энергія выражается произведеніемъ количества электричества E на P напряженіе — EP . Если высота остается неизмѣнной, т.-е. грузъ не подымается и не опускается, то и работа поднятія или спуска не совершается; если грузъ M спускается съ высоты H до h , то работа совершаемая при этомъ равна разности работъ спуска одинъ разъ съ высоты H , а другой съ высоты h , т.-е. $MH - Mh = M(H - h)$. Если два или нѣсколько тѣлъ имѣютъ одинаковыя электрическія напряженія, или иначе если напряженіе отъ тѣла къ тѣлу не мѣняется, то и обмѣна электричества между этими тѣлами, равно какъ и совершенія электрической работы нѣтъ. Если между двумя тѣлами или въ двухъ мѣстахъ одного тѣла существуетъ разница въ напряженіи $P - p$, то электричество перетекаетъ отъ большаго напряженія къ меньшему, и работа совершаемая при этомъ равна $E(P - p)$.

Нетрудно между общими выраженіями механической и электрической энергіи съ одной стороны, равно какъ и условіями ихъ выдѣленія съ другой усмотрѣть нѣкоторую аналогію. Въ самомъ дѣлѣ: электрическое напряженіе есть какъ бы родъ высоты, а количество электричества E похоже на грузъ, спускающійся съ этой высоты. Когда высота въ двухъ мѣстахъ разная, грузъ падаетъ, и совершается работа; точно такъ же и электричество течетъ изъ одного мѣста въ другое, какъ бы падаетъ только при наличности разности напряженій. И эта аналогія не единственная. Тепло перетекаетъ отъ тѣла къ тѣлу также только при наличности разности температуры; послѣднюю поэтому можно уподобить высотѣ, электрическому напряженію и т. д.

Всѣ подобныя аналогіи привели естественно къ общей схемѣ для выраженія всѣхъ видовъ энергіи. Затѣмъ очень скоро символъ сдѣлался вещью, схема закономъ, чѣмъ-то дѣйствительно существующимъ въ природѣ. Явилось ученіе, что всякая энергія

состоить изъ двухъ половинъ, произведенія двухъ величинъ или факторовъ: одной, которую вообще можно назвать напряженіемъ, интенсивностью (Intensität), и другой — емкости, массы, количества, экстенсивности (Extensität). Измѣненіемъ перваго фактора и только его обусловливается выдѣленіе энергіи, такъ сказать переходъ ея отъ пассивнаго къ активному состоянію; второй факторъ при этомъ остается безъ измѣненія—законъ *сохраненія экстенсивности*.

Экстенсивность опредѣляетъ собою форму энергіи, ея видъ, какъ бы придаетъ ей опредѣленную окраску. Экстенсивности другъ въ друга не переходятъ; при этомъ переходъ одной энергіи въ другую объясняется только какъ кажущійся, какъ процессъ паденія до нуля интенсивности даннаго вида энергіи, возвращеніе ея въ общее лоно всеединой энергіи съ одновременнымъ выдѣленіемъ изъ этого лона другого вида и доведеніемъ его интенсивности отъ нуля до данной величины.

Масса тѣлъ есть также экстенсивность. Многіе поэтому (Оствальдъ) предлагаютъ считать вещество само по себѣ несуществующимъ и видятъ въ немъ только факторъ механической энергіи. Другіе пытаются перенести извѣстныя свойства веществъ на всѣ виды экстенсивностей. Такъ, напримѣръ, Мейергоффъ старался одно время доказать существованіе для всякаго рода экстенсивностей своего рода недѣлимыхъ атомовъ (постоянство атомной теплоемкости, электролитическіе эквиваленты). Даже у Гельмгольца есть выраженіе въ томъ же духѣ, такъ напримѣръ по поводу извѣстнаго закона Фрадея онъ замѣчаетъ, что явленіе обстоитъ такъ, «какъ если бы само электричество было раздѣлено на атомы».

Изъ той же теоріи факторовъ выводятъ слѣдующіе общіе законы явленій.

Законъ равновѣсія. Интенсивность данной энергіи повсюду въ данной системѣ должна быть въ случаѣ равновѣсія одинакова.

Законъ направленія. Переходъ энергіи пространственно совершается всегда отъ большей интенсивности къ меньшей.

Законъ превращенія одной энергіи въ другую. При переходѣ одной энергіи въ другую отношеніе интенсивностей ихъ остается постояннымъ.

Эта теорія факторовъ энергіи, приобрѣтя съ одной стороны многочисленныхъ послѣдователей, вызвала въ свое время рѣзкія

возраженія со стороны другихъ, породивъ или лучше обособивъ указанное выше ортодоксальное направленіе. Возраженія противъ теоріи факторовъ сводятся: 1) къ трудности опредѣленія ихъ для нѣкоторыхъ видовъ энергіи (напр. экстенсивности свѣтовой энергіи); 2) къ неопредѣленности ихъ въ другихъ случаяхъ (напр. въ энергіи удара за экстенсивность берутъ и массу, и массу на половину скорости, т. е. количество движенія). Возникаетъ также и вопросъ такого рода, можно ли вообще величину одного наименованія, какъ энергія, разсматривать какъ произведеніе двухъ нѣкоторыхъ величинъ другихъ наименованій?

Таково одно изъ направленій въ ученіи объ энергіи. Энергія признается реальностью, единой по существу, но различной въ своихъ проявленіяхъ, формахъ; образуютъ ли послѣднія нѣчто устойчивое (виды энергіи), или они суть только эмманации единой энергіи, во всякомъ случаѣ число ихъ ограничено. Каждая изъ такихъ формъ состоитъ изъ двухъ началъ, двухъ факторовъ интенсивности и экстенсивности.

Параллельно съ этимъ ученіемъ начинается развиваться въ настоящее время и иное пониманіе энергіи, общій характеръ котораго ясно выраженъ въ приведенной выше цитатѣ изъ Грове; болѣе точно оно можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ. Энергія есть просто слово, символъ, удобная мѣра процессовъ природы. Число формъ ея неограничено, ибо очевидно всякое явленіе, измѣненія котораго могутъ быть представлены какъ независящія отъ другихъ, можетъ быть оцѣнено этой мѣрой отдѣльно. Энергія не состоитъ изъ особыхъ факторовъ, выражающихъ ея сущность; математическое же выраженіе ея представляетъ простое произведеніе отвлеченнаго числа (числа единицъ явленія) на величину энергіи или просто работы, эквивалентной каждой единицѣ даннаго явленія.

Какъ ни просто это толкованіе, оно содержитъ въ себѣ свои затрудненія. Таковыхъ можно привести два. Если энергія есть простой символъ, мѣра и т. д., то какимъ образомъ относительно ея можетъ быть высказанъ такой общій, такъ широко оправдываемый опытомъ законъ, какъ законъ сохраненія энергіи? Во-вторыхъ, если энергія есть мѣра всѣхъ вещей, то ею должны измѣряться и такія явленія, какъ напр. явленія психическія и социальныя; можно ли однако мѣрить душу человѣка и теченіе историческихъ процессовъ работой падающаго груза?

Что касается отвѣта на первый изъ этихъ вопросовъ, то онъ уже данъ нами выше. Принципъ сохраненія энергіи есть въ сущности принципъ мѣры, наше убѣжденіе въ постоянствѣ соотносительности и соизмѣримости всѣхъ явленій природы. Что касается второго изъ вопросовъ, то авторъ этой статьи, стоящій лично на точкѣ зрѣнія послѣдняго ученія, можетъ отвѣтить на него только вопросомъ: почему же нѣтъ?

Нашъ очеркъ можетъ быть законченъ, намъ остается отвѣтить только на одинъ послѣдній вопросъ. Будучи широко приложимымъ къ объясненію самыхъ разнообразныхъ явленій природы, будучи много болѣе простымъ въ обращеніи, чѣмъ механическое воззрѣніе на природу, является ли ученіе объ энергіи началомъ достаточнымъ для изложенія всего существующаго въ природѣ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Ученіе объ энергіи не выражаетъ и не въ состояніи выразить временной особенности, временнаго характера процессовъ природы. Съ ея точки зрѣнія одинъ и тотъ же процессъ, совершающійся въ одну минуту и въ тысячу лѣтъ, равноцѣнны. Очевидно, однако, между тѣмъ и другимъ есть нѣкоторая разница. Эта неполнота ученія объ энергіи уже и теперь даетъ себя чувствовать и, не переживя вполне смѣны еще одного міровоззрѣнія, мы должны готовиться къ слѣдующей. Древность подмѣтила въ явленіяхъ и широко развила теорію одного изъ условій ихъ—пространства и формы, но съ помощью одного его міръ понимался еще очень несовершенно; XVII-й вѣкъ прибавилъ къ нему еще одно—движеніе и создалъ универсалій—силу, въ движеніи и силѣ природа нашла себѣ лучшее описаніе, чѣмъ въ одной формѣ. Мы соединили силу и пространство и создали универсалій высшаго порядка—энергію, но мы не можемъ однако сказать, чтобы съ его помощью мы достигли абсолютно полной и всесторонней символизации природы. Будущему предстоитъ задача, присоединивъ время, выработать еще болѣе совершенный символъ, который не только оцѣнитъ намъ процессы природы, но выразитъ ихъ также во времени и въ направленіи ¹⁾).

А. Шукаревъ.

¹⁾ При печатаніи предыдущей статьи нашей № 52 Вопр. Фил. и Псих. вкрались слѣдующіе недосмотры: стр. 159, строка 3 снизу послѣ 0,1 слѣдуетъ вставить: 0,9 и на слѣдующей строкѣ послѣ слова «шара»—, къ вѣроятности чернаго. Стр. 169 строка 19 снизу вмѣсто слова «земная» слѣдуетъ читать—зеленая.

Недомолвки въ теоріи эмоцій Джемса.

Современная психологическая литература не выработала еще отчетливаго и точнаго понятія эмоціи. Поэтому, говоря объ эмоціяхъ, не мѣшаетъ сдѣлать примѣрный списокъ психическихъ явленій, обозначаемаыхъ этимъ именемъ. Большинство психологовъ относитъ къ этому классу такія состоянія, какъ испугъ, страхъ, ужасъ и т. п., печаль, горе, уныніе, грусть и т. п., скука, отчаяніе, томленіе, стѣсненіе, застѣнчивость, стыдъ, досада, раскаяніе, угрызеніе совѣсти и т. п., удивленіе, недоумѣніе и т. п., радость, восторгъ, восхищеніе, умиленіе, благоговѣніе, великодушіе, гордость, довѣріе, вѣра, надежда и т. п., гнѣвъ, злость и т. п., тщеславіе, честолюбіе, самодовольство, самонадѣянность, властолюбіе, ревность, зависть, алчность, ненависть, отвращеніе и т. п., высокомѣріе, снисходительность, уваженіе, преданность, сочувствіе, жалость и т. п., и т. п., и т. п. Большинство психологовъ относятъ также къ числу эмоцій состояніе удовольствія и неудовольствія. Нерѣдко случается слышать также объ эмоціяхъ нравственныхъ, эстетическихъ, интеллектуальныхъ и религіозныхъ. Если согласиться съ Вундтомъ, который говоритъ, что «эмоція есть временной рядъ чувствованій, соединенныхъ въ одно непрерывное преемство, выдѣляющееся, какъ своеобразное цѣлое, изъ числа предыдущихъ и послѣдующихъ процессовъ, и притомъ такое цѣлое, которое оказываетъ, обыкновенно, и болѣе сильное вліяніе на субъектъ, чѣмъ отдѣльное чувствованіе» ¹⁾, то приведенный списокъ придется расширить почти до безконечности. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія

¹⁾ Очеркъ психологіи, перев. Викторова, стр. 200

Вундта рѣзкой границы между чувствованіями и эмоціями нѣтъ; слѣдовательно, многія формы чувства ритма, чувствъ оптической формы или даже чувственные тона нѣкоторыхъ ощущеній, напр., интенсивнаго краснаго цвѣта, ничѣмъ не отличаются отъ эмоцій.

Просматривая приведенный списокъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что въ настоящее время подъ понятіе эмоціи подводятся разнородныя явленія, которыя будутъ распределены въ различные отдѣлы психологіи, когда явится удовлетворительная теорія ихъ. Эти явленія съ трудомъ поддаются изученію. Поэтому для изслѣдованія ихъ лучше всего прибѣгнуть къ такому приему: избрать небольшую группу явленій, наиболѣе доступныхъ анализу, построить теорію этихъ явленій, и дать точное опредѣленіе ихъ, назвавъ ихъ эмоціями или какимъ-либо другимъ именемъ, и затѣмъ посмотрѣть, какія изъ перечисленныхъ явленій навѣрно не могутъ подойти подъ данное опредѣленіе и должны составить особую группу. Наибольшее количество исходныхъ пунктовъ для анализа даютъ тѣ душевныя волненія, которыя сопровождаются бѣльшимъ количествомъ измѣненій въ тѣлѣ. Таковы гнѣвъ, ненависть, отвращеніе, зависть, печаль, радость, страхъ; поэтому Джемсъ остроумно поступилъ, начавъ свое изслѣдованіе именно съ этихъ эмоцій.

Какъ извѣстно, рассматривая ихъ, онъ пришелъ къ выводу, прямо противоположному обыкновеннымъ взглядамъ. Обыкновенно, мы думаемъ, что порядокъ событій при переживаніи эмоцій бываетъ такой: какое-либо воспріятіе или представленіе вызываетъ эмоцію, а вслѣдъ за эмоціею является рядъ измѣненій въ тѣлѣ. Такъ, напр., увидѣвъ медвѣдя, мы пугаемся и начинаемъ дрожать, блѣднѣемъ; услышавъ обидное замѣчаніе, мы гнѣваемся и начинаемъ краснѣть, сжимаемъ кулаки, говоримъ повышеннымъ тономъ. По мнѣнію Джемса, это описаніе заключаетъ въ себѣ грубую ошибку, такъ какъ порядокъ событій въ дѣйствительности совершенно иной: нѣкоторыя воспріятія и представленія вызываютъ рядъ измѣненій въ тѣлѣ, и эти измѣненія составляютъ причину эмоціи. Слѣдовательно, увидѣвъ медвѣдя, мы начинаемъ блѣднѣть и тогда испытываемъ страхъ, услышавъ обидное замѣчаніе, сжимаемъ кулаки, говоримъ повышеннымъ тономъ и вслѣдствіе этого переживаемъ эмоцію гнѣва. Подчеркивая парадоксальный характеръ своей гипотезы, Джемсъ говоритъ: «согласно моей гипотезѣ, наиболѣе рационально выразить-

ся слѣдующимъ образомъ: мы опечалены потому, что плачемъ, приведены въ ярость потому, что бьемъ другого, боимся потому, что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ потому, что опечалены, приведены въ ярость, испуганы».

Свою мысль Джемсъ подтверждаетъ слѣдующими соображеніями. Всякое воспріятіе или представленіе сопровождается рядомъ измѣненій въ большомъ мозгу, и эти измѣненія не ограничиваются центральными областями нервной системы, а волнообразно разливаются по всему организму въ формѣ ускоренія или замедленія біенія сердца и дыханія, сокращенія или расширенія сосудовъ, усиленія перистальтики и т. п. Этими тѣлесными перемѣнами вызываются въ свою очередь центростремительные нервные токи, и потому всѣ онѣ отчетливо или смутно сознаются въ формѣ органическихъ ощущеній. Всякая эмоція и есть не что иное, какъ комплексъ такихъ органическихъ ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ эмоцію страха, вызванную появленіемъ медвѣдя, и попытаемся мысленно анализировать ее и при этомъ мысленно устранить изъ нея ощущенія дрожи въ мускулахъ, ощущенія отъ сокращенія кровеносныхъ сосудовъ (холодокъ въ спинѣ), отъ усиленія перистальтики кишечника, отъ поднятія волосъ дыбомъ. Если мы произведемъ этотъ анализъ, то окажется, что послѣ вычета всѣхъ органическихъ ощущеній въ нашемъ сознаніи не осталось ничего, кромѣ чисто интеллектуальнаго состоянія, именно воспріятія медвѣдя.

Слѣдовательно, эмоція страха есть не что иное, какъ комплексъ органическихъ ощущеній. Точно также, анализируя гнѣвъ, мы найдемъ, что эта эмоція складывается изъ ощущенія волненія въ груди, ощущеній отъ прилива крови къ лицу, расширенія ноздрей, стискиванія зубовъ и т. п. За вычетомъ этихъ органическихъ ощущеній въ нашемъ сознаніи остается лишь чисто интеллектуальное состояніе, знаніе о медвѣдѣ, о фактѣ обиды и т. п. Слѣдовательно, эмоциональный характеръ гнѣва, страха и другихъ подобныхъ состояній сознанія слѣдуетъ всецѣло отнести за счетъ органическихъ ощущеній.

Приведенное разсужденіе Джемсъ считаетъ главнымъ аргументомъ въ пользу своей теоріи. По его словамъ, съ нимъ соглашались всѣ лица, производившія указанный имъ мысленный анализъ эмоцій, за исключеніемъ тѣхъ, которые, повидимому, не могли понять точно, чего онъ требуетъ. Въ дополненіе къ это-

му аргументу Джемсъ приводитъ косвенное соображеніе въ пользу своей теоріи, именно согласіе дѣйствительности съ вытекающимъ изъ теоріи выводомъ, что искусственное воспроизведеніе внѣшнихъ тѣлесныхъ проявленій эмоціи должно сопровождаться появленіемъ самой эмоціи. Нарочно сжимая зубы и кулаки, топая ногами и говоря повышеннымъ тономъ, мы можемъ возбудить въ себѣ чувство гнѣва. «Чтобы придать себѣ храбрости,—говоритъ Джемсъ,—мы свистимъ и тѣмъ дѣйствительно придаемъ себѣ увѣренность. Съ другой стороны, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая и отвѣчая упавшимъ голосомъ на разспросы окружающихъ, и вы тѣмъ еще усилите ваше меланхолическое настроеніе».

Наоборотъ, подавленіе тѣлесныхъ проявленій эмоціи сопровождается исчезновеніемъ самой эмоціи.

Еще болѣе важны тѣ случаи, когда эмоція возникаетъ безъ соотвѣтствующаго объекта и безъ искусственнаго воспроизведенія тѣлесныхъ измѣненій, каковы, напр., гнѣвъ, страхъ, печаль у помѣшанныхъ, больныхъ, пьяныхъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Джемса, эмоція явнымъ образомъ есть не что иное, какъ комплексъ органическихъ ощущеній.

Бываютъ случаи, когда, задерживая проявленіе эмоціи, мы усиливаемъ ее, напр., удерживаясь отъ смѣха или отъ проявленій гнѣва, который въ такихъ случаяхъ переходитъ иногда въ ненависть. Эти случаи Джемсъ объясняетъ такъ. Подавляя экспрессию лица, мы этимъ не устраняемъ еще внутренняго возбужденія въ груди, брюшной полости, которое при этомъ можетъ даже усиливаться, какъ это бываетъ при подавленномъ смѣхѣ. Въ другихъ же случаяхъ, какъ напр., въ случаѣ необходимости подавить проявленіе гнѣва, появляется совершенно новая эмоція вслѣдствіе возникновенія новыхъ внутреннихъ еще болѣе сильныхъ, чѣмъ прежде, но менѣе замѣтныхъ снаружи, органическихъ возбужденій. Не противорѣчитъ теоріи Джемса также и свидѣтельство нѣкоторыхъ извѣстныхъ актеровъ, что они прекрасно могутъ воспроизводить на сценѣ мимикую лица, тѣлодвиженіями и голосомъ всѣ оттѣнки эмоцій, вовсе не переживая въ то же время самихъ эмоцій. Этимъ актерамъ удастся, повидимому, диссоциировать внутреннее органическое возбужденіе (дѣятельность сердца, дыханія) и наружную экспрессию эмоціи, а такъ какъ въ составѣ нѣкоторыхъ эмоцій ощущеніе внутрен-

няго возбужденія играетъ очень важную роль, то воспроизведеніе однихъ внѣшнихъ измѣненій тѣла, соотвѣтствующихъ такимъ эмоціямъ (напр., гнѣву, печали), не создаетъ еще этихъ эмоцій.

Утверждая, что источникомъ грубыхъ эмоцій служатъ центростремительные токи, Джемсъ признаетъ однако, что болѣе тонкія эмоціи, нравственныя, интеллектуальныя, эстетическія, обусловливаются, вѣроятно, исключительно центральнымъ возбужденіемъ. «Но, прибавляетъ онъ, слабость и блѣдность этихъ чувствованій, когда они не связаны съ тѣлесными возбужденіями, представляютъ весьма рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями».

Главное достоинство своей теоріи Джемсъ видитъ въ томъ, что она указываетъ путь для детальнаго изслѣдованія эмоцій. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ съ точки зрѣнія Джемса всякая эмоція есть результатъ тѣлесной реакціи на нѣкоторыя воспріятія или представленія, напр., на представленіе врага, лающей собаки, умирающаго человѣка, то, желая изучить эмоцію, мы должны въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдовать происхожденіе такихъ тѣлесныхъ состояній, какъ измѣненіе въ біеніи сердца, дыханіи, перистальтикѣ и т. д. Само собою разумѣется, приступая къ рѣшенію этихъ проблемъ, мы а priori можемъ разсчитывать, хотя бы на нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ имѣемъ дѣло съ фактами, поддающимися наблюденію и во многихъ отношеніяхъ изученными. «Эти проблемы,—говоритъ Джемсъ,—составляютъ задачу, съ одной стороны, физиологической механики, а съ другой,—исторіи развитія человѣческой психики, задачу, которая какъ и всѣ реальныя научныя задачи, по существу разрѣшима, хотя и трудно, быть-можетъ, найти ея рѣшеніе».

Вмѣсто того, чтобы положить начало ряду такихъ детальныхъ изслѣдованій, теорія Джемса вызвала обширную полемику, особенно со стороны американскихъ и англійскихъ психологовъ. Однако, большинство изъ нихъ, желая доказать, что эмоція складывается изъ центральныхъ процессовъ, заходитъ слишкомъ далеко, именно утверждаютъ, что органическія ощущенія *вовсе не входятъ* въ эмоціи, и потому подбираютъ возраженія, съ которыми Джемсъ легко справляется. Къ тому же они мало принимаютъ въ разсчетъ ощущенія отъ внутренностныхъ реакцій, играющія важную роль въ теоріи Джемса. Такъ напр., Уорчестеръ

и Айронъ говорятъ, что одна и та же эмоція въ различныхъ случаяхъ сопровождается различными тѣлесными реакціями. Въ отвѣтъ на это Джемсъ обращаетъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что различные внѣшніе симптомы могутъ сопровождаться одинаковыми внутренними, а во-вторыхъ, на то, что каждая эмоція дѣйствительно можетъ варьировать въ очень широкихъ предѣлахъ. Уорчестеръ указываетъ также на обратное явленіе, именно на то, что очень сильныя эмоціи сопровождаются сходными внѣшними проявленіями. Джемсъ соглашается съ этимъ, но прибавляетъ, что очень сильныя эмоціи сходны другъ съ другомъ и по своему психическому содержанию. Уорчестеръ и Айронъ замѣчаютъ также, что рыданіе или смѣхъ, возникшіе чисто рефлекторнымъ путемъ безъ соотвѣтствующаго печальнаго или смѣшнаго объекта, не похожи на эмоціи, ихъ можно сравнить съ икотой, дрожью отъ холода и т. п. органическими ощущеніями. Рядомъ съ этимъ возраженіемъ нужно поставить соображеніе Штумпфа, что, принимая теорію Джемса, приходится отнести къ числу эмоцій и такія психическія состоянія, какъ мигрень или ревматическія боли. Эти два возраженія принадлежатъ къ числу очень сильныхъ, если не преувеличивать ихъ значенія, именно видѣтъ въ нихъ не полное ниспроверженіе теоріи Джемса, а указаніе на то, что эмоція заключаетъ въ себѣ, кромѣ органическихъ ощущеній, еще какой-то элементъ, упущенный изъ виду Джемсомъ.

Всѣ противники Джемса обращаютъ вниманіе на то, что тѣлесная реакція не можетъ быть вызвана воспріятіемъ объекта, и изъ этого дѣлаютъ выводъ, что мотивомъ ея служитъ эмоція, которая, слѣдовательно, должна предшествовать реакціи. Уорчестеръ, напр., указываетъ на то, что медвѣдь въ клѣткѣ не вызываетъ ничего похожаго на тѣлесную реакцію, которая у насъ является, когда мы видимъ его въ лѣсу. Изображая теорію Джемса въ карикатурномъ видѣ, онъ говоритъ: «соотвѣтственно здравому смыслу мы бѣжимъ, потому что боимся быть съѣденными, а по теоріи Джемса намъ непріятно быть съѣденными, потому что мы бѣжимъ». Джемсъ отвѣчаетъ на это своимъ противникамъ, что причиною реакціи, а, слѣдовательно, и эмоціи служитъ не просто воспріятіе, а воспріятіе вмѣстѣ съ возникающими по поводу него въ разныхъ случаяхъ различными воспоминаніями. Къ этому надо прибавить, что Уорчестеръ, какъ это видно изъ приведенной

выше фразы его, а также изъ прямыхъ его заявленій, смѣшивается чувства удовольствія и страданія съ эмоціями, а мы увидимъ дальше, что смѣшеніе этихъ понятій ведетъ къ крупнымъ заблужденіямъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія возникаетъ важнѣйшее возраженіе Вундта, а вслѣдъ за нимъ и Леманна. Вундтъ говоритъ, что эмоція начинается съ простаго первоначальнаго чувствованія, имѣющаго субъективный характеръ въ отличіе отъ объективнаго характера ощущеній (поэтому онъ считаетъ чувство реакціею апперцепціи), а вслѣдъ за нимъ уже является тѣлесная реакція, дающая органическія ощущенія, чувственные тона которыхъ присоединяются къ первоначальному чувствованію и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ эмоцію.

Конечно, теорія Джемса вызвала не одни только возраженія. Она приобрѣла также крупныхъ защитниковъ, вродѣ Рибо, Фулье, Серджи. Одинъ изъ защитниковъ, Соллье, сдѣлалъ даже попытку эмпирически подтвердить мысль Джемса. Соллье наблюдалъ одного больного, страдавшаго почти полною анестезіею не только кожи, слизистыхъ оболочекъ и мускуловъ, но и внутренностей, такъ что у него, напр., не было даже ощущеній голода и сытости. По описанію Соллье, этотъ субъектъ былъ почти абсолютно апатиченъ. Наблюденіе Соллье согласуется съ выводами, которые нужно сдѣлать изъ теоріи Джемса и потому служить косвеннымъ подтвержденіемъ ея, но прямого доказательства, конечно, не даетъ, потому что измѣненія въ организмѣ невротата, изслѣдованнаго Соллье, навѣрное не ограничивались одною лишь утратою органическихъ ощущеній. Еще менѣе удачны опыты, произведенные Соллье надъ двумя истерическими больными, у которыхъ онъ путемъ внушенія уничтожалъ чувствительность внутренностей или чувствительность периферіи тѣла, а также ту и другую вмѣстѣ. Въ случаѣ полной анестезіи, а также анестезіи внутренностей больные были апатичны и даже говорили: «я не люблю никого, даже и себя, потому что я не чувствую ничего (*puisque je ne sens rien*). По поводу этихъ опытовъ справедливо замѣчаетъ Штумпфъ ¹⁾, что даже и психологія до сихъ поръ не различаетъ строго терминовъ чувствовать и ощущать, слѣдовательно, Соллье могъ прямымъ внушеніемъ уничтожать у своихъ больныхъ не только ощущенія, но и эмоціональную жизнь.

1) Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, 1899.

Вопросы философіи, кн. 57.

II.

Теорія Джемса складывается изъ нѣсколькихъ утверждений, имѣющихъ не одинаковую цѣнность и не одинаково достовѣрныхъ. Поэтому она до сихъ поръ находитъ мало сторонниковъ и не принесла той пользы психологiи, какой ожидалъ отъ нея Джемсъ. Чтобы подвергнуть ее оцѣнкѣ, выразимъ ее въ видѣ ряда отдѣльныхъ положенiй.

Во-первыхъ, по мнѣнiю Джемса, тѣлесная реакцiя *не есть результатъ* эмоцiи. Во-вторыхъ, тѣлесная реакцiя есть *причина* эмоцiи. Въ-третьихъ, эмоцiя складывается изъ *органическихъ ощущенiй*, соотвѣтствующихъ тѣлесной реакцiи. Въ-четвертыхъ, за вычетомъ органическихъ ощущенiй, составляющихъ сложное эмоцiональное состоянiе, въ сознании или не остается ничего, или же остается какое-либо чисто интеллектуальное состоянiе.

Первое и второе изъ этихъ утверждений придаютъ теорiи Джемса парадоксальный характеръ, между тѣмъ выраженныя въ нѣсколько иной, болѣе осторожной формѣ они не казались бы такими невѣроятными. Высказывая ихъ, Джемсъ придерживается положенной имъ въ основу психологiи «регулятивной гипотезы», которую онъ формулируетъ такъ: всѣ душевные процессы являются безусловно функцiею мозговой дѣятельности, измѣняясь параллельно послѣдней и относясь къ ней, какъ дѣйствiе къ причинѣ. Безъ сомнѣнiя, современная психологiя на каждомъ шагѣ съ успѣхомъ пользуется этою гипотезою, но надо замѣтить, что многiе психологи выражаютъ ее въ болѣе осторожной формѣ, именно признаютъ, что каждому состоянiю сознания соотвѣтствуетъ какой-либо физиологической процессъ, но вовсе не утверждаютъ, что между рядомъ физическихъ и рядомъ психическихъ явленiй существуетъ причинное взаимоотношенiе ¹⁾. Съ этой точки зрѣнiя психической и соотвѣтствующей ему физиологической процессъ можно считать двумя различными выраженiями одного и того же. Выражая въ этой болѣе осторожной формѣ первое и второе утверждение, мы скажемъ, что тѣлесная реакцiя

¹⁾ При этомъ надобно имѣть въ виду еще, что картина физическихъ процессовъ, быть-можетъ, есть не что иное, какъ нашъ способъ представлять себѣ чужiе душевные процессы, и значить, существуетъ лишь, какъ наше представленiе, такъ что спинозистическiй параллелизмъ долженъ замѣниться идеалистическимъ параллелизмомъ.

есть не результатъ эмоціи, а спутникъ ея, фізіологической коррелятъ ея. Слѣдовательно, мы не имѣемъ права говорить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ: «Онъ опечаленъ и потому плачетъ». Но нельзя также признать правильнымъ парадоксальное выраженіе Джемса: «Онъ плачетъ и потому опечаленъ». На самомъ дѣлѣ слѣдуетъ говорить: «Онъ опечаленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плачетъ» (психическое и фізіологическое состояніе существуютъ параллельно другъ другу).

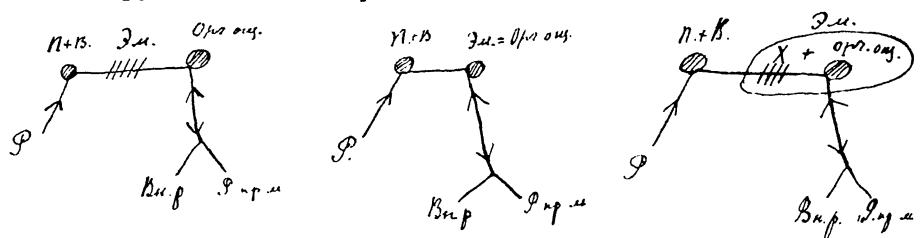
Выраженныя въ такой формѣ два первыя положенія совпадаютъ по своему значенію съ третьимъ, именно съ утвержденіемъ, что эмоція складывается изъ органическихъ ощущеній. Слѣдовательно, оцѣнку этихъ трехъ положеній нужно производить въ связи другъ съ другомъ: они стоятъ и падаютъ вмѣстѣ. Изъ нихъ третье не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только всмотрѣться внимательно въ психическія состоянія, называемыя гнѣвомъ, печалью, страхомъ, чтобы замѣтить, что въ нихъ входитъ множество органическихъ ощущеній изъ области сердца, дыхательныхъ органовъ, пищеварительнаго аппарата и т. д. Главная заслуга Джемса заключается именно въ этой мысли, не требующей никакихъ доказательствъ, кромѣ ссылки на самонаблюденіе. Далѣе въ связи съ этой мыслью становятся несомнѣнными и два первыя утвержденія Джемса, по крайней мѣрѣ, въ формѣ утвержденія, что тѣлесная реакція есть не результатъ эмоціи, а фізіологической коррелятъ ея.

Къ сожалѣнію, доказывая свою мысль, Джемсъ прибѣгнулъ, кромѣ ссылки на самонаблюденіе, еще къ двумъ аргументамъ, не выдерживающимъ критики и опровергнутымъ его противниками. Однако оспаривая мысль, что эмоція состоитъ изъ однихъ только органическихъ ощущеній, противники Джемса зашли слишкомъ далеко; нѣкоторые изъ нихъ стали утверждать, что эти органическія ощущенія вовсе не входятъ въ нее. Поскольку они въ пылу борьбы отстаиваютъ свое второе утвержденіе, полемика отчасти превращается въ споръ изъ-за словъ, именно въ споръ о томъ, обозначать ли словомъ эмоція психическое состояніе, упущенное изъ виду Джемсомъ и предшествующее тѣлесной реакціи, или же называть эмоціею это психическое состояніе вмѣстѣ съ присоединяющимися къ нему органическими ощущеніями. Поскольку споръ принимаетъ такой характеръ, обычное словоупотребленіе стоитъ на сторонѣ Джемса, такъ какъ подъ

гнѣвомъ, печалью, страхомъ и т. п. всѣ разумѣютъ такія сложныя психическія состоянія, въ которыхъ несомнѣнно важною составною частью являются ощущенія щемленія сердца, дрожанія мускуловъ, усиленной перистальтики и т. п.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ положительными сторонами теоріи Джемса. Теперь намъ нужно отмѣтить одинъ важный недостатокъ ея, заключающійся въ четвертомъ утвержденіи, согласно которому эмоція состоитъ *только* изъ органическихъ ощущеній, такъ что послѣ вычитанія органическихъ ощущеній, составляющихъ сложное эмоціональное состояніе, въ сознаніи или не остается ничего или же остается какое-либо чисто интеллектуальное состояніе. Если бы это было такъ, то эмоція ничѣмъ не отличалась бы отъ такихъ пассивныхъ состояній, какъ мигрень, ломота въ спинѣ, усталость, ревматическія боли, пріятныя ощущенія отъ нормальнаго процесса пищеваренія и т. п. На самомъ дѣлѣ это невѣрно; въ эмоціяхъ гнѣва, страха, тоски и т. п., кромѣ пассивнаго воспріятія органическихъ ощущеній, есть еще какой-то элементъ, заставляющій насъ считать эмоцію чѣмъ-то болѣе близкимъ къ нашему я, болѣе субъективнымъ, чѣмъ ощущенія. Слѣдовательно, этотъ элементъ нужно признать за состояніе сознанія, соотвѣтствующее какимъ-то центральнымъ процессамъ въ корѣ большого мозга, а не центростремительнымъ токамъ. Спрашивается, что это за центральный процессъ, и какое состояніе сознанія, какой элементъ эмоціи соотвѣтствуетъ ему.

Раньше, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, для большей наглядности выразимъ схематически различіе между обыденною точкою зрѣнія на эмоціи, теорією Джемса и тою точкою зрѣнія, которую мы считаемъ правильною.

Р—внѣшнее раздраженіе. П+В—представленіе и ассоціированныя съ нимъ воспоминанія. Эм—эмоція. Орг. ош.—органическія ощущенія. X—искомый центральный процессъ, составляющій вмѣстѣ съ органическими ощущеніями эмоцію. Вн. р.—внутренняя реакція. Р. пр. м.—реакція со стороны подчиненныхъ волѣ мускуловъ.

Опредѣляя природу допущеннаго нами центрального процесса, мы не можемъ воспользоваться самонаблюденіемъ, такъ какъ эмоція складывается изъ состояній сознанія, слабо дифференцированныхъ, органическія ощущенія выступаютъ въ нихъ на первый планъ и маскируютъ другіе элементы эмоціи. Поэтому отвѣтить на поставленный вопросъ можно лишь съ помощью косвенныхъ соображеній, именно исходя ихъ тѣхъ элементовъ эмоціи, которые намъ уже извѣстны. Мы знаемъ, что значительная часть эмоціи состоитъ изъ органическихъ ощущеній, слѣдовательно, обуславливается тѣлесною реакціею. Нѣкоторыя стороны этой реакціи, именно внѣшнія проявленія эмоцій въ области главнымъ образомъ мускулатуры, подчиненной волѣ, подвергнуты уже изученію. Относительно происхожденія ихъ Дарвину удалось установить три закона, изъ которыхъ одинъ, наиболѣе важный и имѣющій наиболѣе широкую область примѣненія, принятъ въ той или иной формѣ дальнѣйшими изслѣдователями этого вопроса. Этотъ законъ, названный въ сочиненіи Дарвина «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» началомъ полезныхъ, ассоціированныхъ привычекъ, состоитъ въ слѣдующемъ: движенія, оказавшіяся полезными намъ въ прошлыхъ случаяхъ, повторяются нами по привычкѣ и въ новыхъ аналогичныхъ случаяхъ, даже тогда, когда они стали бесполезными. Таковы сжиманіе кулаковъ и зубовъ по адресу отсутствующей особы, вызвавшей въ насъ гнѣвъ, топаніе ногами, оскаливаніе клыка, закладываніе ушей назадъ, встрѣчающееся у разсерженныхъ животныхъ, имѣющихъ привычку кусаться въ дракѣ, опусканіе угловъ губъ при отвращеніи и печали, приподниманіе внутреннихъ угловъ бровей въ горѣ, нахмуриваніе при затрудненіи, вздрагиваніе и миганіе при неожиданномъ шумѣ, сокращеніе скуловой мышцы при зависти и ревности, раскрываніе рта и глазъ при изумленіи, облизываніе при мысли о чемъ-либо пріятномъ, улыбка, взглядъ искоса у хитрящаго человѣка и т. п., и т. п. Второй законъ, установленный Дарвиномъ, начало антитеза, заключается въ себѣ лишь описаніе того факта, что нѣкоторыя противоположныя психическія состоянія сопровождаются противоположными движеніями, но не даетъ никакого намека на объясненіе этого факта, такъ какъ предположеніе Дарвина, что «при появленіи совершенно противоположнаго настроенія существуетъ сильное и произвольное стремленіе къ выполненію дви-

женій противоположнаго свойства, хотя бы они были совершенно бесполезны», построено имъ вполне произвольно. Весьма возможно, что явленія, подведенныя Дарвиномъ подъ этотъ законъ, объясняются съ точки зрѣнія перваго закона. Напримѣръ, волнистыя движенія тѣла собаки, смѣняющія собою напряженное положеніе всего корпуса ея, когда она подходитъ къ человѣку съ враждебными намѣреніями, а потомъ, замѣтивъ, что это ея хозяинъ, радостно бросается къ нему, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что эти движенія даютъ возможность, ласкаясь, прикасаться различными поверхностями тѣла къ хозяину. Третій законъ Дарвина, начало прямого вліянія нервной системы, заключаетъ въ себѣ слѣдующее утвержденіе: при сильномъ возбужденіи чувствительныхъ центровъ, развиваемая въ избыткѣ нервная сила или передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи нервныхъ клѣточекъ между собою и отчасти отъ привычки, или нервная дѣятельность можетъ, повидимому, быть прерываема. Высказавъ этотъ законъ, Дарвинъ прибавляетъ: «Конечно, всякое движеніе, совершаемое нами, обусловлено строеніемъ нервной системы, но мы исключаемъ въ этомъ случаѣ, насколько возможно, всѣ движенія, зависящія отъ воли, отъ привычки, или отъ начала антитеза. Предметъ, котораго мы коснулись теперь, чрезвычайно неясенъ; по крайней важности его, на немъ стоитъ остановиться подольше, такъ какъ всегда полезно видѣть собственное незнаніе». Въ этихъ словахъ Дарвина заключается полное осужденіе его третьяго закона. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ движенія наши обусловлены строеніемъ нервной системы, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ищемъ специальныхъ законовъ различныхъ группъ движеній, неопредѣленная общая ссылка на этотъ законъ есть лишь результатъ нашего незнанія. Поэтому-то Дарвинъ подводитъ подъ этотъ законъ просто всѣ тѣ явленія, которыя ему не удалось объяснить инымъ путемъ. Таковы дрожаніе мышцъ при страхѣ, злобѣ или сильной радости, измѣненія въ біеніи сердца, сосудодвигательной системѣ и дыханіи, отдѣленіе пота, желчи и т. п. Слѣдовательно, какъ разъ тѣ реакціи, которыя происходятъ въ области самыхъ важныхъ органовъ и встрѣчаются чаще всего, возникаютъ, какъ случайный побочный результатъ соединенія нервныхъ элементовъ, установившагося для другихъ цѣлей. Это предположеніе противорѣчитъ современнымъ ученіямъ объ орга-

низмѣ, какъ продуктѣ продолжительной эволюціи, приспособленномъ къ внѣшнимъ условіямъ, т. е. раздраженіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія этого ученія пути разрядовъ зависятъ отъ строенія нервной системы, но въ свою очередь это строеніе измѣняется подѣ влияніемъ разрядовъ, и это взаимодѣйствіе приводитъ къ тому, что реакціи оказываются все болѣе и болѣе цѣлесообразно приспособленными къ соотвѣтствующимъ раздраженіямъ. Даже тѣ реакціи, которыя на первый взглядъ не заключаютъ въ себѣ ничего цѣлесообразнаго (мимическое выраженіе эмоцій), при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются возникшими изъ цѣлесообразныхъ приспособленій. Если такъ, то тѣмъ увѣреннѣе можемъ мы утверждать, что реакціи со стороны важнѣйшихъ органовъ возникли такимъ же путемъ, т. е. могутъ быть подведены подѣ начало полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Эта задача не выполнена до сихъ поръ потому, что реакціи сердца, сосудистой системы, дыхательныхъ органовъ возникли въ животномъ мірѣ раньше другихъ реакцій, входящихъ въ составъ эмоцій: онѣ составляютъ результатъ болѣе продолжительной эволюціи, въ которой могло быть много метаморфозъ и сложныхъ взаимоотношеній.

Итакъ, разсматривая эмоціональныя реакціи, мы нашли, что однѣ изъ нихъ объясняются началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ, а другія, особенно внутренностныя, вовсе не объяснены, но относительно ихъ можно съ огромной вѣроятностью утверждать, что ихъ удастся подвести подѣ тотъ же законъ. Далѣе, принимая въ расчетъ, что тѣлесная реакція не слѣдуетъ за эмоціею, какъ ея результатъ, а входитъ въ нее, какъ составная часть, мы принуждены будемъ сдѣлать выводъ, что эмоція, по крайнѣй мѣрѣ главная часть ея, есть не что иное, какъ совокупность привычныхъ актовъ, приносящихъ пользу въ другихъ аналогичныхъ данному случаяхъ: слѣдовательно, эмоція есть или рефлексъ или поступокъ. Рефлексомъ эмоціональную реакцію, конечно, назвать нельзя, такъ какъ подѣ это понятіе подводятся лишь реакціи, возникающія безъ участія сознанія; раздраженіе, вызывающее рефлексъ, достигаетъ своего результата даже и въ томъ случаѣ, если центры сознательной дѣятельности разрушены. Между тѣмъ большинство эмоціональныхъ реакцій не возникаетъ при этомъ условіи, напримѣръ, собака у которой разрушенъ центръ зрительныхъ воспріятій, не обнаруживаетъ при видѣ кнута

своимъ дыханіемъ и біеніемъ сердца никакихъ признаковъ страха. Итакъ, эмоція есть поступокъ ¹⁾.

Разсматривая эмоцію, какъ поступокъ, т. е. какъ волевой актъ, мы вступаемъ въ область самыхъ опасныхъ въ психологіи проблемъ, въ область вопросовъ, по поводу которыхъ намъ на каждомъ шагу могутъ замѣтить, что мы удаляемся отъ реальныхъ фактовъ и вводимъ метафизическое понятіе воли. Во избѣжаніе такихъ упрековъ мы будемъ пользоваться нѣкоторыми терминами и взглядами Вундта, которые, хотя и отклоняются отъ общепринятыхъ, удобны въ томъ отношеніи, что не могутъ подать повода къ вышеуказаннымъ обвиненіямъ, такъ какъ своими терминами Вундтъ обозначаетъ психическія состоянія, доступныя наблюденію каждаго человѣка. Устанавливая понятіе волевыхъ движеній, онъ говоритъ слѣдующее: «Всѣ движенія, происходящія отъ центральной иннервации внѣшнихъ тѣлесныхъ мускуловъ, могутъ быть раздѣлены на два класса: 1. на такія, въ возникновеніи которыхъ можно доказать лишь участіе физическихъ условій; мы называемъ ихъ отчасти автоматическими, отчасти рефлекторными движеніями, и 2. на такія, при возникновеніи которыхъ мы воспринимаемъ, рядомъ съ физическими условіями, опредѣленныя состоянія сознанія, какъ психическія причины внѣшняго движенія: эти психо-физически обусловленныя движенія въ свою очередь подраздѣляются на движенія, вытекающія изъ стремленій (Triebbewegungen) и движенія произвольныя» ²⁾. Въ своей психологіи онъ такъ поясняетъ послѣднее подраздѣленіе: «Подъ дѣйствіемъ, вытекающимъ изъ стремленій, мы будемъ подразумѣвать простое, т. е. однимъ только мотивомъ обусловленное волевое дѣйствіе. Понятое въ этомъ смыслѣ дѣйствіе, вытекающее изъ стремленій, служитъ необходимо исходною точкою раз-

¹⁾ Во избѣжаніе отклоненій въ сторону по этому вопросу, ссылаюсь на слѣдующее опредѣленіе Вундта въ Grundriss der phys. Psychol. 4. изд., т. II. стр. 583: «Въ различеніи понятій явилась нѣкоторая неопредѣленность; въ особенности понятіе рефлекса приобрѣло чрезвычайно много значеній, что мѣшаетъ нерѣдко его ясности. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи, согласно первоначальному значенію понятій, подъ автоматическими и рефлекторными движеніями мы будемъ разумѣть лишь такія движенія, которыя возникаютъ исключительно, какъ механической результатъ соединеній нервныхъ элементовъ и воздѣйствія на нихъ физическихъ раздраженій, не сопровождаемая ощущеніями и чувствами».

²⁾ Grundriss der phys. Psych., стр. 583.

витія волевыхъ дѣйствій, хотя оно можетъ встрѣчаться и наряду съ болѣе сложными волевыми актами. Какъ скоро нѣсколько чувствъ и представленій стремятся перейти въ какомъ-нибудь аффектѣ во внѣшнія дѣйствія, и какъ скоро эти составныя части аффекта, сдѣлавшіяся мотивами, имѣютъ къ тому же въ виду различныя внѣшнія конечныя дѣйствія, то изъ простого дѣйствія происходитъ сложное волевое дѣйствіе. Въ отличіе отъ предшествующаго ему дѣйствія, вытекающаго изъ стремленія, мы называемъ его произвольнымъ дѣйствіемъ»¹⁾. «Сложное волевое дѣйствіе въ конечномъ результатѣ тоже руководится однимъ какимъ-либо стремленіемъ, однимъ мотивомъ, но этотъ мотивъ выдвигается лишь послѣ борьбы съ другими, противодействующими ему мотивами, т. е. послѣ процесса выбора, который отсутствуетъ, по крайней мѣрѣ, въ сознательной формѣ въ простыхъ волевыхъ дѣйствіяхъ». Это различіе Вундтъ поясняетъ такимъ образомъ: «Въ моментъ наступленія волевого дѣйствія, чувства, сопутствующія рѣшенію и намѣренію, смѣняются всегда специфическимъ чувствомъ дѣятельности, субстратомъ которому при внѣшнихъ волевыхъ дѣйствіяхъ служатъ внутреннія осязательныя ощущенія, сопровождающія движеніе... Если признать тотъ процессъ, который наблюдается при дѣйствіяхъ, опредѣляемыхъ выборомъ, за полное волевое дѣйствіе, то существенное отличіе дѣйствій, вытекающихъ изъ стремленій (Triebbewegungen), будетъ состоять въ томъ, что при нихъ отпадаютъ предваряющія дѣйствіе чувства, связанныя съ рѣшеніями, при чемъ чувство, связанное съ мотивомъ, переходитъ непосредственно въ чувство дѣятельности, а затѣмъ въ тѣ чувства, которыя соотвѣтствуютъ результатамъ дѣйствія»²⁾.

Итакъ, Вундтъ называетъ волевою всякую тѣлесную реакцію, которая сопровождается чувствомъ дѣятельности и сознается нами (правильно или ошибочно—это все равно), какъ имѣющая психическую причину.

Исходя изъ этихъ опредѣленій, ясно, что мы должны подвести эмоціи подъ понятіе простого волевого поступка. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, даже съ чисто физической стороны она обладаетъ основнымъ признакомъ поступка, именно предваряется раздраже-

1) Вундтъ, Очеркъ психологіи, стр. 221.

2) Психологія, стр. 224.

ніемъ коры большого мозга, во-вторыхъ, и съ психической стороны она заключаетъ въ себѣ основной признакъ поступка, — сознается, какъ имѣющая психическую причину, сознается, какъ производимая нами реакція тѣла. Это сознание выражается нами въ языкѣ: мы говоримъ «я гнѣваюсь, ненавижу, завидую», а не «воспринимаю себя гнѣвающимся, ненавидящимъ» и т. п. Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что, говоря объ эмоціяхъ, мы должны употребить оба выраженія: «я гнѣваюсь» и «воспринимаю себя гнѣвающимся», такъ что въ эмоціи есть два акта, актъ порожденія реакціи въ тѣлѣ и актъ воспріятія ея. Этимъ она отличается отъ воспріятій, возникшихъ вслѣдствіе перемѣнъ на периферіи тѣла, которыя порождены не нами, а произошли отъ внѣшняго раздраженія или рефлекторнымъ путемъ. Говоря о нихъ, напр., о воспріятіи стакана, мы не можемъ сказать «я стаканюсь» и потомъ «воспринимаю стаканъ». Говоря о рефлекторномъ сокращеніи мышцы въкъ или мышцы на лбу (когда мы нервно разстроены, такъ что принуждены прибѣгать къ бромистому калию и т. п.), мы говоримъ «у меня подергивается мышца» (я воспринимаю ее подергивающеюся), а не «я подергиваю мышцу».

Теперь ясно, какой X, какой элементъ эмоціи упущенъ изъ виду Джемсомъ. Джемсъ считаетъ эмоцію воспріятіемъ перемѣны въ тѣлѣ; на самомъ же дѣлѣ эмоція есть порожденіе нами перемѣны въ тѣлѣ и воспріятіе этой перемѣны. Пояснимъ это примѣромъ: Джемсъ находитъ въ эмоціи лишь такія состоянія сознанія, какія возникаютъ у насъ, когда кто-либо сгибаетъ нашу руку (воспріятіе пассивнаго движенія); на самомъ же дѣлѣ эмоція складывается изъ такихъ состояній сознанія, какія бываютъ у насъ, когда мы сами сознательно, а не рефлекторно сгибаемъ руку (сознаніе объ активномъ движеніи). Значитъ, Джемсъ упускаетъ изъ виду состоянія, предшествующія поступку, заключающія въ себѣ оттънокъ активности, который мы даже обособляемъ, какъ это ни абсурдно, и называемъ словами чувство дѣятельности, усиліе, стремленіе чего-либо достигнуть или избѣжать. Современная психологія, анализируя состоянія сознанія, предшествующія поступку, въ лицѣ многихъ своихъ представителей утверждаетъ, что эти состоянія суть лишь воспоминанія о прежнихъ подобныхъ же поступкахъ, воспоминанія, вызывающія по ассоціаціи самый поступокъ. Согласно этому, если эмоція есть поступокъ, то ей предшествуетъ воспоминаніе о прежнихъ эмо-

ціяхъ, по ассоціаціи вызывающее новую реакцію въ тѣлѣ и новую реальную, а не воспоминаемую лишь эмоцію. Не желая поднимать здѣсь слишкомъ важнаго вопроса, мы можемъ согласиться съ такимъ толкованіемъ всѣхъ поступковъ вообще, настаивая *лишь* на томъ, что состоянія сознанія, предшествующія эмоціональной тѣлесной реакціи, находятся *въ такомъ же отношеніи* къ этой реакціи, какъ состоянія сознанія, предшествующія намѣренному поднятію руки, и самое поднятіе руки, а также на томъ, что въ этихъ состояніяхъ есть отгѣнокъ активности, чувство дѣятельности, усилія, стремленіе достигнуть чего-либо или избѣжать (упомянутые только что психологи сводятъ это чувство активности къ воспоминаніямъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ, но мы и этого вопроса не будемъ разбирать: намъ важно поставить эмоціи на одну доску съ поступками, а не дать теорію всѣхъ поступковъ вообще).

Къ сожалѣнію, эти важные отгѣнки психическихъ состояній рѣдко становятся предметомъ нашего наблюденія и плохо запоминаются нами, такъ какъ мы обращаемъ вниманіе исключительно на свои цѣли, а не средства, которыми онѣ осуществляются. Въ эмоціяхъ еще труднѣе подмѣтить указываемый мною элементъ, такъ какъ всѣ вообще психическія состоянія, входящія въ эмоцію, слабо дифференцированы и чувство активности, составляющее исходный пунктъ эмоціи, поглощается массою интенсивныхъ слѣдующихъ за нимъ органическихъ ощущеній. Однако въ пользу предыдущаго разсужденія говоритъ то обстоятельство, что мы ставимъ эмоціи въ болѣе близкое отношеніе къ своему я, чѣмъ пассивно воспринятія органическія ощущенія, происшедшія отъ периферическихъ причинъ и возникшія благодаря рефлексамъ. Предыдущими соображеніями объясняется, почему мы не считаемъ мигрень или ломоту въ спинѣ эмоціями. Мало того, обративъ вниманіе на элементъ активности, исходя изъ теоретическихъ соображеній, мы можемъ найти также и яркія подтвержденія этихъ соображеній. Для этого намъ нужно подыскать такіе случаи, когда эмоція состоитъ главнымъ образомъ изъ внутренностныхъ реакцій и вызывается такимъ раздраженіемъ, которое могло бы породить эти реакціи и чисто рефлекторнымъ путемъ. Такова эмоція испуга, вызываемая неожиданнымъ стукомъ. Благодаря стеченію обстоятельствъ, она дала мнѣ нѣсколько наблюденій, подтверждающихъ сходство эмоцій съ поступками. Въ те-

ченіе одной зимы въ моей комнатѣ очень часто трескался паркетъ, и каждый разъ трескъ его вызывалъ во мнѣ, такъ какъ я былъ нѣсколько разстроенъ, вздрагиваніе, интенсивное ощущеніе въ области сердца, которое кажется происходящимъ отъ того, что сердце будто бы сжимается, и ощущенія въ области сосудистой системы на периферіи тѣла. Психическое состояніе при этомъ было типичнымъ образцомъ эмоціи испуга, очень тягостной, какъ извѣстно. Желая освободиться отъ нея, я сталъ бороться тѣмъ способомъ, который удачнѣе всего приводитъ къ цѣли, когда хочешь отдѣлаться отъ какой-нибудь неприятной привычки, именно всякій разъ, когда она являлась, я мысленно живо представлялъ себѣ причину ея, т. е. трескъ паркета, и мысленно настойчиво представлялъ себѣ, что воздерживаюсь отъ бессмысленной реакціи. Черезъ нѣсколько дней я сталъ наблюдать такое явленіе: трескъ тотчасъ вызывалъ во мнѣ совершенно спокойную мысль о причинѣ этого явленія, я вовсе не вздрагивалъ, но въ то же время съ изумленіемъ, и это изумленіе очень характерно въ данномъ случаѣ, воспринималъ длительную волну неприятныхъ ощущеній изъ области сердца и сосудовъ. Психическое состояніе складывалось почти изъ тѣхъ же органическихъ ощущеній, кромѣ вздрагиванія, что и въ первомъ случаѣ; по крайней мѣрѣ, можно поручиться, что самые интенсивные и неприятные элементы были налицо, и, несмотря на то, я бы не назвалъ это психическое состояніе эмоціею, а сравнилъ бы его съ мигренью, нытьемъ почекъ и т. п. пассивно воспринимаемыми психическими состояніями, возникающими отъ перемѣнъ на периферіи, не зависящихъ отъ сознанія. Изумленіе, съ которымъ я воспринималъ это состояніе, аналогично тому чувству, съ которымъ относишься иногда къ подкожному рефлексу, къ этому сильному сокращенію ноги, которое поражаетъ насъ тѣмъ, что происходитъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго участія съ нашей стороны.

Утверждая, что эмоція есть волевой актъ, мы высказываемъ одну парадоксальную мысль, противорѣчащую установившимся въ наукѣ взглядамъ. Съ нашей точки зрѣнія краснѣніе отъ радости (расширеніе сосудовъ), блѣднѣніе отъ страха (сжиманіе сосудовъ), дрожь, измѣненіе въ пищеварительныхъ аппаратахъ приходится считать поступками, такъ какъ имъ предшествуетъ неясно сознанное стремленіе чего-нибудь достигнуть или избѣ-

жать. Между тѣмъ въ наукѣ установилось мнѣніе, что всѣ эти тѣлесныя явленія совершенно не зависятъ отъ воли: сознательные процессы очень часто вліяютъ на эти дѣятельности, но это вліяніе есть результатъ иррадіаціи нервныхъ токовъ, оно не сопровождается чувствомъ усилія, стремленія, и потому оно не можетъ быть сравниваемо съ волевымъ вліяніемъ сознанія. Противорѣчить этому прочно установившемуся мнѣнію до такой степени опасно, что раньше, чѣмъ привести аргументы противъ него, цѣлесообразно будетъ прибѣгнуть къ авторитетамъ (хотя такая ссылка есть непозволительный *argumentum ad hominem*) именно сослаться на соображенія Вундта, которыя могутъ послужить исходнымъ пунктомъ. «Основываясь на общей исторіи развитія»,—говоритъ Вундтъ,—можно допустить, что даже такія движенія, какъ сокращеніе сердца, которыя у высшихъ животныхъ совсѣмъ не зависятъ отъ воли, или какъ движеніе дыханія, отчасти не зависящія отъ воли, развились изъ первоначальныхъ движеній, вытекающихъ изъ стремленій (*Triebbewegungen*). Разсматривая вопросъ о происхожденіи рефлексовъ и автоматическихъ актовъ, Вундтъ вообще высказывается въ пользу предположенія, что всѣ они возникли изъ движеній, вытекающихъ изъ стремленій. Наблюдая проявленія одноклѣточныхъ организмовъ, у которыхъ вся жизнь проходитъ въ такихъ актахъ, какъ сжиманіе и расширеніе всего тѣла, обволакиваніе съѣдобныхъ веществъ, выталкиваніе несъѣдобныхъ и т. д., мы должны признать, по его мнѣнію, что это простые волевые акты, т.-е. движенія, вытекающія изъ стремленій (*Triebbewegungen*). Въ высоко развитомъ организмѣ такіе акты производятся не всѣмъ тѣломъ, а приурочиваются къ опредѣленнымъ органамъ (сжиманіе и расширеніе органа въ связи съ сжиманіемъ и расширеніемъ сосудовъ, органы пищеваренія и т. п.) и регулируются низшими нервными центрами (въ которыхъ, можетъ быть, есть свое сознаніе), такъ что совершаются безъ контроля высшихъ центровъ, безъ контроля высшаго сознанія, непреднамѣренно.

Не удивительно, что мы привыкли считать такіе процессы въ организмѣ независящими отъ нашихъ стремленій и намѣреній (отъ воли). Между тѣмъ рѣшительныхъ основаній для этого у насъ нѣтъ. Если у нашихъ безконечно отдаленныхъ предковъ эти акты были обусловлены ихъ стремленіями, хотя бы и не ясными, слабо дифференцированными и потому не похожими на

наши рѣшенія, то естественно предположить, что и у насъ сохранилась способность сознательно вліять на свой кишечникъ, свои кровеносные сосуды и т. д. Однако, дѣятельность этихъ органовъ необходима для нашего организма ежесекундно, поэтому управленіе ими сосредоточивается въ низшихъ центрахъ (напр., въ продолговатомъ мозгу), и свою способность вліять на эти органы сознательно мы проявляемъ очень рѣдко. Поэтому наши сознательныя воздѣйствія на сосуды, сердце, кишечникъ и т. д. до сихъ поръ остаются въ формѣ слабо дифференцированныхъ состояній сознанія, съ трудомъ улавливаемыхъ самонаблюденіемъ. Именно такія воздѣйствія на организмъ мы и производимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда получаемъ извѣстіе о смерти друга, становимся носъ къ носу съ медвѣдемъ въ лѣсу, выслушиваемъ обидное замѣчаніе и т. д. Потрясеніе, вызываемое этими воспріятіями, такъ велико, что мы не успѣваемъ реагировать обдуманно и производимъ рядъ примитивныхъ органическихъ актовъ, которые мы и наши самые отдаленные предки привыкли производить въ другихъ болѣе обычныхъ, примитивныхъ непріятныхъ случаяхъ. Результатомъ этихъ актовъ является такая масса органическихъ ощущеній, что въ нихъ тонетъ неясное стремленіе, предшествовавшее имъ. Сложное состояніе сознанія, получившееся такимъ образомъ, есть эмоція. Слѣдовательно, эмоція по существу есть такое же состояніе сознанія, какъ и то, которое мы переживаемъ, когда сознательно поднимаемъ руку, съ тою лишь разницею, что элементы этого послѣдняго состоянія—рѣшеніе поднять руку и моторныя ощущенія отъ дѣйствительнаго поднятія руки—дифференцированы и потому легко опредѣлимы. Въ отвѣтъ на это могутъ возразить, что въ такомъ случаѣ мы могли бы по желанію во всякій данный моментъ вызвать какой угодно фізіологическій процессъ такъ же легко, какъ поднять руку. Однако это возраженіе не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, органическіе процессы находятся въ постоянной зависимости отъ дѣятельности низшихъ центровъ нервной системы, которая иногда можетъ противодѣйствовать вліянію высшихъ центровъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что даже и рѣшеніе поднять руку не всегда приводитъ къ цѣли, вслѣдствіе противодѣйствія низшихъ центровъ, напр., въ случаѣ судороги. Во-вторыхъ, произвольный актъ выполняется легко въ томъ случаѣ, когда ему предшествуетъ стремленіе къ какой-либо цѣли, связанное съ отчет-

ливымъ воспоминаніемъ о моторныхъ ощущеніяхъ, сопровождающихъ достиженіе этой цѣли, при чемъ, конечно, въ послѣдствіи ассоціація между цѣлью и движеніемъ можетъ настолько упрощиться, что промежуточный элементъ, воспоминаніе о моторныхъ ощущеніяхъ, можетъ выпасть безъ ущерба для акта. Управление внутренностями не можетъ пройти этихъ фазъ развитія, потому что моторныя ощущенія, исходящія отъ нихъ, всегда должны оставаться слабо дифференцированными и, слѣдовательно, не могутъ хорошо запоминаться. Въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія должны оставаться на низшей степени развитія, во-первыхъ, потому, что они мало важны для насъ, такъ какъ исходятъ изъ органовъ, управление которыми предоставлено низшимъ центрамъ, а во-вторыхъ, потому, что они обусловлены органами внутренними и, слѣдовательно, не могутъ вступать въ комбинацію съ ощущеніями высшихъ органовъ чувствъ и контролироваться ими.

Если высказанныя здѣсь соображенія вѣрны, то а priori нужно ожидать, что нѣкоторымъ людямъ удастся въ силу какихъ-либо исключительныхъ условій достигнуть высокой сравнительно степени способности управлять своими внутренними органами, и дѣйствительность подтверждаетъ это предположеніе. Въ литературѣ описано много подобныхъ случаевъ. Я напомню нѣкоторые изъ нихъ, заимствуя ихъ изъ заслуживающаго довѣрія сочиненія Хэкъ Тьюка «Духъ и тѣло». Хэкъ Тьюкъ самъ изслѣдовалъ одного члена лондонскаго королевскаго общества Фокса, который обладалъ способностью усиленіемъ воли увеличить число ударовъ пульса на десять и даже двадцать ударовъ въ минуту. *При этомъ дыханіе у него вовсе не измѣнялось.* Онъ упоминаетъ также о полковникѣ Тоунсендѣ, обладавшемъ способностью вызывать у себя летаргію въ родѣ той, которая наблюдается у индійскихъ факировъ. При этомъ дыханіе и бѣненіе сердца у него, повидимому, совершенно прекращались. Нѣкоторые субъекты обладаютъ способностью произвольно вызывать у себя рвоту. Эразмъ Дарвинъ сообщаетъ объ одной особѣ, обладавшей способностью вызывать у себя усиленную перистальтику напряженіемъ воли. Вообще можно привести много случаевъ вліянія воображенія на перистальтику. Извѣстны случаи, когда больные завалами кишечника, которымъ собирались дать лѣкарство, видѣли во снѣ, будто они уже приняли лѣкарство, и этотъ сонъ излѣчивалъ ихъ. Нерѣдко въ больницахъ по ошибкѣ или нарочно

давали такимъ больнымъ какое-нибудь индифферентное вещество, и оно приводило къ желаемымъ результатамъ. Одинъ господинъ, присутствовавшій при смерти своего друга, погибшаго отъ спазмодическаго суженія пищевода, былъ страшно пораженъ картиной его смерти. не могъ отдѣлаться отъ мысли о ней и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ той же болѣзни. Вообще, продолжительное сосредоточеніе вниманія на какой бы то ни было части тѣла сопровождается, какъ извѣстно, измѣненіями въ ней. Одинъ врачъ обладалъ способностью произвольно вызывать боль въ какой угодно части своего тѣла: при этомъ въ органѣ, гдѣ онъ вызывалъ боль, увеличивалась пульсація сосудовъ. Здѣсь можно напомнить также о явленіяхъ стигматизма—о Луизѣ Лато и т. п. Многіе субъекты обладаютъ способностью произвольно расширять зрачекъ; впрочемъ это достигается, обыкновенно, чрезчуръ окольнымъ путемъ, именно живымъ воспоминаніемъ о темнотѣ. Однако, докторъ Рахтон обладалъ способностью расширять и суживать зрачокъ безъ этого искусственнаго приѣма. Въ заключеніе сошлюсь еще на проф. Тарханова, описавшаго нѣсколько случаевъ способности произвольно увеличивать количество біеній сердца.

Конечно, по поводу всѣхъ этихъ случаевъ можно замѣтить, что они объясняются слѣдующимъ образомъ. Мышечныя сокращенія какого угодно внутренняго органа сопровождаются появленіемъ нервныхъ токовъ, которые направляются въ мозгъ и производятъ въ немъ рядъ процессовъ, вызывающихъ органическія ощущенія: когда мы вспоминаемъ объ этихъ органическихъ ощущеніяхъ, то въ силу закона ассоціаціи является обратный токъ изъ центра къ внутреннему органу и производитъ сокращеніе его мышцъ; это явленіе особенно должно быть замѣтнымъ у лицъ способныхъ чрезвычайно живо вспоминать органическія ощущенія.

Однако это замѣчаніе нельзя считать возраженіемъ противъ высказанныхъ выше взглядовъ, такъ какъ наше волевое дѣйствіе на поперечно-полосатыя мышцы многими психологами объясняется такимъ же образомъ, а цѣль приведенныхъ разсужденій состоитъ лишь въ томъ, чтобы показать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ процессы сознанія совершенно *въ такомъ же смыслѣ* необходимо предшествуютъ сокращеніямъ гладкихъ мышцъ, какъ и сокращеніямъ поперечно-полосатыхъ мышцъ.

III.

Построенная нами гипотеза, что эмоція есть поступокъ, сдѣлается еще болѣе вѣроятною, если мы въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи пойдемъ по пути, указываемому ею, именно обратимся къ исторіи развитія поступковъ вообще. Къ сожалѣнію, по этому вопросу въ психологической литературѣ существуетъ лишь одно изслѣдованіе, сочиненіе Шнейдера *Der thierische Wille*, но и оно уже даетъ крайне цѣнныя указанія. Анализируя поступки всѣхъ животныхъ отъ одноклѣточныхъ до человѣка и слѣдя за возрастающею сложностью ихъ, Шнейдеръ приходитъ къ мысли, что всѣ движенія высшихъ животныхъ явились, какъ результатъ дифференціаціи двухъ первоначальныхъ движеній низшихъ организмовъ. Эти два первоначальныя движенія суть сокращеніе и расширеніе всего организма. Стремленіе къ сокращенію является у низшихъ организмовъ при встрѣчѣ съ чѣмъ-либо неприятнымъ, стремленіе къ расширенію при встрѣчѣ съ чѣмъ-либо приятнымъ. Изъ первичнаго стремленія къ сокращенію развиваются всѣ движенія самозащиты, удаляющія насъ отъ вреднаго объекта, напр., всѣ движенія страха, а изъ стремленія къ расширенію развиваются всѣ движенія, сближающія насъ съ приятнымъ объектомъ, напр., движенія при питаніи, половыхъ сношеніяхъ. Къ сожалѣнію, Шнейдеръ не воспользовался своимъ изслѣдованіемъ для построенія теоріи эмоцій. Джемсъ ссылается на сочиненіе Шнейдера, но тоже мало примѣняетъ его для своей теоріи, вѣроятно, потому что вообще упускаетъ изъ виду волевой характеръ эмоцій. Удачнѣе воспользовался взглядами Шнейдера Фулье, который опредѣляетъ эмоціи почти такъ же, какъ онѣ опредѣлены въ этой статьѣ. Фулье говоритъ: «эмоціи въ концѣ концовъ суть инстинктивныя движенія воли, реагирующей подъ вліяніемъ удовольствія или страданія; эти движенія измѣняютъ, съ одной стороны, теченіе идей, а съ другой—сообщаются органамъ, которыми онѣ и выражаются во внѣ». Нужно только прибавить къ этому опредѣленію, что движенія органовъ входятъ въ составъ самой эмоціи въ томъ смыслѣ, что органическія ощущенія, порождаемыя ими, составляютъ, пожалуй, важнѣйшую часть эмоціи; быть можетъ они то, благодаря своему ярко-выраженному чувственному тону, своей пріятности,

или непріятности, и заставляють насъ смотрѣть на эмоціи, какъ на особую своеобразную группу душевныхъ явленій. Не обращающа вниманія на этотъ пунктъ, Фулье даже черезчуръ подчеркиваетъ волевой характеръ эмоцій, и потому изслѣдованіе Шнейдера для него цѣнная находка. Изложивъ взгляды Шнейдера, онъ говоритъ: «Теперь рассмотримъ, какія состоянія чувствованія должны были соотвѣтствовать у первичныхъ животныхъ различнымъ видамъ общей дѣятельности, сопровождаясь общими движеніями расширенія и сокращенія. Мы получимъ два слѣдующихъ положенія: 1. съ приближеніемъ предмета благопріятнаго повышается общая дѣятельность выше нормальной; отсюда удовольствіе и движеніе общаго расширенія, которое и дѣлается выраженіемъ этого удовольствія; 2. съ приближеніемъ предмета вреднаго дѣятельность понижается ниже нормальной, а отсюда страданіе и общее сократительное движеніе, которое дѣлается выраженіемъ страданія. Слѣдя дальше за развитіемъ организмовъ, мы увидимъ, что внутреннее сократительное движеніе, совершенствуясь естественнымъ подборомъ, приведетъ живой организмъ къ передвиженію всей своей массы въ пространствѣ, и это передвиженіе будетъ удалять организмъ отъ предмета; это движеніе и есть движеніе отклоненія, отвращенія, удаленія и бѣгства. Наоборотъ, расширительное движеніе, развиваясь, приведетъ организмъ къ перемѣщенію всѣмъ тѣломъ къ предмету пріятному; это движеніе склонности, стремленія и преслѣдованія. Такимъ образомъ получились два знака въ этомъ естественномъ языкѣ. Прибавьте теперь идею или представленіе о предметѣ, причиняющемъ страданіе или удовольствіе, и вы получите сознательное отвращеніе и сознательное желаніе. Таковы первичныя эмоціи съ ихъ общими тѣлесными движеніями, которыя выражаютъ ихъ въ первый моментъ. Мы можемъ сказать, противно Спенсеру, что если пріятное чувство выражается возбужденностью и повышеніемъ двигательной дѣятельности, то, наоборотъ, усиленность подавляющаго чувствованія тотчасъ выражается сокращеніемъ и пониженіемъ двигательной дѣятельности. Во время радостной эмоціи различные органы, въ сущности, только воспроизводятъ съ своей стороны общія расширительныя движенія и помогаютъ имъ: черты лица расширяются, брови приподнимаются, ротъ раскрывается, вся фізіономія дѣ-

лается, что называется, открытой, голосъ дѣлается громче, жесты дѣлаются многочисленнѣе и рѣзче» ¹⁾...

Опредѣляя эмоціи, какъ поступки, и принимая во вниманіе изложенныя мысли Шнейдера и Фулье, нельзя не согласиться съ Джемсомъ, что детальное изученіе эмоцій цѣликомъ должно основываться на исторіи развитія психической дѣятельности. Мало того, самый методъ этого изслѣдованія обрисовывается совершенно ясно. Этотъ методъ долженъ быть психо-физиологическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, напр., что намъ предстоитъ изслѣдовать эмоцію страха. Съ точки зрѣнія изложенной гипотезы эта эмоція есть не что иное, какъ сознаніе о цѣломъ рядѣ такихъ поступковъ и рефлексовъ, какъ широкое раскрываніе глазъ и рта, задержка дыханія, съезживаніе всего тѣла и пригибаніе къ землѣ, ускореніе бѣшенія сердца, сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ, отдѣленіе холоднаго пота, дрожаніе мускуловъ, подниманіе волосъ дыбомъ, наконецъ, учащеніе дыханія, прекращеніе слюноотдѣленія и т. д. Комплексъ органическихъ ощущеній, порождаемыхъ этими поступками и рефлексами, поддается анализу съ большимъ трудомъ. Поэтому, если мы сосредоточимъ вниманіе исключительно на психическомъ состояніи, мы опредѣлимъ лишь немногіе элементы страха, и вовсе не догадаемся, какъ они возникли. Для успѣшнаго анализа необходимо воспользоваться приборами физиологовъ, вродѣ плетисмографа, сфигмографа и т. д., и отмѣтить всѣ физическія проявленія страха. Далѣе, смотря на каждое изъ этихъ проявленій, какъ на инстинктивный поступокъ, основанный на стремленіи чего-либо достигнуть или избѣжать, поступокъ, приносящій пользу намъ или нашимъ предкамъ въ аналогичныхъ случаяхъ, мы должны будемъ произвести рядъ наблюденій надъ физическими реакціями низшихъ животныхъ на непріятные или вредные объекты, пока каждое изъ проявленій страха у человѣка не объяснится, т.-е. пока мы не найдемъ тѣ случаи, когда реакціи, бесполезныя для человѣка, были полезны для другихъ животныхъ и упрочились настолько, что сохранились въ формѣ инстинктивнаго акта у человѣка.

Такое детальное изслѣдованіе каждой тѣлесной реакціи покажетъ зависимость между ними и дастъ, слѣдовательно, ма-

¹⁾ Фулье, о выраженіи душевныхъ волненій, пер. Оболенскаго, стр. 70.

теріаль для окончательнаго рѣшенія разногласія между Джемсомъ и Ланге, который одновременно съ Джемсомъ построилъ по существу однородную теорію эмоцій. Ланге утверждаетъ, что эмоція есть комплексъ органическихъ ощущеній, происходящихъ отъ сокращеній произвольныхъ мышцъ, произвольныхъ мышцъ и вазомоторовъ, но въ отличіе отъ Джемса онъ считаетъ эти три элемента неравноцѣнными, именно думаетъ, что первичною причиною эмоціи служатъ измѣненія въ вазомоторахъ, которыя влекутъ за собою рядъ сокращеній или ослабленій въ остальныхъ гладкихъ и въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ. Очевидно, теорія Ланге болѣе узка, чѣмъ теорія Джемса; она заключаетъ въ себѣ съ трудомъ доказуемое добавочное предположеніе о порядкѣ тѣлесныхъ реакцій, предположеніе сомнительное и въ то же время заставляющее насъ отказаться отъ хорошо обоснованной мысли Дарвина, что множество эмоціональныхъ реакцій объясняются началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Къ тому же самъ Ланге признаетъ необоснованною какъ разъ ту часть своего добавочнаго предположенія, которую всего легче было бы отстаивать, именно утвержденіе, что измѣненія въ гладкихъ мышцахъ обусловлены измѣненіями въ вазомоторахъ. Въ примѣчаніи 20. къ своему сочиненію «Аффекты» онъ говоритъ: «Мы до сихъ поръ противопоставляли сосудодвигательную функцію остальной нервной дѣятельности, главнымъ образомъ, ради упрощенія дѣла; при этомъ впрочемъ не забывали, что въ вопросѣ о первичныхъ проявленіяхъ аффектовъ, пожалуй, можно бы было допустить и то, что сосудодвигательный аппаратъ оказывается тутъ вообще только частью произвольнаго нервно-мышечнаго аппарата и что этотъ именно послѣдній противопоставляется въ аффектахъ, какъ первично-пораженный, такъ что, на примѣръ, и разстройства въ движеніяхъ пузыря и кишекъ слѣдовало бы считать первичными». Итакъ, теорія Ланге сомнительна именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она отличается отъ теоріи Джемса, и кромѣ того, конечно, въ тѣхъ, гдѣ сама теорія Джемса оказывается не-полною.

IV.

Теперь мы можемъ заняться окончательнымъ опредѣленіемъ понятія эмоціи, именно опредѣленіемъ отдѣла и класса, къ которому относятся эти поступки,

Поступки бываютъ инстинктивными или предумышленными. Инстинктивный поступокъ складывается изъ реакцій безотчетныхъ (не сопровождающихся представленіемъ о цѣлесообразности ихъ и цѣли), но въ то же время цѣлесообразныхъ и, слѣдовательно, врожденныхъ, т.-е. возникшихъ на почвѣ опыта предковъ. Такъ какъ гнѣвъ, радость, страхъ, отвращеніе складываются изъ актовъ, которые не сопровождаются представленіемъ о достигаемомъ ими результатѣ и врождены (усиленіе или задержка дыханія, перемѣны въ біеніи сердца, широкое раскрываніе глазъ и т. п.), то эти простые волевые поступки можно назвать инстинктивными.

Отъ другихъ инстинктивныхъ поступковъ, наприм., осеняго перелета птицъ, постройки гнѣзда и т. п. эмоціи отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что состоятъ главнымъ образомъ изъ самыхъ примитивныхъ актовъ, именно изъ внутренностныхъ реакцій, и въ этомъ состоитъ ихъ главная отличительная особенность. Во-вторыхъ, многіе изъ актовъ, входящихъ въ эмоціи, отличаются рудиментарнымъ характеромъ. Таковы въ особенности мимическія и пантомимическія проявленія эмоцій, оскаливаніе клыка, топаніе ногой, улыбка и т. п. Это, собственно, не поступки, а недоразвитые зачатки поступковъ. Весьма вѣроятно, что и внутренностныя эмоціональныя реакціи отличаются такимъ же характеромъ, такъ какъ онѣ возникли раньше остальныхъ, и вслѣдствіе измѣнившихся условій однѣ изъ нихъ должны были видоизмѣниться, а другія, сдѣлавшись нецѣлесообразными, должны постепенно вымирать. Однако эту догадку можно будетъ провѣрить лишь тогда, когда внутренностныя эмоціональныя реакціи подвергнутся изслѣдованію съ указанной точки зрѣнія и будутъ сравнены съ соотвѣтствующими реакціями низшихъ животныхъ.

Въ-третьихъ, нѣкоторые элементы эмоціональной реакціи могутъ возникать чисто рефлекторнымъ путемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эмоція вызвана очень простымъ внѣшнимъ раздражителемъ (таковы, наприм., нѣкоторые элементы испуга отъ неожиданнаго шума). Рефлекторныя реакціи могутъ возникнуть также, какъ производное явленіе, вызванное инстинктивными реакціями. Такъ, наприм., объясняетъ Дарвинъ слезы: онъ полагаетъ, что крики страдающаго человѣка являются причиною переполненія кровью сосудовъ глаза; для защиты тканей глаза отъ возможнаго разрыва сосудовъ является сильное сокращеніе круговой

мышцы глаза, а неприятное раздраженіе глаза отъ переполненія его кровью и сильнаго сокращенія мышцы служить причиною рефлекторнаго отдѣленія слезъ. Съ этимъ объясненіемъ причины слезъ, повидимому, нельзя согласиться (Вундтъ), но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что нѣкоторые элементы эмоціональной реакціи могутъ возникнуть такимъ путемъ.

Итакъ, *эмоція есть отчасти рудиментарный инстинктивный поступокъ, заключающій въ себѣ большое количество внутренностныхъ актовъ, въ числѣ которыхъ могутъ быть также реакціи, возникшія чисто рефлекторнымъ путемъ.* Изъ этого опредѣленія видно, что, кромѣ типичныхъ эмоцій, должны существовать еще психическія состоянія, составляющія переходную ступень между эмоціями и сложными рефлексамъ, а также состоянія противоположныя, заключающія въ себѣ очень мало внутренностныхъ реакцій, складывающіяся главнымъ образомъ изъ инстинктивныхъ актовъ произвольной мускулатуры и потому приближающіяся по характеру къ другимъ видамъ инстинктивныхъ поступковъ. Переходныя состоянія перваго рода отличаются отъ типичныхъ эмоцій тѣмъ, что имѣютъ слишкомъ пассивный характеръ, сводятся главнымъ образомъ къ воспріятію органическихъ ощущеній, возникшихъ благодаря рефлексамъ. Къ этому разряду относятся простѣйшія формы печали и нѣкоторыя простѣйшія эмоціи, о которыхъ мы поговоримъ ниже, называя ихъ эмоціями недовольства и довольства. Переходныя состоянія втораго рода отличаются отъ типичныхъ эмоцій слишкомъ ясно выраженною активностью и сознательностью реакціи.

Надобно замѣтить, что къ каждой эмоціи навѣрное примѣшивается еще одинъ элементъ пассивнаго характера, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали, именно воспоминаніе о прежнихъ эмоціяхъ того же рода. Быть можетъ, присутствіе этихъ воспоминаній, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они предвѣщаютъ возникновеніе настоящей эмоціи, заставляетъ противниковъ Джемса утверждать, что тѣлесной реакціи предшествуетъ центральное состояніе, уже составляющее эмоцію. Возможны также случаи, когда раздраженіе почему-либо не можетъ вызвать въ насъ настоящей эмоціи, т.е. тѣлесной реакціи, а порождаетъ лишь воспоминанія объ эмоціяхъ, пережитыхъ нами прежде въ аналогичныхъ случаяхъ. Наблюдая въ себѣ такія состоянія, мы можемъ ошибочно придти къ выводу, что теорія Джемса не за-

ключаетъ въ себѣ ни одного элемента истины, и этотъ выводъ будетъ такъ же ошибоченъ, какъ если бы мы утверждали, что зрительные образы не зависятъ отъ раздраженій на периферіи, такъ какъ мы можемъ, закрывши глаза, представлять себѣ домъ, лошадь и т. п.

Примѣсь воспоминаній и возможная полная замѣна эмоціи воспоминаніями лишаетъ насъ надежды, что споръ о происхожденіи эмоціи можетъ быть рѣшенъ легко экспериментальнымъ методомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже и удалось найти много случаевъ, когда испытуемый субъектъ переживаетъ эмоцію, а на периферіи тѣла не происходитъ при этомъ замѣтныхъ измѣненій, защитники теоріи Джемса и гипотезы, изложенной въ этой статьѣ, могутъ утверждать, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ эмоціею, а съ воспоминаніемъ объ эмоціи.

Разсматривая опредѣленіе эмоцій, данное въ этой главѣ, мы можемъ кратко выразить отличіе нашей точки зрѣнія отъ теоріи Джемса такимъ образомъ: теорія Джемса имѣетъ *сенсуалистическій* характеръ, а дополненія къ ней, сдѣланныя нами, превращаютъ ее въ *волюнтаристическую*. Благодаря этому превращенію всѣ утвержденія Джемса сохраняются, отпадаютъ только его отрицанія.

Однако волюнтаристическую эту теорію можно назвать лишь потому, что она подводитъ эмоціи подъ понятіе волевого поступка въ томъ смыслѣ, въ какомъ волевые поступки допускаются всѣми психологами (даже и видящими въ этихъ поступкахъ сложный рефлексъ, лишь предшествуемый воспоминаніями о прежнихъ такихъ же поступкахъ). Если же подъ словомъ «волюнтаристическій» разумѣть «принадлежащій къ направленію въ психологіи, признающему активность основнымъ свойствомъ психической жизни» (таково, напр., ученіе Вундта), то тогда нужно будетъ признать, что развитые въ этой статьѣ взгляды даютъ лишь матеріалъ для волюнтаристической теоріи (какъ это и должно быть: въ этой статьѣ нельзя поднимать важный вопросъ о волѣ, и потому приходится встать на условную точку зрѣнія, какъ мы сдѣлали, или примкнуть къ какому-либо опредѣленному существующему уже ученію о волѣ).

V.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшему выводу, который можно сдѣлать изъ ученія объ эмоціяхъ, какъ инстинктивныхъ поступ-

кахъ, выводу, подробное изложеніе котораго нужно особенно потому, что онъ устраняетъ нѣкоторыя недоумѣнія, вызываемыя теорією Джемса.

Съ точки зрѣнія изложенной теоріи мѣсто, занимаемое эмоціями среди психическихъ явленій, мѣняется. Прежде онѣ выдѣлялись въ особый основной отдѣлъ, а теперь должны войти въ отдѣлъ инстинктовъ. Однако не весь прежній отдѣлъ эмоцій войдетъ сюда. Такъ какъ эмоціи относятся къ числу душевныхъ явленій, съ трудомъ поддающихся анализу и легко сливающихся съ другими душевными состояніями, то а priori слѣдуетъ предполагать, что отдѣлъ эмоцій въ психологіи былъ сборный; въ него навѣрное включено много явленій, не подходящихъ подъ построенную Джемсомъ теорію. Намъ предстоитъ исключить такія психическія состоянія изъ отдѣла эмоцій и сохранить это названіе лишь за состояніями, въ родѣ страха, гнѣва, печали и т. д., которыя подходятъ подъ данное опредѣленіе эмоціи. Конечно, можетъ оказаться, что кто-нибудь захотѣлъ бы за исключаемыми состояніями сохранить названіе эмоцій, а разсматриваемыя психическія явленія окрестить другимъ какимъ-либо именемъ. Но это все равно, дѣло не въ названіи, а въ томъ, можно ли признать традиціонный отдѣлъ эмоцій состоящимъ изъ однородныхъ явленій или же его слѣдуетъ разбить на нѣсколько группъ, такъ какъ въ немъ свалены въ кучу разнородныя явленія.

Прежде всего на основаніи опредѣленія эмоціи, какъ инстинктивнаго поступка, изъ этого отдѣла нужно исключить удовольствіе и страданіе. Подъ этими словами мы разумѣемъ здѣсь, собственно, не самостоятельныя явленія, а отгѣнокъ пріятности или непріятности, присущій всѣмъ состояніямъ сознанія. Всѣ наши ощущенія сами по себѣ пріятны или непріятны (имѣютъ чувственный тонъ): переходы отъ однихъ ощущеній къ другимъ, послѣдовательность актовъ (напр., ритмъ) пріятны или непріятны; процессы припоминанія, дѣятельность воображенія, мышленія пріятны или непріятны; внѣшніе поступки (стрѣльба въ цѣль, ловкій прыжокъ) пріятны или непріятны и т. д., и т. д. Такъ какъ эти отгѣнки сопутствуютъ всѣмъ состояніямъ сознанія, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ (оскорбленіе отъ несправедливаго обвиненія и воспріятіе дурнаго запаха въ этомъ смыслѣ одинаково относятся къ категоріи непріятныхъ состояній), то для

обозначенія ихъ полезно имѣть нѣсколько словъ, помня однако, что они обозначаютъ одинъ и тотъ же оттѣнокъ сознанія. Мы будемъ пользоваться слѣдующими словами: пріятный чувственный тонъ, пріятность, удовольствіе (разумѣя подъ этимъ словомъ только самую пріятность, а не само пріятное); непріятный чувственный тонъ, непріятность, неудовольствіе, страданіе (разумѣя подъ нимъ лишь непріятность своего состоянія, а не самое состояніе). Чувственный тонъ ощущеній по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ ощущеній высшихъ чувствъ (зрѣнія, слуха) къ низшимъ (вкусу, обонянію), все возрастаетъ и становится менѣе отдѣлимымъ отъ качества ощущенія, такъ что уже запахи мы склонны дѣлить прежде всего на пріятные и непріятные. Органическія ощущенія голода, жажды, дыханія еще менѣе дифференцированы, и въ нихъ еще сильнѣе выступаетъ на первый планъ интенсивный чувственный тонъ. Поэтому мы прежде всего дѣлимъ эмоціи на пріятныя и непріятныя, и даже ничего кромѣ пріятности и непріятности въ нихъ не замѣчаемъ. Отсюда является странное чрезвычайно широко распространенное въ психологіи мнѣніе, что эмоціи суть модификаціи удовольствія и страданія. Согласно этому нужно было бы думать, что страхъ и зависть суть разныя формы непріятности, какъ непріятности. На самомъ же дѣлѣ эти состоянія различаются другъ отъ друга тѣмъ, что складываются изъ разныхъ актовъ и, слѣдовательно, разныхъ органическихъ ощущеній, которыя всѣ въ данномъ случаѣ сходны лишь въ томъ, что непріятны; слѣдовательно, считая ихъ модификаціями страданія, мы пытаемся различать ихъ какъ разъ на основаніи того признака, который въ нихъ одинаковъ. Ошибку эту можно пояснить такою аналогіею: каждое ощущеніе высшихъ чувствъ обладаетъ чувственнымъ тономъ, бываетъ пріятнымъ или непріятнымъ: если считать эмоціи модификаціями удовольствія и страданія, то необходимо и зрительныя и т. п. ощущенія считать модификаціями удовольствія и страданія.

Кромѣ указанной, есть еще одна, пожалуй, болѣе важная причина того, что многіе психологи отождествляютъ удовольствіе и страданіе съ эмоціями. А ргіогі нужно предполагать, что такія важныя для насъ оттѣнки состояній сознанія, какъ удовольствіе или страданіе, влекутъ за собою по привычкѣ, унаслѣдованной отъ самыхъ первоначальныхъ предковъ, рядъ инстинктивныхъ актовъ, имѣвшихъ цѣлью у этихъ предковъ какъ можно полнѣе вос-

пользоваться пріятнымъ объектомъ или освободиться отъ непріятнаго. Эти инстинктивные акты, вызываемые непосредственно всякимъ или почти всякимъ удовольствіемъ или неудовольствіемъ, должны быть эмоціями, и при томъ самыми примитивными, онѣ должны главнымъ образомъ сводиться къ сокращенію и расширенію организма. Наконецъ, эти эмоціи должны состоять изъ реакцій примитивныхъ до такой степени, что многія изъ нихъ нужно отнести къ числу рефлексовъ, а не инстинктивныхъ поступковъ. Назовемъ эти а ргіогі допускаемые нами эмоціи *довольствомъ* и *недовольствомъ* и посмотримъ, каковы онѣ въ дѣйствительности. Если человѣкъ ударится очень болѣзненнымъ молотомъ о что-либо твердое, то болѣзненное ощущеніе удара едва успѣетъ дойти до сознанія, какъ уже явится рядъ реакцій во всемъ организмѣ, хорошо изслѣдованныхъ Моссо, Гейденгаймомъ, Леманномъ и др. Дѣятельность сердца замедляется и становится неправильною, ритмъ дыханія дѣлается неправильнымъ, количество выдѣляемой углекислоты уменьшается, слѣдовательно, горѣніе замедляется, температура тѣла понижается. Сначала можетъ явиться нѣсколько энергичныхъ движеній руками и ногами подъ вліяніемъ эмоціи гнѣва, ярости и т. п., но потомъ все время, пока существуютъ болевья ощущенія въ ногѣ, замѣтна склонность сокращать движенія сидѣть или даже идти какъ-то съжившись. Реакціи, слѣдующія за первымъ ощущеніемъ боли, вѣроятно, приносятъ пользу низшимъ организмамъ, для которыхъ единственнымъ способомъ спастись отъ непріятнаго объекта было сокращеніе организма и замираніе его дѣятельности на время, но для насъ эти реакціи, навѣрное, во многихъ случаяхъ только вредны: онѣ не избавляютъ насъ отъ причиняющаго страданіе объекта, а только производятъ новое, бесполезное страданіе, происходящее отъ разстройства нормальной дѣятельности организма. Осложняясь этими добавочными непріятными ощущеніями, первоначальный непріятный чувственный тонъ ощущенія боли ¹⁾, иногда сравнительно незначительный, можетъ возрасти до крайнихъ предѣловъ. Такъ какъ первоначальное непріятное ощущеніе боли и описанныя реакціи сливаются въ одно цѣлое, съ тру-

1) Вслѣдъ за Вундтомъ мы считаемъ боль не чувственнымъ тономъ, а особымъ ощущеніемъ, всегда сопровождающимся непріятнымъ чувственнымъ тономъ.

домъ поддающееся анализу, то психологи и фізіологи, обыкновенно, не раздѣляютъ этихъ двухъ моментовъ и считаютъ непріятный чувственный тонъ и эмоцію, слѣдующую за нимъ, лишь различными степенями одного и того же психическаго состоянія, которое можно назвать родовымъ именемъ неудовольствія. На самомъ дѣлѣ изъ предыдущаго видно, что въ описанномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чувствомъ неудовольствія, страданія и вслѣдъ за тѣмъ съ эмоціею-поступкомъ, которая состоитъ изъ ряда органическихъ ощущеній, въ свою очередь опять сопровождающихся чувствомъ страданія, и вмѣсто того, чтобы облегчить наше положеніе, только ухудшаетъ его, подобно эмоціи страха. Это можно подтвердить слѣдующимъ опытомъ. Какъ только явится описанная реакція, можно постараться овладѣть собою, особенно овладѣть дыханіемъ, такимъ образомъ повліять также на сердце и сосуды и расправить свои сжатые члены; при этомъ допускаемая нами примитивная эмоція неудовольства начинаетъ слабѣть, остается лишь непріятный чувственный тонъ боли, исходящій лишь отъ дѣйствительно пораженнаго органа и страданіе оказывается не такимъ значительнымъ, какъ это было тогда, когда оно осложнялось эмоціею неудовольства. Быть можетъ, нѣкоторыя хроническія болѣзни оказываются тягостными и разрушительными для организма не столько вслѣдствіе важности пораженія, сколько вслѣдствіе возникновенія описанной примитивнѣйшей изъ эмоцій. Въ такомъ случаѣ важнымъ средствомъ противъ болѣзни была бы психическая дисциплина, стараніе больного овладѣть собою, не обращать вниманія на непріятность боли. Врачи могли бы сдѣлать интересныя наблюденія, подтверждающія или опровергающія предположеніе, что типичная внѣшняя картина страданія есть картина примитивной эмоціи, возникшей по поводу чувства неудовольствія. Если предыдущія разсужденія вѣрны, то эмоціональныя натуры, въ особенности склонныя къ эмоціямъ печали, ненависти, гнѣва, должны при равныхъ условіяхъ испытывать болѣе тяжелыя страданія и хуже переносить болѣзни, чѣмъ люди владѣющіе собою, не склонныя къ инстинктивнымъ реакціямъ. Впрочемъ, производя эти наблюденія, можно легко натолкнуться на кажущіяся противорѣчія, напр., смѣшать самообладаніе съ природной нечувствительностью или нечувствительностью, явившеюся вслѣдствіе упадка организма.

Совершенно тѣ же разсужденія можно повторить, анализируя состоянія удовольствія. Большинство этихъ состояній сложны. Они складываются изъ чувства удовольствія и тотчасъ же слѣдующей за нимъ чрезвычайно примитивной эмоціи довольства (радости), складывающейся изъ тѣлесныхъ реакцій, для насъ отчасти бесполезныхъ, но приносившихъ, вѣроятно, большую пользу нашимъ отдаленнымъ предкамъ. У ребенка, положившаго въ ротъ вкусную конфету, вслѣдъ за пріятнымъ ощущеніемъ сладости является усиленное біеніе сердца, расширеніе сосудовъ, блескъ глазъ, болѣе интенсивное дыханіе, и оживленная мускульная дѣятельность. Всѣ эти реакціи влекутъ за собой рядъ пріятныхъ органическихъ ощущений, которыя сливаются съ первоначальнымъ удовольствіемъ отъ сладкаго вкуса и значительно повышаютъ это удовольствіе. Само собою разумѣется, эта эмоція довольства полезна и для человѣческаго организма, но не въ томъ смыслѣ, что она упрочиваетъ за нами обладаніе пріятнымъ объектомъ, а въ томъ смыслѣ, что она есть повышеніе жизнедѣятельности.

Существованіе этихъ двухъ эмоцій прекрасно подтверждается экспериментальнымъ изслѣдованіемъ Леманна о чувственномъ тонѣ ощущений. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. «Простыя ощущения, обладающія пріятнымъ чувственнымъ тономъ, сопровождаются расширеніемъ сосудовъ и, можетъ быть, также увеличеніемъ объема сокращеній сердца въ связи съ повышеніемъ иннервации произвольныхъ мускуловъ, въ особенности мускуловъ, дѣйствующихъ при дыханіи» ¹⁾. «Всякое раздраженіе, вызывающее неудовольствіе, производитъ въ первый моментъ сокращеніе сосудовъ на поверхности тѣла, сокращеніе ихъ внутри и уменьшеніе объема сокращеній сердца. Два первыхъ фактора производятъ внезапное и нерѣдко сильное уменьшеніе объема членовъ, а два послѣднихъ фактора производятъ уменьшеніе высоты пульсовой волны, и въ то же время уменьшенный объемъ сердечныхъ сокращеній является причиною застоя венозной крови, который выражается въ наступающемъ вскорѣ увеличеніи объема органовъ. Это увеличеніе объема возрастаетъ далѣе, такъ какъ за сокращеніемъ сосудовъ слѣдуетъ расширеніе ихъ, и сосуды внутри тѣла возвращаются къ прежнему своему тону» ²⁾.

¹⁾ Lehmann. Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 91.

Примитивныя эмоціи довольства и недовольства такъ быстро и часто слѣдуютъ за всевозможными состояніями удовольствія и страданія, что психофизиологи или не различаютъ двухъ этихъ моментовъ или же, что еще хуже, отождествляютъ удовольствіе и страданіе съ эмоціями довольства и недовольства, потому что страданіе и удовольствіе сильно повышаются тогда, когда являются эти эмоціи. Такимъ образомъ искажается и ученіе объ удовольствіи и неудовольствіи (пріятности и непріятности) и ученіе объ эмоціяхъ. Исканіе это, несмотря на всю его громадность, трудно замѣтить и даже трудно подобрать слова для указанія его, потому что, говоря о пріятности и непріятности, мы тотчасъ же даже и въ томъ случаѣ, когда говоримъ о чувственномъ тонѣ ощущеній, присоединяемъ къ этому простому оттѣнку состояній сознанія цѣлую эмоцію довольства или недовольства.

Теперь мы можемъ разобрать возраженіе Вундта противъ теоріи Джемса, затрогивающее и развитыя въ этой статьѣ взгляды. Вундтъ говоритъ, что эмоція начинается съ простаго первоначальнаго чувствованія, имѣющаго субъективный характеръ въ отличіе отъ объективнаго характера ощущеній (поэтому онъ считаетъ чувство реакціею апперцепціи), а вслѣдъ за нимъ уже является тѣлесная реакція, дающая органическія ощущенія, чувственные тона которыхъ присоединяются къ первоначальному чувствованію и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ эмоцію. Первоначальное чувствованіе, о которомъ говоритъ Вундтъ, есть непосредственное чувствованіе пріятности или непріятности объекта. Очевидно, что описаніе хода душевныхъ процессовъ, слѣдующихъ за воспріятіемъ, и ихъ состава, у Вундта не отличается отъ взглядовъ, развитыхъ въ этой статьѣ. Разница лишь въ словахъ: Вундтъ называетъ словомъ эмоція первоначальное чувствованіе вмѣстѣ съ чувственными тонами органическихъ ощущеній тѣлесной реакціи, мы же называемъ этимъ словомъ все то, что слѣдуетъ за первоначальнымъ чувствованіемъ, т. е. неясное стремленіе избѣжать непріятнаго или привлечь пріятное (существованіе его Вундтъ отчасти долженъ допускать, такъ какъ часть эмоціональной реакціи онъ относитъ въ числу *Triebbewegungen*) и *органическія ощущенія* тѣлесной реакціи съ ихъ чувственными тонами. Обычное словоупотребленіе въ этомъ случаѣ скорѣе на нашей сторонѣ, такъ какъ подъ словами гнѣвъ, страхъ разу-

мѣются такія состоянія, въ которыя входятъ и самыя ощущенія отъ поднятія волосъ дыбомъ, отъ усиленной перистальтики, а не только чувственные тона этихъ ощущеній. Наконецъ, слово эмоція происходитъ отъ глагола *movere* (двигать) и потому также удобнѣе примѣнять его ко всему комплексу состояній, которыя вызываются тѣлесною реакціею, а не къ одному чувственному тону, наиболѣе субъективному элементу нашего сознанія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ нашемъ описаніи состояній сознанія, слѣдующихъ за интеллектуальнымъ актомъ воспріятія до появленія эмоціи, есть одинъ пропущенный элементъ, о которомъ мы не можемъ здѣсь говорить, не желая поднимать важный вопросъ, отклоняющій слишкомъ далеко въ сторону. Возможно, что словомъ эмоція многія лица называютъ какъ разъ этотъ пропущенный нами элементъ, и тогда опять можетъ возникнуть споръ изъ-за словъ. Во избѣжаніе этого укажемъ мѣсто, гдѣ онъ находится. Вслѣдъ за воспріятіемъ объекта, напр., медвѣдя въ лѣсу, являются воспоминанія (хотя бы въ формѣ узнаванія; воспоминанія могутъ быть очень смутными) непріятнаго характера, затѣмъ пропущенный элементъ, затѣмъ, можетъ быть, воспоминанія о прежнихъ эмоціяхъ страха и, наконецъ, новая эмоція страха, состоящая изъ инстинктивнаго стремленія избѣжать вреднаго объекта путемъ реакцій, отчасти въ данномъ случаѣ нецѣлесообразныхъ (поднятіе волосъ дыбомъ, усиленіе перистальтики). Словомъ эмоція мы называемъ всѣ состоянія сознанія, перечисленные въ этомъ описаніи, начиная съ воспоминаній о прежнихъ эмоціяхъ. Быть можетъ, такое употребленіе этого слова современемъ придется признать неудобнымъ; однако по существу вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, правильно ли истолкованы и расчленены на части тѣ факты, которые здѣсь названы этимъ словомъ.

Н. Лосскій.

Объ индивидуальных колебаніяхъ вниманія.

(Изъ психологической лабораторіи приватъ-доцента А. А. Токареваго).

Равновѣсіе вниманія, маломальски продолжительное, ни при какихъ условіяхъ не достижимо.

(*Helmholtz*)

Отмѣтить правильную періодичность колебанія вниманія не представляется возможнымъ: вниманіе не представляетъ правильно-періодической функціи психики.

(*Wundt*)

I.

Едва ли какой-нибудь другой вопросъ экспериментальной психологіи занялъ столько времени и труда, какъ вопросъ о вниманіи. Причину этому нужно искать въ кардинальности самаго вопроса: вниманіе представляетъ одну изъ капитальныхъ операцій духа и принадлежитъ къ общимъ вопросамъ психологіи, а такіе вопросы, вообще, представляютъ большія трудности для экспериментальнаго анализа. Естественно, что механизмъ этой дѣятельности психики не выясненъ, и единственно прочно установленнымъ результатомъ этихъ изслѣдованій, несмотря на громадное количество работъ по вопросу о вниманіи, нужно считать фактъ колебаній вниманія.

Общая замѣчанія
объ изслѣдованіяхъ
вниманія:
единственно прочный
выводъ —
колебаніе
вниманія.

Подводя итогъ экспериментальнымъ работамъ по этому вопросу въ l'année psychologique за 1897 годъ, Бине дѣлаетъ ихъ общую оцѣнку приблизительно такъ: en somme, il faut bien constater que, quoique beaucoup de recherches experimentales, qui ont demandé énormément de temps et de patience aient été faites sur l'attention, bien peu sont à l'abri de la critique; les seules qui jus-

qu'ici ont donné de résultats sérieux sont celles sur les oscillations de l'attention. (Нужно твердо установить, что, несмотря на множество экспериментальных работъ, произведенныхъ надъ вниманіемъ и потребовавшихъ безчисленнаго количества времени, труда и терпѣнія, въ нихъ мало критики; единственно прочно-установленные результаты дали изслѣдованія надъ колебаніями вниманія).

Эксперименты, организованные мною въ московской психологической лабораторіи, ограничили свой анализъ процессовъ вниманія методомъ простыхъ реакцій.

II.

Связь реакцій и
вниманія.

На пути къ нашей цѣли, какъ этапный пунктъ, стоитъ вопросъ о связи между вниманіемъ и реакціей. Какова связь между этими двумя фактами? стоитъ ли качество реакцій въ прямой связи съ качествомъ вниманія? Это необходимо для того, чтобы судить, поскольку матеріалъ, полученный по методу простыхъ реакцій, пригоденъ для сужденія о процессахъ вниманія.

Вопросъ о связи между реакціей и вниманіемъ поднимался многими изслѣдователями, и нужно сказать, это одинъ изъ существенныхъ вопросовъ психометріи. Коротко говоря, тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ методомъ реакцій, этого вопроса игнорировать не приходится: онъ возникаетъ самъ собою, и такъ или иначе рѣшается каждымъ экспериментаторомъ, — общаго, общепринятаго рѣшенія здѣсь нѣтъ. Лейпцигская лабораторія впервые выдвинула этотъ вопросъ въ формѣ двухъ типовъ реакцій—мускульной и сенсоріальной. Этому же вопросу посвящены многочисленныя работы другихъ авторовъ: Марціусъ, Мюнстербергъ, Dwelschauvers, Кеттель, и др. ¹⁾ Moyer въ связи съ этимъ вопросомъ посвятилъ изученію методовъ разсѣянія вниманія цѣлую работу ²⁾. Въ Запискахъ Московской Психологической лабораторіи также посвящена работа для выясненія значе-

¹⁾ Martius: *Ueber musc. Reaction* (Phil. St. VI); Münsterberg: *Beiträge z. exp. Psychologie* 1; L. Lange—*Neue Experimente*, Ph. St. IV; Cattel: *Aufm. u. Reaction*—Ph. St. VIII. В,—переведена въ 1-й кн. Записокъ психол. лаборатор. А. А. Токарскаго.

²⁾ Moyer: *Une étude de certaines methodes pour distraire l'attention* цит. по *l'Année psychologique*, par. A. Binet, 1897 и 1898 гг.

нія направленія вниманія при опытахъ съ простыми реакціями. 1) Первостепенная роль вниманія для реакціи подтверждается психометрическими данными разныхъ изслѣдователей, и изслѣдованія этого вопроса произведены въ разнообразныхъ направленіяхъ. Такъ, во-первыхъ, Вундтъ нашель, что предварительное знаніе о силѣ раздраженія чрезвычайно сокращаетъ время реакцій: при извѣстной или правильной смѣнѣ звуковъ разной силы времена реакцій были 116—127 (въ зависимости отъ силы раздраженія), при неправильной и неизвѣстной реагенту смѣнѣ 189—298; во-вторыхъ, на ту же роль предуготовляющаго вниманія указываетъ сравненіе опытовъ съ предварительнымъ сигналомъ «приготовиться» и безъ сигнала: въ первомъ случаѣ вниманіе готовится къ нужному моменту представленія объ имѣющимъ произойти ощущеніи; во второмъ же это приготовленіе, если имѣетъ мѣсто, то maximum его не совпадаетъ, обыкновенно, съ моментомъ раздраженія. На такую же роль сигнала указываютъ, напримѣръ, опыты Dwelschauvers'a. (Unters. z. Mechanik. d. act. Aufm. Phil. Stud. VI), въ третьихъ, на роль вниманія указываютъ опыты Вундта о вліяніи посторонняго мѣшающаго шума на продолжительность звуковой реакціи. Такъ, если безъ посторонняго шума время реакціи было 158, то при постороннемъ шумѣ оно возрастаетъ до 203-хъ. Это вліяніе указываетъ на трудность повысить напряженіе вниманія при мѣшающихъ обстоятельствахъ. Что тутъ дѣло, именно, въ помѣхѣ вниманію, а не внѣшнему воспріятію, видно, во-первыхъ изъ того, что посторонній шумъ удлинняетъ время не только реакціи на слуховое раздраженіе, но одинаково и на зрительное, воспріятію котораго онъ, очевидно, прямо мѣшать не можетъ; (тѣ же результаты получены въ Московской психологической лабораторіи,—опыты съ музыкой), а во-вторыхъ, на это указываетъ весьма характерное обстоятельство, именно, что время реакціи удлинняется не тогда, когда мѣшающій звукъ происходитъ одновременно съ раздраженіемъ, но тогда, когда онъ ему предшествуетъ: изъ этого мы ясно видимъ, что дѣло тутъ въ обстоятельстве, мѣшающемъ нѣкоторому предварительному приготовленію вниманія; въ четвертыхъ, важную роль вниманія въ опытахъ съ

1) Записки психол. лаборатор. при москов. псих. клиникѣ А. А. Токарскаго: Вліяніе направленія вниманія на простую реакцію. И. Холчевъ.

реакціями ясно указываетъ Экснеръ, когда онъ говоритъ, что различіе продолжительности реакцій у разныхъ индивидуумовъ зависитъ не только отъ возраста, темперамента или подвижности, но, и особенно, отъ большей или меньшей способности сосредоточивать вниманіе. (Exner: Exp. Unters. d. einf. psych. Proc.—Pflügers Archiv. VII; Wundt: Psysiol. Psych. 1).

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ и опытовъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ одно, что всѣ условія, вліяющія на реакцію и подвергшіяся анализу различныхъ изслѣдователей постольку имѣютъ значеніе для реакціи, поскольку такъ или иначе регулируютъ вниманіе реагента. Однѣ изъ этихъ условій болѣе или менѣе случайны — сила раздраженія, посторонніе шумы при реакціи, интервалль, — другія болѣе постоянны — возрастъ, темпераментъ, пластичность вниманія и другія. Такимъ образомъ, ставя анализъ процессовъ вниманія въ такія на первый взглядъ узкія и спеціальныя рамки (методъ простыхъ реакцій), мы тѣмъ не менѣе получимъ указанія на общія свойства механизма этой психической дѣятельности. И нужно сказать, чѣмъ уже и точнѣ сфера экспериментальнаго анализа, тѣмъ яснѣе и достовѣрнѣе получаемые результаты.

III.

Интервалль какъ
показатель
свойствъ кривой
вниманія.

Постоянныя условія, дѣйствуя и регулируя вниманіе, создаютъ опредѣленный индивидуальный тонусъ вниманія, формируютъ спеціальныя индивидуальныя типы этой функціи, и такимъ образомъ создаются индивидуальныя ограниченія, въ предѣлахъ которыхъ только и можетъ удачно функционировать вниманіе.

Понятно—эта особенность вниманія, индивидуальная пластичность, которой создаются чисто субъективные типы этой функціи, ярко сказывается и отмѣчается самимъ реагентомъ въ реакціяхъ съ сигналомъ «приготовиться».

Между тѣмъ значеніе интервалла, т. е. промежутка между сигналомъ и раздраженіемъ, въ качествѣ регулятора вниманія, было упущено изъ вида изслѣдователями.

Однако интервалль стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вниманіемъ, какъ регуляторъ его, и значительно отражается на реакціи. Во всѣхъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ по методу простыхъ реакцій, значеніе и вліяніе интервалла

не было выяснено съ достаточною полнотою и точностью, правильнѣе сказать — такого вопроса со всею полнотою и правильностью не было поставлено въ экспериментальной психологіи — психометріи, а потому весь матеріалъ, добытый такимъ путемъ (методомъ простыхъ реакцій) не можетъ считаться годнымъ для обработки и тѣмъ болѣе утилизироваться для рѣшающихъ и крупныхъ выводовъ.

Во время производства опытовъ, во-первыхъ, выяснилось, что самой хорошей реакціей оказалась для всѣхъ реагентовъ та, въ которой максимумъ напряженія вниманія — вершина волны совпадаетъ съ моментомъ раздраженія. Такая реакція отмѣчалась какъ самая пріятная. Во-вторыхъ, такія реакціи получались не при всякомъ интервалѣ.

Н. Ланге ¹⁾ обширныя колебанія простой реакціи, ея разнообразную продолжительность объясняетъ разнообразіемъ градаціи перцепціи и соотвѣтствіемъ различныхъ реакцій различнымъ ступенямъ этой перцепціи. Указавъ вліяніе на реакцію интервала, отмѣченную Dwelshauvers'омъ, Н. Ланге не остановился долѣе на этомъ обстоятельствѣ, не выяснилъ всего значенія для реакціи продолжительности интервала, и въ своихъ опытахъ и аргументаціи въ пользу закона перцепціи (существованіе нѣсколькихъ ступеней перцепціи и пр.) не элиминировалъ достаточно этого обстоятельства.

И такимъ образомъ, естественно, выдвигается вопросъ о связи между интерваломъ и вниманіемъ, поскольку интервалъ регулируетъ вниманіе, и создаетъ самыя благопріятныя условія для реакціи, условія, при которыхъ только и возможна правильная постановка всякихъ опытовъ по методу простыхъ реакцій.

IV.

Просматривая полученныя нами таблицы, приходится отмѣтить, во-первыхъ, что реакція, и особенно средняя варіація, повышается съ увеличеніемъ интервала и обратно, съ уменьшеніемъ интервала — уменьшается; во-вторыхъ, уменьшеніе продолжительности реакціи и средней варіаціи параллельно умень-

Цифровые результаты эксперимента и ихъ значеніе.

¹⁾ Н. Н. Ланге: Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи и теорія волевого вниманія.

шенію интервалла идетъ до опредѣленной границы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различной: для нашихъ реагентовъ служитъ интерваллъ приблизительно въ двѣ секунды; при такомъ интервалѣ получается самая короткая и самая устойчивая реакція; при дальнѣйшемъ уменьшеніи интервалла продолжительность реакціи, а главнымъ образомъ — средней варіаціи, начинаетъ снова возрастать, и наступаетъ моментъ при дальнѣйшемъ уменьшеніи интервалла, приблизительно полсекунды, когда реагентъ не въ состояніи получать реакціи со вниманіемъ. Повидимому, этотъ субъективный интервалъ субъективно колеблется. Въ-третьихъ, реакціи при указанномъ интервалѣ — самыя короткія и устойчивыя сопровождаются, по заявленію всѣхъ реагентовъ, чувствомъ удовлетворенности и отмѣчаются, какъ „пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ“. Напротивъ, при всякомъ другомъ интервалѣ не только отсутствуютъ указанные чувствованія, но реакціи сопровождаются ярко выраженнымъ чувствомъ неудовлетворенности и досады. Такъ, при интервалѣ ниже двухъ секундъ раздраженіе появляется тогда, когда вниманіе далеко еще не достигло максимума своего напряженія; при интервалѣ отъ секунды до полсекунды реагенту не всегда и не всякому удастся овладѣть своимъ вниманіемъ; при интервалѣ въ 6 секундъ — по замѣчанію нѣкоторыхъ реагентовъ — образъ ожидаемаго раздраженія на протяженіи интервалла нѣсколько разъ достигаетъ своего максимума напряженности и яркости, и снова слабѣетъ, — такъ что раздраженіе приходитъ не всегда въ соотвѣтствующій моментъ; совпаденіемъ между максимумомъ вниманія и раздраженіемъ, которое случайно возможно при этомъ интервалѣ, отчасти объясняется появленіе при этихъ условіяхъ „удачныхъ“ реакцій. Въ-четвертыхъ, реагенты всѣ интерваллы приспособляютъ къ своему субъективному интерваллу; такъ, если интервалъ больше субъективнаго, то волна вниманія начинаетъ подниматься не тотчасъ послѣ сигнальнаго звонка, а спустя нѣкоторое время. Этотъ фактъ отмѣченъ реагентами К. и М.; о томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что первые три-четыре опыта при интервалѣ больше субъективнаго, въ особенности при 6 с., самими реагентами отмѣчаются какъ приспособительныя, и какъ таковыя вычеркиваются. Это и есть другое условіе, которымъ нужно объяснить возможность „удачныхъ реакцій“ при другихъ интервалахъ, и то, что не во всѣхъ таблицахъ и не у всѣхъ реагентовъ можно

отмѣтитъ свойства реакціи и всѣ ихъ модификаціи въ связи съ модификаціями интервала, по крайней мѣрѣ, не у всѣхъ онѣ ярко выражены. И, наконецъ, въ-пятыхъ, приведенныя таблицы свидѣтельствуютъ, что интерваллѣ можетъ регулировать вниманіе только въ опредѣленныхъ, строго ограниченныхъ предѣлахъ, для каждаго реагента индивидуальныхъ.

Т а б л и ц а I.

Реаг. М.

Интерв.	Арием. сред.	Сред. вар.	Число опыт.
6	256	48	13
4	206	36	14
3	206	31	15
2	188	24	11
1 ¹ / ₂	192	30	14
1 ¹ / ₂	220	53	12

Послѣдній интерваллѣ неудобенъ и реакціи длинны (по замѣчанію самого реагента).

Т а б л и ц а II.

Реаг. К.

Интерв.	Арием. сред.	Сред. вар.	Число опыт.
6	260	36	14
3	196	35	14
2 ¹)	171	18	39
1 ¹ / ₂	176	20	15
1 ¹ / ₂	159	12	20 ²⁾

1) Интерваллѣ по признацію реагента самый удобный и реакціи этого интервала удачны „во всѣхъ отношеніяхъ“: „коротки и пріятны“.

2) Эти реакціи реагентъ считаетъ „не совсѣмъ чистыми сенсоріальными“: онѣ походятъ больше на мускульныя (въ смыслѣ автоматичности). Принимая во вниманіе приведенное замѣчаніе реагента и другія въ томъ же духѣ, которыя онѣ неоднократно дѣлалъ по поводу интервала въ полсекунды, мы имѣемъ основаніе предположить въ нихъ отсутствіе активнаго вниманія и считать ихъ скорѣе реакціями на чувство времени. Самъ реагентъ считалъ ихъ негодными для цѣли нашихъ опытовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ говорилъ, что при интерваллѣ въ полъ-секунды онѣ не можетъ овладѣть своимъ вниманіемъ.

Т а б л и ц а III.

Реаг. X.

Интерв.	Арием. сред.	Сред. вар.	Число опыт.
4	207	67	17
3	162	26	14
2	158	5	18
1	200	68	8
$\frac{1}{2}$	271	114	6

По поводу реакцій, полученныхъ при интерваллѣ на одну секунду и полсекунды, нужно сказать, что онѣ получены при иныхъ субъективныхъ условіяхъ, чѣмъ ряды предшествующихъ реакцій той же таблицы: реагентъ чувствовалъ себя нѣсколько утомленнымъ. Это обстоятельство, вліяя на абсолютную величину реакціи, нисколько не измѣняетъ относительнаго значенія этихъ рядовъ.

Въ представленныхъ таблицахъ я не привожу всего экспериментальнаго матеріала, полученнаго нами по этому вопросу въ теченіе 1899—1900 гг. Для этого нужно было бы привести десятки таблицъ, соотвѣтствующихъ количеству дней, въ которые производились работы. Подводить общій итогъ этимъ таблицамъ не представляется возможнымъ потому, что не одинаковы субъективныя условія, при которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ производились опыты. Я привожу наиболѣе яркія изъ нихъ, другихъ касаюсь постольку, поскольку онѣ выясняютъ матеріалъ, представленный въ приведенныхъ таблицахъ.

Итакъ, каковъ же смыслъ и значеніе качества интервала при анализѣ вниманія по методу простыхъ реакцій?

Смыслъ этотъ и значеніе заключается въ томъ, что субъективно установленный интерваллъ позволяетъ намъ при установкѣ опытовъ поставить каждаго реагента въ самыя благопріятныя, а всѣхъ вмѣстѣ въ совершенно одинаковыя условія реагирования; а это послѣднее обстоятельство и есть *conditio, sine qua non*, безъ котораго совершенно невозможно такъ или иначе утилизировать полученный экспериментальный матеріалъ.

Кромѣ полученнаго частнаго результата, главное значеніе котораго заключается въ его методологическомъ смыслѣ, въ организованныхъ нами опытахъ и полученныхъ таблицахъ для насъ ярко выступаетъ на первый планъ одно чрезвычайно существенное общее свойство вниманія—фактъ индивидуальныхъ колеб..-

ній вниманія, т. е. процессъ вниманія не укладывается для всѣхъ въ одну общую кривую, опредѣляемую въ сферѣ зрительныхъ ощущеній въ 3,2 сек., въ сферѣ слуховыхъ 4 сек. ¹⁾ и т. д., а представляетъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ и для всякаго отдѣльнаго лица свою индивидуальную кривую.

V.

Сопоставивъ экспериментальный матеріалъ, демонстрированный въ нашихъ таблицахъ, съ фактами психопатологіи, именно, съ фактами патологіи вниманія, мы получимъ любопытныя соображенія, которыя соотвѣтствующимъ образомъ освѣтятъ полученный нами опытный матеріалъ и подтвердятъ выставленное нами соображеніе общаго свойства.

Кривая вниманія при свѣтѣ психопатологическихъ фактовъ.

Патологія, вообще, рельефнѣе и ярче обнаруживаетъ то, что въ нормальной жизни часто трудно выдѣлить путемъ самаго тщательнаго анализа. Она дезорганизуетъ психическія процессы, ослабляетъ связь единого цѣлаго психического процесса и выдѣляетъ его компоненты, помогаетъ понять составныя части и ясно видѣть элементы его составляющіе.

Актъ вниманія опредѣляется и исчерпывается тѣмъ, что какое-нибудь одно изъ многихъ наличныхъ ощущеній вызываетъ соотвѣтствующее представленіе, уясняетъ вызванное имъ представленіе и опредѣляетъ дальнѣйшій ходъ ассоціаціи идей. Сопровождается этотъ актъ положительнымъ чувственнымъ тономъ.

Психопатологія свидѣтельствуетъ о двухъ аномаліяхъ процесса вниманія. Въ однихъ случаяхъ, случаяхъ пониженія вниманія, такъ называемой, *argosexi*'и, ощущенія вызываютъ слишкомъ мало соотвѣтствующихъ представленій, или совсѣмъ не вызываютъ: волна вниманія слишкомъ медленно поднимается и достигаетъ высоты, нужной для репродукціи представленія, соотвѣтствующаго наличному ощущенію. Въ этомъ направленіи крайнимъ пунктомъ являются депрессивныя состоянія, душевная связанность, доходящая иногда до полнаго прекращенія ассоціативныхъ процессовъ. Мы совсѣмъ опускаемъ случаи крайняго первичнаго или вторичнаго слабоумія, какъ таковыя, въ которыхъ о процессахъ внима-

¹⁾ Н. Ланге: Психологическія изслѣдованія. А. Binet: Introduction à la psychologie expérimentale, p. 45.

ня также не приходится говорить за оскуденіемъ или полнымъ отсутствіемъ сферы представленій.

Въ другихъ случаяхъ, усиленіе вниманія—такъ называемой *hyperprosexii*—степень чувствительности лятентныхъ образовъ, соотвѣтствующихъ наличнымъ ощущеніямъ, сильно повышена. Вслѣдствіе этого волна вниманія чрезвычайно быстро поднимается, достигаетъ своего максимума напряженія и переходитъ къ другому ощущенію—представленію съ тѣмъ, чтобы быстро достигнувъ своего максимума, использовавъ свой объектъ, а иногда и не достигая этого, перейти къ слѣдующему объекту и т. д. Крайнимъ пунктомъ въ этомъ направленіи являются состоянія съ вихреобразнымъ теченіемъ идей (*fuga idearum*), доходящія иногда до спутанности у маніяковъ (*status maniacalis-amenticus*). Для полной характеристики патологій процессовъ вниманія нужно указать на состояніе *idée fixe*. Эти состоянія, съ одной стороны, заключаютъ въ себѣ свойства процессовъ гиперпрозексіи, чрезвычайно чувствительность лятентныхъ образовъ, которые составляютъ одну изъ основныхъ частей процессовъ вниманія; съ тѣмъ различіемъ, что чувствительность эта ограничена небольшой группой идей или даже одной идеей. Съ состояніемъ апрозексіи они имѣютъ то общее, что разъ поднявшись, кривая вниманія переходитъ въ прямую, вниманіе долгое время остается сосредоточеннымъ на одной идеѣ или на одной и той же группѣ идей. Эта идея концентрируетъ на себѣ всю энергію процессовъ вниманія и настолько измѣняетъ самую существенную сторону вниманія—колебаніе, что приходится уже говорить о полномъ отсутствіи вниманія и о наличности чисто фізіологическихъ патологическихъ процессовъ въ мозгу.

Всматриваясь въ патологическіе процессы нашего случая, мы ясно и отчетливо видимъ, что процессы вниманія складываются изъ двухъ совершенно особенныхъ свойствъ. Съ одной стороны, не одинакова сама по себѣ пластичность вниманія въ смыслѣ быстроты подъема прозекціонной волны. Каждый изъ насъ на себѣ и на другихъ наблюдалъ, что иногда вниманіе очень живо, субъектъ свободно имъ управляетъ и направляетъ; въ другихъ случаяхъ—оно очень вяло и стоитъ большого труда поднять волну вниманія, а иногда при сильной степени утомленія сдѣлать этого совсѣмъ не удастся.

Другое свойство—это та продолжительность, въ теченіе ко-

торой, овладѣвъ своимъ вниманіемъ, удается удержать это вниманіе на опредѣленномъ объектѣ. И тутъ достаточно простого наблюденія и самонаблюденія, чтобы убѣдиться, что продолжительность не у всѣхъ одинакова.

VI.

Между указанными патологическими сферами лежитъ полоса нормального вниманія. Необходимо сдѣлать ту оговорку, что здѣсь, какъ и вездѣ—граница между патологіей и нормой неупловима. Между этими двумя сферами масса постепенныхъ переходовъ, и этотъ мостъ между крайними пунктами патологіи и есть норма. Если мы соединимъ въ опредѣленной пропорціи свойства процессовъ вниманія, характеризующія отмѣченные патологическіе случаи, какъ таковые—получимъ единый цѣльный процессъ вниманія.

Графическое
выраженіе кри-
вой вниманія.

Графически всякій процессъ вниманія выражается въ видѣ трехъ прямыхъ, образующихъ одну кривую или правильнѣе—ломаную.

Одна изъ нихъ вертикально или наклонно восходящая; вторая слѣдующая за первой—горизонтальная и, наконецъ, послѣдняя—вертикально или наклонно нисходящая.

Всѣ эти линіи, составляющія одну кривую вниманія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различны.

Чѣмъ опредѣляются свойства, характеръ этихъ отдѣльныхъ линій, составляющихъ одну общую кривую вниманія, свойствами ли національности, возраста, темперамента, профессіи и привычки,—какъ бы то ни было, совокупностью этихъ свойствъ опредѣляются свойства и характеръ общей кривой вниманія.

VII.

Экскурсія въ область патологіи ясно и опредѣленно освѣщаетъ экспериментальные результаты, полученные нами въ предыдущихъ таблицахъ.

Индивидуаль-
ный тонусъ вни-
манія.

Мы уже говорили, что переходы отъ обоихъ крайнихъ патологическихъ пунктовъ къ нормальной сферѣ вниманія чрезвычайно постепенны. То же самое нужно сказать о сферѣ нормальныхъ процессовъ вниманія. Тутъ также замѣчаются два крайнихъ пункта, не переходящіе еще въ патологію и стоящіе на ея ру-

бежѣ. Анализируя процессы собственнаго вниманія, мы безъ большого труда отмѣтимъ въ нихъ въ предѣлахъ нормы тѣ же компоненты, какіе выдѣлены нами въ сферѣ патологіи. Каждый изъ этихъ компонентовъ, входя въ общее цѣлое, не остается безъ переменны, а непрерывно, подѣ дѣйствіемъ многообразныхъ условій, модулируется. Въ каждомъ изъ этихъ компонентовъ, какъ въ общемъ цѣломъ, масса постепенныхъ переходовъ и отѣнковъ. Всѣ они такъ же неустойчивы въ опредѣленныхъ границахъ, какъ неустойчиво ихъ цѣлое.

При работѣ вниманія свойства этихъ переменнъ необходимо отражаются на результатахъ работы — на психическихъ рефлекссахъ,—въ нашемъ случаѣ простыя свѣтотыя реакціи. Какія могутъ быть переменны и перестановки въ компонентахъ прозекціоннаго процесса, не трудно представить и точно учесть, принявъ предложенную нами графическую схему этихъ процессовъ.

Разнообразіе и многообразіе комбинацій компонентовъ процесса вниманія, то несходство и неодинаковость нашихъ психическихъ рефлекссовъ, приблизительно при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, въ нашемъ экспериментальномъ случаѣ выразилось въ многообразіи простой сенсоріальной свѣтотыя реакціи.

Всматриваясь въ наши таблицы, мы видимъ, что въ процессахъ вниманія есть такой моментъ, въ которомъ все-таки получается очень короткая—и главное, устойчивая реакція. Такой моментъ получается не для всѣхъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Для однихъ—*ceteris paribus*—онъ существуетъ при интервалѣ въ полсекунды, для другихъ—2 секунды и т. д. Коротко говоря, такой моментъ есть продуктъ чисто индивидуально-своеобразной комбинаціи прозекціонныхъ процессовъ.

Волеовое вниманіе въ своей основѣ есть моторный и апперцепціонный процессъ взаимодействіе ощущений, движеній и воспоминаній составляетъ волеовое вниманіе (Ланге).

Всякій актъ вниманія помимо массы мышечныхъ ощущений сопровождается той или другой степенью того или другого чувственнаго тона. Эти чувственные тоны и мышечные тонусы создаютъ своеобразный преобладающій тонусъ вниманія особенно характерный для опредѣленной индивидуальности.

Каждый реагентъ при своемъ тонусѣ вниманія работаетъ плавно, свободно и «съ удовольствіемъ» — такъ отмѣчали сами

реагенты свои реакціи при соответствующемъ тонусѣ. Какъ только тонусъ вниманія въ силу какихъ-нибудь причинъ повышался или понижался, работоспособность реагента значительно сокращалась, быстро появлялось чувство утомленія и недовольства; продолжительность и устойчивость реакціи значительно нарушалась. Реакція получалась то очень короткая, то очень длинная; а иногда реагентъ, прикованный свѣтовымъ раздраженіемъ, совершенно забывалъ реагировать.

VIII.

Итакъ, на основаніи экспериментальнаго анализа процессовъ вниманія по методу простыхъ реакцій и фактовъ психопатологическаго свойства наши заключительные выводы должны принять приблизительно такую форму:

Выводы.

Во-первыхъ, изъ всѣхъ возможныхъ для насъ въ предѣлахъ нормы тонусовъ вниманія для каждаго есть свой индивидуальный — болѣе типичный и характерный — опредѣляемый многими причинами тонусъ вниманія.

Во-вторыхъ, этотъ тонусъ самый удобный и пригодный для работы вообще и въ частности при экспериментальныхъ анализахъ душевныхъ процессовъ; такъ какъ онъ, сообщая психическимъ процессамъ соответствующій тонусъ, даетъ болѣе подлинное представленіе объ экспериментируемой индивидуальности.

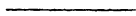
Въ-третьихъ, тонусъ этотъ при экспериментированіи по методу простыхъ реакцій — *ceteris paribus* — получается лишь при опредѣленномъ индивидуальномъ интерваллѣ.

Въ-четвертыхъ, прежде чѣмъ приступать къ анализу процессовъ вниманія по методу простыхъ реакцій, необходимо для всѣхъ экспериментируемыхъ создать одинаковыя условія эксперимента, т.е. опредѣлить для каждой *versuchs person*'ы индивидуальный интерваллъ.

Касательно общаго вывода, основаннаго на общихъ психологическихъ и психопатологическихъ соображеніяхъ, подтвержденныхъ экспериментальнымъ анализомъ, нужно твердо установить фактъ индивидуальныхъ колебаній вниманія: вниманіе, не представляя правильно періодической функціи психики, представляетъ индивидуальные типы кривыхъ; въ случаяхъ, гдѣ эти индивидуальные кривыя осуществляются, работа, требующая вниманія, со-

вершается продуктивно, плавно и свободно; въ другихъ случаяхъ, работоспособность субъекта значительно сокращается, быстро появляется чувство утомленія и недовольства... Тутъ уже само собою выдвигается чрезвычайно важный вопросъ о типахъ вниманія и ихъ сущности, для рѣшенія котораго предложеннаго матеріала недостаточно и который, въ виду своего крупнаго теоретическаго интереса и громаднаго прикладнаго значенія — въ сферѣ педагогики, заслуживаетъ особаго и спеціальнаго обсужденія.

И. Холчевъ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

G. Tarantino. Saggio sulle idee morali e politiche di Tommaso Hobbes. Napoli, 1900.

Сочиненіе Тарантино стоитъ въ связи съ возродившимся въ послѣднее время сочувствіемъ къ идеямъ естественнаго права. Но это возрожденіе послужило для автора только поводомъ къ изученію философіи Гоббса, а собственно вопросы, касающіеся различныхъ теорій права, занимаютъ въ этой книгѣ не много мѣста. Книга представляетъ собою полный и подробный разборъ психологическихъ, моральныхъ и политическихъ теорій Гоббса, изложенныхъ имъ въ сочиненіяхъ *De Corpore* и *Leviathan*.

Во вступительныхъ главахъ авторъ знакомитъ читателя съ генезисомъ сочиненій Гоббса и разбираетъ вопросъ о мѣстѣ, которое Гоббсъ занимаетъ въ исторіи философіи. Тарантино ставитъ Гоббса рядомъ съ Бэкономъ и считаетъ его тоже основателемъ науки новаго времени, которая стремится опираться на данныя опыта не только при изученіи природы, но и при изученіи человѣческаго общества и государства. Психологическія и морально-политическія теоріи Гоббса основаны, по мнѣнію автора, на предположеніи, что движеніе, какъ принципъ механики, составляетъ внутреннюю сущность всякой жизни, какъ жизни природы, такъ и жизни человѣка. Съ этой точки зрѣнія, въ которой заключаются главная сила и въ то же время слабость Гоббса, онъ даетъ чрезвычайно ясное и точное изображеніе тѣхъ низшихъ явленій душевной жизни, которыя слагаются изъ ощущеній и ассоціацій представленій (*le sensazioni, le rappresentazioni*

с *la loro associazione*), но зато высшая интеллектуальная жизнь, не поддающаяся такому механическому объясненію, представлена у него очень слабо и не полно. То же самое находить Тарантино и въ области нравственныхъ явленій. Если вся жизнь основана на механикѣ, только на «сложеніи и вычитаніи», то весьма понятно, что единственнымъ принципомъ нравственности Гоббсъ долженъ былъ считать стремленіе къ самосохраненію и вытекающей изъ него эгоизмъ. Но такое ученіе о нравственности безсильно объяснить многіе факты жизни, совершенно лишенные эгоистической окраски; а это, несомнѣнно, лишаетъ такую теорію значительной доли ея цѣнности. Что касается политической теоріи Гоббса, то она, по мнѣнію автора, составляетъ логическій выводъ изъ его морали: если послѣдняя основывается только на эгоизмѣ, то, очевидно, нѣтъ иного средства управлять людьми, кромѣ неограниченной власти надъ ними—власти, которая сдерживала бы проявленія эгоизма.

Авторъ разбираемой книги проникнуть глубочайшимъ уваженіемъ къ Гоббсу, главнымъ образомъ—къ строгой послѣдовательности, почти математической точности его системы. Излагая ее, онъ постоянно переходитъ, какъ самъ говоритъ, *d'ammirazione in ammirazione*, но, однако, не скрываетъ и ея недостатковъ, изъ которыхъ самыми важными считаетъ слѣдующіе два. Первый изъ нихъ—то самое свойство системы, которое вызываетъ наибольшее удивленіе Тарантино: слишкомъ строгій, математическій ея характеръ, который не далъ Гоббсу возможности объяснить многія изъ описываемыхъ имъ явленій. Съ этимъ, конечно, нельзя согласиться, ибо такой характеръ системы, какъ бы она ни была несовершенна, всегда составляетъ не недостатокъ, а наоборотъ, большое ея достоинство: строго выдержанная и проведенная до конца система есть явленіе столь рѣдкое, что слѣдуетъ только удивляться ясности ума и твердости характера Гоббса, который не остановился передъ выводами изъ принятаго имъ основного принципа и не скрылъ отъ себя тѣхъ результатовъ, къ которымъ неизбежно долженъ былъ его привести послѣдовательный анализъ человѣческой природы. Другую темную сторону системы Гоббса авторъ видитъ въ «*il mostruoso sconcio dell'intervento dello Stato*», въ томъ, что у него личность совершенно поглощена государствомъ-Левіаѳаномъ, которое требуетъ безусловнаго исполненія своихъ велѣній. Такой взглядъ автора

на политическую теорію Гоббса представляется, однако, слишкомъ мрачнымъ. Авторъ какъ будто забываетъ основное положеніе философа—мораль основывается на стремленіи къ само-сохраненію. А проявленіе этого стремленія не есть ли именно высшее и полное проявленіе личности? Вѣдь главной причиной, побуждающей людей стремиться къ государственной жизни, является именно желаніе поставить свою личность въ такія условія, при которыхъ она могла бы лучше всего проявлять, развивать и, слѣдовательно, сохранять себя. Съ этой точки зрѣнія, представляются излишними сожалѣнія Тарантино о томъ, что Гоббсъ отождествляетъ право съ ненасытностью нашихъ желаній (*identifica il dritto coll'insaziabilità del desiderio*) и забываетъ, что «*più della conservazione fisica istessa c'è cara la libertà, come sa chi per lui vita rifiuta*». Свобода сама по себѣ такъ же мало, какъ и удовольствіе, можетъ быть цѣлью: она тоже есть средство для сохраненія личности, и она въ свою очередь тоже возможна только въ государствѣ, поскольку оно ведетъ къ прекращенію войны всѣхъ противъ всѣхъ.

Это—одна изъ главнѣйшихъ ошибокъ, допущенныхъ Тарантино въ своей книгѣ. Но, помимо всякихъ ошибокъ, въ ней есть одинъ существенный недостатокъ: она не даетъ никакихъ новыхъ свѣдѣній о Гоббсѣ и не открываетъ никакихъ новыхъ точекъ зрѣнія на его философію. Однако, она все-таки можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ къ уясненію основныхъ взглядовъ философа. Нѣкоторый интересъ можетъ представить также заключительная глава книги, гдѣ авторъ даетъ любопытное сопоставленіе Гоббса съ послѣдующими философами, которые начали съ опроверженія теорій Гоббса, но постепенно возвратились къ его же принципамъ; отраженіе этихъ принциповъ авторъ видитъ и въ утилитаризмѣ Милля, и въ эволюціонизмѣ Спенсера.

Н. Н. Вальденбергъ.

Johannes Volkelt. Arthur Schopenhauer. Seine Persönlichkeit, seine Lehre, sein Glaube. Mit Bildnis. Stuttgart 1900. (Frommanns Klassiker der Philosophie).

Новая книга Фолькельта представляетъ собою очень основательный и серьезный анализъ философіи Шопенгауэра, переплетенный съ характеристикой ея творца. Авторъ подходит къ

системѣ великаго пессимиста не съ однимъ логическимъ критеріемъ: онъ видитъ въ ней духовную сумму внутреннихъ настроений и чувствъ, драгоценный отпечатокъ того, что можетъ пережить и передумать глубоко-интересная человѣческая личность. Возвышенное и мелкое сочеталось въ Шопенгауэрѣ, и противорѣчія, которыми изобилуютъ его книги, въ значительной степени являются отраженіями его негармоничной природы. Но если его эмпирический характеръ, при всей своеобразной плѣнительности, запечатлѣнъ болѣзненными и темными чертами, то въ его произведеніяхъ передъ нами раскрывается его существо въ просвѣтленномъ и подлинномъ видѣ,—передъ нами встаетъ умпостигаемый характеръ Шопенгауэра. И если генію человѣчества суждено исчерпать себя во всѣхъ возможныхъ знаменательныхъ типахъ, то должно было найти себѣ воплощеніе и нѣчто подобное вдохновенному философу воли.

Шопенгауэръ заплатилъ обильную дань житейской повседневности, мелкимъ интересамъ существованія; въ немъ были корыстные вождельнія, и злоба къ людямъ, и необузданные порывы чувственной жажды. Но все же душою его жизни было исканіе міровой истины, и родиной его духа была философія. «Если я иногда чувствовалъ себя несчастнымъ—говоритъ онъ—, то это потому, что я принималъ себя за другого. Я считалъ себя, напримѣръ, за приватъ-доцента, который не имѣетъ слушателей и которому не удастся стать профессоромъ; или за того, о комъ дурно отозвались какой-нибудь филистеръ, какая-нибудь кумушка; или за проигравшаго судебный процессъ о нанесеніи обиды; или за влюбленнаго, къ которому неблагоклонна та или другая дѣвушка; или за пациента, котораго болѣзнь удерживаетъ дома, — вообще, за кого-нибудь изъ людей, страдающихъ отъ подобныхъ непріятностей. На самомъ же дѣлѣ это былъ не я, это былъ посторонній матеріалъ, изъ какого въ лучшемъ случаѣ былъ сдѣланъ мой сюртукъ, который я одно время носилъ, а потомъ смѣнилъ на другой. Но кто же я въ дѣйствительности? Я тотъ, кто написалъ *Миръ какъ волю и предствленіе* и далъ рѣшеніе великой проблемы бытія, — рѣшеніе, которое современники замалчиваютъ, но которое воспримутъ мыслители грядущихъ поколѣній. Вотъ кто я, и что же можетъ приключиться съ такимъ человѣкомъ въ годы, которые ему суждено еще прожить?» (стр. 27).

Философія, въ глазахъ Шопенгауэра, это—мысли о сущности міра. Несмотря на свое уваженіе къ Локку и Юму, онъ всегда былъ противъ ограниченія философіи рамками теоріи познанія и психологіи. Его творенія—сплошная метафизика, и если въ началѣ ея мы видимъ гнозеологическій моментъ, то онъ сейчасъ же, какъ и у Фихте, подвергается обще-философской переработкѣ. Міросозерцаніе, а не его предварительныя стадіи,—вотъ жизненный нервъ Шопенгауэра; теорію познанія онъ освѣщаетъ метафизически и, когда говоритъ о представленіи, то имѣетъ уже въ виду и волю. Самая гнозеологія носитъ у него окраску пессимизма: міръ какъ представленіе обращается въ бранный и преходящій міръ какъ сновидѣніе. Но если въ своемъ взглядѣ на предметъ философіи Шопенгауэръ сходится съ идеалистами послѣ-кантовскаго періода, то онъ сильно отличается отъ нихъ методомъ философскаго мышленія. Въ противоположность Фихте и Гегелю, онъ погруженъ своею мыслью не въ отвлеченныя понятія, а въ созерцаніе внѣшняго и внутренняго міра. Понятіе не имѣетъ для него самостоятельной силы и значенія, а служитъ лишь упрощеннымъ представителемъ того, что было созерцаемо и пережито. Чистая діалектика понятій не сродни его духу, и не въ ней его мощь. Правда, онъ владѣетъ безпощадной и ясной логикой; но въ ея предѣлахъ ему тѣсно, и истина раскрывается для него въ интуиціи. Если Кантъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы каждый тезисъ обставить возможными ограниченіями, показать его отношеніе къ другому, обезопасить себя логическими предосторожностями, то, наоборотъ, философія Шопенгауэра, въ роскошной яркости своихъ созерцаній, имѣетъ въ себѣ нѣчто царственно-безпечное и смѣлое, сохраняетъ весь ароматъ и свѣжесть непосредственнаго опыта и чувства, — и какъ онъ самъ признавался, каждый предметъ конкретной дѣйствительности, на которомъ онъ останавливалъ свои взоры, вѣщалъ ему тысячи откровеній.

Но, глубокой метафизикъ, Шопенгауэръ все-таки начинаетъ не соображеніями о сущности міра, а, подобно Канту, сперва занимается субъектомъ. «Міръ—мое представленіе»: этой основной истиной всякой критической философіи Шопенгауэръ знаменуетъ свой разрывъ съ наивнымъ реализмомъ. Однако на этомъ онъ не останавливается, и его ученіе переходитъ въ *гнозеологическій субъективизмъ, или феноменализмъ*. Изъ того, что міръ—

наше представленіе, дѣлается выводъ, будто познаніе міра какъ такого навѣки закрыто для насъ. Изъ того, что міръ въ своей сущности недоступенъ для нашего *представленія*, дѣлается выводъ, будто и *рефлексивная мысль* не въ состояннн на косвенномъ пути логики проникнуть по ту сторону непосредственнаго сознанія, строить гипотезы о транссубъективномъ бытіи: никакое напряженіе разсудка и разума не выведетъ насъ за грань представленія. Этотъ скептицизмъ по отношенію къ транссубъективной дѣйствительности заставляетъ Шопенгауэра, какъ и Канта, произвольно обращать гнозеологическую пропасть между представленіемъ и вещью въ себѣ въ пропасть метафизическую. Незнаніе о вещи въ себѣ переходитъ въ отрицающее знаніе о ней, въ утвержденіе, что она не обладаетъ свойствами феноменальнаго міра. Скептицизмъ измѣняется въ *метафизическій дуализмъ*, незнаніе—въ познанное небытіе, субъективное становится *только-субъективнымъ*. Между тѣмъ нѣтъ основанія заключать, что содержаніе нашихъ представленій не находится нигдѣ внѣ субъекта и не можетъ въ томъ же или сходномъ видѣ относиться къ признакамъ вещи въ себѣ. И если формы нашего представленія заложены въ субъектѣ, то отсюда, вопреки Шопенгауэру, еще непосредственно не вытекаетъ, что эти формы чужды самымъ вещамъ. Метафизическое убѣжденіе въ единствѣ воли усилило шопенгауэровскую теорію объ идеальности пространства и времени и оказало тайное вліяніе на ходъ его аргументаціи. Въ своей гнозеологіи онъ не ставитъ и не рѣшаетъ центральнаго вопроса о томъ, возможно ли познаніе и насколько оно возможно. Эта гнозеологія не выдержана во всей чистотѣ и самостоятельности: въ ней допущены метафизическія черты. Кромѣ указаннаго только что дуализма, она обратила кантовскій идеализмъ представленія въ индусскій идеализмъ сновидѣнія. Для Шопенгауэра сонъ не только похожъ на жизнь, но и отождествляется съ нею. Представленіе и фантасмагорія были для него одно; всякую смерть онъ считалъ пробужденіемъ, потому что всякая жизнь казалась ему печальнымъ или радостнымъ сномъ, который грезится вѣчному духу.

Міръ вещей былъ для него покрытъ обманчивой пеленою Майи, и гнозеологическая оцѣнка этого міра была въ то же время и метафизическимъ осужденіемъ его, оцѣнкой пессимистической.

Гнозеологическій идеализмъ Шопенгауэра, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ теорій знанія, проникнуть чуждыми элементами романтизма. Ибо Шопенгауэръ принадлежитъ къ тому великому и знаменательному теченію въ мысляхъ и чувствахъ людей, для котораго дѣйствительность, несмотря на ея жесткій и жгучій характеръ, все-таки представляется мимолетнымъ и сумеречнымъ трепетаніемъ какой-то призрачной грезы.

Хотя философія Шопенгауэра и начинается фактомъ самоотворѣнности сознанія, хотя объектъ имѣетъ въ ней смыслъ и значеніе только по отношенію къ субъекту, тѣмъ не менѣе послѣдній вовсе не располагаетъ въ ней какой-нибудь привилегіей сравнительно съ объектомъ и не притязаетъ на самостоятельность. Напротивъ, субъектъ и объектъ—*коррелятивныя* стороны одного цѣлага, и субъектъ имѣетъ смыслъ только по отношенію къ объекту и въ нераздѣльной связи съ нимъ. Субъектъ и объектъ—двѣ неразлучныя половины нашего сознанія міра какъ представленія. Коррелятивность субъекта и объекта является такимъ образомъ какъ моментъ субъективно-идеалистической; она уже предполагаетъ сознаніе, обнимающее обѣ стороны даннаго соотношенія—и представляющее, и представляемое. Но когда Шопенгауэръ отождествляетъ коррелятивность субъекта и объекта съ коррелятивностью интеллекта и матеріи, онъ уклоняется отъ своего идеализма и часто говоритъ такъ, какъ будто субъектъ имѣетъ свой коррелятъ въ мірѣ, отъ представленія не зависящемъ, какъ будто на ряду съ сознаніемъ есть равноправный и самостоятельный транссубъективный міръ. Затѣмъ уже здѣсь, въ области гнозеологии, оказывается, что матерія, съ одной стороны, представленіе познающаго, а съ другой стороны, познающее—продуктъ матеріи. Субъективно-идеалистическая теорія познанія какъ бы забыта, феноменализмъ, въ общемъ все-таки преобладающій, ослабленъ,—проявляется тенденція къ матеріализму. Феноменализмъ блѣднѣетъ и потому еще, что Шопенгауэръ утверждаетъ, будто субъектъ познаетъ только міръ, а себя самого познавать не можетъ: субъектъ—познающее, никогда не познаваемое. Феноменализмъ, наконецъ, терпитъ уронъ и отъ того, что Шопенгауэръ, склоняясь къ матеріалистической тенденціи (все еще на почвѣ гнозеологии), часто выражается такъ, какъ будто вещи и измѣненія въ пространствѣ и времени составляютъ внѣшній міръ въ обычномъ, наивно-реалистическомъ

смыслѣ этого слова. Этотъ наивный реализмъ, столь неожиданный у «законнаго наслѣдника кантовскаго престола», особенно сказывается тамъ, гдѣ мы читаемъ о преобразованіи разсудкомъ субъективныхъ ощущеній въ объективныя интуиціи. Здѣсь всюду выходитъ такъ, будто воспріятія физическаго міра непосредственно означаютъ независимый отъ нашего сознанія, трансубъективный физическій міръ. Ретина, глазъ незамѣтно переходятъ подъ рукою Шопенгауэра въ дѣйствительныя вещи, которыя существуютъ до нашего представленія. Такое же помраченіе феноменализма чертами наивно-реалистическими замѣтно, впрочемъ, и у Канта. Словно то противоестественное, которое заключается въ признаніи пространства, движенія и матеріи простыми представленіями, находитъ свою самопоправку въ этомъ позднѣйшемъ и произвольномъ возвращеніи наивно-реалистическихъ взглядовъ.

Шопенгауэръ фактически примыкаетъ къ тому движенію мысли, которое запечатлѣно именами Рейнгольда, Маймона, Бека, Фихте и которое стремится ввести въ апріорныя формы интеллекта больше связи и единства, чѣмъ это можно найти у Канта. Шопенгауэровскій апріоризмъ съ его единой категоріей причинности, съ его всеобъемлющимъ закономъ основанія, гораздо проще и прозрачнѣе апріоризма Канта съ его громоздкимъ аппаратомъ двѣнадцати категорій. Въ противоположность Канту, Шопенгауэръ не только усматриваетъ въ воззрѣніи пространства апріорную форму чувственности, но и подробно выясняетъ, какъ эта апріорная функція развивается во времени. Но творецъ *Міра какъ представленія* — апріористъ не только въ томъ смыслѣ, что принимаетъ апріорныя функціи нашего интеллекта: онъ строитъ на этой почвѣ и апріорное знаніе, — напримѣръ, законы косности и сохраненія энергіи.

Мы уже видѣли, что Кантъ не завѣщаль своему «единственному наслѣднику» логическаго характера своей философіи. Къ отвлеченному понятію и его «отраженному свѣту» Шопенгауэръ относится презрительно и несправедливо; эвклидовскій методъ геометрическихъ доказательствъ кажется ему несостоятельнымъ; онъ хочетъ читать непосредственно «книгу міра» и перенести въ свою философію все богатство и краски міровой дѣйствительности. Онъ — мыслитель воззрѣнія, интуиціи; но воззрѣніе не отождествляется у него съ «наблюденіемъ» современныхъ эмпи-

риковъ, оно бьетъ у него ключомъ жизни и страсти. Философію онъ считаетъ сродни искусству, смотритъ на нее глазами аристократа и романтика, и если онъ смѣется надъ шеллинговскимъ «воззрѣніемъ разума», то это лишь яркій образчикъ его пристрастнаго отношенія къ идеалистамъ послѣ - кантовскаго періода. На самомъ дѣлѣ между нимъ и Шеллингомъ есть много общаго: и тотъ, и другой строятъ философію на геніальной, аристократической интуиціи и видятъ въ ней созданіе избранныхъ умовъ, предназначенное для избранныхъ умовъ. Правда, у Шеллинга интуиція носитъ характеръ разумный, между тѣмъ какъ у Шопенгауэра ея природа иррациональна; кромѣ того, послѣдній, въ противоположность Шеллингу, не изгоняетъ изъ философіи пріемовъ эмпирической науки. Въ общемъ надо сказать, что Шопенгауэръ нигдѣ не различаетъ научной метафизики отъ тѣхъ метафизическихъ соображеній, которыми живой и цѣльный человѣкъ художественно и интуитивно восполняетъ свои опытные знанія. Но несмотря на этотъ недостатокъ и на многіе другіе недостатки, ученіе Шопенгауэра ясно показываетъ, какъ нуждается человѣкъ въ сверхнаучныхъ, интуитивныхъ моментахъ; какъ загадочность бытія, дыханіе которой вѣетъ въ книгахъ геніальнаго мыслителя, заставляетъ насъ «удивляться» и изъ этого удивленія создавать философію; какъ печальное и таинственное жизни исполняетъ мысль тревогой и пытливостью. Смерть, въ глазахъ Шопенгауэра, — истинный геній-вдохновитель и музаетъ философіи, — и это придаетъ его метафизикѣ торжественный и глубоко-человѣческій характеръ.

Познаніе ограничено міромъ явленій, и заколдованный кругъ феноменализма, собственно говоря, долженъ былъ бы преградить Шопенгауэру доступъ къ вещи въ себѣ. Съ субъективистической теоріей знанія несоединима даже робкая метафизика Канта, не говоря уже о пышномъ метафизическомъ чертогѣ Шопенгауэра. И если философъ міровой воли все-таки выступаетъ за предѣлы феноменальнаго бытія, то онъ это дѣлаетъ, лишь благодаря счастливому разрыву со своей гнозеологіей. Надъ послѣдней одержала побѣду метафизическая склонность Шопенгауэра. И вотъ сердцевиной міра онъ, по аналогіи съ человѣкомъ, призналъ волю — слѣпой, неутолимый, неутомимый порывъ къ жизни, вѣчный голодъ бытія. Воля — универсальный принципъ, и она дышитъ во всемъ. Философія Шопенгауэра

принадлежитъ къ великимъ теоріямъ одушевленности міра. Все, что обыкновенному наблюдателю представляется коснымъ веществомъ и мертвой природой, онъ воззвалъ къ жизни; все матеріальное въ его глазахъ не только гнозеологически, но и метафизически, производно; онъ показалъ, что вселенная—человѣкъ въ большомъ видѣ (Macanthropos). Этимъ Шопенгауэръ приближается не только къ спекулятивнымъ метафизикамъ, въ родѣ Шеллинга и Гегеля, но и къ Лейбницу, Фехнеру, Лотце, Вундту; конечно, свой волюнтаризмъ онъ построилъ на интуитивно-геніальномъ постиженіи міра, тогда какъ волюнтаризмъ Вундта, напримѣръ, имѣетъ въ гораздо большей степени характеръ методическаго и медленнаго созиданія. Если всякая идеалистическая метафизика возникаетъ путемъ возвышенія на степень безусловнаго какой-нибудь одной стороны нашей душевной жизни, проэцированной во внѣ, то къ Шопенгауэру это примѣнимо съ особенной силой. И если другіе метафизики скрываютъ антропологическій и антропоцентрический источникъ своего мірового принципа, то авторъ *Міра какъ воли* показалъ его съ полной откровенностью и именно въ немъ усматривалъ преимущество своей философіи.

Воля — дикое, слѣпое, необузданное, алогическое чудовище. Шопенгауэръ пытается объяснить міръ изъ ирраціональнаго начала, вывести разумъ изъ неразумнаго. Въ этомъ его главное отличие отъ послѣ-кантовскихъ идеалистовъ; — не только отъ панлогиста Гегеля и Шеллинга, но и отъ Фихте, чье я представляетъ собою, правда, волю, но волю, въ своемъ внутреннемъ существѣ тождественную съ разумомъ. У Гегеля міръ возникаетъ изъ тишины и ясности, мѣры и логическаго закона; у Шопенгауэра всякое бытіе исходитъ изъ мрачной бездны страстныхъ и неукротимыхъ силъ. Въ этомъ отношеніи философъ темной воли своеобразно повторяетъ одну изъ основныхъ мыслей, одно изъ глубокихъ убѣжденій человѣчества. Объ ирраціональности и трагизмѣ вселенной учил Анаксимандръ, когда во всякомъ индивидуальномъ существованіи признавалъ дитя вины; все мышленіе Гераклита — борьба съ ирраціональными тайнами универса, единство и гармонія котораго въ то же время являютъ собою разладъ и самораздвоеніе; къ Любви присоединилъ Эмпедоклъ Вражду, загадочный принципъ меонизма высказалъ Платонъ, ирраціональное дышитъ въ философіи Беме, и даже гегелевскія

отрицаніе и противорѣчія, хотя они и выставляются какъ стихія разума, на самомъ дѣлѣ знаменуютъ собою, въ логической маскѣ и ослабленной степени, все тотъ же неразумный элементъ міро-зданія. Ирраціональное начало шопенгауэровской философіи, воля, вводитъ насъ въ самое средоточіе жизни и творческихъ силъ, въ глубь души и бытія.

Но для того чтобы объяснить стройную организованность и закономерность міра, для того чтобы вывести изъ слѣпой воли цѣлесообразность, Шопенгауэръ долженъ отступить отъ ирраціонализма, и все, что онъ говоритъ по поводу объективации воли и идей,—все это показываетъ ослабленіе алогической природы мірозиждительнаго начала. Это же царство идей счастливо противорѣчитъ другому принципу Шопенгауэра — единству воли, его своеобразному пантеизму, *éu kai tāv*. Срединная сфера объективаций воли сближаетъ единую и нераздѣльную, неподвижную и абсолютную первооснову міра съ разнообразіемъ и множественностью явленій, и эти явленія получаютъ реальность и смыслъ. Если въ своей теоріи познанія Шопенгауэръ движется подъ знакомъ Канта, то ученіе объ идеяхъ—сильный платоновскій моментъ его философіи.

Въ основѣ міра лежитъ неразумное, незаконное, безцѣльное, — слѣдовательно, міръ печаленъ, и философія воли силой внутренней необходимости становится философіей пессимистической. Но у Шопенгауэра пессимизмъ не только выводъ изъ основнаго принципа: онъ въ такой же степени—результатъ глубокихъ наблюденій надъ міромъ. Всѣмъ памяты тѣ потрясающія страницы, на которыхъ Шопенгауэръ говоритъ о вѣчномъ господствѣ злобы, случая и глупости, о томъ, какъ плачевно и мрачно протекаетъ жизнь людей изъ безконечнаго прошлаго въ безконечное будущее.

Пессимизмъ Шопенгауэра, несомнѣнно, выражаетъ только одну сторону истины. Но помимо того, что онъ связанъ съ глубоко-нравственнымъ и религіознымъ взглядомъ на жизнь, съ возвышеннымъ ученіемъ о телеологии страданія, съ проповѣдью искупленія гениальнымъ созерцаемъ, искусствомъ и аскезой, — помимо этого, онъ имѣетъ еще и ту великую цѣнность, что прервалъ оптимистическое теченіе нѣмецкой философіи и показалъ тѣ стороны бытія, которыя противорѣчатъ безпрестанному восхваленію міровой гармоніи. И ужъ нечего говорить о

томъ, какъ благодѣтеленъ этотъ противовѣсъ философскаго пессимизма современному вырожденію оптимистической идеи, вырожденію въ пошлое и филистерское прихорашиваніе міра. Для обильной противорѣчіями философіи Шопенгауэра (противорѣчіями, источникъ которыхъ лежитъ не въ поверхностномъ характерѣ мышленія, а въ безконечной сложности реального), для этой философіи съ ея неожиданностями, капризами и романтикой, характерно, что изъ животнаго утвержденія воли, какимъ является міръ въ его основѣ, возникаетъ, какъ высшее созданіе этого міра, такое же животное отрицаніе той самой воли. Шопенгауэръ показалъ этимъ, что отказъ отъ жизни, аскетизмъ, стремленіе къ сверхъ-бытію нирваны не единичное и болѣзненное явленіе, а глубокой и вѣчный моментъ въ душѣ чело-вѣчества.

У Гегеля цѣль міра — самопознаніе абсолютнаго духа, у Шопенгауэра — самопознаніе абсолютной воли: пантеизмъ разума и алогистическая метафизика воли совпадаютъ. Но у Гегеля самопознаніе ведетъ къ оптимистическому самодовлѣнію, у Шопенгауэра оно ведетъ къ отрицанію воли.

Ю. Айхенвальдъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

А. В. Бирилевъ. Объ осязаніи слѣпыхъ. Казань, 1901. Стр. 27.

Вильгельмъ Виндельбандъ. Исторія и естествознаніе. Переводъ съ нѣмецкаго Федора Лемберга. Москва, 1901. Стр. 21. Ц. 20 к.

Н. И. Герасимовъ. Нищсеанство. Москва, 1901. Стр. 207. Ц. 1 р. 25 к.

С. Ф. Годлевскій. Смерть Неволіна и его скитанія по Сибири. Спб., 1900. Стр. 242. Ц. 1 р.

И. Н. Гюзелевъ. Стойностьга на теориитѣ въ физиката. Софія, 1901. Стр. 44.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 5-й. Кіевъ, 1900.

М. Зеленоглазый. Въ пути. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1901. Стр. 98.

Фридрихъ Іудль. Переводъ съ нѣмецкаго А. А. Мейера. Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва, 1901. IV+147.

В. Д. Катковъ. Наука и философія права. Берлинъ, 1901. Ц. 1 р. 50 к. Стр. VIII+115.

Краткій историческій обзоръ 25-лѣтней дѣятельности бібліотеки общества Взаимнаго вспомошествованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы имени учредителя ея С. А. Бернфельда (1875—1900) и отчетъ бібліотеки за 1900 г. Одесса, 1901. Стр. 19.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи т. IV-й. Иммануиль Кантъ и его ученіе. Часть I. Возникновеніе и основаніе критической философіи. Перев. съ 4-го нѣмецк. изд. Н. Полилова, Н. Лосскаго и Д. Жуковскаго. Съ портретомъ Канта. Изданіе товарищества «Знаніе» Спб., 1901. Стр. 632. Ц. 4 р.

А. Л. Липовскій. Славянскіе народы. Хорваты. Спб., 1900. II+160.

А. И. Линцбахъ. Универсальная стенографія (скоропись), какъ запись моментовъ движенія органовъ рѣчи. Москва, 1901. Стр. 14. Цѣна 50 к.

А. Лихтенберже. Философія Ницше. Перев. подъ редакц. М. Невѣдомскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1901. Ц. 1 р. 80 к. CXLIV+242.

А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб., 1901. Стр. XII+236. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки, 1 р. 75 к. съ пересылкой.

О. Обломіевская. Черезъ нѣсколько вѣковъ. Замѣтки въ защиту индивидуума. Спб., 1901. Ц. 30 к. Стр. 48.

Отчетъ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія за 1900 г. Москва, 1901. Стр. 220+219. Ц. 1 руб.

Отчетъ Общества взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Калужской губерніи за 1899 г. Калуга, 1900 Стр. 51.

А. С. Рождествинъ. Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. VII. Чтенія въ обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Имп. казанск. универс. Казань, 1901. Стр. 20.

Г. И. Россолимо. Искусство, больные нервы и воспитаніе (По поводу «Декадентства»). Стр. 50. Москва, 1901.

В. Саводникъ. Поэзія Вл. С. Соловьева. Москва, 1901. Стр. 25. Ц. 25 к.

Его-же: Е. А. Баратынскій (1800—1900). Критическій очеркъ. Москва, 1900. Стр. 37. Ц. 30 к.

Louis Favre. La Méthode dans les choses de la vie courante. Logique-psychologie. I. A propos d'une affaire récente (affaire Dreyfus). Paris, стр. 178.

L. Favre. La musique des couleurs. Paris. стр. 112.

L. Favre. La méthode dans les Sciences expérimentales. Paris. стр. 467.

L. Favre. L'organisation de la Science. Paris. Стр. 403.

А. Шапиръ. Очерки критической философіи. Переводъ съ фр., Н. А. Брокеръ. Изд. Посредника. Москва, 1901. XXXVIII+118. Ц. 75 к.

Сергій Шараповъ. Сугробы. Стр. 80. Ц. 30 к. Москва, 1901.

Его-же. Ледоходъ. Стр. 80. Ц. 30 к. Москва, 1901.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXI. Софія.—Статика. Изданіе Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб., 1900.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXI^A. Статика.—Судоустройство. Изданіе Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб., 1901.

Д-ръ Эрн. Махъ. Научно-популярные очерки. Вып. I. Этюды по теоріи познанія. Переводъ съ нѣмецкаго А. А. Мейеръ подъ редакціей П. К. Энгельмейера. Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва, 1901. Стр. XX+164. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія и замѣтки.

30-тилѣтній юбилей учено-педагогической дѣятельности
заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ филосо-
фіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, А. И.
Смирнова.

(Письмо изъ Казани.)

15 марта настоящаго учебнаго года исполнилось 30 лѣтъ
учено-педагогической служебной дѣятельности въ Казанскомъ
университетѣ одного изъ старѣйшихъ заслуженныхъ его про-
фессоровъ, Аполлона Ивановича Смирнова.

Нечего много говорить о значеніи А. И. Смирнова для Ка-
занскаго университета. А. И., по окончаніи курса въ Казанскомъ
университетѣ, послѣ кратковременной службы въ нижегородской
гимназіи, былъ оставленъ при университетѣ на два года, въ
качествѣ профессорскаго стипендіата по кафедрѣ философіи, съ
откомандированіемъ за границу, гдѣ онъ занимался, главнымъ
образомъ, пользуясь указаніями нѣмецкихъ профессоровъ фило-
софіи, и затѣмъ прослужилъ родному университету все осталь-
ное время до 30 лѣтъ. Читая лекціи и руководя занятіями сту-
дентовъ историко-филологическаго факультета казанскаго уни-
верситета по философіи, логикѣ и психологіи, онъ, въ числѣ
своихъ слушателей, всегда имѣлъ и студентовъ другихъ факультетовъ. Въ то же время послѣдніе четыре года, въ должности
декана факультета, А. И. стоялъ при кормилѣ правленія роднаго
университета, являясь вѣрнымъ хранителемъ его преданій.

Какъ профессоръ и человекъ науки, А. И. привлекалъ къ
себѣ молодое поколѣніе. Его имя всегда съ глубокимъ, искрен-

нимъ уваженіемъ вспоминаютъ всѣ его бывшіе и настоящіе ученики и слушатели. Художественно-правдивые очерки философской науки, составлявшіе предметъ чтеній А. И., производили на нихъ неизгладимое впечатлѣніе.

Многіе учено-литературные труды и изслѣдованія А. И. Смирнова, которыми онъ обогатилъ русскую науку, являются показателемъ глубоко-серьезной добросовѣстности автора въ изученіи избраннаго имъ предмета, снискавъ ему уваженіе среди специалистовъ и лицъ, интересующихся научнымъ знаніемъ. А. И. состоитъ членомъ общества физико-математическаго, невропатологовъ и психіатровъ, археологіи, исторіи и этнографіи и любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, дѣлая въ нѣкоторыхъ изъ нихъ свои доклады и помѣщая въ ихъ изданіяхъ свои сообщенія и работы. Къ его слову и сужденію чутко прислушиваются не историко-филологи только, но и медики и математики.

15 марта члены университетской корпораціи въ громадномъ своемъ большинствѣ, съ ректоромъ университета Д. И. Дубягомъ во главѣ, рѣшили чествованіемъ выразить Ап. Ивановичу одушевлявшія всѣхъ ихъ чувства глубокаго уваженія къ его трудамъ и заслугамъ для науки и университета. Съ часу дня въ профессорскій залъ и читальню университета стали стекаться университетскіе преподаватели, а въ два съ половиной часа многочисленное собраніе профессоровъ и приватъ-доцентовъ всѣхъ факультетовъ, вмѣстѣ съ ректоромъ университета, отправилось въ верхній этажъ главнаго университетскаго зданія, въ помѣщеніе музея отечествовѣдѣнія, куда къ этому времени былъ приглашенъ и А. И. Смирновъ.

Чествованіе Аполлона Ивановича началось привѣтствіемъ отъ историко-филологическаго факультета.

И. д. декана историко-филологическаго факультета, засл. орд. проф. Д. А. Корсаковъ, прочелъ нижеслѣдующій адресъ отъ профессоровъ и преподавателей названнаго факультета.

«Многоуважаемый Аполлонъ Ивановичъ. Сегодня исполнилось тридцать лѣтъ со времени начала вашей ученой, педагогической и административной дѣятельности въ нашемъ факуль-

тетѣ, и мы, ваши товарищи, привѣтствуя васъ въ этотъ знаменательный день, невольно припоминаемъ главнѣйшіе факты изъ вашей дѣятельности, прошедшей всецѣло въ нашемъ университетѣ.

«Каедре философіи, этотъ центръ всей научной жизни университетовъ, возобновлена была университетскимъ уставомъ 1863 года, и у насъ, въ Казани, на этой каедрѣ въ шестидесятихъ годахъ былъ выдающійся ученый въ области философіи, Матвѣй Михайловичъ Троицкій, представитель англійской школы эмпирической психологіи, создавшій и въ Россіи группу ученыхъ этого направленія, много сдѣлавшаго для выясненія запутанныхъ вопросовъ психологіи и для постановки этихъ вопросовъ на реально научную почву. Вы, Аполлонъ Ивановичъ, являетесь однимъ изъ первыхъ по времени и однимъ изъ первыхъ по достоинству учениковъ и послѣдователей покойнаго М. М. Троицкаго. Вы всегда, въ теченіе трети столѣтія, стойко и неуклонно стояли на строго научномъ пониманіи основныхъ вопросовъ философіи и психологіи, выразивъ это пониманіе какъ въ вашихъ диссертаціяхъ—магистерской о «Философіи Беркли» и докторской «Исторіи англійской этики», такъ и въ другихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ эстетикѣ и логикѣ наукъ. Это же научное пониманіе вселяли вы въ своихъ университетскихъ слушателей и проводили въ нерѣдко читанныхъ вами публичныхъ лекціяхъ.

«Въ 80-хъ годахъ вы два года преподавали по вакантной въ то время каедрѣ теоріи искусствъ, а затѣмъ принимали дѣятельное участіе въ обществахъ математическомъ и невропатологовъ и психіатровъ.

«Но ваше служеніе Казанскому университету далеко не исчерпывается трудами ученаго и преподавателя. Въ 1882 году вы были избраны совѣтомъ университета въ высокое и почетное званіе судьи, затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ несли обязанности секретаря, а съ осени 1897 года—и декана историко-филологическаго факультета, являясь такимъ образомъ участникомъ и руководителемъ академической дѣятельности нашего факультета.

«Примите же, многоуважаемый товарищъ, выраженіе нашего искренняго и глубокаго уваженія къ вашей долготѣней и плодотворной службѣ наукѣ и Казанскому университету и сердечное, искреннее пожеланіе, чтобы эта служба продолжалась надолго

и впредь среди насъ на пользу всѣмъ намъ одинаково дорогихъ отечества и русскаго учащагося юношества».

Послѣ этого отъ лица присутствовавшей на чествованіи депутаціи студентовъ историко-филологическаго факультета студентъ Ч. Г. Багенскій привѣтствовалъ А. И. Смирнова въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дорогой наставникъ! Пусть радостный день вашего 30-лѣтняго служенія на поприщѣ науки и профессуры въ Казанскомъ университетѣ сольется въ общей радости и благодарности сердца вашихъ учениковъ и дастъ намъ возможность высказать глубокія и искреннія чувства, которыми мы всегда исполнены по отношенію къ вамъ.

«Это прежде всего чувство признательности и благодарности къ вамъ, какъ къ человѣку гуманному и отзывчивому къ нашимъ нуждамъ. Къ человѣку, къ которому мы всегда обращались, какъ къ отцу, съ полнымъ довѣріемъ и надеждой на успѣхъ.

«Затѣмъ, насколько позволяетъ наша скромность, позвольте намъ, какъ вашимъ слушателямъ, выразить благодарность за живость и свѣжесть мысли, за ту любовь къ правдѣ и наукѣ, которыя вы, дорогой наставникъ, несмотря на свой возрастъ и житейскія невзгоды, сами сохранили и въ своихъ лекціяхъ вселили въ сердца наши.

«Да здравствуетъ гуманность! Да здравствуетъ любовь къ правдѣ и наукѣ! Да здравствуетъ одинъ изъ видныхъ представителей ихъ!»

Послѣ чего предсѣдатель Физико-математическаго Общества, засл. орд. проф. А. В. Васильевъ, обратился къ юбиляру съ такой рѣчью:

«Приношу вамъ, глубокоуважаемый Аполлонъ Ивановичъ, поздравленіе Совѣта физико-математическаго Общества съ 30-лѣтнимъ юбилеемъ вашей ученой и педагогической дѣятельности.

«Вы начали вашу ученую дѣятельность по важнѣйшей изъ каедръ университета опубликованіемъ сочиненія о философіи Беркли. Русская философская мысль XIX столѣтія находилась подъ преобладающимъ вліяніемъ германской философіи. Сначала Шеллингъ, потомъ Гегель, въ 60-хъ годахъ ученики послѣдняго были кумирами русскихъ мыслящихъ людей. Менѣе значительно было вліяніе французской философіи и ничтожно вліяніе англійской. Вы были вмѣстѣ съ вашимъ учителемъ и предше-

ственнымъ по кафедрѣ М. М. Троицкимъ первыми, которые обратились къ глубокомысленнымъ трудамъ англійскихъ философовъ. Вы избрали какъ предметъ вашей магистерской диссертациі одно изъ глубокомысленнѣйшихъ созданій человѣческаго ума — метафизическую теорію Беркли, отрицающую существованіе матеріальнаго міра вещей. Эта увлекательная философская доктрина по своей крайности приобрѣла мало сторонниковъ, но никѣмъ, даже Кантомъ, не была опровергнута съ достаточною убѣдительностью и въ самые послѣдніе годы получила дальнѣйшее развитіе въ Германіи подъ видомъ такъ называемой «имманентной философіи». Изучая и излагая для русской публики философію Беркли, вы не могли не остановиться на его оригинальныхъ взглядахъ на вопросъ о пространствѣ и на его остроумныхъ нападкахъ на существованіе въ то время способа изложенія анализа безконечно-малыхъ. Вы вошли такимъ образомъ давно въ тотъ кругъ мыслей, который составляетъ философію математики.

«Этимъ объясняется то сочувствіе, съ которымъ вы относились всегда къ дѣятельности нашего физико-математическаго общества и то участіе, которое вы приняли въ празднованіи столѣтней годовщины дня рожденія Лобачевского, взгляды котораго на вопросъ о пространствѣ близко подходятъ, по моему мнѣнію, къ взглядамъ Беркли. Въ вашей рѣчи, тогда произнесенной, вы оцѣнили съ большою ясностью философское значеніе теоріи Лобачевского. Упрочившаяся въ дни чествованія Лобачевского связь ваша съ нашимъ обществомъ затѣмъ не порывалась. На всякое предпріятіе нашего общества, на всякую хорошую мысль, возникавшую въ немъ, вы отзывались всегда и сочувствіемъ, и трудомъ. Упомяну только о вашемъ участіи въ первомъ опытѣ примѣненія идеи «*University Extension*» на русской почвѣ—въ публичныхъ лекціяхъ, организованныхъ Физико-математическимъ обществомъ въ 1895 году. Вы прочли намъ тогда шесть лекцій по философіи наукъ, послужившихъ прекраснымъ введеніемъ въ другіе чисто математическіе курсы. И всегда, когда вы являетесь въ засѣданіяхъ нашего общества, мы прислушиваемся съ уваженіемъ къ вашимъ словамъ, въ которыхъ проявляется и ваше широкое философское образованіе, и вашъ критическій умъ, который не позволилъ вамъ сдѣлаться узкимъ приверженцемъ какой бы то ни было философской доктрины.

«Отъ души желаемъ, чтобы ваше здоровье позволило вамъ еще долго, долго принимать участіе и въ университетской жизни, и въ жизни нашего общества, и чтобы связь ваша съ нимъ становилась съ годами крѣпче и прочнѣе».

Въ заключеніе предсѣдатель общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при казанскомъ университетѣ, орд. проф. А. С. Архангельскій, выразилъ почтенному юбиляру, какъ сотруднику общества, привѣтствіе отъ имени пушкинскаго общества.

Тронутый столь теплыми и искренними выраженіями чувствъ уваженія, А. И. благодарилъ своихъ товарищей, въ составѣ коихъ были и профессора — его ученики, за столь высокую оказанную ему честь, высказавъ сердечныя пожеланія процвѣтанія науки вообще и казанскаго университета и его каедры философіи въ частности.

Въ 4-мъ часу чествовавшіе, прощаясь съ высокоуважаемымъ своимъ товарищемъ, высказали ему душевныя пожеланія о восстановленіи потрясеннаго въ послѣднее время семейными обстоятельствами душевнаго спокойствія и физическаго благополучія для продолженія его плодотворной дѣятельности на пользу нашего отечества, университета и учащагося юношества.

А. Александровъ.

Московское Психологическое Общество.

СХСІ. Отчетъ о годичномъ распорядительномъ засѣданіи 27 января 1901 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера въ залѣ правленія университета подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Ю. И. Айхенвальда, А. П. Басистова, Н. В. Давыдова, Н. Д. Виноградова, Н. А. Иванцова, гр. И. А. Мамуна, П. И. Новгородцева, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Ѳ. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, М. С. Соловьева, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкаго, Н. И. Шишкина.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1. Читанъ и утверждень протоколъ предыдущаго засѣданія.
2. Секретарь Общества доложилъ отчетъ о дѣятельности Общества въ 1900 г.

3. Редакторъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» кн. С. Н. Трубецкой доложилъ отчетъ объ изданіи журнала за 1900 годъ.

4. Кн. С. Н. Трубецкой доложилъ о томъ, что первая книга журнала за 1901 годъ будетъ состоять изъ статей, посвященныхъ памяти Вл. С. Соловьева.

5. Постановлено отдѣльныя книжки журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» продавать только по истеченіи года въ количествѣ не болѣе 100 экземпляровъ.

6. Обсуждался вопросъ о назначеніи новаго срока для представленія сочиненія о философіи Ог. Конта на премію Д. А. Столыпина.

Единогласно постановлено назначить новымъ срокомъ 1-е января 1903 г.

7. Л. М. Лопатинъ предложилъ, въ виду кончины товарища Вопросы философіи, кн. 57.

предсѣдателя Общества С. С. Корсакова, просить кандидата товарища предсѣдателя кн. С. Н. Трубецкого принять на себя обязанности товарища предсѣдателя.

Кн. С. Н. Трубецкой согласился на просьбу Общества занять мѣсто товарища предсѣдателя.

8. А. А. Токарскій предложилъ, въ виду перехода кн. С. Н. Трубецкого изъ кандидатовъ товарища предсѣдателя въ товарищи предсѣдателя, приступить къ избранію новаго кандидата товарища предсѣдателя.

Предложеніе А. А. Токарскаго было Обществомъ принято и произведенной баллотировкой въ кандидаты товарища предсѣдателя былъ избранъ А. А. Токарскій 15 голосами противъ 1.

9. Вслѣдствіе перехода А. А. Токарскаго изъ товарищей секретаря въ кандидаты товарища предсѣдателя, было постановлено, что кандидатъ товарища секретаря Н. Д. Виноградовъ будетъ товарищемъ секретаря; слѣдовавшей затѣмъ баллотировкой были избраны въ кандидаты товарища секретаря Г. А. Рачинскій 12 голосами противъ 3-хъ, а на освободившееся мѣсто кандидата товарища казначея—С. А. Сухановъ 14 голосами противъ 1-го.

10. Л. М. Лопатинъ доложилъ Обществу, что д. чл. З. С. Горская сообщила черезъ В. П. Сербскаго, что портретъ Н. Я. Грота, который написанъ для Общества ея мужемъ проф. Горскимъ, будетъ готовъ къ концу января.

11. Л. М. Лопатинъ доложилъ Обществу слѣдующія постановленія Совѣта Общества:

1) Библиотеку покойнаго В. П. Преображенскаго рѣшено помѣстить въ конторѣ редакціи журнала «Вопросы Философіи и Психологіи».

2) Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 13 января 1901 г. было постановлено устроить въ память Вл. С. Соловьева одно засѣданіе, на которомъ произнесутъ рѣчи А. Г. Петровскій, Г. А. Рачинскій, П. И. Новгородцевъ, Л. М. Лопатинъ и кн. С. Н. Трубецкой.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ 15 минутъ.

СХСШ. Отчетъ о торжественномъ засѣданіи въ память В. С. Соловьева 2 февраля 1901 года.

Засѣданіе было открыто въ актовомъ залѣ университета, въ 8¹/₂ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина,

при товарищѣ секретаря Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи почетнаго члена В. И. Герье и гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, К. А. Андреева, Ю. И. Айхенвальда, А. П. Басистова, П. В. Безобразова, С. Н. Булгакова, К. М. Быковского, В. Е. Гиацинтова, Н. В. Давыдова, Н. А. Иванцова, Ф. Ланна, Б. К. Млодзѣвскаго, П. И. Новгородцева, И. Ф. Огнева, А. Г. Петровскаго, Н. Н. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, М. С. Соловьева, С. А. Суханова, П. В. Тихомирова, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого и многочисленной посторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее: 1) Дѣйствительный членъ А. Г. Петровскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: «Памяти В. С. Соловьева».

2) Л. М. Лопатинъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Философское міросозерцаніе В. С. Соловьева».

3) Д. ч. Г. А. Рачинскій сдѣлалъ сообщеніе: «Взглядъ В. С. Соловьева на красоту».

4) Послѣ десятиминутнаго перерыва д. ч. П. И. Новгородцевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Идея права въ философіи В. С. Соловьева».

5) Кн. С. Н. Трубецкой сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: «Основное начало ученія В. С. Соловьева».

Засѣданіе было закрыто въ 11^{1/2} часовъ вечера.

Отчетъ секретаря о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1900 г.

(Съ 24-го января 1900 г. по 24-е января 1901 г.).

24-го января 1900 г. Психологическое Общество вступило въ 16-ый годъ своего существованія.

Въ годичномъ засѣданіи 24-го января 1900 г. происходили за исключеніемъ обычнаго трехгодичнаго срока, выборы членовъ совѣта. При этомъ были избраны: въ предсѣдатели Л. М. Лопатинъ, въ товарищи предсѣдателя С. С. Корсаковъ, въ кандидаты въ товарищи предсѣдателя кн. С. Н. Трубецкой, въ секретари А. С. Бѣлкинъ, въ товарищи секретаря А. А. Токарскій, въ кандидаты въ товарища секретаря Н. Д. Виноградовъ, въ казначеи Н. А. Абрикосовъ, въ товарищи казначея А. А. Абрикосовъ, въ кандидаты въ товарищи казначея Г. А. Рачинскій, въ

библіотекари Ю. И. Айхенвальдъ, въ редакторы «Трудовъ» Общества В. П. Преображенскій. Въ члены ревизіонной комиссіи по хозяйственнымъ дѣламъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» были избраны А. Г. Петровскій, В. П. Сербскій и А. Н. Бернштейнъ, а въ комиссію по присужденію преміи Столыпина Л. М. Лопатинъ, Н. А. Иванцовъ, Б. К. Млодзѣвскій, В. П. Преображенскій и кн. С. Н. Трубецкой.

Составъ Общества. Истекшій годъ оказался въ жизни Психологическаго Общества еще болѣе суровымъ, чѣмъ предыдущій. Общество потеряло четырехъ изъ своихъ членовъ — почетнаго члена и товарища предсѣдателя С. С. Корсакова, почетнаго члена В. С. Соловьева, редактора журнала и «Трудовъ», издаваемыхъ Обществомъ, В. П. Преображенскаго и дѣйствительнаго члена П. А. Каленова.

Къ 24-му января 1901 г. Общество состоитъ изъ 24 почетныхъ членовъ, 9 членовъ учредителей, 157 дѣйствительныхъ членовъ, 19 членовъ-соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ, а всего изъ 216 лицъ.

Въ отчетномъ году избраны—въ почетные члены К. Т. Солдатенковъ, въ дѣйствительные—К. А. Андреевъ и Р. Ю. Випперъ.

Дѣятельность Общества выражалась въ засѣданіяхъ, изданіи журнала и книгъ философскаго содержанія, въ сношеніяхъ съ учрежденіями и дѣятелями науки.

1. *Засѣданія.* Въ отчетномъ году состоялось 13 засѣданій: 1 годичное распорядительное, 4 экстренныхъ, по поводу кончины С. С. Корсакова и В. П. Преображенскаго, и 8 очередныхъ.

На очередныхъ засѣданіяхъ были доложены и обсуждены слѣдующія сообщенія:

9. *Ц. П. Балталона.* «Экспериментальныя изслѣдованія въ области эстетическихъ воспріятій».

10. *А. А. Токарскій.* «О зрительной памяти съ демонстраціей счетчика г. Діаманди».

1) *В. Н. Ивановскаго.* «М. М. Троицкій».

2) *А. Е. Оболенскаго.* «Аристократизмъ, какъ всеобщій идеалъ».

3) *Гр. Л. А. Камаровскаго.* «Къ вопросу о философіи войны».

4) *Н. А. Иванцова.* «О Лейбницѣ».

5) *Н. А. Котляревскаго.* «Воспоминанія о В. П. Преображенскомъ».

6) *Кн. С. Н. Трубецкаго.* «Памяти В. П. Преображенскаго».

7) Г. А. Рачинскаго. «О Ницше».

8) Ю. И. Айхенвальда. «Педагогическія воззрѣнія Фихте-старшаго».

2. *Журналъ* «Вопросы Философіи и Психологіи». Общество продолжало издавать названный журналъ подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова и при участіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Послѣ кончины В. П. Преображенскаго редакцію журнала принялъ на себя кн. С. Н. Трубецкой.

3. *Изданія Общества*. Въ сентябрѣ 1900 года Общество издало книгу журнала «Вопр. филос. и психол.» въ память В. П. Преображенскаго подъ названіемъ «Сборникъ статей, посвященныхъ памяти В. П. Преображенскаго».

4. *Сношенія съ учрежденіями и лицами*. Общество поручило дѣйствительному члену А. А. Токарскому быть его представителемъ на международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ.

Общество привѣтствовало телеграммами своихъ почетныхъ членовъ: Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и А. Э. Кони по поводу избранія ихъ почетными членами Пушкинскаго отдѣленія академіи наукъ, дѣйствительныхъ членовъ А. А. Васильева по поводу 25-лѣтія его дѣятельности, В. Э. Миллера по поводу 30-лѣтняго юбилея, П. Д. Боборыкина по поводу 40-лѣтія его литературной дѣятельности и поч. чл. А. Э. Кони по поводу 35-лѣтняго юбилея.

По поводу исполнившагося 15-лѣтія существованія Психологическаго Общества, Общество получило привѣтствія отъ журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Вѣстникъ Воспитанія», отъ проф. С. С. Корсакова и крестьянина Грибова.

Секретарь А. Бѣлкинъ.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1900 годъ.

Поступило:

	Руб.	Коп.
Остатокъ отъ п/г.	22	30
Членскіе взносы	175	—
Пособіе отъ университета	400	—

	Руб.	Коп.	
За продажу изданій Общества . . .	1.339	51	
Съ текущ. счета Юнкеръ и К ⁰ по чеку .	380	—	
‰ по текущ. счету Юнкера и К ⁰ . .	7	5	
‰ по вкладу Моск. Учетн. Банка . .	57	11	
На приобрѣт. библ. В. П. Преображенск.	824	—	3.204 р. 97 к.

Выдано:

На засѣданія, паннихиды и вѣнки . .	196	—	
Почтов. телегр. и разъѣздн.	33	89	
Канцелярск., типогр., перепл. и наградн.	33	5	
За книги и журналы для библіотеки .	52	40	
За объявленія въ газетахъ	55	80	
Въ контору журнала «Вопросы Философій и Психологіи» на расходы по изданію журнала	1.180	—	
Внесено по текущ. сч. Юнкера и К ⁰ .	365	24	
„ ‰ по текущ. сч. Юнкера и К ⁰ .	7	5	
„ ‰ на вкладъ Моск. Учетн. Банка	57	11	
По сч. типогр. Т-во Кушнерева и К ⁰ .	267	10	
Внесено чрезъ контору журнала «Вопросы Философ. и Психолог.» на тек. сч. въ контору Полякова деньги, собранныя на приобрѣтеніе бобліотеки В. П. Преображенскаго	804	—	3.051 р. 64 к.
Остатокъ на 1901 годъ	—	—	153 р. 33 к.

Состояніе капиталовъ Психологическ. Общества на 1901 г.

У казначея Общества	153	33	
На текущ. счету Юнкеръ и К ⁰	111	49	
Вкладной билетъ М. У. Б. капит. прем.			
Д. А. Столыпина	1.000	—	
Вкладной билетъ М. У. Б. ‰ капит.	394	6	1.658 р. 88 к.

Казначей Общества **Н. А. Абрикосовъ.**

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-е февраля
1901 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Звѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Наринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Кожевниковъ, Алексѣй Яковлевичъ (членъ-учредитель).
5. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
6. Мержеевскій, Иванъ Павловичъ.
7. Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ.
8. Струве, Генрихъ Егоровичъ.
9. Стѣеновъ, Иванъ Михайловичъ.
10. Толстой, гр. Левъ Николаевичъ.
11. Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ.
12. Бэнъ, Александръ (Англія).
13. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
14. Гартманъ, Эдуардъ (Германія).
15. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
16. Джэмсъ, Уильямъ (С. Америка).
17. Зигвартъ, Христофъ (Германія).
18. Паульсенъ, Фридрихъ (Германія).
19. Рибо, Томасъ (Франція).
20. Рише, Шарль (Франція).
21. Спенсеръ, Гербертъ (Англія).
22. Фишеръ, Куно (Германія).
23. Фуллье, Альфредъ (Франція).
24. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

25. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, } профессора Московскаго
26. Бугаевъ, Николай Васильевичъ, } университета.
27. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, членъ - корреспондентъ
Академіи Наукъ.
28. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ, } профессора Московск.
29. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, } университета.
30. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ, профессоръ Императорскаго
лицея.

31. Стороженко , Николай Ильичъ,	} проф. Московскаго
университета.
32. Фортуатовъ , Филиппъ Ѳедоровичъ,	
33. Чупровъ , Александръ Ивановичъ,	

Дѣйствительные члены:

34. **Абрикосовъ**, Алексѣй Алексѣевичъ.
35. **Абрикосовъ**, Николай Алексѣевичъ.
36. **Адольфъ**, Андрей Викентьевичъ, директоръ гимназіи.
37. **Айхенвальдъ**, Юлій Исаевичъ.
38. **Андреевъ**, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
39. **Анри**, Викторъ, лаборантъ въ Laboratoire de psychologie physiologique въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ.
40. **Аппельротъ**, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
41. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
42. **Балталонъ**, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
43. **Бартеневъ**, Юрій Петровичъ.
44. **Басистовъ**, Алексѣй Петровичъ, магистрантъ философіи.
45. **Безобразова**, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
46. **Безобразовъ**, Павелъ Владиміровичъ.
47. **Бернштейнъ**, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
48. **Боборыкинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
49. **Бобровъ**, Евгеній Александровичъ, профессоръ Казанскаго университета.
50. **Боткинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
51. **Брунъ**, Михаилъ Исакиевичъ, присяжн. повѣрен.
52. **Брюхатовъ**, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.
53. **Булгаковъ**, Сергѣй Николаевичъ, магистръ политической экономіи.
54. **Буцке**, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
55. **Быковскій**, Константинъ Михайловичъ, академикъ архитект.
56. **Бѣлкинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
57. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, магистръ зоологіи.
58. **Васильевъ**, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
59. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.
60. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.

61. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
62. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. унив.
63. **Вешняковъ**, Ѳедоръ Владиміровичъ.
64. **Викторовъ**, Давидъ Викторовичъ.
65. **Випперъ**, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
66. **Воробьевъ**, Викторъ Владиміровичъ, психіатръ.
67. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
68. **Виноградовъ**, Николай Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
69. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. унив.
70. **Вульфертъ**, Антонъ Карловичъ, проф. Демидовск. лица.
71. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
72. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ.
73. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, директоръ дворянскаго пансіона-пріюта.
74. **Гиацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
75. **Гиляровъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
76. **Голицынъ**, кн. Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
77. **Гольцевъ**, Викторъ Александровичъ, писатель.
78. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
79. **Горская**, Зинаида Степановна.
80. **Гуторъ**, Василій Петровичъ.
81. **Давыдовъ**, Николай Васильевичъ, предсѣдатель Московскаго окр. суда.
82. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
83. **Де-Роберти**, Евгенийъ Валентиновичъ, писатель.
84. **Дерюжинскій**, Владиміръ Ѳедоровичъ, докторъ полицейскаго права, редакторъ журнала Министерства Юстиціи.
85. **Дехтеревъ**, Владиміръ Гавриловичъ, психіатръ
86. **Джонстонъ**, Вѣра Владиміровна.
87. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, докторъ уголовного права.
88. **Дурдуди**, Георгій Николаевичъ, докторъ медицины.
89. **Духовской**, Михаилъ Васильевичъ, проф. Моск. унив.
90. **Елеонскій**, Николай Александровичъ, священ., профессоръ Москов. университета.
91. **Ефименко**, Александра Яковлевна, писательница.
92. **Жуковскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
93. **Занцевичъ**, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.

94. **Зеленогорскій**, Ѳеодоръ Александровичъ, проф. Харьковскаго университета.
95. **Зерновъ**, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
96. **Зографъ**, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
97. **Зыковъ**, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
98. **Ивановскій**, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
99. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
100. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
101. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
102. **Камаровскій**, гр. Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
103. **Капнистъ**, гр. Павелъ Алексѣевичъ, сенаторъ.
104. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
105. **Ключевскій**, Василій Осиповичъ, проф. Моск. унив.
106. **Кирпичниковъ**, Александръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
107. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петербургѣ.
108. **Конисси**, Даниилъ Павловичъ.
109. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
110. **Коробкинъ**, Ѳеодоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
111. **Коршъ**, Ѳеодоръ Евгеньевичъ, проф. Моск. унив., академикъ Имп. Академ. Наукъ.
112. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
113. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
114. **Ланнъ**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
115. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.
116. **Лесевичъ**, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
117. **Лопатинъ**, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.
118. **Лютославскій**, Викентій Францевичъ.
119. **Мальшинъ**, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
120. **Мамуна**, гр. Иванъ Андреевичъ, врачъ.
121. **Масарикъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
122. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
123. **Милюновъ**, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
124. **Минцловъ**, Рудольфъ Рудольфовичъ.
125. **Михайловскій**, Викторъ Михайловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
126. **Млодзѣвскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, профес. Московск. университета.

127. Моніевскій, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
128. Мороховець, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
129. Некрасовъ, Павелъ Алексѣевичъ, попеч. Моск. Учебн. Округа.
130. Немировичъ-Данченко, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
131. Новгородцевъ, Павелъ Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
132. Оболенскій, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
133. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
134. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ медицины.
135. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
136. Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, присяжн. повѣрен.
137. Поповъ, Иванъ Васильевичъ, доц. Моск. духовн. акад.
138. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
139. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
140. Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
141. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
142. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
143. Ржондковскій, Николай Ивановичъ.
144. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
145. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.
146. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
147. Рутковскій, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
148. Рыбановъ, Ѳедоръ Егоровичъ, д-ръ медицины.
149. Савей-Могилевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
150. Савинъ, Александръ Николаевичъ, магистрантъ всеобщей исторіи.
151. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
152. Серджи, Джованни, проф. антропологии въ Римск. унив.
153. Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
154. Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. Казанск. унив.
155. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ.
156. Соболевскій, Василій Михайловичъ.
157. Соколовскій, Павелъ Эмиліевичъ, проф. Моск. унив.
158. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, доц. Моск. духовн. акад.
159. Соловьевъ, Михаилъ Сергѣевичъ.
160. Старынкевичъ, Сократъ Ивановичъ.
161. Стрѣльцовъ, Павелъ Павловичъ, психіатръ.
162. Сухановъ, Сергѣй Алексѣевичъ, д-ръ медицины.
163. Танѣевъ, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.

164. **Тимирязевъ**, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
 165. **Тимковскій**, Николай Ивановичъ, писатель.
 166. **Тихомировъ**, Павелъ Васильевичъ, доц. Моск. дух. акад.
 167. **Токарскій**, Ардаліонъ Ардаліоновичъ, прив.-доц. Моск. унив.
 168. **Трубецкой**, кн. Евгений Николаевичъ, проф. Кіевск. унив.
 169. **Трубецкой**, кн. Сергѣй Николаевичъ, прив.-доц. Московск.
 университета.
 170. **Уляницкій**, Владиміръ Антоновичъ, прив.-доц. Харьковскаго
 университета.
 171. **Успенскій**, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
 172. **Умовъ**, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
 173. **Фаворскій**, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
 174. **Фялиповъ**, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. унив.
 175. **Фонъ-Штейнъ**, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов.
 университета.
 176. **Цвѣтаевъ**, Иванъ Владиміровичъ, проф. Москов. унив.
 177. **Цертелевъ**, кн. Дмитрій Николаевичъ.
 178. **Цингеръ**, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. унив.
 179. **Челпановъ**, Георгій Ивановичъ, проф. Кіевск. унив.
 180. **Чижъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
 181. **Шварцъ**, Александръ Николаевичъ, попечитель Рижскаго
 учебнаго округа.
 182. **Шервинскій**, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
 183. **Шишкинъ**, Николай Ивановичъ, преподаватель средн. учебн.
 заведеній.
 184. **Шмидтъ**, Евгений Александровичъ.
 185. **Штейнъ**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
 186. **Эверлингъ**, Сергѣй Николаевичъ.
 187. **Эртель**, Александръ Ивановичъ, писатель.
 188. **Якоби**, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
 189. **Яковенко**, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.
 190. **Ярковскій**, Иванъ Осиповичъ, инженеръ-технологъ.

Члены-соревнователи:

191. **Абрикосова**, Марья Филипповна.
 192. **Абрикосова**, Глафира Алексѣевна.
 193. **Абрикосовъ**, Александръ Алексѣевичъ.
 194. **Алябьевъ**, Александръ Александровичъ.
 195. **Андреева**, Александра Алексѣевна.

196. Глики, Юлія Ивановна.
197. Гончарова, Анна Сергѣевна.
198. Любенкова, Юлія Львовна.
199. Львовъ, кн. Дмитрій Петровичъ.
200. Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.
201. Мальковская, Софья Александровна.
202. Мамонтовъ, Михаилъ Анатоліевичъ.
203. Мамонтовъ, Анатолій Ивановичъ.
204. Павловъ, Александръ Владиміровичъ.
205. Петрункевичъ, Анастасія Сергѣевна.
206. Ремезовъ, Иванъ Дмитріевичъ.
207. Селивачовъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
208. Шахъ-Назаровъ, Семенъ Григорьевичъ.
209. Ясаковъ, Тимошей Архиповичъ.

Члены-корреспонденты:

210. Гелеръ фонъ-Равенбургъ, президентъ Берлинскаго Психологическаго Общества.
211. Максъ Дессуаръ, секретарь того же Общества.
212. А. Байерсдерферъ, предсѣд. Мюнхенскаго Психологическаго Общества.
213. Шренкъ фонъ-Нотцингъ, секретарь того же Общества.
214. Левицкій, И. Н.
215. Демновъ, М. И.
216. Гартвигъ, Андрей Ѳедоровичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

Условия для соисканія премии, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпнымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Московское Психологическое Общество вновь назначаетъ премию въ 1.000 рублей за лучшее сочиненіе на прежнюю тему:

„Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (coincidence spontanée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)“. См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стр. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Для полнаго разрѣшенія задачи желательно особое разсмотрѣніе философій физики, химіи и біологіи въ ихъ главныхъ методахъ и основныхъ законахъ, какъ онѣ изложены во II и III тт. «Курса» (ср. брошюры жертвователя Д. А. Столыпина: Двѣ философіи. Единство науки. Ученіе Ог. Конта. Начала социологіи. — Очерки философіи и науки. — Мировой законъ равновѣсія и гармоніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Москва, 1888—92).

Срокъ подачи сочиненій—**1-е января 1903 года**. Присужденіе премии особою комиссіей при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1903 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій присужденіе премии или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафьевъ представленныхъ сочиненій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества.

Съ 1901 года выходитъ въ свѣтъ
„КАЗАНСКІЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“,
 органъ Общества врачей при Императорскомъ
 Казанскомъ Университетѣ,

издаваемый подъ редакціей председателя Общества проф. Л. О. Даркшевича.

Журналъ посвящается русскимъ работамъ по всеѣмъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Оригинальныя статьи. II. Рефераты текущей литературы. III. Годовые обзоры литературы по специальностямъ. IV. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и докторскихъ диспутахъ въ Казанскомъ университетѣ. V. Отчеты больничныхъ учреждений. VI. Корреспонденціи. VII. Рецензіи. VIII. Библиографія. IX. Письма въ редакцію. X. Некрологъ. XI. Хроника и мелкія извѣстія.

Срокъ выхода: ежемѣсячно, исключая іюня и іюля (двойныя книжки въ маѣ и августѣ).

Подписная цѣна для не членовъ Общества **5 руб. въ годъ**.

Подписка принимается въ библиотекѣ Общества (Казань, Университетъ) и въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань, Пассаажъ).

Объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ братьевъ Башмаковыхъ.

Рукописи для помѣщенія въ „Журналъ“ направляются по адресу: Казань, Университетъ. Общество врачей, въ редакцію „Казанскаго Медицинскаго Журнала“.

Въ товариществѣ „Знаніе“ (С.-Петербургъ, Невскій, 92)

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Куно Фишеръ

Исторія новой философіи, томъ IV.

Иммануиль Кантъ и его ученіе.

ЧАСТЬ I (632^о стр.). Гелиография—портретъ Канта. Цѣна 4 рубля. Перев. съ послѣдн. нѣм. изд. Н. Полилова, Н. Лоссакаго и Д. Жуковскаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Возникновеніе критической философіи (эпохи критич. философіи и точки зрѣнія философіи до Канта. Біографія Канта. Изложеніе сочиненій Канта до крит. чист. раз.). Основаніе критич. философіи (изложеніе всей критики чист. разум.).

Выписывающіе изъ склада Т-ва „ЗНАНІЯ“ (Спб., Невскій, 92) за пересылку не платятъ.

Вышла апрѣльская (четвертая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СОДЕРЖАНИЕ: I) Жестокіе (ром. въ 2-хъ частяхъ). П. Д. Боборыкина. Продолженіе. II) Наперегонки. Разсказъ Ансельма Гейне. Пер. съ нѣм. Н. К. III) Стихотвореніе. П. П. Гайдебурова. IV) Изъ современной хроники. Ром. Густава Виде. Пер. съ датск. А. и П. Ганзенъ. Окончаніе. V) Грѣхъ профессора Льдова. Разсказъ К. А. Ковальскаго. VI) Штернштейнгофъ. Деревенская повѣсть Людвигъ Анценгрубера. Перев. съ нѣмец. Л. И. К—нъ. Продолженіе. VII) Происхожденіе современнаго романа. В. В. Лесевича. VIII. Новыя данныя о кабинетѣ министровъ императрицы Анны Іоанновны. А. Н. Филиппова. Продолженіе. IX) Международный философскій конгрессъ въ Парижѣ. Ю. А. X) Къ вопросу о зарожденіи международнаго права. Гр. Л. А. Камаровскаго. XI) Лѣто на Кавказѣ. М. Б. Окончаніе. XII) Земство и крестьянское хозяйство. 2. Борьба земства съ малоземельемъ. Л. С. Зака. XIII) Очерки изъ исторіи электрохиміи за XIX вѣкъ. И. А. Каблукова. Продолженіе. XIV) Всестороннее образованіе. М. Н. П. XV) Внутреннее обозрѣвіе. XVI) Иностранное обозрѣвіе. В. А. Г. XVII) О нашей живописи. Бронскаго. XVIII) Письмо въ редакцію. ина. XIX) Библиографическій отдѣлъ. XX) Объявленія.

Продолжается подписка на 1901 г.

Подписная цѣна съ до- ставкою и пересылкою	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
во всѣхъ мѣста Россіи:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу:	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала. Б. Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 30; въ С.-Пб.: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ (уг. Б. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. Халатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Книж. маг. принимаетъ на комиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библиотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народн. и школьн. библиотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„Научно-популярную библиотеку“**А. Маноцковой.****Для юношества и самоучекъ.**

I СЕРІЯ.

- № 1—*К. Петерсъ*—„Популярная минералогія“, 46 рисунковъ.
 № 2—*Проф. Г. Нусбаумъ*—„Основы біологіи“, 40 рисунковъ.
 № 3—*З. Герингъ*—„Основы полит. экономіи“, (Эконом. бесѣды).
 № 4—*Д-ръ Штерлингъ*—„Наука о здоровьи“ (Основы гігіены),
 13 рис.
 № 5—*Л. Жирарденъ*—„Общая ботаника“, 50 рисунковъ.
 № 6—*Ф. Плотровскій*—„Наука о погодѣ“ (Основы метеорол.),
 52 рис.
 № 7—*Проф. Ноль*—„Антропологія“, съ рисунками.
 № 8—*А. Заттлеръ*—„Популярная физика“, съ многочисленными
 рисунк.

Подписная цѣна на всю ПЕРВУЮ СЕРІЮ 4 р. съ перес.

(порознь подписка не принимается).

Внесшіе 4 р. получаютъ первые три нумера „Библиотеки“, имѣющіе выйти въ непродолжительномъ времени. Остальные нумера выйдутъ въ теченіе 1901 года.

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и 2 р. при полученіи № 4-го (наложеннымъ платежемъ). По выходѣ изъ печати цѣна СЕРІИ будетъ повышена до 6 рублей.

ВТОРАЯ СЕРІЯ готовится къ печати (№№ 9—16). Въ составъ ея войдутъ руководства по зоологіи, физиологіи, астрономіи, химіи, бактеріологіи, физиологіи растений, географіи и этнографіи (цѣльные и законченные очерки различныхъ странъ и народовъ), психологіи, логикѣ, исторіи, философіи и др. отраслямъ знанія.

Съ требованіями и подпиской обращаться въ Москву, магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“ (отдѣленіе книгоиздател. и главный складъ изданій А. Ю. Маноцковой).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1901 г. (десятый годъ изданія)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Твореній Святаго Василя Великаго,
АРХІЕПИСКОПА КЕССАРИИ КАППАДОКІЙСКОЙ.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ: совмѣстно съ приложеніемъ 5, 6 и 7 томовъ твореній Св. Василя Великаго: восемь рублей съ пересылкой, семь рублей безъ пересылки, девять рублей за границу.

Примѣчанія: а) лица, имѣющія уже означенные томы твореній св. Василя или не желающія ихъ получать, уплачиваютъ на одинъ рубль меньше;

б) первые четыре тома твореній, при выпискѣ ихъ вмѣстѣ, могутъ быть приобретаемы подписчиками по уменьшенной платѣ, именно за три рубля, вмѣсто 4 р. 80 к.; при подпискѣ же какого-либо изъ этихъ томовъ въ отдѣльности уступка не допускается.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ профессоръ А. Спасскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1901 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей старшаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

(изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова).

21-Й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и въ библ. средн. учебн. завед.

Въ 1900 году въ журналѣ принимали участіе: Е. Валобанова, П. Боборыкинъ, А. Бахтіаровъ, Е. Гославскій, П. Засодимскій, К. Лукашевичъ, Е. Лядскій, А. Осиповъ, Н. Позняковъ, С. Порѣцкій, С. Поспѣловъ, К. Станюковичъ, В. Сысоевъ, В. Харузина, Н. Фидитисъ, и другіе.

Составъ сотрудниковъ на 1901 годъ остается прежній. Кромѣ беллетристики и статей научнаго содержанія въ „Дѣтскомъ Отдыхѣ“ печатаются статьи, имѣющія цѣлью ознакомить читателей съ важнѣйшими текущими событіями, о которыхъ дѣти узнаютъ изъ разговоровъ взрослыхъ. Такимъ образомъ „Дѣтскому Отдыху“ редакція старается придать характеръ живого дѣтскаго періодическаго изданія. Иллюстрированныя свѣдѣнія объ изданіи журнала высылаются редакціей бесплатно. Цѣна на годъ съ дост. и перес.—6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 28.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 года въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ университета, акты-выя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Е. Пассекъ.**

Открыта подписка на 1901 годъ.

ДРЕВНІЙ МІРЪ,

ЖУРНАЛЪ ВСЕМІРНОЙ АРХЕОЛОГИИ и ИСТОРИИ,

будетъ выходить ежемѣсячно съ 1—15 февраля 1901 г.

Въ журналѣ **Древній Міръ** предполагается помѣстить описаніе научныхъ работъ и изслѣдованій экспедиціи, специально отправляемой лѣтомъ 1901 года въ одну изъ мѣстностей Россійской Имперіи, наименѣе изслѣдованную въ археологическомъ, историко-географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Подробности будутъ объявлены своевременно.

Подписная цѣна журнала **Древній Міръ** съ доставкой и пересылкой на годъ во всѣ мѣста Россійской Имперіи **12 руб.**

Подписныя деньги слѣдуетъ адресовать на имя главной конторы журнала **Древній Міръ**, въ г. Павловскъ С.-Петербургской губ.

Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ отдѣленіи конторы при антикварномъ, книжномъ и художественномъ магазинѣ Е. А. Иванова, Невскій, 43.

Редакторъ-издатель **К. Грузинскій.**

Открыта подписка на 1901 годъ
на духовный журналъ

СТРАННИКЪ,

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Общедоступной Богословской Библіотеки.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1901 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неслабно служить въ теченіе болѣе срока лѣтъ. При журналѣ въ качествѣ бесплатнаго приложенія издается „Общедоступная Богословская Библіотека“, имѣющая своею цѣлью сдѣлать вполне доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1901 году подписчикамъ будутъ даны два капитальныхъ сочиненія:

а) „Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ“ томъ 2-й (исторія Православнаго Востока) съ иллюстраціями, составляющая вполне понятную потребность для современнаго поколѣнія, которое стоя на рубежѣ двухъ вѣковъ, должно знать, что нашъ вѣкъ внесъ въ сокровищницу мировой исторіи, и б) „Православная богословская энциклопедія“ и Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всемъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія. Въ десяти томахъ, съ иллюстраціями и картами. Въ 1901 году подписчики журнала получаютъ 2-й томъ этого цѣннаго изданія, за которымъ въ свое время не замедлятъ послѣдовать и другія.

Журналъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ (до 200 страницъ въ книжкѣ).

ЦѢНА: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ двухъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ семь (7) руб. съ пересылкой; б) за границей 10 руб. съ пер.

Примѣчанія: а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богословской Библіотеки“ 2 руб. за томъ безъ пересылки и 2 руб. 50 коп. съ пересылкой.

б) Желающіе имѣть выпуски „Библіотеки“ въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ.

в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе шесть выпусковъ „Библіотеки“ (четыре тома „Православнаго Собесѣдника Богословія“, I томъ „Исторіи Христ. церкви въ XIX вѣкѣ“ и I томъ „Православной Богословской Энциклопедіи“) прилагаютъ по 1 руб. за выпускъ (въ переплетѣ по 1 р. 50 к.).

Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе Спб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжная ул., д. № 5.

За редактора издатель проф. А. Лопухинъ.

СЪ БЛАГОСЛОВЕНІЯ БОЖІЯ

открыта подписка на 1901 г. на еженедѣльный, иллюстрированный, религіозно-нравственный

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

4 рубля за годъ
съ пересылкой.**КОРМЧІЙ**

(четырнадцатый годъ изд.).

2 руб. 50 коп.
за полг. съ пер.

„Кормчій“ одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по Россійской артиллеріи.

Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ рекомендованъ къ выпискѣ по войскамъ Московскаго военнаго округа.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ бібліотеки народныхъ училищъ для внѣкласснаго чтенія учащихся и взрослыхъ.

Училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ допущенъ въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

Одобренъ и рекомендованъ Епархіальными начальствами: Московскимъ, Костромскимъ, Пензенскимъ, Тульскимъ, Томскимъ, Енисейскимъ, Минскимъ, Астраханскимъ, Подольскимъ и Рижскимъ училищнымъ Совѣтомъ.

„Кормчій“ имѣетъ своею главною цѣлью какъ и показываетъ и самое названіе, указывать православному христіанину тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который церковію православною предначертанъ для всѣхъ чадъ ея.

„Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго чтенія въ христіанской семьѣ православнаго русскаго народа. Въ виду этого программа изданія его носитъ характеръ общедоступности какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія.

Жѣ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержания съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ.

Въ 1901 году въ журналѣ „Кормчій“ попрежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

ИЗВѢСТНЫЙ КРОНШТАДТСКІЙ ПАСТЫРЬ ОТЕЦЪ ІОАННЪ.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Ордынка, д. Бажановой (кв. Протоіерея Скорбяц. ц.).

Редакторы: протоіереи { С. П. Ляпидевскій.
І. Н. Бухаревъ.

Изд. свящ. С. С. Ляпидевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

на политическо - общественную и литературную газету

ЕНИСЕЙ

ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ, ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг.

4 р., на четверть г. 2 р. 60 к., на одинъ мѣсяць 1 р.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ безплатно телеграммы Московскаго Телеграфнаго Агентства.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Енисей“, собств. домъ, Воскресенская ул.; въ Ачинскѣ въ отдѣленіи конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявцева; въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи „Енисей“, Дворянская улица, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Иркутскѣ: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ
на еженедѣльную газету
ПРАВЪ,

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей прив.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго, при ближайшемъ участіи Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, пр.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и пр.-доц. В. М. Устинова, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и „Законодательный Вѣстникъ“, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ распубликованныя въ 1901 г. общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Правител. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Правъ“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы. Въ теченіе 1899 и 1900 гг. въ газетѣ „Правъ“ помѣстили статьи и замѣтки, слѣдующія лица:

К. К. Арсеньевъ, М. Бейдинъ, В. Л. Биштокъ, А. Л. Боровиковскій, В. И. Борткевичъ, А. Бугаевскій, Г. А. Бѣлковскій, пр.-доцентъ Ф. А. Вальтеръ, Г. Л. Верболовскій, М. М. Винаверъ, Ал. Н. Волъскій, проф. А. К. Вульффертъ, Л. В. Гантоверъ, М. И. Ганфманъ, В. Л. Глинка, М. С. Гольденвейзеръ, проф. А. Х. Гольмстенъ, пр.-доц. М. Б. Горенбергъ, Я. К. Городыскій, Dr. Hans Gross, М. О. Грузенбергъ, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, И. С. Деняевъ, Гр. А. Джаншиевъ, И. Дружина, проф. Н. Л. Дювернуа, В. Б. Ельшевичъ, пр.-доц. А. А. Жижеленко, К. П. Змирловъ, проф. И. А. Ивановскій, В. Кетрицъ, проф. В. Д. Кузьманъ-Караваевъ, Д. А. Левинъ, Д. Д. Лобановъ, М. А. Лозина-Лозинскій, В. О. Люстинъ, А. Н. Мавлельштамъ, М. С. Маргулисъ, П. Г. Мироновъ, І. В. Михайловскій, В. Михайловичъ, Э. М. Моргулисъ, проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышь, В. А. Мякотинъ, пр.-доц. С. П. Пиконовъ, Dr. Oertmann, Ф. И. Осепкій, М. Г. Осинскій, П. Э. Павкратьевъ, пр.-доц. М. Я. Пергаментъ, О. Я. Пергаментъ, пр.-доц. А. А. Пиленко, С. Ф. Платоновъ, П. А. Потѣхинъ, И. М. Рабиновичъ, Ф. И. Родичевъ, пр.-доц. Н. Н. Розинъ, М. Н. Свѣшниковъ, В. И. Семевскій, В. Д. Спасовичъ, Е. Н. Тарновскій, П. А. Тулубъ, Г. Тумановъ, И. М. Тютрюмовъ, И. О. Фесейко, проф. И. Я. Фойницкій, В. В. Хижняковъ, проф. П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цытовичъ, И. Д. Чистяковъ, К. В. Шавровъ, Л. В. Шалландъ, Г. Шатровъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Вл. Шлевингеръ, Гр. И. Шрейдеръ.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебнo-административною практикою, а также разработку этой послѣдней, „Правъ“ удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ, а также разбору рѣшеній, приговоровъ и административныхъ постановленій, представляющихъ принципиальный интересъ, при чемъ, между прочимъ начиная съ осени 1899 г., въ „Правѣ“ помѣщались отчеты о всѣхъ дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой—7 р., на полгода—4 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1 мая 3 р. За границу на годъ—10 р. Отдѣльные нумера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Дмитровскій пер., № 6.

Открыта подписка
 НА 1901 ГОДЪ
 НА
ТРУДЫ
 ИМПЕРАТОРСКАГО
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
 Журналъ сельскохозяйственный и экономическій.

„Труды И. В. Э. Общества“ въ 1901 году издаются подъ редакціей секретаря Общества и выходятъ книжками **6 разъ въ годъ**. „Труды“ заключаютъ въ себѣ полныя свѣдѣнія о дѣятельности И. В. Э. Общества и обзоры экономической жизни и литературы. Въ составъ ихъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1. **Журналы** общахъ собраній, отдѣленій и комиссій, состоящихъ при Обществѣ.

2. **Доклады**, а также **статьи**, служащія матеріалами для докладовъ какъ въ общахъ собраніяхъ, такъ и въ отдѣленіяхъ и комиссіяхъ, касающіеся: сельскаго хозяйства (I отдѣленіе Общества), техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ и сельскохозяйственной механики (II отдѣленіе Общества) и сельскохозяйственной статистики и политической экономіи (III отдѣленіе Общества).

3. **Обзоры** сельскохозяйственной и экономической жизни Россіи и другихъ странъ; дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ, земствъ и другихъ учрежденій въ области, входящей въ кругъ зачатій И. В. Э. Общества, а также обзоры русской и иностранной литературы по всѣмъ предметамъ той же области. **Критика и Библиографія.**

Въ Приложеніяхъ къ журналу помѣщаются: годовой отчетъ секретаря И. В. Э. Общества, систематическій каталогъ книгъ, поступающихъ въ бібліотеку Общества, и стенографическіе отчеты преній въ общемъ собраніи и отдѣленіяхъ Общества по вопросамъ, представляющимъ наибольшій общественный интересъ.

Подписная цѣна за 6 книгъ „Трудовъ“ со всѣми приложеніями **3 р.** съ доставкой и пересылкой.

Подписчики „Трудовъ“, желающіе получить „Русскій Пчеловодный Листокъ“, издаваемый И. В. Э. Обществомъ, доплачиваютъ 1 р. 50 к., вмѣсто 2 р., уплачиваемыхъ отдѣльными подписчиками „Пчеловоднаго Листка“.

Подписка принимается по слѣдующему адресу:

въ редакцію „Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“, С.-Петербургъ, Забалканскій просп., № 33.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ
на ежедневную общественно-политическую и литературную газету

ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ

бывшій „Прибалтійскій Листокъ“

въ г. Ригѣ.

VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставк. и пересылкой .	7 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— р. 75 к.
Безъ доставки	5 „ — „	2 „ 50 „	1 „ 25 „	— „ 50 „
Съ пересылкой за границу .	14 „ — „	7 „ — „	3 „ 50 „	1 „ 50 „

Объявленія принимаются по 25 коп. впереди и по 10 коп. послѣ текста за строку пята въ одинъ столбецъ. За объявленія, помѣщаемыя подъ телеграммами, взимается по 20 коп. со строки въ одинъ столбецъ. „Прибалтійскій Край“ выходитъ по вечерамъ, въ форматѣ и объемѣ другихъ большихъ газетъ, включая въ себѣ, кромѣ передовыхъ и другихъ статей по общерусскимъ и мѣстнымъ вопросамъ, всѣ новости какъ городской, такъ и вообще прибалтійской жизни. Будучи органомъ русской прогрессивной мысли, по существу чуждой всякой узкой тенденціи, „Прибалтійскій Край“ ставитъ своей задачей развитіе общественно-культурной солидарности окраины съ Россіей, на началахъ гуманнаго и все объединяющаго, но безпочвеннаго и мечтательнаго, но дѣятельнаго и убѣжденнаго идеализма.

Программа газеты „Прибалтійскій Край“.

- 1) Передовыя статьи по разнымъ вопросамъ.
- 2) Телеграммы.
- 3) Фельетонъ: періодическія обзорія русской и иностранной жизни, общественно-жизнейскія замѣтки, статьи научнаго характера, преимущественно историческаго и этнографическаго, беллетристика.
- 4) Корреспонденціи.
- 5) Маленькій фельетонъ: бесѣды на мѣстныхъ злобы дня.
- 6) Обзоръ русской и мѣстной печати.
- 7) Извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ.
- 8) Беллетристика.
- 9) Вопросы изъ области языка.
- 10) Статьи о школьной жизни.
- 11) Статьи о сельскомъ и городскомъ общественномъ управленіи.
- 12) Новости дня.
- 13) Судебныя извѣстія, безъ обсужденія рѣшеній.
- 14) Статьи о сельскохозяйственной промышленности.
- 15) Статьи художественнаго и научнаго содержанія.
- 16) Статьи о театрѣ и музыкѣ.
- 17) Торговый отдѣлъ.
- 18) Справочный отдѣлъ.—Смѣсь.
- 19) Объявленія.

Подписка на газету и заказы на объявленія принимаются въ конторѣ газеты Рига, Бол. Песочная улица, № 24.

Газета печатается въ собственной типографіи.

Редакторъ Н. Г. Молоствовъ.

Издатель А. А. Крюгеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1901 ГОДЪ
на НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Изданіе Русскаго Библиологическаго Общества.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библиографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библиологическаго Общества, объявленія.

Редакторы: М. Н. Мазаевъ, А. І. Лященко.

Подписная цѣна: 5 руб. въ годъ (съ доставкой и пересылкой).

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“; 2) для иногороднихъ — въ редакціи „Литературнаго Вѣстника“, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12.

Русскій Антропологическій Журналъ,
издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-тилѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, председателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. В. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горошенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Кольманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), П. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Сидляничъ, Л. Д. Саницкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, графиня П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, пр. Г. Швальбе (Страсбургъ), пр. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькинъ, Н. А. Янчукъ и другіе.

Принимается подписка на 1901 годъ.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 р. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1901 г.

на ежедневную газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

выходящую въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ иллюстраціями въ текстѣ.

* Рисунокъ событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п., появляющимися на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ января 1901 г. въ иллюстрированныхъ листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля Золя „ТРУДЪ“.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ доставкой на домъ на годъ—6 руб., 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—1 руб. 80 коп., 1 мѣс.—60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ—8 руб., 6 мѣс.—4 руб., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—70 коп.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., собственный домъ.

Редакторы: { В. Н. Маракуевъ.
Н. П. Цанни.

Издатель Г. М. Белейсонъ.

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія“ имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія виды выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ,

подъ ред. проф. А. Н. Деревницкаго и П. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ“ принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. О. Латвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шалирь и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревницкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчиковъ заявлять свои требованія на „Женскій Альманахъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

Техническій, городского и сельскаго хозяйства сборникъ,

подъ редакц. инженер. Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева.

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1901 году.

Цѣна съ доставкой и пересылкою пять рублей.

Епархіяльныя Вѣдомости издаются въ г. Гроднѣ. Адресъ: г. Гродна, домъ кафедральнаго собора.

Редакторъ свящ. Н. Диковскій.

Принимается подписка на 1901 годъ
 НА
„Вятскую Газету“,

еженедѣльное изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.

Годъ VIII-й.

За изданіе и широкое распространеніе „Вятской Газеты“ Вятское губернское земство удостоено Общими Собраніемъ ИМПЕРАТОРСКАГО Волынаго Экономическаго Общества

большой золотой медали.

Программа газеты:

I. Правительственныя распоряженія. II. Земское дѣло, продовольственное и страховое дѣло. III. Народное образованіе. IV. Статьи литературно-историческаго содержанія. V. Специальныя статьи: 1) по сельскому хозяйству (земледѣлю, огородничеству, садоводству, скотоводству, пчеловодству, птицеводству) и кустарнымъ промысламъ; 2) по медицинѣ и ветеринаріи. VI. Хозяйственная жизнь Россіи и губерніи (текущія свѣдѣнія, по Россіи, по губерніи). VII. Отзвы о книгахъ. VIII. Вопросы и отвѣты. IX. Свѣдѣнія о погодѣ. X. Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ годъ дается: 52 №№ съ спеціальными приложеніями.

Пробный № высылается за семикопѣчную марку.

Подписная цѣна:

на годъ 2 р., на полгода 1 р., на три мѣсяца 50 к., съ доставк. и пересылк.

За перемѣну адреса уплачивается 20 н.

Цѣна за объявленія: 10 коп. со строки петита въ концѣ текста; впереди — 20 коп.; при повтореніи уступка: за 3 раза — 15%, за 5 разъ — 20%, за 10 разъ — 25%. Далѣе—по соглашенію.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Вяткѣ, въ губернской земской управѣ и въ книжныхъ складахъ губернскаго земства.

Адресъ для писемъ: г. Вятка, редакція „Вятской Газеты“.

Статьи, присылаемыя для напечатанія, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію, не принятыя—не возвращаются. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. За предыдущіе года газета распродана.

Редакторъ, предсѣдатель губернской
 земской управы В. Шиллегодскій.

Открыта подписка на 1901 г.

XII г.

НА ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

XII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ цѣлю распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи воспитанія въ семьѣ и школь.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объясненія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арельевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткипъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, Е. Варбъ, В. П. Вахтеровъ, К. П. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, А. Е. Грузинскій, Н. П. Дружининъ, В. Е. Ермяловъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, В. Е. Игнатъевъ, В. В. Каллашъ, В. Кохановскій, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, М. Любавскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольдебургъ, В. П. Осрогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. А. Пузыревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. А. Скворцовъ, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Свинцкій, Л. Д. Свинцкій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, П. И. Тезяковъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филипповъ, А. С. Хахановъ, П. В. Хопрровъ, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевень, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрismanъ, В. Я Яковлевъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, и многіе друг.

Въ журналѣ два раза въ годъ печатается подробный и систематическій „Указатель текущей педагогической литературы“.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала около 20-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студенто́въ и недостаточныхъ людей подписная цѣна уменьшается на 1 руб.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 гг. продаются по 2 р. и по 3 р. съ перес., за 1895, 1896 и 1898 гг. по 5 р. съ пересыла.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Комиссія по організації домашнього читенія,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. въ Москвѣ.

Цѣль Комиссіи—прійти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ чтенія пополнить пробѣлы своего общаго образованія. Комиссія издаетъ сборникъ программъ домашняго чтенія, въ которыхъ публикуетъ всѣ указанія для занятій подъ ея руководствомъ.

Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе неимѣвшія возможности приобрести правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или приобрести новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ.

Программы, издаваемые Комиссіей носятъ общеобразовательный характеръ. Содержаніе программъ болѣею частью соотвѣтствуетъ программамъ высшей школы.

Пользованіе указаніемъ и руководствомъ Комиссіи оплачивается 3 руб. за каждый годичный курсъ систематическаго чтенія по каждому отдѣлу и 1 руб. за чтеніе по отдѣльной наукѣ или темѣ. Руководство Комиссіи состоитъ въ указаніи (въ программахъ) книгъ и пособій, необходимыхъ при занятіяхъ, въ постановкѣ провѣрочныхъ вопросовъ, въ разъясненіи недоразумѣній, встречающихся при чтеніи рекомендованныхъ книгъ, въ провѣркѣ отвѣтовъ на поставленные Комиссіей провѣрочные вопросы и просмотрѣ болѣе или менѣе обширныхъ писменныхъ работъ. Важнѣйшія книги для чтенія, указанные Комиссіей, могутъ быть доставляемы читателямъ черезъ Комиссію на льготныхъ условіяхъ, которыя оботначены въ каждомъ выпускѣ программъ.

Подробныя правила Комиссіи высылаются бесплатно.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изданіе пятое, исправленное и дополненное. Содержаніе:

Предисловіе. I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика).

II. Науки физико-химическія: 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія).

III. Науки біологическія (введеніе).

IV. Науки философскія: Программа первая (психологія и логика). Программа вторая (логика).

V. Науки общественно-юридическія: 1) исторія и строеніе Общества, 2) политическая экономія.

VI. Исторія: 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ.

VII. Исторія литературы 1) греческой, 2) римской. Отдѣльныя темы. Цѣна 35 к., съ пересылкой—55 к., наложеннымъ платежомъ—65 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Изданіе второе исправленное и дополненное. Содержаніе:

Предисловіе. I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленіе), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія).

II. Науки физико-химическія: 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая.

III. Науки біологическія 1) анатомія растений, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ.

IV. Науки философскія: Программа первая (исторія философіи). Программа вторая (психологія съ педагогикой).

V. Науки общественно-юридическія: 1) общее учение о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англій.

VI. Исторія: 1) всеобщая (средніе вѣка), 2) русская до смутнаго времени.

VII. Исторія литературы: 1) всеобщая литература (средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). Программа чтенія по этнографіи (инородческое населеніе Россіи). Отдѣльныя темы. Цѣна 45 к., съ пересылкой—70 к., наложеннымъ платежомъ—80 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса. Содержаніе:

Предисловіе. I. Математика: специальный курсъ (исчисленіе бесконечно малыхъ).

II. Науки физико-химическія: 1) астрономія, 2) метеорологія и климатологія.

III. Науки биологическія: 1) общая философія, 2) физиологія растений, 3) физиологія животныхъ.

IV. Науки философскія: Программа первая (теорія познанія и метафизика). Программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи).

V. Науки общественно-юридическія: 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право.

VI. Исторія: 1) всеобщая исторія XVI, XVII и XVIII вв., 2) русская исторія XII и XIII вв.

VII. Исторія литературы: 1) всеобщая литература (испанская драма XVII и XVIII вв.; англійская литература XVII и XVIII вв.; итальянская литература XVII и XVIII вв.; вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи; французская литература XVIII в.; нѣмецкая литература XVII и XVIII вв.); 2) русская литература XVIII в. Программа чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы. Цѣна 50 к., съ пересылкой 75 к., наложеннымъ платежомъ—85 к.

Программы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. Содержаніе:

Предисловіе. I. Математика; курсъ специальный (механика).

II. Науки физико-химическія: динамическая геологія и петрографія.

III. Науки биологическія: 1) палеонтологія, 2) биогеографія, 3) теорія эволюціи и дарвинизмъ.

IV. Науки философскія: Программа первая (этика). Программа вторая (исторія философіи).

V. Науки общественно-юридическія: 1) международное право, 2) социальная политика, 3) финансовая наука.

VI. Исторія: новѣйшая исторія, начиная съ французской революціи. Русская исторія XIX в.

VII. Исторія литературы: 1) всеобщая литература (съ конца XVIII вѣка и до новѣйшаго времени), 2) русская литература XIX в. до 80-хъ годовъ. Программа чтенія по этнографіи. Цѣна 60 к., съ пересылкой—87 к., наложеннымъ платежомъ—97 к.

III-й выпускъ программъ печатается 2-мъ изданіемъ, который выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ сентября. В. Д. Спасовичъ. Новыя исправленія въ наукѣ уголовного права. Цѣна 35 к., съ пересылкой—43 коп., заказной бандеролью—50 к., наложеннымъ платежомъ—60 к.

Складъ изданій въ канцеляріи Комиссіи по организаціи домашняго чтенія: Москва, Б. Никитская, д. 5, кв. 3.

К н и г о п р о д а в ц а м ъ у с т у п к а .

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г.

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВ. И КОММЕРЧЕСК.

ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства: Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія и т. п. Судебная хроника. Библиографія. Театръ и музыка. Ежедневныя свѣдѣнія изъ внутренней и международной жизни. Еженедѣльные обзоры хозяйственной жизни Россіи, земской и городской дѣятельности страны и народнаго образованія. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто статьи научнаго содержанія и злободневные фельетоны—„Воскресные наброски“ Инкогнито, „Замѣтки обывателя“ Serge'a. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и вѣншей торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Смѣсь. Справочный отдѣлъ: судебныя дѣла и резолюціи до, нимъ, больницы, желѣзнодорожныя поѣзда, грузы приходящіе по жел. дорогѣ и пр. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ городѣ: безъ доставки: На 12 мѣсяц. 6 р. 25 коп. съ доставкой кой 7 руб. Иногороднимъ съ пересылкой 9 руб.

Для годовыхъ подписчиковъ допущается разсрочка:

для иногороднихъ при подпискѣ 3 рубля, 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 руб. для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 1 рубль.

Всѣ новыя годовыя подписчики, подписавшіеся на 1901 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1901 года.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ „Ученыхъ Запискахъ“ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичные лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе паградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ званія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣя преподаванія, распрежденія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 рублю. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

Открыта подписка на 1901 годъ

НА ЖУРНАЛЬ

ВѢСТНИКЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

Еженедѣльное изданіе,

необходимое книгопродавцамъ, издателямъ, бібліотекамъ, учебнымъ заведеніямъ, редакціямъ разныхъ изданій и читающей публикѣ.

ПРОГРАММА:

1. Извѣстія о новыхъ изданіяхъ: вышедшихъ въ свѣтъ, печатающихся и подготавливаемыхъ къ печати.
2. Критика и бібліографія.
3. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
4. Разнаго рода статьи, касающіяся издательскаго и книжнаго дѣла. Дѣятельность обществъ книгопродавцевъ въ Россіи и за границей, а также отдѣльныхъ фирмъ и лицъ.
5. Справочный отдѣлъ. Вопросы и отвѣты. Предложеніе и спросъ. Торговья операціи. Разнаго рода полезныя свѣдѣнія по книжному дѣлу и проч.
6. Правительственныя распоряженія.
7. Объявленія въ текстѣ и въ видѣ особыхъ платныхъ приложеній. Въ текстѣ рисунки и чертежи.
8. Бесплатныя приложенія — по мѣрѣ накопленія матеріала: а) для всѣхъ подписчиковъ: каталоги и оглавленія всякаго рода новыхъ изданій, печатные и хр. образцы разныхъ изданій, справочныя свѣдѣнія, сборники адресовъ торговыхъ фирмъ и т. п.
- б) Для однихъ только книгопродавцевъ — „Справочный листокъ“, служащій для взаимнаго обмѣна торговыхъ и другихъ свѣдѣній между издателями и книгопродавцами, а также для разсмотрѣнія профессиональныхъ дѣлъ, касающихся тѣхъ и другихъ.

Изданіе организовано при участіи „Товарищества“, въ составъ котораго вошли слѣдующіе книгопродавцы:

К. А. Казначеевъ, Т-во И. Д. Сытинъ, Ф. И. Тастевенъ (фирма Готье), А. Д. Ступинъ, М. Д. Наумовъ, Ф. В. Бусыгинъ, А. Ф. Скоровъ, А. А. Лангъ, Г. Э. Кѣстрингъ (фирма Дейбнеръ), Д. В. Байковъ, А. Я. Панафидинъ, И. К. Голубевъ, М. В. Клюкинъ, І. Н. Кнебель (фирма Гросманъ и Кнебель) и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 3 р. въ годъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Редакторъ-издатель К. А. Казначеевъ.

Открыта подписка на 1901 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

политическую, литературную, общественную и торговую газету

ОРЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:
на годъ 7 рублей,

11 мѣс. — 6 руб. 50 коп., 10 мѣс. — 6 руб., 9 мѣс. — 5 руб. 50 коп.,
8 мѣс. — 5 руб., 7 мѣс. — 4 руб. 50 к., 6 мѣс. — 4 руб., 5 мѣс. — 3 р. 50 к.,
4 мѣс. — 3 р., 3 мѣс. — 2 р. 40 к., 2 мѣс. — 1 р. 70 к., 1 мѣс. — 90 к.,
1/2 мѣс. — 50 коп.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, при желаніи выписывать газету въ разсрочку, *обязательно* при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ— *въ разсрочку*, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по которъ вънесены деньги.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ уплатою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, при чемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками. **Плата за объявленія:** за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ впереди текста, плата въ двое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ дѣлается уступка отъ 100% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ уступка 50%. За адреса, въ 5 строкъ, на 1-й стр. газеты—10 р. въ годъ—150 разъ, 6 р.—за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 коп. за 100 экз.

Въ Орлѣ — въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зиновьевская улица, домъ № 2.

Открыта подписка на 1901 г. (XX годъ изданія)
НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

РОДНИКЪ.

Годовое изданіе „Родника“ состоитъ изъ 12 книгъ (около 2800 столбцовъ текста и 600 рисунковъ). „Родникъ“ одобренъ и допущенъ всѣми вѣдомствами, для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Содержаніе „РОДНИКА“ составляютъ:

I. Беллетристика, въ которой редація старается давать больше такихъ вещей, которыя съ интересомъ прочтутъ и взрослые, для чего постоянно привлекаетъ въ журналъ писателей, работающихъ въ журналахъ для взрослыхъ. Безусловно не допускаются произведенія, затрогивающія съ предвзятой точки зрѣнія вопросы религиозные, національные и сословные.

II. Биографія, главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли“.

III. Статьи и очерки, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ странъ и народовъ.

IV. Статьи популярно-научнаго характера изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, относящіяся до родного быта и природы и написанныя главнымъ образомъ русскими учеными и путешественниками, хорошо изучившими родину.

V. Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися событіями русской и иностранной жизни.

VI. Описанія игръ, занятій, опытовъ и мелкія свѣдѣнія научнаго характера.

Переводы съ иностранныхъ языковъ даются въ умѣренномъ количествѣ, въ виду того, что дѣтскій журналъ прежде всего долженъ знакомить дѣтей съ родной природой и жизнью.

Обращено особенное вниманіе на вѣднѣность изданія: „Родникъ“ печатается на толстой бумагѣ, на которой значительно лучше выходятъ рисунки и которая отличается прочностью, что, конечно, имѣетъ немаловажное значеніе для дѣтской книги. Помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, въ „Родникѣ“ помѣщаются отдѣльные картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ издается ежемѣсячный педагогическій листокъ:

Воспитаніе и Обученіе,

посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ ежемѣсячно выпусками большого формата въ 32—64 столбца убористой печати.

Условія подписки на 1901 годъ прежнія:

На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ **5 руб.** На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ и 12 №№ „Воспитаніе и Обученіе“ **6 руб.** За границу **8 руб.** Отдѣльно за 12 №№ педагогическаго листка „Воспитаніе и Обученіе“—2 рубля.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій просп., 90—92, при книжномъ магазинѣ **Н. Н. Морева.**

Издатели: { Н. Моревъ.
Алексѣй Альмедингенъ.

Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

Годъ XX. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА Годъ XX.

→ РЕБУСЪ ←

«Человѣкъ—ближайшій и труднѣйшій изъ ребусовъ».

Вступивъ въ двадцатый годъ своего существованія, журналъ сохранить прежне направленіе, хорошо извѣстное нашимъ читателямъ. Для желающихъ же ознакомиться съ нимъ мы скажемъ нѣсколько словъ о нашей девятнадцатилѣтней дѣятельности. Въ дни основанія нашего журнала не только русская, но и иностранная пресса, исключая спеціальной, не говорила почти ни слова о самой важнѣйшей области человѣческаго знанія: о психическихъ, сверхчувственныхъ явленіяхъ. Мы отдели обширное мѣсто въ журналѣ обзору фактовъ и наблюденій въ этой области. Помѣщенные нами статьи о гипнотизмѣ, магнетизмѣ, ясновидѣніи и медиумизмѣ (спиритизмѣ) даютъ полную картину современнаго взгляда на эти таинственные явленія. Журналъ нашъ единственный изъ всей русской прессы шагъ за шагомъ слѣдилъ за энергическою дѣятельностью „Лондонскаго Общества для психическихъ изслѣдованій“, руководимаго извѣстными англійскими учеными. Мы заимствовали изъ его „Трудовъ“ статьи о передачѣ мысли на разстояніи (телепатія), описанія тщательно провѣренныхъ членами Общества случаевъ явленія призраковъ: прижизненныхъ, присмертныхъ и посмертныхъ. Статьи извѣстныхъ дѣятелей и ученыхъ по всѣмъ вопросамъ этой мало еще изслѣдованной области тоже нашли мѣсто въ нашемъ журналѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и противорѣчатъ нашимъ взглядамъ, какъ, напримѣръ, сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго философа Эд. Гартмана — „Спиритизмъ“, стремящееся нанести спиритизму смертельный ударъ. Существующая уже нынѣ обширная литература неопровержимо свидѣтельствуетъ, что интересъ къ психизму все болѣе и болѣе растетъ; факты и наблюденія въ этой области накопляются съ поразительною быстротою и даютъ намъ богатый матеріалъ для нашей дальнѣйшей дѣятельности. Помѣщаются статьи: по астрологии, знакомящія съ этой наукою и теоретически, и практически составленіе гороскоповъ. По оккультизму, заключающія ученіе древнихъ и новѣйшихъ оккультистовъ. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти и рассказы, а подъ рубрикою смѣсь—извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а также выдающіяся событія ежедневной жизни. Цѣна на годъ 5 р., на полг. 3 р. съ дост., а безъ дост. 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., 1 апр., 1 іюля и 1 окт. по 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (книж. маг. Мартынова, Александринская площ., 5), въ книж. маг. Вольфа, „Новаго Времени“ и др. Черезъ почту деньги высылаются по адресу: Царское Село (Петерб. губ.), въ редакцію журнала „Ребусъ“. Можно получить журналъ 1886, 87, 88, 92, 93, 94, 95 г. по 3 р. за годъ, 1896—97, по 4 р., 1898—99 и 1900 г. по 5 р. Выписывающіе одновременно всѣ года высылаютъ только 35 р.

1901 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ безплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшен. Угол. и Гражд. Кассад. Деп. и Общ. Собран. Прав. Сен. и Собранія узакон. и распор. Правительства.

Выходитъ два раза въ недѣлю *): по воскресеньямъ и четвергамъ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ. Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. 7 р. Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 р. и къ 1 апрѣля—остальные 3 р. Правительственные и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учрежденій, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальные подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

*) Въ дни Рождества Христова равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два дѣніе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

Открыта подписка на 1901 г.

НА ЖУРНАЛЬ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухдѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакцію П. М. Ольхина.

■ ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ■

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго Міра“ получаютъ въ теченіе 1901 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) ЖУРНАЛЬ

Новый Міръ съ Всемирной Лѣтописью.

24 выпуска въ форматъ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній

Мозаика Новаго Міра

(24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

2) ЖУРНАЛЬ

Литературные вечера Новаго Міра

12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

Подписная цѣна „Новому Міру“

со всѣми преміями и приложеніями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи на годъ **14 р.**, роскошное изданіе—**18 р.**, за границу—**24 р.**, роскошное изданіе—**28 р.**

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2 руб.**, остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ **14 руб.**

При подпискѣ въ разсрочку бесплатная премія (12 перепл. книгъ „Библиотеки русск. и иностранныхъ писателей“) высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Открыта подписка на 1901 годъ (12-й г. изд.)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1900 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Грожака-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Куклина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) Вспомогательныя школы для отстающихъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ. Д-ра А. Щедлова; 5) Положеніе естественновѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія. Проф. И. Сикорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ вазадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьные вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоюнина; 12) Школьные противорѣчія. Старова. 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Паясіоны и общежитія. А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовноучебныхъ заведеній. П. Макарова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. Проф. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго; 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его же; 23) Организация книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народній школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію. Ап. Соболева; 30) Объ ариметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шорохъ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естественновѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тахомирова и мн. др.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. В., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна:

въ Петербургѣ безъ доставки 7 р.; съ доставкою 7 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою 8 р.; за границу 9 р. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 р. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.**

Открыта подписка на 1901 годъ

НА ЖУРНАЛЬ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія
воспитателей и начальныхъ учителей.

Тридцать третій годъ изданія.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено для учительскихъ библиотекъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ печатаются статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законовѣдѣнію, очерки по всемірной литературѣ, по искусству, общей и русской географіи и исторіи, общественно-школьнымъ вопросамъ и другія общенаучныя статьи для самообразованія учителя, періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

„Педагогическій Листокъ“ въ 1901 году будетъ выходить восемь разъ въ годъ книжками отъ 6 до 8 листовъ.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ постоянное участіе: В. А. Гольцевъ, В. П. Острогорскій, Д. И. Тихомировъ, Д. А. Коропчевскій, В. И. Ануфриевъ, д-ръ Е. В. Святловскій, Н. В. Тулупьевъ, Н. Ѳ. Селивановъ, В. Е. Ермиловъ и мн. другіе.

Подписная цѣна на годъ:

на „Педагогическій Листокъ“ 2 руб.
на „Педагогическій Листокъ“ съ „Дѣтскимъ Читеніемъ“ . 6 руб.

Допускается разсрочка—по желанію подписчика.

Адресъ редакціи:

Москва, Большая Молчановка, д. 24—И. Д. Тихомирова.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Юбилейный годъ. **1901—XXV—1901** Юбилейный годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

на еженедѣльные дѣтскіе иллюстрированные журналы

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

1) для дѣтей младшаго возраста (5—9 лѣтъ).

52 №№ въ годъ интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала и **8 премій**, въ число которыхъ войдутъ: **большая** великолѣпно исполненная въ 22 краски олеографическая картина „**Кисютки-малютки**“ и **7 книжечекъ Новой библиотечки „Задушевнаго Слова“**: 1) Маленькіе солдаты. 2) Что поле говорить. 3) Пѣсенникъ „Задушевнаго Слова“. 4) Я учусь по-нѣмецки. 5) Мастерская въ дѣтской. 6) Собачья шалости и 7) Игра въ Мурзьялку.

Кромѣ того, подписчикамъ въ теченіе года будутъ высылаться:

„Дѣтскія моды“ и „Педагогическій Листокъ“.

2) Для дѣтей старшаго возраста (9—14 лѣтъ).

52 №№ въ годъ интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала и **5 премій**, въ число которыхъ войдутъ: **4 тома „Библиотечки знаменитыхъ писателей для юношества“**, а именно: **1. Трудъ**. Черты изъ жизни знаменитыхъ людей, прославившихся трудолюбіемъ. Сам. Смайльса. Въ обраб. для юнош. **2. Юмористическіе** рассказы Джеромъ-Джерома для юношества. **3. Подвиги** человѣческаго ума въ первомъ году новаго вѣка. Иллюстрированная повѣсть объ открыт. и изобрѣт. **4. Дѣвочка-Робинзонъ**. Приключеніе Лели на необитаемомъ островѣ. Съ иллюстраціями. **Календарь** со „Справочникомъ“ для русскаго учащагося юношества на 1900/1 уч. г.

Кромѣ того, подписчикамъ въ теченіе года будутъ высылаться:

„Дѣтскія моды“ и „Педагогическій Листокъ“.

Подписной годъ начался 1 ноября 1900 г.

Подписная цѣна на каждый журналъ съ доставкой и пересылкой **6 рублей**.

Допускается разсрочка платежа по 2 рубля: при подпискѣ, къ 1 февраля и къ 1-му мая.

При подпискѣ, во избѣжаніе ошибокъ, покорнѣйше просятъ обозначать, для какого возраста слѣдуетъ высылать журналъ.

Подписка на „Задушевное Слово“ принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества **М. О. Вольфъ**: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, № 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12.

Открыта подписка на 1901 г. НА ЖУРНАЛЬ ДѢтское Чтеніе

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

Тридцать третій годъ изданія.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Дѣтское Чтеніе“ за 1896 годъ допущено для ученическихъ бібліотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и впредь признано разрѣшеннымъ къ выпискѣ для ученическихъ бібліотекъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ; одобрено Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній включено въ каталогъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ помѣщаются: а) повѣсти, рассказы, легенды и сказки (оригинальные и переводныя); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человекомъ; д) путешествія; е) изъ современной русской жизни; ж) изъ жизни нашихъ сосѣдей; з) мелкія статьи („По бѣду-свѣту“, „Изъ книгъ и журналовъ“); и) шутки, игры и занятія; і) задачи, ребусы, шарады и проч.

„Дѣтское Чтеніе“ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ, съ иллюстраціями въ текстѣ.

Журналъ „Дѣтское Чтеніе“ въ 1901 г. будетъ издаваться по вышеозначенной программѣ, при участіи постоянныхъ своихъ сотрудниковъ.

Съ январской книжки 1901 года въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ начнется печатаніемъ большая повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченко „Самъ себѣ помогай“, рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. С. Баранцевича, очерки Ив. Ив. Иванова, Д. А. Коропчевскаго, Н. А. Александрова, Б. Б. Глинскаго, Д. И. Эварницкаго и др.

Январская книжка выйдетъ до праздника Р. Х.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»:

Безъ пересылки	4 руб. 50 коп.
Съ пересылкой	5 „ — „
За границу	8 „ — „

Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“ вмѣстѣ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ безъ пересылки 5 руб. 50 коп., съ пересылкой 6 руб. Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ безъ «Дѣтскаго Чтенія» 2 рубля съ пересылкой.

Уплата подписной суммы можетъ быть произведена и въ разсрочку—по полугодіямъ, по третямъ и четвертамъ года.

Отдѣльный № 75 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. 24—Д. И. Тихомирова.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Продолжается подписка на 1900 г. и открыта на 1901 г.
на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ФОТОТИПНЫМИ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

КАВКАЗЪ И СРЕДНЯЯ АЗІЯ

въ фотографіяхъ и описаніяхъ.

ФОРМАТЪ IN QUATRO.

Издание посвящено исключительно ознакомленію, въ популярномъ изложеніи и иллюстраціяхъ, съ Кавказомъ, Средней Азіей и сопредѣльными съ ними странами, для чего располагаетъ отдѣлами: 1) художественнымъ, иллюстрируя текстъ фотографіей; 2) географическимъ; 3) этнографическимъ; 4) историческимъ; 5) естественно-научнымъ и 6) археологическимъ.

За годъ получается роскошный фототипный альбомъ рисунковъ на картонѣ, состоящій изъ ста экземпляровъ оригинальных фотографій, и изящный томъ въ 50 печатныхъ листовъ текста къ этимъ фотографіямъ.

Редакція располагаетъ своими — фотографією, фототипією, фотолитографіей и типографією.

Подписная цѣна съ пересылкою:

На 1 годъ	12 р. — к.
„ 1/2 „	7 „ — „
„ 1/4 „	3 „ 50 „

№ 1-й — 1 руб. 20 коп.

Допускается разсрочка на годовой экземпляръ въ такомъ порядкѣ:

при подпискѣ 4 рубля. По полученіи № 3 — 2 рубля, № 5 — 2 рубля, № 7 — 2 рубля и № 9 — остальные 2 рубля.

При несоблюденіи уплаты въ указанные сроки, дальнѣйшая высылка журнала приостанавливается.

Новымъ подписчикамъ досылаютъ немедленно всѣ вышедшіе №№.

АДРЕСЪ: Баку, контора редакціи журнала „КАВКАЗЪ и СРЕДНЯЯ АЗІЯ“.

Редакторъ-Издатель А. М. Мишонъ.

Годъ изд. VIII. Открыта подписка на 1901 годъ Цѣна отдѣльно 3 р. на педагогическое изд., посвященное вопросамъ воспитанія и самообразованія

НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ.

Вступая въ 8-й годъ изданія, мы будемъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которыя въ продолженіе семи лѣтъ способствовали успѣху этого изданія. Наша главная задача—помочь женщинамъ-матери разобраться въ вопросахъ, которые ежедневно предъявляетъ ей жизнь.

Программа изданія слѣдующая:—1) Гигіена беременности.—2) Уходъ за новорожденными.—3) Физическое и нравственное воспитаніе дѣтей.—4) Статьи по психологіи, гигиенѣ и популярно-медицинскія.—5) Ручной трудъ.—6) Обзоръ новыхъ книгъ; извлеченіе изъ педагогическихъ и общихъ журналовъ, относящихся не только къ воспитанію дѣтей, но и къ самообразованію; дѣятельность педагогическихъ и другихъ обществъ, родительскихъ кружковъ, дѣтскихъ садовъ, пріютовъ, яслей у насъ и за границей.—7) Гигіеническая одежда женщинъ и дѣтей.—8) Этика развлеченій.—9) Полезные совѣты.—10) Смѣсь.—11) Объявленія. Изданіе „На помощь матерямъ“ выходитъ 9 разъ въ годъ (кромя лѣтнихъ мѣсяцевъ).

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. 3 р. За границу 5 р.

Подписчики журнала „Игрушечка“ получаютъ изданіе „На помощь матерямъ“ на два рубля.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи „Игрушечка“ и педагогическаго изданія „На помощь матерямъ“; и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ „Новога Времени“, Карбасникова и въ конторѣ г-жи Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногороднихъ подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пылькови-Толитърова.*

Открыта подписка на 1901 г. (8 годъ изданія)

ежемѣсячный журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе П. П. Сойкина подъ редакцію д-ра философіи М. М. Филиппова.

„Научное Обзорніе“ не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т.-е. попрежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключаяющаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ которой является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества, журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ **самообразованія.**

Съ этою цѣлью редакція „Научнаго Обзорнія“ рѣшила присоединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ безъ доставки въ Слб. 6 р. 50 к.

7 руб. съ дост. и перес. по всей Россіи. За границу **10 руб.** Допущенъ скается разсрочка: при подпискѣ—2 руб., къ 1 апрѣля—2 г., къ 1 июля остальныя, или по **одному** рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Продолжается подписка на АРХИТЕКТУРНЫЕ МОТИВЫ

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ 2-Й).

Августъ 1900.—Августъ 1901 г.

Новый ежемѣсячный журналъ архитектуры и художественной промышленности, издаваемый при содѣйствіи и участіи арх. П. С. Бойцова, проф. архитектуры К. М. Быковского; архитекторовъ: В. Валькотъ, Л. О. Васильева, А. Е. Веберъ, М. К. Геппнеръ, Л. Н. Кекушева, Р. И. Клейнъ, В. А. Мазырина, И. П. Машкова, С. Ч. Соловьева, проф. Н. В. Султанова, арх. Ф. О. Шехтель, А. Э. Эриксонъ, В. Ф. Харламова и другихъ.

Художественный отдѣлъ, содержащій снимки съ рисунковъ и чертежей, эскизовъ и съ натуры лучшихъ современныхъ построекъ и интересѣйшихъ работъ художниковъ, въ предѣлахъ интересующей насъ программы, снимки классическихъ произведеній и ихъ чертежи въ ортогональной проекціи, рисунки декоративныя и художественно-промышленныхъ работъ, сослагать въ концѣ года чудный альбомъ.

Въ программу текста входятъ кромѣ описаній рисунковъ, свѣдѣнія о новыхъ и предполагаемыхъ архитектурныхъ работахъ, ихъ хроника, описанія и оцѣнка; обзоръ образцовъ современнаго и классическаго зодчества у насъ и за границей, успѣхи художественной промышленности въ Европѣ и у насъ. Главныя теченія въ искусствахъ, близко стоящихъ къ архитектурѣ и художественной промышленности, рефераты и научныя статьи, имѣющія связь и отношеніе къ интересующимъ насъ отраслямъ искусства; библиографія, биографія и некрологи дѣятелей по этимъ же отраслямъ. Общій отдѣлъ: вѣсти, слухи, смѣсь, справки техническія и археологическія замѣтки, программы конкурсовъ, почтовый ящикъ—все это въ предѣлахъ вышеприведенной программы.

Ежемѣсячные №№ журнала содержатъ 24—32 стр. текста съ массою иллюстрацій и рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, художественно исполненныхъ въ лучшихъ заведеніяхъ и собственныхъ художественныхъ мастерскихъ.

Въ еженедѣльномъ добавленіи къ журналу публикуется списокъ ходатайствъ о постройкахъ, поступающимъ въ московскую городскую управу, заключающей самыя точныя, проверенныя по официальнымъ даннымъ, свѣдѣнія.

	Подписная цѣна.	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
На 1 годъ (12 №)		13 р. 20 к.	15 р. — к.
„ 1/2 „ (6 №)		6 „ 60 „	7 „ 75 „
„ 1/4 „ (3 №)		3 „ 30 „	4 „ — „

Цѣна выпусковъ въ отдѣльной продажѣ повышена.

Лица, желающихъ принять участіе въ журналѣ просятъ обращаться по адресу редакціи. Матеріалъ для художеств. отдѣла можетъ быть—фотографія, акварель, тушевой, карандашный или перовой рисунокъ.

Текстъ оригинальный оплачивается отъ 4 до 7 к. за полную строку, переводы и компіляціи отъ 3 до 6 коп. за строку. Статьи, присланныя безъ обозначенія гонорара считаются бесплатными.

Въ провинцію журналъ отправляется почтою подъ „заказною бандеролью“ въ картонныхъ пакетахъ безъ сгиба и по желанію высылаются съ вложеніемъ платежа по требованію гг. архитекторовъ.

Особыя условія разсрочки и кредита высылаются по первому требованію вмѣстѣ съ проспектомъ изданія.

Редакція: Москва, Смоленскій рынокъ, Большой Никольскій пер., домъ Адерѣй.

Редакторъ-издатель В. С. Бернеръ.

Представитель въ С.-Петербургѣ Г. В. Гольстенъ, Литейный, 28.

1901 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **НА ДВА** ИЗДАНИЯ. 1901 г.

I. Ежедневная газета

НОВОСТИ ДНЯ,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Девятнадцатый годъ изданія.

Съ 1901 г. газета будетъ издаваться по расширенной программѣ.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и въ яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной хроники, въ „Новостяхъ Дня“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ—изъ Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Йорка и др.

Подписная цѣна: на годъ 8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р., на три мѣсяца—3 руб., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЕМЬЯ.

Девятый годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „Семья“ представляетъ собою вполне изящное изданіе, въ которомъ помѣщается разнообразный интересный текстъ, масса портретовъ (іерарховъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой 3 р.

Адресъ: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

Открыта подписка на изданіе **ИМПЕРАТОРСКАГО** Вольнаго Экономическаго Общества

„Начальное Народное Образование въ Россіи“

под редакціей членовъ И. В. Э. Общества Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолускаго.

Въ программу изданія, являющагося результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входитъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно-воспитательной, административной и финансовой оооронны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ свыше 200 печатныхъ листовъ большого формата въ 8 томахъ in folio и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣздамъ и городамъ Имперіи.

Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей, въ прочныхъ папкахъ 28 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 15 руб. и при выходѣ третьяго и четвертаго томовъ по 5 руб. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена.

Первые два тома изданія (LIX + 825) стр. вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Следующій томъ печатается.

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербургѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Подробные проспекты по требованію высылаются бесплатно.

Открыта подписка на 1901 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ

Годъ изданія
22-й.

ИГРУШЕЧКА

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы МАРИИ къ приобрѣтенію въ библіотеки.

„Игрушечка“, вступая въ двадцать второй годъ изданія, будетъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и художниковъ.

Въ „Игрушечкѣ“ помѣщаются статьи научнаго содержанія изъ жизни природы, историческіе очерки, біографіи, путешествія, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, стихотворенія, сказки, описаніе ремесль и проч. Въ журналѣ помѣщаются также рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ. Редакція журнала „Игрушечка“ съ 1897 года, не увеличивая платы на журналъ, даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатнаго приложенія шесть иллюстрированныхъ томовъ, подъ общимъ названіемъ „Библіотечка Игрушечка“. За эти годы редакціей выдано своимъ подписчикамъ слѣдующіе иллюстрированные томики: Вода, Воздухъ, Огонь, Небо, Земля, Невидимый міръ, Растенія, Животныя, Въ горахъ — проф. Ю. Н. Вагнера. Древній и Дикій человѣкъ Д. А. Королчевскаго. Стекло, Желѣзо, Въ царствѣ солнца, Ливингстонъ, Стефенсонъ, Фультонъ, Уаттъ — Е. И. Чижова. Въ пустынѣ, Родной край, Изъ дѣтства замѣчательныхъ людей: ученые, художники, музыканты, люди долга М. А. Орлова. Д-ръ Гаазъ—Клавдія Лукашевичъ.

Шесть томовъ Библіотечки „Игрушечка“ въ 1901 г. будутъ посвящены разнымъ полезнымъ занятіямъ: изготовленію приборовъ для интересныхъ наблюденій и собранію коллекцій. Отдѣльные томики будутъ содержать: I. „Мой телескопъ“.—II. „Мой микроскопъ“.—III. „Мой зоологическій садъ“.—IV. „Мой ботанический садъ“.—V. „Мой горный музей“.—VI. „Моя лабораторія“.

Каждые шесть томовъ въ роскошномъ переплетѣ и футлярѣ стоятъ 3 р., безъ переплета 2 руб. Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ **ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ**

Годъ XII. **ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.** (До 8-ми лѣтнаго возраста).

Задача этого отдѣла — дать дѣтямъ занимательное чтеніе. Статьи печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ.

Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ еще **особое приложеніе.**

Безплатными приложеніями „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ были складныя фигуры домашнихъ животныхъ и птицъ, модели избу, телеги, колодца и др. И сборникъ избранныхъ стихотвореній А. С. Пушкина съ 2 портретами и 65 оригинальными рис. художника Е. Гарнакъ. Избранныя русскія народныя сказки иллюстрированныя Елиз. Бѣмъ. Въ 1901 г. будетъ дана премія, какъ и въ прежніе годы, приоровленная къ возрасту малютокъ.

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. въ Россіи:

„Игрушечка“ съ шестью томками „Библіотечка Игрушечка“ 3 р., за границу 5 р. „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“ и двумя преміями 5 р., за гран. 7 р. „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 5 р., за гран. 7 р. „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, 2-мя преміями и педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 7 р., за границу 9 р. „На помощь матерямъ“ отдѣльно 3 р. и за гран. 5 р.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10.**

Редакторъ-издательница **А. Н. Пышкова-Толмачева.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
ЕЖЕГОДНИКЪ ПО ГЕОЛОГІИ И МИНЕРАЛОГІИ РОССІИ,
 издаваемый подъ редакціей Н. Криштафовича
 (5-й годъ изданія).

ПРОГРАММА.

I. Оригинальныя статьи и замѣтки. II. Систематическіе указатели литературы. III. Систематическіе обзоры литературы. IV. Рефераты. V. Извѣстія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ и пр. VI. Личныя извѣстія. VII. Разныя извѣстія. VIII. Музеи и коллекціи.

„Ежегодникъ“ печатается на русскомъ и параллельно на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

„Ежегодникъ“ выходитъ **ежемѣсячно**, исключая двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (10 выпускоевъ въ годъ, каждый выпускъ объемомъ въ 5 печатныхъ листовъ).

Редакціонный годъ съ 1 апрѣля по 1 апрѣля.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой—**6 рублей** въ Россіи, за границу—**15 марокъ** = 20 франкамъ.

Подписна принимается въ Редакціи (п. Ново-Александрія, Люблинской губ.) и въ книжныхъ магазинахъ: Эггерса, Суворина, Риккера, Карбасникова, Оглобина, Иогансона и во всѣхъ др.

Плата за объявленія—на всѣхъ европейскихъ языкахъ—за одинъ разъ: за стран. (in 4⁰) 20 руб., за 1/2 стр. 10 руб., за 1/4 стр. 5 руб., за 1/8 стр. 3 руб.

Комплектъ „Ежегодника“ за предыдущіе года (34 выпуска составляющихъ 4 тома) 28 руб., для новыхъ подписчиковъ 22 руб.

Редакторъ-Издатель Н. I. Криштафовичъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ на 1901 годъ (годъ второй)

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Коргановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3) Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учреждений. 4) Беллетристика: оригинальныя и переводныя романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія; поэмы и стихотворенія. 5) Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6) Литературная критика и бібліографія. Статьи по искусству. 7) Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія. По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи. Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы. Редакція журнала помѣщается на Авчальской ул., д. Корганова, № 28.

Условія подписки:	Городскіе.	Иногородніе.	За границу.
За годъ	9 р.	10 р. — к.	12 р.
„ полгода	5 „	6 „ — „	7 „
„ 3 мѣсяца	3 „	3 „ 50 „	4 „

За перемѣну адреса взимается 50 к. За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала взимается: за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр. 12 р., за 1/4 стр. 7 р. Подписка на журналъ и объявленія принимаются въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, на Головинскомъ пр., д. № 10 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

VIII годъ изданія.

Открыта подписка на 1901 г.

на ежедневную общедоступную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

издающуюся въ Томскѣ.

Въ предстоящемъ году редакціей попрежнему будетъ обращено особенное вниманіе на возможно полное и разностороннее ознакомленіе своихъ читателей съ жизнью Сибири и на выясненіе ея нуждъ и ея экономическаго и умственнаго роста. Согласно такой задачѣ, статьи и замѣтки, имѣющія своимъ предметомъ прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденціи изъ разныхъ концовъ Сибири и „Хроника Сибири“ будутъ составлять главные и основные отдѣлы газеты. вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ ежедневно получаемыхъ телеграммъ и въ постоянныхъ отдѣлахъ газеты: „Русская жизнь“ и „Заграничная хроника“, читатели „Сиб. Ж.“ будутъ своевременно ознакомляемы со всѣми болѣе крупными явленіями въ области государственной и общественной дѣятельности, науки и искусства какъ остальной части нашего обширнаго отечества, такъ и другихъ государствъ.

Кромѣ лицъ, принимающихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ, любезно общались свое сотрудничество и въ будущемъ году многіе изъ профессоровъ Томскаго университета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города	5 „	4 „ — „	3 „ — „	— „
Съ пересылкой за границу	9 „	7 „ — „	5 „ — „	90 „

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку пегита—20 коп., позади текста—10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ всомъ не болѣе лота—7 руб. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

Открыта подписка на 3-й годъ
(съ октября 1900 по октябрь 1901)
ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА
ИСКУССТВО
и Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОБКО,

со снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ); безъ дост. 8 р.; съ дост. и пер. 10 р.; за гран. 12 р.

Въ отдѣльной продажѣ — отъ 75 к. до 1 р. за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается наложеннымъ платежомъ за 2 р. съ зачетомъ этой суммы впослѣдствіи при подпискѣ.

Иногородніе подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по 10 руб., съ перес. по 12 руб.

20 марта 1901 года

начнетъ выходить въ г. Керчи ежедневно, исключая понедѣльниковъ и послѣ-праздничныхъ дней,

литературно-политическая, общественная и коммерческая газета

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“

посвященная обсужденію нуждъ Керчь-Еникальского градоначальства, Таврической губ. и ближайшихъ къ Керчи мѣстъ Черноморья и Приазовья.

Всюду въ районѣ газеты постоянные корреспонденты. Подробная хроника русской и заграничной жизни. Полная программа большихъ газетъ. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Южный Курьеръ“ до конца года: съ доставкой въ Керчи 5 р.; съ пересылк. иногородн. 6 р. На другіе сроки подписка принимается съ 1-го по 1-е чис.

Съ доставкой въ Керчи:	●	Съ пересылкой иногороднимъ:
на 1 мѣсяць — р. 80 к.	●	на 1 мѣсяць 1 р. — к.
„ 3 мѣсяца 2 „ — „	●	„ 3 „ 2 „ 50 „
„ 6 „ 3 „ 50 „	●	„ 6 „ 4 „ — „

Допускается широкая разсрочка при первомъ взносѣ отъ 2-хъ р.

Редакціи и главной контора „Южнаго Курьера“: Керчь, Дворянская улица, домъ Макриди, № 10-й. — Желаящихъ получить номеръ газеты для ознакомленія просятъ указать адресъ.

Издатель Б. І. Харитонъ. Редакторъ-издатель Д. Т. Овсѣенко.

XX ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Открыта подписка на 1901 годъ
на изданіе литературной и политической газеты

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ г. Иркутскѣ подъ редакціей И. И. Попова ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Программа изданія: 1) Телеграммы агентскія и собственныхъ корреспондентовъ, 2) правительственныя распоряженія, 3) передовыя статьи, 4) очерки сибирской жизни, 5) Сибирскія вѣсти и факты, 6) обзорѣніе русской общественной жизни, 7) политическое обзорѣніе, 8) хроника г. Иркутска, 9) корреспонденція, 10) научный отдѣлъ, 11) литературное обзорѣніе, 12) изящная литература—фельетоны, рассказы, стихотворенія и проч., 13) судебная хроника, 14) торгово-промышленныя свѣдѣнія по Сибири, 15) справочный отдѣлъ, 16) объявленія.

При газетѣ издаются въ видѣ приложений періодическіе **СБОРНИКИ**, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

внутри Имперіи на годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р. и на 1 мѣс.—1 р., со „Сборникомъ“ на 1 годъ—11 р. За границу на годъ—12 руб., полгода—6 р. 50 к., 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяць—1 р. 40 к., со „Сборникомъ“ на 1 годъ 14 р. За перемѣну адреса 40 коп.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Принимается подписка на 1901 годъ

на иллюстрированный журналъ

ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ,

издаваемый Московскимъ Отдѣломъ Россійскаго Общества покровительства животнымъ по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика. 2) Біологія и психологія. 3) По вопросамъ о покровительствѣ животнымъ. 4) Животноводство и ветеринарія. 5) Среди газетъ и журналовъ, 6) Смѣсь. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ и Отдѣловъ покровительства животнымъ.

Журналъ выходитъ 1 разъ въ мѣсяць

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой 2 р. въ годъ. Плата за объявленія: 1 страница 50 р., $\frac{1}{2}$ стран. 30 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р., построчно 25 к. за строку петита въ 54 буквы.

Редакторъ **Н. Корѣтневъ.**

Адресъ редакціи: Москва, Остоженка, 1-й Ильинскій пер., домъ Зобовой, кв. № 4.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1901 г. (III годъ изданія) на газету
„АСХАБАДЪ“.
ЕЖЕДНЕВНЫЙ

(не исключая и дней послѣ праздничныхъ)
вѣстникъ литературы, политики, торговли, про-
мышленности и мѣстной общественной жизни.

Выходитъ въ прежнемъ увеличенномъ размѣрѣ.

Программа газеты: Дѣйствія и распоряженія прави-
тельства. — Передовыя статьи. —
Общая хроника. — Иностранныя извѣстія. — Новости прессы. — Мѣстная и
областн. хроника. — По Азій. — Научный отдѣлъ. — Торгово-промышленный от-
дѣлъ. — Зрѣлища. — Судебная хроника. — Библиографія. — Сжѣсь. — Телеграммы. —
Справочный отдѣлъ. — Фельетонъ. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ: безъ доставки на домъ—
5 р., на полгода **3 р.**, на 3 мѣс.— **2 р.** и на 1 мѣс.— **75 к.**
Съ доставкою на домъ: въ годъ **6 р.**, на полгода— **3 р. 50 к.**,
на 3 мѣс.— **2 р. 50 к.** и на 1 мѣс.— **1 р.** ДЛѢ ИНОГОРОД-
НИХЪ: на годъ— **7 р.**, на полгода— **4 р.**, на 3 мѣс.— **3 р.** и
на 1 мѣс.— **1 р. 50 к.** За границу— **10 р.**

За перемѣну адреса: съ иногор. на иногородній 20 к., съ городского на ино-
городній 1 руб.

Отдѣльные номера 5 коп.

Для удобства какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ под-
писчиковъ допускается слѣдующая

РАЗСРОЧКА:

При подпискѣ—3 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 рублю
до уплаты всей суммы.

Подписку г объявленія направлять: АСХАБАДЪ, въ контору
редакціи газеты, уголъ Почтовой и Скобелевской площади,
д. Хубова.

Издание
П. П. Сойкина.

Открыта подписка на 1901 г.

XII-й годъ
изданія.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

Въ теченіе года подписчики получаютъ:

52 иллюстрир. №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіяся со-
бытія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путеше-
ствій и изобрѣтеній, романы и повѣсти съ массой иллюстрацій.

И кромѣ того БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ за пересылку, **БЕЗПЛАТНО**

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

виолнѣ законченный, заключающій въ себѣ болѣе 80 печатныхъ листовъ
формата словарей **Брокгауза и Мейера.**

12 иллюстрированныхъ томовъ, объемомъ каждый отъ 180—220
страницъ убористой печати, въ которыхъ въ увлекательномъ изло-
женіи описываются **путешествія и приключенія на сушѣ и на
морѣ** подъ общимъ заглавіемъ:

БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ.

ЛѢСНОЙ БРОДЯГА. Габриѣла Ферри, въ 3-хъ том.: 1) Искатель приключе-
ній. 2) Красный карабинъ. 3) Орель снѣжныхъ горъ. — ПРИКЛЮЧЕ-
НІЯ СИРАНО-ДЕ-БЕРЖЕРАКА. Л. Галле, въ 2-хъ том.: 1) Роковой до-
кументъ. 2) Капитанъ Сатана. — **НОВЫЙ РОМАНЪ** Л. Буссенара: Ледяной
адъ. — **ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ** Жюль Верна: Вторая родина. — **СОКРОВИЩА**
ПЕРУ. Ром. Вэрисгофера, въ 2-хъ том.: 1) Скитанія молодого бѣглеца.
2) Черезъ дебри и пустыни. — **ЛУГОВЫЕ РАЗБОЙНИКИ ВЪ ТЕХАСЪ.**
Ром. Герштеккера, въ 2-хъ том.: 1) Подъ личиною ясы. 2) Законы
Линча. — **КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА.** Ром. Хаггарда.

Журналъ Природа и Люди

Мин. Народ. Просвѣщ. разрѣшенъ къ выпискѣ въ бесплатныя библиотеки и
читальни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и **5** РУБ. безъ до-
пересылкою по всей Россіи **ШЕСТЬ** рублей, за гра-
ницу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта
1 руб., къ 1 мая 1 руб. и къ 1 іюля остальные или по одному рублю
въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ.

Адресъ редакціи: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, № 12, собств. д.

Открыта подписка на 1901 г.

VIII-й годъ (основ. въ 1894)

еженедѣльнаго изданія

Русская Музыкальная Газета

(съ иллюстраціями).

Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи „Русская Музыкальная Газета“ **рекомендована** для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста и фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Императрицы МАРИИ.

Въ послѣдніе годы изданія „Р. М. Г.“ были напечатаны статьи:

По отд. исторіи музыки и истор. матеріалы: письма и пр. Берліоза, Вагнера, Верстовскаго, Глинки, Строва, Чайковскаго и др.; статьи В. В. Бесселя, проф. С. К. Булича, проф. С. В. Смоленскаго, В. В. Стасова, Ник. Финдейзена и др.

По отд. педагогики: статьи К. Эд. Вебера, В. Д. Корганова, К. П. Нелидова, И. П. Прянишникова, П. Тихонова, С. Ф. Шлезингера и др.

По отд. церковнаго пѣнія и его исторіи: свящ. В. М. Металлова, К. Нелидова, Авт. Преображенскаго, проф. С. В. Смоленскаго и др.

Кромѣ того принимаютъ участіе: Б. Быстровъ, К. Э. Веберъ, М. В. Владимировъ, Н. Н. Ворошиловъ, Рост. Геника, В. Кашкинъ, А. П. Колтяевъ, В. Д. Коргановъ, Н. М. Кривошеинъ, Д. Кулыгинъ, Ю. В. Курдюмовъ, Ив. Липаевъ, К. Нелидовъ, Е. М. Петровскій, Г. Полиловъ, А. Покровскій, А. В. Преображенскій, С. Г. Рыбаковъ, проф. Л. А. Саккетти, проф. С. В. Смоленскій, Ник. Финдейзенъ, Всев. Чехихинъ, В. Э. Шольцъ и др.

Подписная цѣна:

На 1 годъ съ доставкой 3 руб.	на 6 м. на 3 м.		На 1 годъ съ пересылкой 3 р. 50 к.
	Съ доставкой	1 р. 75 к.	
Съ пересылк.	2 „ — „	1 „ 25 „	

Съ пересылкой за границу на годъ **4 руб.**

Отдѣльные №№ по 15 коп. съ пер. 20 к. Пробный № высылается за 20 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ**ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:**

въ С.-Петербургѣ—въ музыкальномъ магазинѣ І. Юргенсона (Большая Морская, 9); въ Москвѣ—въ музыкальной торговлѣ Василій Бессель и К^о (Петровка 12); въ Кіевѣ—въ книжномъ и музык. магазинѣ Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29); въ Одессѣ—въ нотномъ и инструментальномъ магазинѣ Г. и В. Бальцъ,—и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ.

Вышел первый № (II годъ изданія)

ежемѣсячнаго художественно-литературнаго журнала

ОТДЫХЪ,

издающагося по типу роскошнѣйшихъ заграничныхъ иллюстриров. изданій.

Содержаніе: Телушка—разсказъ Немировича-Данченко, съ 3 иллюстраціями. Адъ—разсказъ П. Гябдича, съ 4 иллюстр. Миражъ—разсказъ Е. Чирикова, съ 3 иллюстр. Страничка—Анненковой-Бернаръ, съ иллюстр. Стихотворенія—М. Лохвицкой и Л. Афанасьева. Фельетонъ—П. Николаева. Худож. фельетонъ—Петровія. Восточный сфинксъ. Земной шаръ въ его глубинахъ—Е. Предтеченскаго. Статьи о художествѣ, модахъ и научно-популярныя. Болѣе 40 рисунковъ: В. Маковского, Сверчкова, Соломаткина, Михайлова, Кравченко, Бакста, Новоскольцева, Райляна, Позднѣева, Заля, Зарина, Рязниченко, Пахомова, Попова и др. Портреты извѣстныхъ дѣятелей. Портреты въ краскахъ извѣстной артистки. Ноты—мелодекламация на слова К. Р.—Таскена.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ при типографіи Евг. Тиле преемн. (Адмиралт. каналъ, 17) въ Москвѣ—у Печковской, въ Кіевѣ—у Идзиковскаго и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна съ пересылкою и доставкою за 12 №№ 3 р. въ годъ. Наложнымъ платежомъ 3 р. 50 к.

Ред.-изд. Яковлева-Наричъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Годъ 2-й на 1901 годъ Годъ 2-й
на еженедѣльную финансово-экономическую, торговую и
промышленно-техническую газету

ПРОМЫШЛЕННЫЙ МІРЪ.

Газета „ПРОМЫШЛЕННЫЙ МІРЪ“ выходитъ еженедѣльно, въ объемѣ около 3 листовъ текста.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:
на годъ—10 руб., полгода—5 рублей и четверть года—3 рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. № 1, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Подписывающіеся на 1901 г. получаютъ газету въ теченіе ноября и декабря 1900 г. **БЕЗПЛАТНО**. Пробныя №№ высылаются по первому требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Редакторъ-издатель **А. С. Залшупинъ.**

Открыта подписка на 1901 г.

на большую ежедневную политическую, общественную
и литературную газету,
издаваемую безъ предварительной цензуры,

„Русскій Листокъ“

(XIII годъ изданія).

Въ 1900 г. количество читателей газеты достигало до 40,000 ежедневно, что должно служить лучшимъ доказательствомъ достоинствъ самой газеты.

Возможная новизна и свѣжесть всѣхъ извѣстій, краткость и ясность изложенія при обширности предлагаемаго для чтенія матеріала составляютъ отличительную черту и особенность нашей газеты. Всѣ новости административной жизни Петербурга сообщаются по международному телефону и помѣщаются въ „**РУССКОМЪ ЛИСТКѢ**“ одновременно съ петербургскими газетами.

Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ помѣшались въ „**РУССКОМЪ ЛИСТКѢ**“ раньше другихъ изданій, подробности о сраженіяхъ были помѣщены отъ своихъ корреспондентовъ. Свои же корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи, а также за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Нью-Йоркѣ и друг., а во всѣхъ важныхъ случаяхъ командированы спеціальные корреспонденты.

Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи.

Еженедѣльно даются художественныя **иллюстрированныя приложенія** съ рисунками къ событіямъ дня, портретами, картами, модами и т. п.

Въ наступающемъ году будутъ въ изданіи введены еще многія значительныя улучшенія съ цѣлью поставить „**РУССКІЙ ЛИСТОКЪ**“ наравнѣ съ лучшими иностранными изданіями.

Подписная цѣна:

8 р. на ГОДЪ съ доставкой и пересылкой ВОСЕМЬ р. 8 р.
на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 р. 30 к., на
3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. 70 к., на 1 м.
90 коп.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка:

при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—
3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая улица, домъ № 20.

Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель *Н. Л. Казецинъ*.

1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ 6.

на журналъ

Вопросы Нервно-Психической Медицины,

издаваемый под редакціей профессора унив. св. Владиміра

И. А. СИКОРСКАГО

в ъ К і е в ъ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо спеціальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологіи—содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологіи. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ спеціальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержатъ въ себѣ вопросы этиологии и патологіи болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также терапіи нервныхъ болѣзней и нервно-психической гигиенѣ, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ, всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того, для успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январской книжкѣ каждаго года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сопредѣльныхъ знаній за истекшій годъ. Отчетъ этотъ—въ критико-библіографической формѣ—будетъ содержать систематическое обзорнѣе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждыя три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

- 1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гигиены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.
- 2) Критика и библіографія по тѣмъ же вопросамъ.
- 3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній идиотовъ и исправительныхъ заведеній.
- 4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаютъ редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б. Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печат. листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ оттисковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.

Лица, подписывающіеся на 5-й и 6-й годъ журнала, платятъ 10 р., на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й—24 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б. Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина, Югансова и Розова въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ Сиб. (Невскій, 14).

Открыта подписка на 1901 годъ

НА

СЪВЕРЪ

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

XIV-й годъ изданія.

Въ 1901 году гг. подписчики „Съвера“ получаютъ: **52 №№** роскошно иллюстрированнаго журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; **52 №№** еженедѣльнаго обзорнiя политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала „Съверъ“; **12 №№** журнала „Парижскiя моды, Хозяйство и Домоводство“, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указанiй, необходимыхъ для хозяйства и домашняго обихода; **12 №№** выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ рукодѣлий; кромѣ того, на основанiи прибрѣтеннаго отъ автора права печатанiя всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведенiй, редакцiя, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченiе одного 1901 года, въ книгахъ „Библиотеки Съвера“ на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора,

24 тома СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ 24 тома**Д. Л. Мордовцева.**

Въ отдѣльной продажѣ сочиненiя эти стоятъ 20 руб.

Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получаютъ роскошный альбомъ:

„Галлерей русекихъ писателей и художниковъ“,

въ который войдутъ исполненные фототипографурой портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ ихъ биографiями и характеристиками.

Подписная цѣна остается прежняя:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ **6 р.** Безъ доставки въ Москвѣ: 1) въ конт. Л. и Э. Метцль и К^о; 2) въ кн. маг. Альшвангъ и Герлахъ (противъ Малаго театра)—**6 р. 25 к.** Безъ дост. въ Одессѣ въ кіоскахъ Г. В. Свистунова—**6 р. 50 к.** Съ пересылкой во всѣ города и мѣстности—**7 р.**

На $\frac{1}{2}$ года съ дост. и перес. **3 р. 50 к.**, въ 3 м.—**1 р. 75 к.**, на 1 м.—**60 к.**
За границу—**11 руб.**

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и помѣсячно. Поручительство гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе къ концу года подписную плату сподна получаютъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками.

Подписки просятъ адресовать въ Главную контору журнала „Съверъ“ (С.-Петербургъ, Невскій пр., 170) на имя издателя **Ник. Фед. Мертца.**

Пробный № высылается бесплатно.

Издание К. Л. РИККЕРА, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 14.

Открыта подписка на 1901 годъ

(VI годъ изданія)

Обозрѣніе Психіатріи, Неврологіи и ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Ежемесячный журналъ, издаваемый подъ редакцію

проф. В. М. БЕХТЕРЕВА,

директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ С.-Петербургѣ.

Цѣль изданія—дать возможно полное отраженіе современнаго состоянія невропатологіи, неврологіи, психіатріи, экспериментальной психологіи, гипнотизма и уголовной антропологіи, имѣя въ виду своевременное ознакомленіе его читателей съ успѣхами и развитіемъ этихъ отраслей знанія. Всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ важное практическое значеніе и между прочимъ терапіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней будетъ отведено въ „Обозрѣніи“ надлежащее мѣсто.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

I. Оригинальныя статьи по невропатологіи, неврологіи, психіатріи, психологіи, гипнотизму, криминальной антропологіи и по вопросамъ, связаннымъ съ ними. II. Обзоръ и рефераты по указаннымъ предметамъ. III. Отчеты, письма и корреспонденція. IV. Критическія статьи, отзывы, рецензій и библиографія. V. Хроника, новости и смѣсь. VI. Біографіи и некрологи. VII. Объявленія и извѣщенія.

Статьи (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣе просятъ адресовать на имя редактора журнала, проф. В. М. Бахтерева (С.-Петербургъ, Выборгская сторона, клиника душевныхъ болѣзней). Для личныхъ переговоровъ редакція открыта по вторникамъ и пятницамъ съ 11—12 ч. дня. Письма, касающіяся благоустройства неврологическихъ и психіатрическихъ учреждений и корреспонденціи бытового характера, какъ матеріалъ для хроники покорнѣе просъ адресовать на имя секретаря редакціи, д-ра П. А. Останкова (СПБ., Выб. ст., клиника душевныхъ болѣзней). Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и редакціоннымъ поправкамъ; авторамъ же по напечатаніи предоставляется 25 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ бесплатно. О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ напечатано заявленіе въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала. По всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ (высылка гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№, приемъ объявленій и т. п.), слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю.

Подписка принимается

въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ К. Л. РИККЕРА (Невскій 14), и въ другихъ городахъ, у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ—9 руб.; за полгода—4 руб. 50 к.; за 3 мѣсяца—2 р. 25 к. Экземпляры „Обозрѣнія“ за прежніе года можно приобретать у издателя по 9 рублей за годъ.

Съ 1 января 1901 г. будетъ выходить новый журналъ

ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ,

иллюстрированный Вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной и экономической жизни Россіи, издаваемый товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею П. М. Ольхина.

Первый русскій журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей. 52 № въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ съ дост. и перес. 5 руб.

Культурно-историческое значеніе нашей великой страны, стоящей на рубежѣ Запада и Востока, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Выяснить это значеніе, отражать жизнь нашего отечества во всѣхъ проявленіяхъ, отмѣчать особенности его историческаго прошлаго съ точки зрѣнія новѣйшей науки, отзываться по возможности на всѣ запросы русской дѣйствительности въ связи съ изображеніемъ всѣхъ характерныхъ моментовъ переживаемаго нашимъ отечествомъ культурнаго движенія—вотъ ближайшія задачи „Живописной Россіи“. Имѣя въ виду, что для интеллигентнаго читателя не только интересно, но прямо необходимо имѣть постоянно передъ глазами картину современной Россіи, „Живописная Россія“ живымъ словомъ и нагляднымъ рисункомъ будетъ изображать Россію нашихъ дней, нашего поколѣнія, во всей совокупности ея радостей и невзгодъ.

Согласно съ намѣченной основной задачей, „Живописная Россія“ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ—главное мѣсто отводится описаніямъ наиболее достопримѣчательныхъ мѣстностей Россіи, путешествіямъ по разнымъ областямъ и уголкамъ Россіи, историческимъ очеркамъ, научнымъ изслѣдованіямъ, ознакомленію съ бытовыми чертами населяющихъ Россію племенъ и народностей, характеристикъ обычаевъ и обрядовъ русскаго народа, его вѣрованій, легендъ, повѣрій, поэтическаго творчества и пр. Во второмъ же отдѣлѣ будутъ обсуждаться назрѣвшіе вопросы русской жизни, при всестороннемъ освѣщеніи того, что совершается въ разныхъ уголкахъ нашей обширной родины, вообще всего того, что можетъ заинтересовать мыслящаго и отзывчиваго читателя. Въ томъ же отдѣлѣ намѣчена полнѣйшая дѣтальность всего, что происходитъ изо дня въ день на Руси, во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, полнѣйшая хроника русской жизни.

Къ участію въ обоихъ отдѣлахъ изданія привлечены лучшія научныя и литературныя силы, столичные и мѣстныя. Описанія и статьи будутъ иллюстрироваться преимущественно фотографическими автотипіями съ натуры, представляющими наиболее точный способъ воспроизведенія дѣйствительности.

Въ данный моментъ общаго подъема культурно-общественныхъ силъ Россіи, когда жизненные отношенія съ каждымъ днемъ становятся все сложнее, когда такъ сильно чувствуется потребность въ всестороннемъ знаніи родины—мы надѣемся, что „Живописная Россія“ будетъ вполне своевременнымъ изданіемъ, займетъ видное мѣсто въ семьѣ русской періодической печати и въ правѣ рассчитывать на широкое сочувствіе среди мыслящей части русскаго общества.

Предполагаемое содержаніе журнала:

Новыя изслѣдованія въ области изученія русской земли и природы. Этнографическіе этюды и характеристики, изученіе обрядовъ, обычаевъ, легендъ, народныхъ повѣрій и пр. Труды научныхъ экспедицій и новѣйшія путешествія

по Россіи. Очерки русскаго прогресса и культуры. Историческіе очерки и изслѣдованія, преимущественно по вопросамъ, до сихъ поръ мало разработаннымъ. Археологическія замѣтки. Научныя статьи, касающіяся Россіи, по всѣмъ отраслямъ знаній. Жизнеописанія выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. Описанія и снимки выдающихся фабрикъ, заводовъ, сельскохозяйственныхъ учрежденій, монастырей, храмовъ и пр. Статистическіе обзоры съ картами, диаграммами и таблицами. Руководящія передовыя статьи, посвященные обсужденію всѣхъ вопросовъ современной русской жизни. Обзоръ текущей жизни Россіи—государственной, общественной и экономической. Лѣтопись земскаго, городского и сословнаго самоуправленія. Что думаетъ и дѣлаетъ провинція: оригинальныя корреспонденціи, извѣстія и др. сообщенія. Замѣтки по вопросамъ о нуждахъ Россіи. Географическія новости, касающіяся Россіи. Метеорологическія свѣдѣнія о Россіи. Свѣдѣнія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ. Хроника финансовою, промышленной и сельскохозяйственной Россіи. Обзоръ литературы, касающейся Россіи. Библиографія. Постановленія и распоряженія правительства и пр. и пр.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно.

Подписной годъ начинается 1 января 1901 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „Живописной Россіи“ на годъ съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи . . . **20 р.**

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальные же деньги могутъ высылаться каждые два мѣсяца по 1 руб. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. ВОЛЬФЪ, С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій мостъ, 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г.

на газету, выходящую въ г. Вильнѣ,

СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО,

НЕЗАВИСИМАЯ, большая, ежедневная, политическая, литературная, промышленно-коммерческая газета для всего Сѣверо-западнаго края (для губерній: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской).

Газета выходитъ ежедневно, не исключая послѣпраздничныхъ дней, съ 15-го ноября 1898 года.

Подписная цѣна:

	Въ г. Вильнѣ, съ доставкою	Съ пересылкою во всѣ города Рос. имперіи.	За границу.
На 1 мѣс.	— р. 60 к.	1 р. — к.	— р.
„ 2 „	1 „ — „	1 „ 50 „	— „
„ 3 „	1 „ 50 „	2 „ — „	— „
„ 6 „	3 „ — „	4 „ — „	6 „
„ 12 „	6 „ — „	8 „ — „	12 „

Огвѣтственный редакторъ-издатель Г. Е. Клочковскій.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1901 ГОДЪ

на общественную и литературную газету

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ВЯТСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

издаваемому по слѣдующей программѣ:

I. Статьи по общественнымъ вопросамъ.	V. Городская жизнь.
II. Телеграммы.	VI. Судебная хроника.
III. Внутреннія извѣстія.	VII. Заграничныя извѣстія.
IV. Хроника.	VIII. Научныя извѣстія.
	IX. Объявленія.

Газета выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная цѣна на газету съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 2 мѣсяца—1 руб., на 1 мѣсяць—50 коп.

Для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ цѣна газеты съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ.

Плата за объявленія и публикаціи:

на послѣдней страницѣ—за строку газетнаго шрифта 1 разъ—8 коп., 2 раза—15 коп., 3 раза—18 коп. и за каждую строку болѣе трехъ разъ—5 коп.; при заказѣ на сумму свыше 10 руб.—скидка 25⁰/₁₀; на первой страницѣ—плата удваивается, а скидка при заказѣ на сумму свыше 10 руб. дѣлается также въ размѣрѣ 25⁰/₁₀.

Подписка принимается

въ Вяткѣ, въ редакціи „Приложенія“ (зд. Губернскаго Правленія), въ земскомъ книжномъ складѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣленія газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Златоустѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, Нолинскѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Малмыжѣ, Елабугѣ, Глазовѣ, Яранскѣ и Орлѣ.

Редакторъ Н. Озеровъ.